

СТРАСТЬ ВЛАСТЬ
ВЛАСТИ СТРАСТИ

В. А. МАТВЕЕВ

СТРАСТЬ
ВЛАСТИ
ВЛАСТЬ
СТРАСТИ

В. А. МАТВЕЕВ

The Tower .

Tower Wharfe

s. Olave

В. А. МАТВЕЕВ

**СТРАСТЬ
ВЛАСТИ
ВЛАСТЬ
СТРАСТИ**

**Историческое повествование
о нравах
королевского двора Англии
XVI—XX веков**

Москва
Издательство
"Республика"
1997

ББК 63.3(0)5
М33

Матвеев В. А.

М33 **Страсть власти и власть страсти: Истор. повествование о нравах королевского двора Англии XVI—XX вв. — М.: Республика, 1997. — 368 с.: ил. ISBN 5—250—02633—8**

В центре данного исторического повествования, охватывающего период с начала XVI века до наших дней, — персонажи британского королевского двора, их личная жизнь с многочисленными интимными подробностями, быт, государственная деятельность, придворные нравы. В судьбах героев много драматичного. Погибли на плахе за неверность две жены Генриха VIII. Елизавета I предпочла безбрачие ради возвеличивания своей державы. Георга III характеризовала страсть власти, а его сына Георга IV — власть страсти. Эдуард VIII пожертвовал престолом ради любимой женщины. Шумный резонанс получили скандалы в семействе Елизаветы II.

Автор использовал материалы королевских архивов. Книга написана в живой, беллетристической форме и представляет интерес для широких кругов читателей.

ББК 63.3(0)5

ISBN 5—250—02633—8

© Издательство "Республика", 1997

Часть первая
ТЮДОРЫ:
ГРЕХОВНОСТЬ ПЛОТИ,
БЕССИЛИЕ ВЕРЫ

Глава I

ЗАЛОЖНИЦА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Осенью 1501 года из портового городка Плимута, лежащего на юго-западном побережье Англии, к Лондону не спеша двигалась на вьючных лошадях процессия, привлекавшая внимание прежде всего иноземным видом и чужим говором. Местные власти, оповещенные о прибытии каравана, готовились к приему гостей.

На английскую землю пожаловала из Испании со свитой дочь королевской четы Фердинанда V Арагонского и Изабеллы Кастильской — 16-летняя принцесса Каталина, Екатерина Арагонская.

После заочной помолвки с Артуром, старшим сыном английского монарха Генриха VII, ей предстояло с ним обвенчаться. Артуру к тому времени исполнилось 15 лет. Малолетство жениха и невесты никого не смущало. Браки в обеих странах дозволялись с 12 лет для девочек и с 14 — для юношей. Над всеми другими соображениями в данной партии господствовали расчеты политические, о чем речь пойдет дальше.

Артур и Екатерина, не видя еще друг друга, вели переписку на латинском языке. Невеста не знала английского, жених — испанского, хотя мог изъясняться на французском.

В Вестминстерском дворце весть о прибытии испанки в Англию была воспринята как долгожданное событие. Члены королевского Совета, исполнявшие функции министров, рекомендовали Генриху встретить кортеж Екатерины в его загородной резиденции на Темзе — Ричмонд-паласе. Но монарх так заждался будущей невестки, что рвался лицезреть ее поскорее.

Принцесса должна была прибыть значительно раньше, но ее судно, отплывшее из порта Корунья, сильно

потрепал шторм. Пришлось встать на капитальный ремонт у родных берегов. Высланные на встречу принцессы английские суда искали ее в открытом море, пока англичане не узнали, что произошло.

Стоя утром 2 октября 1501 года на палубе парусника, входившего в бухту Плимута, Екатерина любовалась свежей зеленью поднимавшихся на горизонте холмов. Как эта земля отличалась от выжженных солнцем бурых гор Испании!

О приближении судна в городке знали и приготовили торжественный прием. Над водами бухты плыл колокольный звон. На набережной рыцари в новеньких доспехах гарцевали на конях, покрытых бархатными попонами. Впереди выступал мэр Плимута. Теснившиеся толпы откликнулись на появление принцессы приветственными возгласами. "Принцессу не встретили бы более восторженно, явись она спасительницей рода человеческого!" — заметил по этому поводу английский хроникер.

Все, кто проявлял интерес к делам в стране, имели возможность через "нюслеттерс" — распространявшиеся за плату рукописные бюллетени, — а также благодаря новостям, передававшимся из уст в уста, быть осведомленными о важности дела, ради которого Екатерина Арагонская пожаловала в Англию.

Из Лондона к прибывшему кортежу присоединилась самая сиятельная после членов королевского семейства особа — герцогиня Норфолкская — и другие именитые персоны.

Погода не баловала, но везде по пути следования каравана принцессу ожидал горячий прием. Она представляла Англию и англичан в ином свете, полагая, что нет страны богаче Испании. Выходившие навстречу ей дамы были увешаны драгоценностями. Впечатляли жарившиеся на городских площадях мясные туши, стоявшие тут же бочки с пивом. Угощение в честь гостей.

Ей запомнился день, когда восьмилетней девочкой она с отцом и матерью участвовала в Барселоне в торжествах по поводу возвращения из заморского плавания Христофора Колумба, привезшего не только диковинные растения, плоды, но и золото, драгоценные камни. На празднествах слышались высказывания о том, что земли Вест-Индии, Южной Америки таят несметные богатства и Испании суждено овладеть ими во имя могущественного влияния на Европейском континенте.

Для Генриха VII брачный союз Артура и Екатерины представлялся заманчивым не только потому, что Испа-

ния превосходила Англию по богатству. Этого первого монарха династии Тюдоров, единственного сына Эдмунда Тюдора, графа Ричмонда, и леди Маргарет Бофорт, на всем протяжении царствования преследовали страхи, как бы его не постигла участь, которую он уготовил Ричарду III Йорку. В августе 1485 года Генрих разбил этого короля, узурпировавшего трон двумя годами ранее. В битве погиб и сам Ричард, но Йорки и их сторонники не были полностью нейтрализованы и могли угрожать трону Генриха VII, несмотря на его брак с Елизаветой Йорк, сестрой Эдуарда IV и Ричарда III.

Породнение с Фердинандом V представлялось важным шагом также из-за непрекращавшихся распрей Англии с Францией, так как в Лондоне стремились вернуть хотя бы часть утерянных там за предыдущие столетия владений.

Не получая вестей о прибытии арагонской принцессы в ожидавшийся срок, Генрих нервничал: не передумал ли Фердинанд? Вокруг размеров приданого, которое будет выдано за невестой, развернулся упорный торг, а когда, казалось, вопрос был улажен, пришлось еще немало хлопотать, чтобы Фердинанд поспешил с отправкой дочери в Англию.

Иллюзий по поводу нового родственника у Генриха не было: до него доходили сведения о том, как быстро этот монарх мог менять взгляды, отказываться от обещанного, если это ему было выгодно. Он, например, говорил, что водил за нос Людовика XII не менее дюжины раз! Лучшей гарантии от подвоха со стороны Фердинанда, чем нахождение его дочери на английской земле, придумать было невозможно, и по этой причине Генриху не терпелось заключить испанскую принцессу в свои объятия. Движение ее кортежа к Лондону и так длилось уже около месяца, что, впрочем, объяснялось ненастной погодой. Ливни превращали дороги в топи. Всадники еще держали темп, но навьюченные поклажей лошади и повозки застревали в грязи.

К концу пути Екатерина со свитой остановилась в отведенной ей резиденции епископа Батского в Доггерсфилде, что примерно в 60 километрах от Лондона. Тем временем Генрих распорядился снарядить нечто вроде экспедиции из членов своего Совета, других вельмож и двинуться на встречу с принцессой в Доггерсфилд.

Посол Фердинанда в Лондоне Айяла об этом не был предварительно извещен, и ему пришлось спешно соби-

раться в путь. В местечке Винчфилд, неподалеку от Доггерсфилда, на взмыленной лошади он предстал перед Генрихом и, не теряя времени, приступил к делу.

— Ваше Величество, — обратился он к королю, — мне стало ведомо о вашем намерении увидеться с принцессой еще до ее прибытия в Лондон. Прошу вас, не поступайте так! Было бы лучше всего, если бы вы вернулись в Вестминстер. Там, и только там вы и ваш сын Артур смогут с соблюдением приличий и традиций нашего двора принять принцессу. Должен заметить, что ни с одной невестой, представляющей двор Фердинанда V, жених не общался до венчания. Нарушение такой традиции крайне расстроило бы Ее Величество...

Посол замолк. Молчал и король. Нахмуренные брови говорили без слов о том, что он чувствовал. Отвесив глубокий поклон, посол ускакал.

Тут же, на лугу, состоялось совещание Совета. Никто не подал голоса в поддержку демарша посла. Принцесса находилась на английской земле и должна была руководствоваться ее законами и обычаями.

— На коней — и в путь! — скомандовал король, и вскоре кортеж достиг стен епископской резиденции в Доггерсфилде.

Эльвира — дуэнья Екатерины — повторила Генриху примерно то же, что он услышал от Айялы. На этот раз король не церемонился:

— Передайте, сеньора, вашим лордам, что я и мой сын, который вскоре сюда прибудет, намерены оказать принцессе прием, подобающий ее высокому положению, а также предстоящему бракосочетанию, кое свяжет наши дворы и страны нерасторжимыми узами. Вы говорите, что принцесса устала и отдыхает. Хорошо, мы не настаиваем, чтобы она встала, а воздадим ей знаки нашего глубочайшего уважения, даже если застанем ее в постели!

Итак, спорить было бесполезно — и рискованно. Готовые были сорваться у дуэньи возражения застыли на устах. Она проводила короля в покои своей госпожи. Девушка была на ногах и не пыталась скрыться от Генриха за вуалью.

Как она выглядела? В Кунстхисторише-музее в Вене сохранился ее портрет, писанный в 1505 году. Поражают круглое личико, белая кожа, гладко расчесанные на прямой пробор волосы. Живописец хорошо передал в этом портрете основное: глубокую религиозность Екатерины, ибо именно этим веет от ее потупленного взора, строгого выражения лица, благостно сомкнутых губ.

Первым делом она положила в свои вещи перед отплытием из Испании распятие и молитвенник и на английской земле с ними не расставалась.

Одни отзываются о ней как полноватой и низкорослой, другие — о статной, выше среднего роста. Важно, что на короля она произвела самое благоприятное впечатление: Фердинанд не обманул, отзываясь о дочери похвально!

Встреча удалась. Стражники во дворце дремали, когда к утру гости покидали покои Екатерины.

Венчание в соборе святого Павла было назначено на 14 ноября. Честь сопровождать невесту при въезде в столицу была предоставлена десятилетнему брату Артура Генриху.

Испанская принцесса по улицам Лондона следовала в кресле, укрепленном на ослике, с папским легатом на лошади по одну сторону и младшим Генрихом, также на лошади, — по другую. Само Провидение как бы указывало девушке, что ее значительно позднее ожидает: быть зажатой десницей монарха и дланью римского папы.

Не такая уж необычная участь для любого века и любой страны, когда в ожесточенном противостоянии сталкиваются верования, убеждения миллионов людей, воспитанных в духе почитания уходящих порядков, со взглядами других миллионов, начавших чтить иные ценности, идеалы. И сколько людей оказываются при этом раздвоенными, не отрешаясь полностью от старого, но и сочувствуя новому! О подобном душевном состоянии юная Екатерина, конечно, еще не ведала.

Испанка смотрела широко раскрытыми глазами на панораму Лондона. Она въезжала в столицу с запада, двигаясь по дороге, ведущей вниз по Темзе. Сперва ей открылся Вестминстер, комплекс королевских резиденций на том месте, где ныне заседает парламент. От того, что существовало тогда в этой округе, сейчас сохранились Вестминстер-холл, примыкающий к зданию парламента, и напротив этого здания — Вестминстерское аббатство. Вестминстер и Сити в то время не соединялись городскими кварталами, а отделялись пустошами, полями, рощами, а главное — крепостными стенами, огораживающими Сити с его деловыми конторами, мастерскими гильдиями, ремесленными цехами...

Бракосочетание наследного принца — событие общенациональное, и по этому случаю простому люду предстояло ликовать, как и знатным персонам. На улицах

Лондона в день свадебной церемонии вокруг разложенных костров лился добрый эль и напитки покрепче, хрустели косточки жареного мяса. В дневные часы дюжие рыцари бились на турнирах.

И не очень внимательный наблюдатель, оказавшийся поблизости от виновника торжеств, не мог не заметить отсутствие на его челе выражения веселья. Он выглядел унылым и утомленным.

Впоследствии стала достоянием гласности неспособность Артура выполнить свои супружеские обязанности. Такое случается и с "помазанниками Божьей милостью". Людовик XVI во Франции в течение нескольких лет обнаруживал плотское бессилие на ложе с Марией-Антуанеттой, пока ему не была сделана хирургическая операция.

У Артура дело обстояло хуже. Хирургия тут не могла бы. Ему вообще оставалось жить недолго. Юноша таял на глазах. Родители решили отослать его в замок Ладлоу в Уэльс, оставив Екатерину в Лондоне. Посол Айяла уведомил об этом королеву Изабеллу, и от нее поступило резкое возражение против разлучения молодоженов.

Они — вместе в Уэльсе, но зима 1501/02 года была последней для Артура. Он проводил все больше времени прикованный к постели, кашлял, томился в лихорадке. Екатерина доводила себя до изнурения молитвами. Господь не откликнулся. 2 апреля 1502 года Артура не стало.

Испытания Екатерины только начинались. По логике вещей она должна была сделать выбор: остаться в Англии или вернуться на родину. Разговор у нее на эту тему с Генрихом VII состоялся, и то, что она услышала, показалось ей разумным:

— Прошу не спешить с решением, вы еще молоды, и многое в вашей судьбе может перемениться, устроиться здесь, при моем дворе. Со своей стороны обещаю поддержку в ваших делах, обустройству, соответствующему вашему положению. Дам знать об этом Его Величеству королю Фердинанду...

Английский монарх мог бы в данном случае посостязаться с Фердинандом: кто кого обставит! Карты свои он преждевременно не раскрывал, а на них было начертано невидимое слово — заложница! В такой роли представлялась Генриху испанка под его мнимо заботливым попечительством. Удерживая ее при Вестминстерском дворе, король рассчитывал оказывать нужный нажим на арагон-

ского монарха в планировавшихся им ходах на шахматной доске европейской политики.

В подходе к делам на континенте он руководствовался традиционными расчетами, которые впоследствии получили название "баланса сил", то есть стремления не допустить появления в Западной Европе одной господствующей державы. Особенное беспокойство в Лондоне вызвал бы выход к Ла-Маншу сильной державы, ибо в этом случае Британским островам грозила опасность вторжения с континента.

Искусством своей дипломатии, в том числе и династической, основанной на устройстве выгодных браков членов своего семейства, Англия стремилась компенсировать свою относительную слабость перед лицом Испании, Франции, а также Священной Римской империи с владениями ее правителей в немецких герцогствах и в Австрии, к которым приращивались другие земли в Западной и Центральной Европе, причем нередко также путем династических браков.

Последнее представлялось наименее дорогостоящим по сравнению с войнами, хотя и сопряженным с гораздо большей непредсказуемостью, завися от состояния здоровья вступивших в брак королевских особ, их взаимоотношений и т. п.

Еще до брака Артура и Екатерины Генрих VII не раз толковал в кругу своих приближенных об усилении влияния Англии на европейские дела:

— С Францией нам все равно в мире и согласии не жить, она только и ждет, чтобы окончательно выбить нас с континента, у нас остался там один оплот, порт Кале, и за него надо держаться любыми средствами, если потребуется, то и с помощью испанцев. У них свой зуб на французов, а нам не занимать у других мастерства дипломатии для расширения влияния до рубежей Московии, если мы свяжем себя родственными узами с дворами Фердинанда и Габсбургов — благо есть подходящие партии для юношей и девиц в этих дворах...

Супруга Генриха VII родила ему трех сыновей и четырех дочерей. И хотя пережили родителей только один сын Генрих и двое дочерей — Мария и Маргарет, возможности для устройства династических браков у английского монарха имелись и он намеревался использовать их в максимальной степени.

Смерть Артура поколебала, но не опрокинула планы короля. Не стало старшего сына, подрастал крепкий

младший. Разница в годах между ним и испанкой была невелика. Для Фердинанда сближение с Англией являлось тоже важным средством. Тем самым против Франции выстраивались бы две породненные державы. А объединенные под одной короной Арагонское и Кастильское королевства не переставали конфликтовать с Францией с переменным успехом на полях битв.

Итак, с Екатериной Арагонской оказывались связанными важные дела не только в Англии, но и на континенте. Это понимала смышленная испанская принцесса, чье положение при Вестминстерском дворе, несмотря на заверения английского короля, стало после смерти Артура заметно ухудшаться.

Екатерина и младший Генрих приглядывались друг к другу с явными симпатиями, а тем временем их родители затеяли постыдный торг о материальной стороне помолвки. Фердинанд припугнул английского короля, что потребует обратно приданое Екатерины, если она не станет женой принца Генриха. В Лондоне утверждали, что из обещанной за невесту суммы было недополучено сто тысяч крон (крона была золотой монетой, ходившей в ряде стран на континенте, а также в Англии в XVI—XVII веках).

К лету 1503 года эта сторона контракта была согласована и условлено, что сын Генриха VII обвенчается с Екатериной в июне 1505 года, когда ему исполнится 15 лет. Фердинанд обязался отправить в Англию золота и драгоценностей на требуемую сумму.

Немногим ранее, а именно в феврале 1503 года, скончалась супруга Генриха VII Елизавета. Престарелый вдовец начал бросать взоры на Екатерину, о чем была сразу осведомлена Изабелла Кастильская, которая отреагировала жесткой отповедью — иначе ее дочь могла бы оказаться скованной узами с человеком старше ее почти на тридцать лет.

Между тем, еще лелея матримониальные замыслы, связанные с испанской принцессой, Генрих VII пытался прозондировать возможность устройства брака своего сына с дочерью Филиппа Бургундского Элеонорой, посчитав, что таким образом убьет двух зайцев: освободит место подле Екатерины для себя и породнится с династией Габсбургов. Филипп был сыном императора Максимилиана I, правителя Священной Римской империи, женатым на одной из дочерей Фердинанда V и Изабеллы — Хуане. Он умер в 1506 году.

Его уход со сцены не означал разрыва связей испанской монархии с Габсбургами, благодаря чему отец Екатерины Арагонской мог выступать перед Генрихом VII с позиций более весомых, чем те, которыми располагал английский король.

Неудивительно, что в голове того роились мысли о собственных династических комбинациях.

С рождением в 1500 году у императора Максимилиана внука Карла — сына Филиппа Бургундского и Хуаны — Генрих VII стал задумываться о помолвке с Карлом своей дочери Марии, родившейся в 1498 году. Для монархов тогда не было ничего необычного в том, чтобы предрешать судьбу своим детям, когда те находились еще в колыбели.

Поначалу английский король как будто бы преуспел. По контракту, заключенному в декабре 1507 года, предусматривалось выдать Марию замуж за Карла, когда он достигнет 14-летия. В 1508 году была устроена даже "предварительная свадебная церемония", но затем Максимилиан дал задний ход и контракт расстроился.

Как же тем временем обстояло дело с Екатериной Арагонской? Несостоявшееся сватовство внушило Генриху VII дурные чувства — и даже мстительность. По контракту 1503 года он положил ей месячное содержание в размере 100 фунтов стерлингов — вполне достаточное для сносного существования. Однако деньги выплачивались нерегулярно, а затем и вовсе перестали поступать. Нечем стало платить слугам. Чтобы выручить средства, пришлось расстаться с частью того, что Екатерина привезла с собой. Она обносилась, стол оскудел.

Эти невзгоды не так трогали ее, как чувство обиды, унижения за свою страну, свое семейство. Она прибыла в Англию с сознанием особой миссии, и наносившиеся ей мелкие и крупные обиды воспринимались как оскорблявшие в первую очередь национальную честь. Личное находилось на втором плане.

Хотя жаловаться было не в ее характере, с ужесточением условий существования пришлось поделиться с отцом своими бедами. Мать Изабелла умерла в ноябре 1504 года, и дочь тяжело переживала эту потерю.

Фердинанд предпринял энергичный демарш. Остерегаясь разрыва с ним, Генрих VII предоставил Екатерине должность дипломатической представительницы при своем дворе, сохранив в Лондоне пост посла Фердинанда V.

Материальное положение принцессы улучшилось. Она энергично взялась за исполнение обязанностей. Завела

даже собственный шифр для переписки с двором Фердинанда, стараясь не упускать ничего существенного, происходившего при Вестминстерском дворе и за его пределами.

Однако о ее бракосочетании со своим сыном король не заговаривал. Фердинанд решил подтолкнуть его к выполнению контракта и направил с новым послом в Лондон 65 тысяч крон в счет погашения долга по приданому.

Эффекта это не имело. Брачные шансы Екатерины даже ухудшались. Стараниями отца сын стал демонстрировать по отношению к невесте безразличие, если не хуже. Ей довелось не раз быть свидетельницей того, как возмужавший юноша заводил связи с девицами.

В марте 1509 года в послании Екатерины до Фердинанда донесся крик отчаяния: терпеть издевательства невозможно! Ваша дочь дошла до грани обнищания и унижений!

Спасительный выход сиял в конце мрачного туннеля. В апреле того же года Генрих VII умер. Для принцессы открывался новый этап ее жизни на английской земле.

Глава II

ЖЕЛАННЫЙ БРАК И ГОСПОДНЕЕ ПРОКЛЯТИЕ

Наследнику — Генриху VIII — в момент смерти отца до совершеннолетия оставалось два месяца. На этот период обязанности регентши исполняла бабка нового короля Маргарита Бофорт. Юный монарх был свободен от "комплексов" родителя, да и его некоторых предшественников.

Жесткими мерами против феодалов, содержавших наемные армии, а также учреждением так называемой Звездной палаты — Высшего суда — под своим верховенством Генрих VII содействовал концентрации власти в своих руках. На такой основе, пользовавшейся поддержкой большинства своих подданных, он установил в стране мир и порядок. Честолюбцы в среде знати были вынуждены откупаться от его немилости денежными подношениями, а поскольку он радел о строгой экономии, то за время его правления валюта заметно прибавила в весе и Англия даже стала кредитором некоторых стран континента.

Финансовое благополучие являлось добрым предзнаменованием на будущее. Двор, поскучевший, поблекший в последние годы Генриха VII, заблистал, оживился, а его властитель — еще безбородый, стройный, атлетически сложенный, спортсмен, почитатель новых знаний в духе Ренессанса — как нельзя лучше гармонировал с окружавшим его блеском.

Пережитые Екатериной Арагонской испытания, тяготы не отразились на ее молодой натуре, а ум и выдержку только закалили. Испанка в преобразившемся дворе Вестминстера быстро обрела достойное место, и не столь ее внешность, сколь ум, интеллект, душевность привлекали короля. Как стало известно значительно позднее, еще до бракосочетания Екатерина открыла Генриху VIII, что из-за немощи Артур фактически ее своей женой не сделал и она сохранила девственность.

Это являлось для Генриха важным обстоятельством даже при том, что Ватикан и без учета данного факта выдал диспенсацию — специальное разрешение на вторичный брак Екатерины, несмотря на заповедь Библии: "Если кто возьмет жену брата своего, это гнушно; он открыл наготу брата своего, бездетны будут они..."

Венчание состоялось в часовне Гринвич-паласа 11 июня при минимальном числе приглашенных. Не было устроено, как полагалось бы, никаких празднеств, хотя подданные Его Величества радовались браку. Испанка завоевала симпатии многих людей прежде всего как жертва произвола Генриха VII. Даже на смертном одре, призвав сына, он сперва заговорил о политике, наказав хранить союз с Испанией, и только затем подтвердил согласие на брак с Екатериной. Члены Совета, узнав о таком согласии, были удивлены, они считали помолвку окончательно сорванной.

"Игра выиграна, я венчаюсь с Генрихом VIII", — общала домой об итоге своих усилий Екатерина. Двери клетки, в которую она была, по сути, заключена, клетки невидимой, но от этого не менее тяжелой из-за постоянной слезки, третирования ее царедворцами, распахнулись, и казалось, ничто уже не могло их снова захлопнуть.

Бракосочетание было обставлено скромно потому, что основные торжества предусматривались во время коронации, назначенной на 24 июня. Две оставшиеся недели молодожены провели большей частью уединенно в Гринвич-паласе, гуляли по окрестностям, любовались

судами, пльвшими вверх и вниз по Темзе, — свидетельством растущего веса Лондона как торгового центра.

Наконец-то служанки и слуги испанки сполна получили причитавшееся им. Некоторым пришлось выплатить деньги за восемь лет.

Вечером 23 июня королевская чета отплыла в декорированной барже из Вестминстера к Тауэру. Там по традиции предстояло провести ночь накануне коронации. Утром на лошадях они проследовали в Вестминстерское аббатство. Екатерина облачилась в наряд из белоснежного сатина с золотым шитьем — одеяние невесты, не тронутой еще мужчиной.

И так же как было восемь лет назад, грянули балы, приемы, маскарады, турнирные состязания. Только на сей раз второй супруг был неутомим, поражая энергией, крепостью, ловкостью. Говорили, что такого пригожего монарха еще не было в Англии. Указывали и на то, что он достойнейший сын своего века. Отец на его образование особого внимания не обращал, зная, что этим успешно занимается Маргарита Бофорт, предпочитавшая тратить свое большое состояние на поощрение искусств, наук, муз, а не на пустые забавы. Славные ученостью колледжи Оксфорда, Кембриджа были обязаны во многом этой женщине — матери Генриха VII.

Она скрашивала невзгоды Екатерины, в ком нашла единомышленницу, одобрявшую свежие идеи эпохи Возрождения, сметавшие седую паутину средневекового догматизма и предрассудков. Ведь у испанки в детстве тоже были учителя, воспитанные в новом духе и культивировавшие этот дух, известный тогда как новое знание.

После смерти Маргариты, последовавшей вскоре за коронацией Генриха VIII, Екатерина не по протоколу и этикету, а благодаря тяготению к тому, чему отдавала силы и средства ее выдающаяся английская родственница, заняла в королевском дворе примерно такое же, как и она, положение патронессы нового знания.

Сказанное может вызвать недоуменные вопросы. Разве в описываемое время не горели костры инквизиции и в их пламени не гибли сотни, тысячи людей, предпочитавших смерть отречению от того, что считали истиной?

И разве не аутодафе Мадрида, Севильи, других испанских центров задавали тон на континенте жестоким публичным расправам с "еретиками"?

Все это, действительно, имело место одновременно с возрождением интереса к античности, к греческому

языку, к теологии с ее акцентом на человека как творца субъекта, а не смиренного объекта воли Господней. Набиравшее силу новое, очистительное до поры до времени уживалось со старым, затхлым.

Тем не менее честь первой супруги Генриха VIII не позволила отбросить то, что она берегла, лелеяла в себе в качестве веры — веры католической.

Два раза в неделю эта женщина постилась, вставала в середине ночи для сотворения молитв, носила под нарядами грубую волосяную сорочку и одновременно, как увидим дальше, собрала вокруг себя после кончины Маргариты Бофорт круг дворцовых дам, выступавших уже в то время с позиций отстаивания определенных гражданских прав женщин.

Екатерина настолько утомляла себя мессами после смерти Артура, что папа Юлий II в 1505 году воззвал к принцу Генриху умерить такое ее рвение, иначе, предупредил он, она грозит довести себя до бесплодия.

Екатерина стала ждать ребенка вскоре после свадьбы с Генрихом VIII. 31 января 1510 года она разродилась мертвым ребенком. Ровно через год новые роды. На свет появился мальчик. Ликовали близкие и далекие. Младенец скончался двух месяцев от роду. На поминальные свечи пошел 431 фунт воска. Мать убивалась, молила Господа об отпущении ей грехов, в коих не могла покаяться, так как не чувствовала себя грешницей, но полагала, что только какими-то ее провинностями перед Богом можно было объяснить злосчастье.

Каяться и убиваться следовало Генриху VIII. Он нарушал христианские заповеди супружеской верности. На него заглядывались многие женщины. Случайные связи у мужчин были делом обычным. Серьезнее оказался адюльтер супруга с женой графа Букингема — леди Фитцуотер. Произошло это во время третьих родов, и, возможно, молва о связи, дошедшая до слуха Екатерины, повлияла на роженицу.

Разразилась первая серьезная ссора. Генрих еще не видел жену такой разгневанной и не пытался защищаться, заверив, что ничего подобного не повторится (трудно было понять, имел ли в виду супруг вообще свои амурные дела или же зарекался от того, чтобы заводить шашни со знатными дамами).

Правда, король не удержался от мелкой мести: удалил от жены прелата-исповедника из Испании, прислав на его место англичанина. Екатерина снова взбунтовалась и добилась присылки из дома нового прелата.

Эти трения пока не мешали Екатерине оправдывать надежды Фердинанда на ее роль советчицы монарха, прежде всего во внешней политике. В 1513 году Генрих VIII присоединился к Испании в военных операциях против Франции, отправившись во главе собранных сил на континент. Регентшей была назначена Екатерина. Ей предстояли не просто протокольные функции. Втянувшись в войну на континенте, Генрих ослаблял Англию перед воинственной Шотландией.

Регентше пришлось уделить главное внимание развертыванию английских войск на севере страны, двинувшихся затем в глубь Шотландии. Королева была готова сама скакать на лошади к театру военных действий. Разгром шотландцев в битве у Флоддена сделал такую экспедицию ненужной. Екатерина разделила победные лавры с командующими на поле боя.

Вернувшись из Франции, Генрих VIII возложил к ее стопам ключи от двух захваченных там городов. Ее же заветным желанием было встретить мужа с младенцем на руках. Увы, злой рок гнался за ней по пятам. Бесплодной она не была, но почему, почему, едва появившись на свет, младенцы гибли? Ко всему добавилось решение Фердинанда свернуть действия против Франции. Это было равносильно разрыву союза с Англией.

— Предательство! — гремел Генрих в кругу приближенных. — Я знал, что на этого человека нельзя до конца полагаться, но не мыслил его столь вероломным. Бросать родственника-союзника, когда над французами одержаны славные победы и наш исконный враг вот-вот встал бы на колени! Что же, впредь буду умнее.

Генрих VIII подумывал даже о расторжении брака с Екатериной. До этого дело тогда все же не дошло. Для него она еще обладала немалой долей привлекательности и авторитета как женщина и советчица в делах.

Супругам представлялось, что новое дыхание вдохнуло в их отношения — и в будущее трона — рождение Екатериной 18 февраля 1516 года здоровой девочки, нареченной Марией.

— Ну что же, — с надеждой заметил Генрих послу Венеции, — мы еще молоды, и, если теперь у нас есть девочка, Бог даст — появится и мальчик...

Мальчик у него в июне 1519 года родился, но от красотки Елизаветы Блаунт. Наследником такой ребенок считаться не мог. Столь велико, однако, было желание самодержца видеть после себя единокровного преемника,

что король, как увидим дальше, чуть было не пошел на беспрецедентный шаг объявления внебрачного сына наследником, когда мальчику исполнилось шесть лет.

Отход короля от супруги был замечен и невооруженным глазом. Этому немало способствовал и Томас Вулси. Должность раздатчика милостыни от имени короля, с чего начал свой взлет этот царедворец, ни в коей мере не могла его удовлетворять, да и вообще трудно было бы найти на такую должность менее подходящего человека. Милосердия к ближнему у него никогда не было и в помине. Все помыслы сосредоточивались на собственном продвижении — любыми средствами. Шанс представился в связи с резким охлаждением между Генрихом и Фердинандом. Одним ударом можно было подорвать позиции Екатерины Арагонской подогреванием враждебности Вестминстерского двора к Испании и содействовать желанному в то время сердцу этого интригана курсу Англии на сближение с Францией.

Таким ударом мыслился устроенный стараниями Вулси брак 17-летней сестры Генриха VIII — "нимфы с небес" — Марии с 52-летним французским королем Людовиком XII, чьим сильнейшим желанием также было появление наследника. Брак доконал хворого Людовика. Мария, не долго думая, вышла замуж за Чарлза Брэндона, герцога Саффолка, друга Генриха VIII. От этого супружества пошла линия семейства Греев: старшая дочь Марии и Чарлза вышла замуж за Генри Грея и родила девочку Джейн Грей, о трагичной судьбе которой на английском троне будет рассказано дальше.

Так или иначе, Вулси удалось успешно вмешаться в дипломатию и способствовать заключению Англией почетного мира с Францией. Заслуги были оценены. В течение короткого времени произошел взлет этого вельможи: сперва пожалование ему Римом по рекомендации короля сана кардинала, затем — возведение в звание епископа Йоркского и, наконец, высший пост при монархе — лорд-канцлер.

С 1515 по 1529 год Вулси непререкаемо господствовал в Вестминстере, с ним нередко советовались, прежде чем обращаться к королю, епископы завязывали ему шнурки на обуви, герцоги держали таз, когда он умывался. В Хэмптон-корте он соорудил себе дворец, затмевавший королевские резиденции.

В лице этого вельможи Екатерина столкнулась с недоброжелателем, владевшим в совершенстве тем, что она

не желала пускать в ход, — коварством, изворотливостью, жестокостью. Нарушение ее родителем союзнических обязательств перед Англией в 1514 году явилось для нее, как и для супруга, изменой общему делу. Испанский посол доносил Фердинанду: "Королева стала забывать обо всем испанском из-за любви к Генриху VIII и всему английскому..."

С действительностью подобный "анализ" имел мало общего. В англomanку эта женщина не обратилась, не могла обратиться. В основе ее чувств к мужу лежала глубокая религиозность. И тот же стержень поддерживал в ней верность ее национальным корням. С такой опорой она была в состоянии выдержать любые испытания, а они неотвратно надвигались.

Игроки за династической шахматной доской делали разные ходы — ожидавшиеся и неожиданные. Судьба вносила свои коррективы. Смерть Людовика XII и занятие трона во Франции Франциском I завязали новый узел напряженности на континенте. Франциск ринулся в походы против Италии и одержал там ряд побед.

Усиление Франции заставило монархов Англии и Испании подумать о восстановлении сотрудничества. Екатерина считала своим долгом содействовать этому, но в 1516 году Фердинанд умер. Спустя три года не стало Максимилиана. На императорский трон взошел Карл V, объединивший под своим скипетром обширные владения. Франция оказалась зажатой с трех сторон империей Габсбургов, и в течение трех десятилетий между ней и Священной Римской империей велись войны за господство в Италии. Ожесточившись, Франциск и Карл перетягивали королевство Генриха VIII каждый на свою сторону. Многое в Карле V Екатерине было не по душе, но он представлял землю ее родителей, и это являлось для нее главным. А Карл V, подобно Фердинанду, руководствовался в отношении своей тетки в Лондоне одним: она должна была радеть за интересы Габсбургов!

И она радела, с каким бы риском это ни было связано. Ее голос в Вестминстере звучал и в тиши кабинета короля, и перед членами Совета. В конце 1518 года она решительно высказалась против помолвки своей крошки Марии с малолетним дофином Франции. Мнение ее проигнорировали. Обручение детей состоялось в Гринвич-паласе. Томас Вулси и другие не учли, сколько всего произойдет на европейской шахматной доске, пока дети подрастут. Контракт не реализовался.

Королева могла быть обвиненной в том, что является адвокатом Карла V, когда решила выступить перед членами Совета с заявлением о пагубности сближения с Францией, в то время как он был занят действиями против турок. Король и его сановники в молчании выслушали слова Екатерины о вреде для христианского дела в Европе, за которое стоял Карл V, каких-либо шагов против него.

Риск был велик. Вулси только и ждал, когда монарх обвинит Екатерину во всех смертных грехах. Но Генрих взирал на жену спокойно. Она рассчитывала тоньше кардинала: не в интересах Англии полное отчуждение от Карла V, лучшим курсом представлялась балансировка между двумя тогдашними антагонистами на континенте.

В 1520 году Генрих отправился с супругой на пышные празднества во Франции, устроенные Франциском I для привлечения английского монарха на свою сторону. Многие сочли это знаком оформлявшегося нового альянса. И ошиблись.

В мае 1522 года у Генриха с Карлом состоялись доверительные переговоры на английской земле — установленный контакт был более продуктивным, чем турниры, застолья во Франции. Англия бездействовала, в то время как Карл V разгромил французскую армию в битве при Павии (1525), захватив в плен Франциска I. А затем войска императора совершили опустошительный налет на Рим, сделав фактически пленником папу Климента VII.

В другое время подобное усиление на континенте одной стороны за счет другой заставило бы Генриха VIII отложить все дела и заняться восстановлением нарушенного равновесия. Но как раз тогда внимание монарха было обращено на совсем другое, а все остальное временно отошло на задний план.

Глава III

СОПЕРНИЦА-РАЗЛУЧНИЦА

В период между 1510 и 1518 годами Екатерина Арагонская перенесла шесть родов, и лишь одна девочка — Мария — выжила. Почему же это происходило? У тогдашней медицины ответа не имелось. Скорее всего неудачные беременности объяснялись наследственным де-

фектом. Другая английская королева — Анна Стюарт, чье правление приходилось на конец XVII — начало XVIII столетия, рожала 17 раз, и за исключением прожившего до 11 лет мальчика все роды были неудачными. Так она расплачивалась за грехи отца, Якова II, болевшего сифилисом.

А в Вестминстерском дворе порхали яркие птички, жаждавшие попасться в руки королю. За леди Фитцуотер последовала Елизавета Блаунт, потом — Мария Болейн из семейства, представлявшего род Говардов — Норфолков, господствовавших еще в X веке, еще до Вильгельма Завоевателя. В графстве Кент, недалеко от Лондона, до наших дней сохранился замок Хевер — фамильное поместье Болейнов. Там протекли детские годы Марии, ее младшей сестры Анны и брата Георга. Свободных денег в семействе не было, и близость старшей дочери к королю в этом отношении ничего не изменила, как бы часто Марии ни доводилось выслушивать упреки на сей счет родителей. Практичной возлюбленной из Марии не получалось. Иной по натуре была Анна.

К 1525 году Генрих перестал разделять брачное ложе с женой. Сам монарх был полон сил, знал, что способен на многое. Именно в то время он решил пожаловать своему внебрачному сыну от Елизаветы Блаунт титул герцога Ричмондского, распорядившись о сооружении для него Сент-Джеймского дворца. Следующим логическим шагом должно было стать провозглашение мальчика наследником.

Подобно наседке, узрившей ястреба над цыпленком, Екатерина пошла в атаку.

— Как вы смеете возвышать этого своего отпрыска и ставить его вровень с вашей законной дочерью! — наступала она на мужа. — Какую участь готовите нашей Марии, если не остановитесь? О себе я уже не говорю, мои чувства, я вижу, становятся вам безразличны, и не о своем благе я пекусь, а о будущем дочери. Разве я виновата в том, что у нас до сих пор нет продолжателя рода? Но имеется дочь, достойная этой миссии, а вы своими милостями по отношению к несмышленому еще подростку и его ставите в ложное положение, навлекаете на себя непредсказуемые последствия. Поэтому одумайтесь, пока еще не поздно!

Вмешательство подействовало, муж заверил, что дальше пожалования мальчику знатного титула не пойдет.

В 1536 году этот его сын умер, оставив молодую вдову, дочь герцога Норфолка. Возможно, если бы не эта кончина, Ричмонд и сыграл бы впоследствии какую-то роль в дворцовых делах.

Так или иначе, на жизненной стезе Генриха VIII намечался определенный рубеж. Католическая вера монарха с ее подчиненностью велениям папского престола в Риме вступала в противоречие с тем, чего стал добиваться от Ватикана Генрих, движимый эмоциями, относившимися к интимной стороне его жизни.

Король при всей своей образованности, лоске — он бегло говорил по-французски, понимал латынь, изучал теологию, сочинял музыку — был глубоко эгоцентричной натурой, отождествлявшей в большей степени, нежели многие его предшественники, личные желания, запросы с интересами, нуждами национальными, государственными.

Вообразая себя центром, вокруг которого должно было вращаться все остальное в его королевстве, Генрих VIII исходил из убеждения, что любой индивидуум должен подчинять себя всецело требованиям государства, олицетворяемого им, монархом.

К тому времени в Англии сложилась довольно разветвленная система конституционных норм и установок, что касалось функционирования государственного механизма. Это обстоятельство не мешало Генриху быть авторитарным и деспотичным правителем. Ему не надо было идти на нарушение ключевых конституционных положений, он искусно их использовал ради удовлетворения личных амбиций, помыслов, в чем усматривал выполнение долга перед нацией.

Брак с Екатериной был его лучшей порой и потому, что выпал на молодые годы, и потому, что присутствие рядом с ним верной, умной спутницы не раз предохраняло его от опрометчивых шагов. И пока в сохранении супружеских уз с Екатериной он видел благо для себя, не помышлял о разводе с ней. Придя же к выводу о том, что Екатерина не дает ему желанного наследника престола, — он не колебался, не сентиментальничал в том, что можно определить в качестве моральной расправы со своей супругой, ставшей "бесполезной". Обстоятельства бракоразводного процесса с Екатериной вполне можно уподобить моральной расправе.

С тем же легким сердцем он отделялся от обманувших его ожидания сановников, посылая их на казнь. Не

особенно мучила короля совесть, когда по его распоряжению были обезглавлены две супруги из пяти, с которыми он венчался после расставания с Екатериной.

Судьбе было угодно распорядиться таким образом, что интимная сфера жизни Генриха VIII трансформировалась в проблему государственного масштаба, явившись катализатором ускорения процессов, назревавших не только в английском обществе, но и в других странах Европы уже в течение продолжительного времени.

Речь идет о том, что в условиях политического упадка папства, когда в конце XIV — начале XV века начался так называемый "великий раскол католической церкви" из-за соперничества претендентов на место ее главы, на континенте и в Англии многие люди стали искать средства возродить эту церковь коренной реформой. При этом некоторые из них доходили до полного разрыва с католицизмом, как случилось в Англии с профессором Оксфордского университета Джоном Уиклифом (ок. 1330—1384). Пастырям церкви с их стремлением к обогащению он противопоставил первых христиан с их высокой нравственностью, жертвенностью и личным спасением без посредников в лице священнослужителей.

Протест, "ересь" беспощадно подавлялись восстановившей единство католической церковью, и папство чем дальше, тем больше держалось на страхе, репрессиях, гонениях, о чем свидетельствовали костры инквизиции прежде всего в Испании и в некоторых других странах.

Публичное отрицание профессором Виттенбергского университета в Саксонии Мартином Лютером (1483—1546) канонов католической церкви в его 95 тезисах против торговли индульгенциями и других злоупотреблений папства ознаменовало начало процесса Реформации.

Тезисы Лютера быстро распространились по всей Германии, привели к появлению его последователей в других странах с их собственными взглядами на вопросы, поднятые Лютером. В Швейцарии француз Жан Кальвин развил мысль Лютера, что человек спасается не своими заслугами, а верой, за что ему дается от Бога спасающая благодать. Лютер не пошел дальше этого тезиса, Кальвин сделал из него логический вывод о предопределении. Предопределенные к спасению, или "избранники", одни только, по мнению Кальвина, и составляют церковь Христову. Но поскольку никому не известно, кто к чему предопределен, то всякий член церкви

должен быть добрым христианином, достойным благодати благодаря своей вере.

Кальвинизм нашел в Англии живой отклик. Учение это принимали главным образом люди, которым нравилась его ясность и логичность, требования нравственной чистоты и простоты богослужения — в отличие от пышности католических служб.

В рассматриваемое время — 20-е годы XVI века — до английского варианта кальвинизма, выразившегося в широком распространении пуританства, было еще далеко. Англия по лояльности Ватикану считалась одной из образцовых держав христианского мира, а ее монархи — апостолами ортодоксальности. Святой престол ликовал, когда в Англии стали расправляться с "ересью" Уиклифа, а затем его последователя Болла, поднявшего массы крестьян на самое массовое в истории страны вооруженное выступление против властей — восстание Уота Тайлера в 1381 году.

Генрих VIII вырос и был воспитан в лоне католической веры, получил теологическое образование. В 1521 году он выступил с сочинением "В защиту семи таинств", направленным против Лютера. В нем указывалось на готовность короля "отстаивать интересы католической церкви не только с помощью армий, но и ресурсами ума".

Размноженное усилиями Ватикана в небывалом количестве, это сочинение распространялось по Европе в качестве своего рода бестселлера. Ватикан отметил заслуги Генриха VIII пожалованием ему звания "Защитника веры", и оно с тех пор закрепилось за английскими монархами и монархинями, хотя в него вкладывалось содержание, отличавшееся от первоначального.

Печатный труд короля свидетельствовал, что в то время он не был еще близок к мысли о расторжении брака с Екатериной, поскольку в нем содержались строки о нераздельности супружеских уз как одном из устоев истинной веры.

Ортодоксальность монарха стала разрушать не достигшая еще и двадцатилетнего возраста девушка, хотя ни о чем подобном она вначале не помышляла, занимая место прислужницы в свите сестры Генриха VIII Марии, с которой отправилась во Францию в связи с браком своей госпожи и Людовика XII. Речь идет об Анне Болейн. После смерти Людовика и бракосочетания Марии и Чарлза Брэндона Анна осталась при дворе Клод, суп-

руги Франциска I, и в течение примерно двух лет вращалась в самом изысканном, блестящем обществе, подмечая сметливым взором французскую кухню интриг, козней, в чем, как убедилась девушка, любовницы короля играли активнейшую роль.

В начале 1522 года отец забрал дочь обратно в Англию. После Парижа — мрачный, серый замок Хевер и перспектива существования с нелюбимым супругом в далекой Ирландии. Родители собирались выдать Анну за англичанина, жившего на "зеленом острове". Девушка протестовала, и тут подвернулся счастливый случай.

Кардинал Вулси изгнал из свиты Екатерины Арагонской даму, отказавшуюся шпионить за королевой. Неизвестно, обратился ли он с таким поручением к Анне, когда предложил ей место в свите. Скорее всего она приглянулась ему, и, может, он прочил ее в свои любовницы. Но это — предположение. Фактом стало то, что Анна начала пользоваться при дворе бóльшим успехом, нежели старшая сестра. У нее появились поклонники — фаворит Генриха женатый поэт Томас Уайатт, а также привлекательный и холостой Генри Перси из рода Нортумберлендов. Предпочтение девушка отдавала последнему. Случалось ей общаться и с королем.

Видимо, впервые он увидел ее 13-летней девочкой при королеве Клод во время визита во Францию в 1520 году. Неотразимыми были ее миндалевидные глаза, черные как смоль волосы. Она больше походила на испанку, чем на англичанку. В ее жилах текла также французская и ирландская кровь. Вместе с тем у нее был большой рот, плоский бюст, левую руку портил шестой палец. В нем враги Анны видели "колдовскую отметину".

Однажды Генрих шутливо попросил у нее награду — колечко с ее пальчика. Томас Уайатт раньше заполучил ее медальон. Обладатели сувениров, не зная, что делят их, заспорили, кому она симпатизирует больше.

— Мне! — воскликнул Генрих и показал колечко.

— Нет, мне, у меня есть предмет ближе ее сердцу! — возразил поэт и вытащил медальон.

— Я обманут! — в сердцах бросил Генрих и прекратил спор.

То были легкие забавы. Надежды на устройство будущего Анна связывала с Генри Перси. Тот заговаривал об их брачном союзе. Парочка не скрывала взаимных симпатий.

Король решил не допустить брака Анны с Генри Перси. Вулси было поручено заняться этим. Юноша был вызван для разговора.

— Кто надоумил вас приволокнуться за глупой девчонкой? — без обиняков начал кардинал. — Или вы не знаете, что никаких шансов на такой брак у вас нет? Ваши родители на это никогда не согласятся, у них имеется для вас достойная невеста. Поэтому, не теряя времени, отступитесь от Анны, чтобы потом не пожалеть...

Анна была отстранена от двора. Она не знала, кому была "обязана" внезапной переменой к ней юноши, а проведая, заявила:

— Если это когда-нибудь будет в моей власти, заставлю кардинала пожалеть о случившемся!

Заточать себя в стенах замка девушка не собиралась. Круг ее знакомых был уже достаточно широк. Англичанка-баронесса звала ее погостить в Нидерландах. Ей как числившейся в свите королевы надо было получить согласие короля. Она убедила родителей отпустить ее без такой формальности. Генрих узнал о ее шаге, но никак не прореагировал.

По возвращении домой Анна не предпринимает ничего для восстановления в свите королевы. Стояло хорошее лето, и можно было наслаждаться прелестями сельской жизни. Она копалась в кустах роз, когда ее окликнул король. Его визит в Хевер не был чем-то из ряда вон выходящим. Особенно часто он посещал это поместье, когда его любовницей была Мария Болейн. И все же... Не само это посещение, а взгляд, устремленный на нее королем, явился откровением для Анны. В этом взгляде можно было прочесть все, что было недоговорено между ними раньше.

В считанные секунды она стала госпожой положения. Почтительно присев перед монархом, она собиралась удалиться, но ее удерживали, расспрашивали о Нидерландах, о том о сем, а взор монарха по-прежнему горел, он пожирал ее глазами.

Визиты стали повторяться — и все чаще. Вскоре она услышала то, что ожидала.

— Почему бы вам не вернуться ко двору и снова не войти в свиту королевы? — спросил король. — Девушке вашего положения, образования и внешности — не место в захолустной глуши, вам суждено блистать при дворе, а о моих чувствах вы должны знать, хотя я о них и не распространялся раньше...

Генрих споткнулся. Девушка потупила глаза, а затем подняла их на короля, и он прочел в них неожиданное — вызов ему, но никак не обожание, не покорность.

— Ваше Величество, — услышал король спокойный, ровный голосок своей собеседницы, — я должна была бы поблагодарить вас за сделанное мне любезное предложение и, действительно, признательна за него, но откликнуться на него не могу и надеюсь только на одно — что вы правильно истолкуете мои слова. Перед моими глазами — пример сестры. Я не могу поступить так, как поступила она. Я не осуждаю ее. Каждый человек — сам себе хозяин. И я тоже хочу быть хозяйкой своей судьбы. Поэтому и хотела бы, чтобы вы знали о том, что для меня не является вопросом, вызывающим колебания, как поступить? Нет, для меня это дело моей чести, самой жизни. Я скорее расстанусь с жизнью, чем соглашусь на утерю самого драгоценного, что у меня есть и что я должна принести своему супругу...

К сопротивлению Генрих не привык. Оно побудило его взглянуть на девушку новым взором, подумать о ней в связи с помыслами о наследнике.

Все более частое появление в обществе монарха молодой особы — а родители Анны без труда уговорили ее снова войти в свиту королевы — давало пищу толкам. Их видели играющими в шахматы, за картами, клавесином. Оба любили музыку. Девушка время от времени уединялась в Хевере. Если король не мог навещать ее, то писал ей туда.

В архивах Ватикана хранятся 17 писем Генриха к Анне, выкраденных агентами папского легата Кампеджио летом 1529 года. Пропажа не была обнаружена, несмотря на чрезвычайные меры, предпринятые во всех портах, откуда отправлялись суда. Вещи Кампеджио, возвращающегося в Рим, были перевернуты на таможне в Дувре вверх дном, но исчезнувших писем не нашли. Они уже находились в канцелярии Ватикана.

Бесовским наваждением объясняли вскоре эмиссары папы послания Генриха VIII этой своей возлюбленной.

”Моя любимая и моя подруга, я и мое сердце, — говорилось в одном письме, — вручают себя в твои руки, просят тебя о великой милости — твоим расположением и о том, чтобы твои чувства к ним не убывали, когда мы не видимся...”

”Ничего больше не могу выразить тебе, милая, ввиду занятости, кроме того, что я желал бы держать тебя

в своих объятиях, а ты меня в своих, ибо знаю, чувствую, как много времени истекло с тех пор, как я целовал тебя...”

”Стремлюсь к тебе, особенно по вечерам, моя возлюбленная, незабвенная. Вспоминаю о том, как наслаждался близостью с тобой, касался губами твоих розочек. Написано рукой того, кто был, есть и будет твоим по воле своей...”

Анна стремилась довести дело до окончательного разрыва Генриха с Екатериной. Король все чаще выслушивал от нее упреки, что действует нерешительно. Он не мог открыться в опасениях, как бы свой вес на чашу Екатерины не бросил ее племянник Карл V.

То, что побуждало одного быть осмотрительнее, другую, напротив, толкало к действию. Впоследствии историки окрестили Анну Болейн и ее окружение как ”ястребиное”, а окружение Екатерины Арагонской как ”голубиное”.

Глава IV

РАЗРЫВ ДВОЙНЫХ УЗ

К маю 1527 года Генрих VIII дал кардиналу Вулси ответственное поручение — собрать епископов и законников королевства и вынести суждение о юридической несостоятельности эдикта папы Юлия II, в соответствии с которым ему было разрешено жениться на Екатерине Арагонской, несмотря на упоминавшиеся каноны Священного писания.

Комиссия под главенством Вулси заседала за закрытыми дверями, Екатерину не пригласили, и даже о результатах разбирательства она узнала не от мужа. Брак Генриха VIII был признан недействительным, королеву предполагалось удалить в монастырь.

Это и требовалось королю, а также его возлюбленной. Тем не менее Генрих все еще тянул с решающим объяснением. Поведение супруги было безукоризненным. Шекспир вложил ей в уста такие слова, обращенные к мужу:

Свидетель небо, что была всегда я
Вам верной и смиренною женой,
Во всем покорствующей вашей воле,
И, в вечном страхе вызвать в вас досаду,
Я взгляду вашему повиновалась,
Ловя в нем зорко радость иль печаль...

Ей было велено явиться к королю на аудиенцию. Виделись они все реже, и ничего хорошего от встречи ждать было нельзя.

— Должен сказать вам о том, что меня давно мучает, не дает покоя, — начал Генрих. — Я не желаю обвинять вас в чем-то предосудительном, мы оба несем грех — и тяжелейший — перед Господом, ибо с самого начала стали жить во грехе, забыли, против чего предостерегает нас Священное писание. Артур был моим кровным братом, и я должен был бы чтить его узы с вами, а не рвать их. За пренебрежение надо нести ответ нам обоим: мы должны расстаться, покаяться в прегрешениях, тогда и только тогда Господь снизойдет к нам, не раньше...

Екатерина залилась слезами, но взяла себя в руки:

— Разве Ваше королевское Величество не знает, что я легла с вами на супружеское ложе не тронутой другим мужчиной? То, что я услышала о решении епископской комиссии, куда меня и не вызывали, чтобы выслушать, является не более чем сплошным лицемерием. И вы знаете, по чьей указке принято такое решение, несущее нашей дочери, о чем мне уже не раз приходилось говорить вам, неисчислимы беды и несчастья. А что остается делать мне самой? Вы же тем временем будете продолжать волочиться за вашей Анной? Нет, Ваше Величество, такие дела правомочен решать только королевский Совет, и я готова появиться перед ним и дать все необходимые показания...

Король снова недооценил способности жены. Как и опасался Генрих, в спорную ситуацию вмешался племянник Екатерины — Карл V, разумеется на стороне тетки. К нему сразу после объяснения с Генрихом она тайно отправила доверенного человека. Вулси проведаль о миссии, но помешать гонцу не смог. У Карла V имелись внушительные средства воздействия на ход событий. Против его воли папа Климент VII не пошел бы. Это учитывала Екатерина.

Минуло два года, пока в ходе закулисных обменов между Лондоном и Римом было решено созвать в Англии папский трибунал под эгидой легата Кампеджио для рассмотрения дела о расторжении брака Генриха VIII и Екатерины Арагонской, причем с приглашением их обоих — процедура, не имевшая прецедента. Монархи считались стоящими над любыми судьями. Генрих согласился на такой порядок только в расчете на желанный исход судебного разбирательства.

21 июня 1529 года в Гранд-холле монастыря в округе Лондона Блекфрайерс открылось заседание трибунала. Король сидел на возвышении по одну сторону от членов судилища, королева — по другую. Кампеджио и Вулси располагались ниже. Тут же восседали архиепископ Кентерберийский Уильям Уорэм и другие иерархи церкви. На фоне черных судейских мантий выделялось ярко-пурпурное одеяние монарха. Екатерина была облачена во все темное. Зал был переполнен. У стен монастыря шумела толпа.

Регламент был сразу нарушен. Едва председательствующий произнес имя королевы, она поднялась, направилась к Генриху и опустилась перед ним на колени:

— Ваше Величество, простите мне мою смелость, но иного выхода, как обратиться к вам сразу же перед лицом публики, я не вижу. То, что я скажу, не будет новым для вас, но я все же буду говорить в надежде, что другие услышат ваше мнение о сказанном мной, ибо оно имеет прямое отношение к сути дела, представленного на усмотрение почтеннейших членов трибунала. Надо ли мне повторять то, что вы слышали от меня и что и без моих слов давно было ведомо вашей милости: до того как я стала вашей супругой, ко мне не прикасался ни один мужчина. Пусть совесть ваша подскажет ответ, который должны услышать судьи, публика. Мне нечего скрывать, нечего утаивать!

Взоры устремились на короля. Екатерина продолжала:

— Если у вас имеется что-то против меня, буду готова покинуть вас, а если нет, прошу позволить сохранить мое нынешнее положение.

Не дожидаясь, что скажет король, она направилась к выходу из зала, проигнорировав просьбу Вулси вернуться на место.

Хранить дальше молчание было невозможно. В гробовой тишине прозвучал голос монарха:

— Королева — примерная супруга и обладает всеми качествами, присущими добродетели. Ничто в ней не причинило бы мне огорчений и не мешало бы и дальше сохранять супружеские узы, если бы только наш брак считался законным согласно воле Господней, чего, к моему сожалению и моей боли, нет, ибо союз наш с самого начала был греховным и таковым остается...

Дальнейшее разбирательство происходило в отсутствие монаршей четы. Собрание было недовольно Екате-

риной: она не подчинилась воле трибунала и покинула заседание. То было единственное определение, вынесенное судьями во время рассмотрения дела. Понятно, что оно не удовлетворило Генриха, и по его поручению Вулси направился к королеве, чтобы убедить ее принять монашеский сан, пообещав обеспечить ей и ее дочери обращение, соответствующее статусу экс-королевы. Но никакие посулы не действовали.

Меж тем изумленная Европа взирала на попытки Англии поправить свое положение союзом с Францией, началом совместных операций двух держав против Карла V на некоторых участках границ Священной Римской империи. Однако эти операции решающих результатов не дали. Войска императора продолжали бить французов в Италии.

Мир между Испанией и Францией, подписанный в 1529 году и подтвердивший гегемонию Карла V, оставил Англию в изоляции. А тут еще подоспел "сюрприз", уготовленный кардиналу Томасу Вулси Анной Болейн, точнее, ее кузеном, английским послом в Риме Френсисом Брайаном. Он добыл текст конфиденциального послания Вулси папе. В нем содержался совет Клименту VII не спешить с согласием на развод Генриха с Екатериной, то есть говорилось прямо противоположное заверениям Вулси добиться расторжения этого брака. Эта двойная игра объяснялась нехитрым расчетом: не в Екатерине, а в Анне Болейн кардинал видел теперь опасную соперницу.

Генрих пригласил кардинала на аудиенцию. Вулси отстаивал свою правоту в дипломатических делах. Король неожиданно вынул бумагу с тайным обращением Вулси к папе.

— Милорд! Не написано ли это вашей собственной рукой? — спросил Генрих и, не дав кардиналу прийти в себя, заявил, что аудиенция окончена.

Вулси был отослан в захолустье, лишился большей части своих владений. Вскоре опальный вельможа умер.

Король стал обладателем главной резиденции бывшего фаворита — Йорк-паласа в Лондоне на берегу Темзы. Под названием Уайтхолл дворец стал основной резиденцией английских монархов.

Екатерине надлежало оставаться в Вестминстерском дворце, да и то недолго. Анна планировала ее ссылку в провинцию. Отбрасывались последние покровы. За дворовым столом еду подавали сначала Генриху, потом

Анне и только затем Екатерине. Все сносила супруга короля, видя в многотерпении исполнение своего христианского долга: ничто не могло поколебать ее веры в законность уз, соединявших ее с мужем!

Все эти детали доводились исправно до сведения Ватикана и Карла V. Между этими центрами влияния существовало единогласие о необходимости жесткого курса в отношении английского монарха.

В марте 1530 года Климент выпустил указ, запрещающий Генриху вторичный брак и восстанавливавший Екатерину во всех ее правах, пока не будет вынесен окончательный вердикт.

Спором занялись ученые мужи в европейских университетах. Большинство поддержало прошение короля о разводе.

Екатерина все еще обладала статусом королевы. Положение изменилось, когда она снова ответила отказом на сделанное ей от имени тридцати членов Совета предложение перенести дело о разводе опять в Англию. Такое упорство особенно разгневало Генриха.

Июльским днем 1531 года в Виндзор, где Генрих остановился вместе с Екатериной и Марией, неожиданно для королевы пожаловала Анна Болейн. На следующее утро она и Генрих отправились на охоту и не вернулись. Вскоре Екатерина узнала, что они расположились в поместье Генриха — Вудстоке. В ответ на отправленное туда письмо, в котором королева спрашивала о причине их неожиданного исчезновения и справлялась о здоровье, Генрих сообщил: пусть она не тревожится о его самочувствии, с него достаточно причиненных ею несчастий и бед, он знает, что за ней стоит император Карл V, но да будет ей ведомо, что Всевышний — могущественнее, и пусть она более не беспокоит его посланиями, впредь видеться с ней он не желает...

Это был приговор без права обжалования. Екатерине было запрещено встречаться с дочерью. Из Виндзора она была переведена в скромное поместье в графстве Хертфордшир. Осенью ее снова посетила депутация членов Совета — с тем же результатом. По случаю Нового, 1532 года она послала Генриху золотую чашу — и получила ее обратно с напоминанием о запрете общения с королем.

Ей было предложено вернуть ему украшения из драгоценных камней, подаренные по случаю брака. Генрих собирался с Анной во Францию и хотел, чтобы на ней красовались эти дары. Гонец уехал с пустыми руками

и на следующий день прискакал с требованием о возврате ценностей. Спротивляться было бесполезно.

Симпатии большинства людей находились на стороне королевы. Голоса в ее защиту звучали в парламенте. В таком духе выступил епископ Фишер. Ответом Генриха явилась прокламация, лишавшая Екатерину всех почестей.

После того как король перестал выполнять супружеские обязанности по отношению к Екатерине, в течение следующих семи лет он и Анна, остерегаясь появления внебрачного ребенка, воздерживались от интимной близости.

Несмотря ни на что, новый брак рисовался королю в радужном свете осуществления заветного — появления наследника от цветущей женщины.

Ради достижения желаемого следовало убрать с пути все препятствия. Этим надлежало заняться в первую очередь севшему на место Вулси Томасу Кромвелю.

Королю крупно повезло, что в тот переломный период рядом с ним находился человек, понимавший, в чем заключались первостепенные интересы нации, и умевший их отстаивать. Томас Кромвель лучше, яснее самого Генриха сознавал, что поставлено на карту монархом в его затяжном иске с Римом о разводе с Екатериной. Не за сугубо личные, субъективные пожелания короля следовало бороться, а за высшие интересы Англии, ущемлявшиеся Ватиканом. Все, что лежало за рамками этого кардинального порядка вещей, представлялось Кромвелю малосущественным, в том числе и участь Екатерины Арагонской.

Что же следовало предпринять в первую очередь?

То, что в самом начале спора Генриха VIII с Ватиканом представлялось на фоне дел, вопросов общегосударственного значения не более чем досадным эпизодом, выросло до масштабов противостояния, разворотившего пласты порядков, существовавших в течение столетий. Инерция противостояния, зародившегося на почве столкновения натур, характеров, увлекала Англию Генриха VIII все дальше к осаде, а затем и приступу махины, какой являлось столь укоренившееся и распространившееся засилье католической церкви.

Роль парламента в таких условиях была ключевой. Находилось немало скептиков, сомневавшихся в успехе задуманного. Верхняя палата была заполнена еписко-

пами и другими служителями высшего эшелона церкви, принесшими клятву верности Святому престолу. Кромвель правильно рассудил, что большинство таких деятелей обязано и своим саном, и своим присутствием в палате лордов не Ватикану, а английскому королю. Рим был далеко, а члены палаты лордов действовали на английской земле.

Что же касается депутатов нижней палаты, то многие из них с вожделием смотрели на обширные владения церкви, ее имущество, привилегии — и откликнулись бы на любые шаги, сулившие им обогащение за счет перекройки национального пирога.

Сконцентрировав вначале внимание на обеспечении необходимой базы в верхней и нижней палатах парламента, в том числе за счет расширения его полномочий, увеличения числа депутатов посланцами от Уэльса, предоставления большей свободы слова (несогласие с королем уже не считалось криминалом), Кромвель создал в этом учреждении атмосферу, благоприятную для радикальных шагов монаршей власти.

Генрих VIII полагал, что постоянным нажимом на Ватикан сможет принудить иерархов в Риме к отступлению. Не видя результатов, он пускал в ход еще более сильные средства давления. Существовавшие условия для соглашения неуклонно таяли, пока между сторонами не образовалась непроходимая пропасть.

В течение восьми сессий парламента с 1529 по 1536 год его палаты одобрили 137 актов, причем четверть относилась к новаторскому законотворчеству в религиозной сфере.

Первый серьезный сигнал палата общин подала Риму в 1531 году, ограничив то, что служило давней практикой церкви в стране в соответствии с установками Ватикана. Ее поборы с прихожан, взимавшиеся в связи с похоронами и составлением завещаний, были уменьшены. Был запрещен так называемый "плюрализм", то есть одновременное владение несколькими бенефициями, должностями и доходами, сопряженными с духовным саном.

Может быть, если бы дело этим ограничилось, в Ватикане и пошли бы на уступки английскому монарху. Но в том же году церковный синод в Англии был вынужден согласиться на признание монарха в качестве "своего единственного и верховного лорда и, насколько это дозволено законом Христа, даже своим верховным владыкой".

Если в Лондоне рассчитывали, что Ватикан поддастся нажиму, то глубоко ошибались. Позиция Святого престола тоже ужесточалась.

Весной следующего года палата общин квалифицировала как противозаконное право церковных судов выносить решения без санкции монарха. Одновременно синоду было вменено в обязанность согласовывать с королем любые изменения в каноническом законодательстве. Решающий удар наносился по юридической независимости церкви. И тогда же парламент постановил прекратить выплату аннатов — части доходов церкви в папскую казну. Это было уже прямым вызовом Ватикану.

Подошло к концу длительное воздержание Генриха от интимной близости с Анной. В ноябре 1532 года они разделили брачное ложе. Вскоре об этом стало известно в Ватикане. Наконец Святому престолу можно было бы смириться с неизбежным, признать то, что являлось уже свершившимся фактом. Если бы все зависело от воли папы Климента VII, он скорее всего таким образом и поступил бы. Однако трон его поддерживали в значительной степени войска Карла V, а император игру в Лондоне не считал проигранной, вынашивая планы объединения католической Европы против Генриха VIII и полагая, что можно будет добиться восстановления своей тетки на английском престоле. Откуда ему было знать, что жить Екатерине оставалось не больше трех лет?

Все же Климент не препятствовал тому, чтобы Генрих VIII назначил — а в Риме утвердили — в начале 1533 года Томаса Кранмера архиепископом Кентерберийским. С таким первосвященником королю ничего не стоило в мае того же года получить санкцию на официальный развод с Екатериной Арагонской и одновременно — согласие на брак с Анной. Летом 1533 года после тайного венчания с Генрихом состоялась ее коронация. Астрологи предсказывали мальчика. Готовились торжества. Анна родила девочку — будущую Елизавету I. Генрих не скрывал разочарования, не явился к процессии из дворца в Гринвиче, направлявшейся с новорожденной в Лондон, а прислал шесть золотых чаш со сладостями и жемчугами. Путь шествия освещали пять сотен факельщиков. Шествие походило на погребальное. Впрочем, особых причин у Анны печалиться не было. Ей исполнилось 26 лет. На здоровье она не жаловалась. Разве не все еще было впереди?

КОРОНА С СЕКИРОЙ

...Законная королева томилась в ссылке, при дворе верховодила молодая грешница. У многих крепло убеждение, что именно ее кознями следовало объяснять гибель на плахе, эшафоте, в пламени костров именитых людей, которых король губил по бесовскому наваждению!

Настороженным взором следили многие приверженцы старой веры за тем, что считали опасным экспериментом монарха на религиозной ниве. Иерархи римско-католической церкви не пользовались симпатиями, но сама эта церковь — разве не являлась она плотью от плоти отечественной, родной?

Разрывая пуповину связи с центром католицизма в Риме, разве король не подвергал нацию не поддающимся учету опасностям? В 1534 году по его настоянию парламент принял так называемый "Акт супрематии", подтвердивший в еще более категоричных выражениях прежние постановления о короле как высшем владыке церкви, именуемой теперь не иначе как англиканской, и объявивший государственной изменой критику короля.

Повсюду шныряли эмиссары новой веры, выявляя отступников. Были казнены Томас Мор, епископ Джон Фишер, ряд последователей секты картезианцев, отказавшихся принести клятву верности королю как главе англиканской церкви.

Молва о супруге Генриха VIII Анне как виновнице многих таких расправ не была беспочвенной. Историки осудили ее за гибель Томаса Мора, о котором Эразм Роттердамский сказал, что "его душа белее снега, а гений таков, что Англии никогда больше не иметь подобного".

Мор подал в отставку с поста лорд-канцлера после объявления о разводе короля с Екатериной Арагонской. Он воздержался от объяснений такого шага, но все было ясно без слов.

Анна и Кромвель убедили короля возбудить против Мора дело о "государственной измене". Для них было достаточно его молчаливого несогласия с разводом Генриха.

Та же участь постигла епископа Фишера за ту же "провинность" — несогласие с разводом короля. Между тем в Риме решили, напротив, возвести Фишера в сан кардинала.

Однако кровавые эксцессы длились недолго, и впоследствии король пытался отмежеваться от них, приписывая все исключительно действиям Анны Болейн.

Привязанность короля ко второй супруге таяла, а это создавало для нее опасность, серьезность которой она не сознавала. Чем ближе стояли к этому монарху те, кого он в расцвете своего расположения осыпал милостями, тем в дальнейшем, когда они лишались фавора, рискованнее оказывалось их положение.

Отечественные биографы Генриха VIII почему-то обошли вниманием реплику короля, высказанную, когда Анна Болейн уже впала в немилость. Прочтя вырванные у Анны на суде признания ее виновности в действительных и мнимых преступлениях, вплоть до заговора против его особы, Генрих изрек:

— Я уже давно подозревал нечто дурное в этой женщине!

Прошло несколько лет их супружества, а, оказывается, у Генриха "уже давно" были наихудшие подозрения на ее счет!

Можно лишь догадываться, какой смысл вкладывал в эту фразу король. Возможно, он после брачной ночи ноября 1532 года пришел к заключению, что та, которую боготворил, — не девственница. Впоследствии, в связи с четвертым браком, Генрих признавался, что 18-летним юношей в первую ночь с Екатериной не мог решить, была или нет она нетруной.

Но поведение первой супруги было безукоризненным, чего никак нельзя было сказать об Анне Болейн. После коронации вокруг нее стали увиваться поклонники значительно моложе ее супруга. Немало современников Елизаветы I находили в ней сходство с одним из придворных ее матери.

8 января 1536 года оборвалась жизнь Екатерины Арагонской. На пороге вечности она адресовала тому, кого по-прежнему считала своим мужем, такие строки: "Клянись, мои очи желают тебя, как и раньше, превыше всего..."

В предсмертном послании содержалась просьба о милосердном отношении к Марии. Дочь не была даже допущена проститься с матерью. И это тоже было делом рук Анны. Получив известие о кончине Екатерины, король распорядился дать банкет с танцами и состязаниями копыеносцев, вырядившись в ярко-желтые одежды.

Скорбели многие простолюдины. Британская энциклопедия оценивает Екатерину как одну из самых попу-

лярных королев в истории Англии. Эразм Роттердамский посвятил ей свой трактат о супружестве.

Вторые роды у Анны произошли 29 января 1536 года, в день погребения Екатерины. Ребенок оказался мертворожденным.

Снова перст Господний! Так решил для себя король и уже не колебался в том, что созревало раньше и чему, возможно, помешало бы только благополучное появление наследника от Анны.

Эта женщина преображалась в глазах Генриха из боготворимой в богопротивную. Контраст с мягкой, человеколюбивой первой женой был слишком велик и до женитьбы на Анне, а после стал еще более явным. Анна демонстрировала худшие стороны своей натуры: крутой нрав, взбалмошность. Королева восстановила против себя даже значительную часть придворных дам. А те всегда были силой, с которой следовало считаться.

После неудачных родов Анны Генрих стал поговаривать, что эта женщина околдовала его. Мистицизм такого рода сопровождался действиями сугубо практического свойства. Прежде чем порвать с Анной, Генрих хотел обеспечить замену. Во время вояжа в центральную часть страны он увидел в доме Джона Сеймура, помещного собственника в графстве Уилтшир, девушку, чьи черты показались знакомыми. Выяснилось, что Джейн Сеймур девочкой посещала королевский двор с братьями Томасом и Эдуардом, преуспевшими затем в делах политических и ратных, так что они к тому времени входили в число влиятельных вельмож.

Девушка приглянулась монарху. "Повиноваться и служить" было высечено на ее геральдическом гербе. Скромность, послушание — и полная удаленность от политики.

На полотне Гольбейна-младшего Джейн выглядит суровой, с поджатыми губами, молитвенно скрещенными руками. В такой супруге теперь нуждался Генрих. Ничего не было похожего на вспыхнувшие ярким пламенем чувства десять лет назад к той, которая теперь представлялась фурией. Стараниями Анны, жены Эдуарда Сеймура, женщины в высшей степени энергичной, целеустремленной, ее юная родственница появилась при дворе Уайт-холла и начала приближаться к Генриху. Этому активно способствовала часть окружения короля, представлявшая партию сторонников Реформации.

Так или иначе, усилиями Анны Сеймур и ее сторонников Джейн не только вернулась ко двору Генриха VIII, но об их любовной связи оживленно заговорили.

Супруга Генриха выпустила острые коготки. Ее ревность принимала буйные формы. Генрих был вынужден все чаще удаляться от нее.

Однажды Анна сорвала с шеи Джейн медальон — дар Генриха, оставив на коже соперницы кровавые следы, нанесла ей несколько ударов.

В ответ король помещает Джейн Сеймур и ее близких, включая братьев, в апартаменты Уайт-холла. Гнев супруги его не останавливал, а подзадоривал. 2 мая 1536 года она была брошена в Тауэр. Просьба о свидании с Генрихом была отклонена: обвиненные в "измене" могли предстать пред монархом лишь в случае своего оправдания.

Итак, никаких иллюзий. Вниз по Темзе поплыла она в баркасе к стенам крепости, где томились жертвы ее коварства. Стражники ожидали ее у "Ворот предателей". День клонился к закату. В воздухе прозвучало пять ударов башенных часов. Пленница пала на колени.

— Господи, — вскричала она, — я не виновата, в чем меня обвиняют!

15 мая она предстала перед судьями. Обязанности председательствующего исполнял ее дядя герцог Норфолк, в числе судей были отец Анны — Томас Болейн и бывший ее поклонник — сэр Генри Перси, получивший титул графа Нортумберленда. В разгар сессии он покинул зал, сославшись на недомогание. Единственным высказавшим убеждение в невиновности Анны был архиепископ Кранмер. Письмо об этом он направил королю.

Стражник, эскортировавший Анну, держал секиру с лезвием в сторону от нее на пути в зал суда. Она была признана виновной в предъявленных обвинениях.

Анна держалась хладнокровно. Узнав об этом, Генрих заметил:

— У нее храброе сердце, но она за все сполна заплатит!

Милость короля усматривалась в его согласии о совершении казни не на костре, а на плахе. С континента был вызван палач, владевший мечом.

Следившая за своим туалетом женщина не изменила себе и на пороге смерти. Ее одеяние было темно-серого дамасского полотна с нижней юбкой малинового цвета. На голове чепец, отороченный жемчугом. Направляясь

к месту казни, она держала молитвенник, который просила передать также содержавшемуся в Тауэре Томасу Уайатту. Поэт избежал расправы и был выпущен на свободу.

У приговоренной не оказалось денег для расплаты с палачом, как было принято. Генрих послал ей двадцать фунтов.

Последнее слово Анны:

— Я никого не обвиняю. Когда умру, помните, что я чтитла нашего доброго короля, который был очень милостив ко мне. Вы будете счастливы, если Господь даст ему долгую жизнь, так как он одарен многими хорошими качествами: страхом перед Богом, любовью к своему народу и другими добродетелями...

Начиная с 19 мая, дня казни Анны, и в течение следующих нескольких дней во дворце Уайт-холла продолжались празднества по случаю брака Генриха VIII и Джейн Сеймур. Необходимые формальности церковь выполнила. Второй брак монарха был объявлен недействительным, третий — узаконенным. 4 июня Джейн была провозглашена королевой. Коронация, перенесенная на осень, не состоялась из-за эпидемии чумы.

Пошла на убыль тем временем другая "эпидемия", сотворенная по велению короля. Расправы с теми, кто отказывался принести клятву верности Генриху VIII как главе церкви, прекратились и были объяснены влиянием Анны Болейн. В тиши кабинетов Уайт-холла готовились новые меры Реформации.

Король по-прежнему стремился получить наследника. Лето и осень не принесли желанной вести. Здоровье супруги оставляло желать лучшего. Монарх умерил свои любовные забавы на стороне и взывал к Господу о сыне. Заметно изменился дворцовый климат. Джейн окружила двух дочерей Генриха вниманием, с ее помощью состоялось примирение короля и его дочери Марии, согласившейся под нажимом Джейн признать отца владыкой церкви, от чего упорно отказывалась раньше.

Осенью 1537 года Джейн родила сына, названного Эдуардом. Матери пришлось заплатить за него собственной жизнью. Она умерла 14 октября, пробыв женой Генриха 15 месяцев.

Джейн Сеймур была похоронена в часовне святого Георга в Виндзоре. Когда через десять лет настал черед и Генриху распрощаться с жизнью, он распорядился о том, чтобы его гробница была помещена рядом с саркофагом Джейн.

ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ ЖЕНЫ ГЕНРИХА VIII

Первенец, по логике вещей, должен был вселить в душу короля спокойствие. Да и годы давали знать о себе. По тогдашним меркам приближавшееся пятидесятилетие представлялось солидным рубежом. Монарх страдал язвой желудка, все чаще отлеживался, а не предавался азарту охоты, турнирных битв.

Отощавшая казна была самой болезненной в ту пору внутренней проблемой. Экономным, как его родитель, этот король не был, а обстановка требовала немалых расходов. Чего стоила одна программа строительства флота! Без него ввиду враждебности к "королю-еретику" католической Европы обходиться было рискованно.

Лишь занятость Карла V войнами с Францией за гегемонию в Италии помешала ему воспользоваться осложнением положения в Англии осенью 1536 года — вооруженным выступлением на севере страны помещной знати, поддержанной крестьянскими массами. Восстание вошло в историю под названием "Благодатное паломничество". Местные бароны, правоверные католики, использовали недовольство населения материальными тяготами, чтобы направить его в русло мятежа против начавшейся конфискации монастырских владений. Участники восстания, а их насчитывалось до сорока тысяч, захватили немало селений, городков. Только в конечном счете обманом, нарушением данного вождям выступления обещания об их личной неприкосновенности, оно было подавлено. Дело не дошло до военного вмешательства с континента. Переговоры об этом с Карлом V мятежники вели.

Не окажись Генрих VIII перед гранью финансового банкротства, вряд ли он пошел бы на такую чрезвычайную меру, как ликвидация почти всего достояния монастырей, их закрытие и во многих случаях разрушение.

Монастыри были самым крепким оплотом католической церкви. У них имелись громадные земельные угодья, разветвленное хозяйство, где было налажено земледелие, велись широкие операции в сфере торговли, финансов, ремесел. Это вело к "обмирщению" духа затворничества, праведности, царившего внутри стен аббатств, конвен-

тов. Не аскетами, а упитанными, с лоснящимися физиономиями представляли перед мирянами послушники монастырей.

Сперва большинство таких владений перешло в собственность короля, часть он пожаловал приближенным, но львиная доля была продана тем, кто мог выложить требуемые суммы. Желających нашлось много. За их счет образовался слой крупных земельных собственников, как правило не потомственных, а из числа нуворишей-коммерсантов, владельцев мануфактур.

Между тем по другую сторону Ла-Манша в связи со временным затишьем военных действий между империей Карла V и Францией стала нарастать угроза широкой коалиции католических держав против английского монарха.

Томасу Кромвелю было поручено приняться за поиски любых опорных пунктов в Европе. Гадать, где их искать, не нужно было. Базой протестантства, а значит, и сопротивления католицизму являлись некоторые немецкие княжества, входившие в империю Карла V. С ними у него хватало забот — вплоть до использования силы оружия против самых непокорных.

Важное географическое положение занимало в их числе герцогство Клевское. Его повелитель был вожаком немецкого протестантства, не раз вступал в схватки с силами Карла V. Иного более или менее весомого союзника в Лондоне не видели.

В этих обстоятельствах Генрих обратился к мысли о новом браке. Генрих решил взять в жены дочь герцога Клевского — Анну. На такое надоумил Генриха Кромвель. Немаловажным его мотивом было исключить появление у короля еще одной честолюбивой супруги, подобной Анне Болейн.

Как решился первый министр рекомендовать королю особу, которую ни один из них не видел?

Затея с добыванием портрета Анны Клевской лишь запутала дело. Отправленные в герцогство на Рейне эмиссары изображения Анны на холсте не нашли. Брат Анны, услышав, что пышные одежды сестры помешали англичанам прийти к определенным выводам, возмутился.

— Вам что, нужно осмотреть ее вообще без платья? — отругал он посланцев.

Вслед за безрезультатными смотрами в герцогство прибыл из Англии прославленный живописец Гольбейн, рассудивший, что правильнее будет изобразить Анну

вместе с такой же незамужней сестрой: пусть король выбирает. Так и было сделано. Генрих обзрел двух сестер и указал на Анну.

24 сентября 1539 года был подписан брачный контракт, а в самом конце того же года Анна отправилась в Англию. Генрих решил инкогнито взглянуть на суженую, как только она высадится на английской земле, и содрогнулся, увидев невесту.

— Фламандская кобыла! — был его вердикт.

Гнев пал на Кромвеля. Положение того пошатнулось. Но что было делать? Угроза враждебной коалиции на континенте казалась еще серьезной. Отсылать невесту назад значило восстанавливать против себя тех, чья лояльность для Генриха являлась в то время определяющим фактором.

Скрепя сердце король 6 января 1540 года обвенчался с Анной.

В апреле парламент проголосовал за пожалование Томасу Кромвелю титула графа Эссекса за заслуги в устройстве этой брачной партии. Между тем стал очевидным просчет министра в оценке вероятности блокирования Испании и Франции. Две державы сблизились не настолько, чтобы создать угрозу для Англии. Значит, и необходимость в поддержке со стороны протестантских княжеств на немецкой земле для Лондона была не так велика.

К этому прибавилось подстрекательство Норфолка и его сторонников против Кромвеля. 7 июня его посетил один из приближенных короля для обсуждения возможного разрыва с Анной. Кромвель не поддержал эту идею. Генрих решает отделаться от своего министра. Готовятся документы с обвинениями Кромвеля в неисполнении королевских указов.

10 июня во дворце — обед с участием членов Тайного совета. Все подготовлено для ареста ничего не подозревающего Кромвеля. Он является в зал позднее обычного и выражает недовольство, что к трапезе приступили без него. Раздается голос Норфолка:

— Не смейте садиться! Изменникам не место здесь!

Входят стражники, хватают министра. Норфолк срывает с него орден Святого Георгия, орден Подвязки. Дальше — в Тауэр. В тот же день конфискуются владения Кромвеля. Усиленно распространяются слухи о злодеяниях министра.

Пройдет еще столетие, и его правнук Оливер Кромвель поступит с Карлом I так же, как Генрих VIII обошелся с Томасом.

У короля не возникло трудностей с расторжением четвертого брака. Анна столь же покорно восприняла перспективу расставания, как и отозвалась на брачный зов. Наиболее неприятной для нее явилась затеянная Генрихом процедура расследования — была она или нет к моменту брака девственницей? В последнем случае имелось юридическое основание для объявления брака недействительным с самого начала.

— В первую же ночь я ощупал ей груди, живот и понял, что она не девица, а потому и не стал с ней плотски сближаться, — рассказывал король.

Другого "основания" для расторжения брака король не видел.

"Эксперты" провели доскональное обследование Анны. Ожидать, что они выступят с заключением, противоречившим тому, что рассказывал Генрих, не приходилось.

9 июля Совет высшего духовенства объявил брак с Анной недействительным, что было одобрено парламентом. Дальнейшие годы Анна, не очень горя, провела в отведенном ей поместье, появляясь иногда в королевском дворце. Каждый день красовалась в новом платье. Ведь она была искусной швеей. Кроме того, ей была назначена пенсия в четыре тысячи фунтов в год — солидная компенсация за все переживания!

В июле того же 1540 года, когда был расторгнут четвертый брак Генриха, состоялось его тайное венчание с Кэтрин Говард, о чем все были оповещены, как стало традицией, задним числом.

Новая возлюбленная была на 30 лет моложе супруга. Мать Кэтрин умерла, когда девочке было десять лет. Отец определил ее под опеку герцогини Норфолк, а та отдала ее на попечение... вольного ветра. В результате, еще не достигнув совершеннолетия, Кэтрин познала искусство любовных дел. Ее учитель музыки Генри Маннок стал наставником и по данной части. Местом их свиданий была избрана площадка за алтарем в фамильной часовне Норфолков.

Стоит ли удивляться, что, попав в свиту Джейн Сеймур, эта девица обратила на себя внимание короля?

Они сблизились еще в пору супружества Генриха с Анной Клевской.

Толки о новой привязанности монарха распространились среди придворных. Кэтрин стала мишенью обличения и католиков, и протестантов. В ее поведении находили сходство с тем, что пророчествовал в Апокалипсисе святой Иоанн, повествуя о пришествии семи ангелов, один из которых возгласил о суде над великой блудницей: "С ней блудодействовали цари земные, и вином ея блудодеяния умывались живущие на земле".

До Генриха подобные пророчества, видимо, поначалу не доходили. Красотка действовала на него благотворно.

Страдавший от болей в желудке, порядком изношенный король встряхнулся. В Рождество того года Кэтрин получила от своего господина 27 алмазных камешков, 26 гроздей жемчуга, брошь из 33 бриллиантов, 60 рубинов — все это в дополнение к предметам более капитальным: поместьям, замкам и тому подобному. В их числе находились бывшие владения Томаса Кромвеля.

Одни пиры во дворе сменялись другими. Молодая ветреница рвалась к удовольствиям.

Воцарение Кэтрин повлекло выдвижение партии Норфолков. Мрачный финал правления Анны Болейн ничему не научил интриганов.

Своего кузена-любовника Франциска Дерема, за которого Кэтрин собиралась выйти замуж до того, как ее приметил король, она сделала личным секретарем. Одновременно благосклонно принимала ухаживания двух молодых сановников Тайного совета: Томаса Калпепера и Томаса Пастона.

Летом 1541 года, взяв с собой Кэтрин, Генрих отправился в поездку на север страны. Свита монарха, как всегда, была многочисленной. В ней нашлось место для Томаса Калпепера. На каждой остановке фрейлина леди Рочфорд изыскивала возможности, позволявшие Кэтрин уединиться с молодым англичанином.

Тайное быстро стало явным. Заговорили о неспособности Генриха удовлетворять аппетиты супруги. Испытанный после брака прилив энергии сменился еще более резким недомоганием. Пришлось перейти на постельный режим. Роль няньки менее всего подходила для искавшей развлечений женщины.

Когда королю доложили об изменах супруги, он отказался поверить сказанному и, более того, собирался наказать распространителя "вздора" Кранмера.

О связях Кэтрин чесали языки не только при королевском дворе. Лишь супруг, как часто бывает в таких

случаях, ни о чем не догадывался. Дополнить сообщенное Кранмером поспешили давние враги Норфолков — первый министр Томас Одли и лорд-адмирал, будущий протектор Англии при Эдуарде VI Сеймур.

Началось негласное расследование. Копать долго не пришлось. Бывший учитель музыки Кэтрин признал, что "ласкал интимные места ее тела". Дерем поведал, что не единожды "плотски познавал ее". Не отпиралась и Кэтрин.

На заседании Совета король рыдал. Снова обманут! И как нагло! Рождественские дни 1541 года не помешали приведению в исполнение смертного приговора, вынесенного Дерему и Калпеперу. Брошенная в Тауэр Кэтрин, однако, была освобождена. Возможно, Генрих сперва пожалел ее. Вскоре решение о ее казни было все же вынесено. В нем указывалось, что Кэтрин вела греховную жизнь до и после брака, не была девственницей, как уверяла своего супруга.

Парламент ужесточил законодательство, относящееся к матримониальным делам монарха. Государственным преступлением объявлялось намеренное сокрытие вступающей с ним в брак особы прежних связей с мужчинами.

Без согласия Генриха такой акт появиться на свет не мог. Значит, точку на своих брачных союзах ставить он не собирался.

Глава VII

НОВАЯ ВЕРА ЕКАТЕРИНЫ ПАРР

12 июля 1543 года, спустя полтора года после казни Кэтрин Говард, Генрих VIII публично во дворце Хемптон-корт обвенчался с 30-летней Екатериной Парр. Более надежную пристань для стареющего монарха представить было бы трудно.

Брак явился неожиданным для многих. Впервые самодержец связал себя с женщиной, состоявшей дважды в браке, ее мужа были значительно старше ее и умерли. И это после акта парламента, предназначавшего в спутницы королю особ, не знавших мужчин!

Мать Екатерины стала подыскивать ей выгодную брачную партию, когда она была еще девятилетней девочкой. Так поступали тогда многие женщины. У Екатерины была еще сестра, а также брат, все получили отлич-

ное образование, имели возможность появляться при дворе не только при жизни отца, Томаса Парра. Он занимал видную должность в хозяйстве Уайт-холла, был другом Генриха VIII, и его смерть, когда девочке было пять лет, не изменила к худшему статус семейства. Томас в дворцовые интриги не ввязывался и передал это неплохое правило детям.

Когда Екатерине исполнилось 14 лет, она обвенчалась с состоятельным лордом — вдовцом Эдуардом Бороу из графства Линкольншир. Мужу шел шестой десяток. Один из отпрысков лорда был на 13 лет старше ее.

Хорошо еще, что в последний момент матушка сжалась и условилась с зятем, чтобы его супруга пожила с год у нее. В результате под мужниным крылом Екатерины так и не довелось побыть. Бороу вскоре умер.

17-летнюю Екатерину стали видеть при дворе — скромную, серьезную, предпочитавшую общество книжников, любителей возвышенных бесед, а не ловеласов. Анна Болейн находилась тогда в зените блеска, но не зависть заставила Екатерину относиться к возлюбленной короля с антипатией, а горячее сочувствие к своей арагонской тезке. На этой почве она сошлась с такими же сторонницами несчастной королевы, и спустя более чем десятилетие этот женский кружок, уже во главе с Екатериной Парр, приобрел при дворе Генриха большое влияние и в делах политических.

Но в описываемое время склоки, подсиживания при дворе внушили Екатерине такое отвращение, что она с радостью откликнулась на предложение ей руки, сделанное Джоном Невиллем Латимером, джентльменом с севера Англии, где у него имелось поместье с древним замком. Он тоже был вдовцом с детьми, но по сравнению со своим предшественником мог считаться даже молодым: ему было около сорока.

А Екатерина? Она производила самое благоприятное впечатление. Открытое овальное лицо, прямой нос, белая кожа, стройная фигура при росте выше среднего — эти черты сочетались с ровным нравом, вдумчивостью, добротой.

Для брака, как "аккредитованной" при монаршем дворе, ей надо было заручиться согласием короля. Оно было дано без труда, Генрих был заинтересован в укреплении связей с лордами севера страны, известными сепаратистскими настроениями. К Екатерине он явно благоволил, помнил ее еще крошкой.

Удаляясь в поместье супруга, Екатерина связь с двором сохраняла, и это ей в дальнейшем весьма пригодилось. Она могла рассчитывать на поддержку женщин, сгруппировавшихся ради отстаивания и своих прав, и более широких интересов. При дворе она сблизилась — и уже не теряла этой дружеской связи — с дочерью близкой подруги Екатерины Арагонской Марией де Салинас.

Успешно хлопотала Екатерина о муже, он стал в результате членом регионального Совета на севере Англии. Супружеская пара оказалась на волоске от гибели из-за своей поддержки участников упоминавшегося выше восстания — "Благодатного паломничества".

Второе супружество длилось более десяти лет. Латимер умер в 1542 или 1543 году (точно установить нельзя).

Существует версия, согласно которой, когда король заговорил с ней о браке, она будто бы ответила, что готова стать его любовницей, но только не женой. Так это было или нет, но она прекрасно сознавала на примере Анны Болейн и Кэтрин Говард рискованность своего положения при Генрихе в качестве супруги.

Спутницей короля — а сопротивляться браку с ним было тщетно — оказалась женщина с самостоятельными, твердыми взглядами на жизнь. Женщина, которую грызшиеся, как пауки в банке, придворные клики не могли использовать в своих честолюбивых замыслах. Даже Екатерина Арагонская из-за впитанного с молоком матери католицизма нередко была игрушкой в руках папистов. Ее тетка придерживалась твердых протестантских верований, но в ней не было ничего от фанатички, и это тоже привлекало короля. Вероятно, он насторожился бы, знай, что у будущей супруги имелись смелые по тем временам взгляды на свою роль не только как добродетельной жены, но и как спутницы, желавшей влиять на мужа в областях, считавшихся для женщин закрытыми.

Благотворное влияние шестой супруги Генрих ощутил в первые же месяцы совместной жизни. Болейны, Норфолки, Сеймуры просиживали с ним ночи за картами. Екатерина никаких излишеств не признавала, самочувствие короля улучшилось. В знак благодарности он передал ей владения Анны Болейн и Кэтрин Говард, без колебаний назначил ее регентшей на время своего отсутствия, когда отправился на войну с Францией.

Екатерина с успехом выполняла роль хозяйки Уайт-холла, принимая и развлекая иностранных послов

и не забывая о деле. Ее действия носили совершенно определенный характер, разгадываемый лишь самыми близкими к ней людьми. Она поддерживала, поощряла все, что так или иначе отвечало интересам новой веры, альтернативе догматическому католицизму. В Кембридже до сих пор чтут эту королеву за освобождение студентов от рекрутирования в армию. Также ею было разрешено французам жить в Англии и заниматься деловыми операциями без принятия, как было установлено ранее, местного гражданства. И это — в отношении подданных державы, с которой ее муж вел войну! В выигрыше в итоге оказалась Англия.

Король не нашел в ее действиях ничего предосудительного. По ее инициативе на континент были отправлены эмиссары, уполномоченные вести переговоры о помощи Англии со стороны образованной там Протестантской лиги в случае враждебной коалиции католических правителей.

Регулярные контакты поддерживались Екатериной с королевой Наваррской, много сделавшей для содействия делу Ренессанса на континенте. Обе женщины оживленно переписывались.

Противоборство старого и нового, перекидывавшееся и на поля сражений, усиливалось и в Англии. Пламенным желанием этой супруги Генриха VIII было продвижение Реформации не силой оружия, а силой убеждения, не с помощью внешних держав, а изнутри, с помощью влиятельных деятелей, разделявших ее помыслы. Среди них главную роль играл архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер. О нем уже упоминалось, расскажем об этом примасе церкви подробнее.

Король случайно встретил его во время своей поездки по стране в 1529 году и был воодушевлен услышанной от него идеей передать дело о разводе с Екатериной Арагонской на рассмотрение ведущих университетов на континенте, где положительный отклик Генриху был обеспечен. Идея великолепно сработала, и в дальнейшем на Кранмера возлагались ответственные миссии, требовавшие от него поездок в Рим, в немецкие княжества. В течение короткого времени почти безвестный служака церкви прошел путь до высшего церковного сана — архиепископа Кентерберийского. Пост был занят им по воле монарха крайне неохотно: ему неизбежно предстояло взять на себя ответственность за ключевые решения в процессе Реформации, проходившей крайне неровно

из-за постоянных шатаний, колебаний Генриха VIII — двигаться дальше или же давать задний ход, отступить?

Этот эрудированный, умнейший богослов страдал характерным для сторонников Реформации дефектом — он весьма туманно представлял себе, что же должно прийти на смену старым порядкам в церкви. Тезисы Лютера 1517 года, так же как и взгляды Кальвина, Цвингли, Мюнцера, Лефевра д'Этапля — глашатаев коренных преобразований в духовно-религиозной сфере, — были зачастую противоречивыми, непоследовательными, отвечали специфическим условиям среды, где зарождались и проповедовались. Заимствовать их и переносить механически на английскую почву было невозможно. Совершить ломку отживших ценностей — еще половина дела. Что строить на освободившемся пространстве?

Для крушения старых порядков понадобилось относительно небольшое время, для созидания на их месте нового — значительно большее.

Убежденным сторонникам Реформации в Англии приходилось считаться с непоследовательностью короля на ниве преобразований. Тот делал два шага вперед, затем на шаг отступал, делал еще шаг вперед, а затем два назад...

Первоначальный успех восстания "Благодатного паломничества" не на шутку испугал монарха, и он стал метаться из одной стороны в другую. В 1538 году Кранмеру удалось склонить его к важной мере — распространить в стране Библию на английском языке, а не на латыни, что делало ее недоступной для населения. Каждый приход должен был иметь для желающих достаточное количество экземпляров Священного писания, переведенного на английский язык. Было разрешено распространение переводной с немецкого, французского и других языков богословской литературы новой веры. Тогда же в принятых с согласия короля обновленных теологических канонах — так называемых "Десяти статьях" — наряду с подтверждением ряда догматов католической церкви содержались положения и протестантства. Идя навстречу пожеланиям Кранмера, Генрих сперва поддерживал идею союза Англии с князьями-лютеранами в Германии, но спустя короткое время отверг их доктринальные установки, что означало и срыв союза.

Реакционный документ был одобрен Генрихом VIII в 1539 году — так называемый "Статут шести статей", не

случайно совпавший с возвышением группировки Норфолков.

Если Генрих думал такой непоследовательностью умерить религиозные и политические страсти, то добивался обратного. Поляризация сил достигла новой остроты. Жаркие — до хрипоты, а то и рукоприкладства — споры разгорались вокруг основных церковных обрядов, символизирувавших для участников такой полемики кардинальные концептуальные расхождения в смысловом содержании вероучений.

Екатерина Парр проводила долгие часы в беседах с Кранмером по богословским вопросам, доискиваясь у него ответов на то, что занимало ее. В той или иной степени это было типично для многих мыслящих людей той эпохи.

Предметом особого внимания был вопрос о таинствах — ключевой для католицизма, учившего паству, каким образом добиваться искупления грехов, снисхождения Божьей благодати.

Протестантство стало отрицать большинство таких обрядов, кроме двух — причащения и крещения, но и их рассматривало лишь как символические службы. Также оно отказывалось признать истинность превращения хлеба и вина в плоть и кровь Спасителя. Равным образом ставился под сомнение обряд покаяния, представлявшийся католиками как средство общения с Богом через исповедника. Новая вера учила прихожан общаться с Богом непосредственно за молитвами. Она же выступала против обязательности безбрачия служителей церкви.

”Шесть статей” несли не просто печать старой веры, а и провозглашали наказуемость за ”ересь”. Сурово каралось даже словесное отрицание того, что фиксировалось в статье первой данного статута, — догмы об истинности обряда пресуществления.

В июне 1546 года приятельница Екатерины Парр 25-летняя дворянка Анна Эскью была сожжена на костре за отказ признать эту статью! Попытки королевы спасти ее были тщетными. Такая же участь постигла других ”еретиков” и ”еретичек”.

За этими репрессиями стоял прежде всего епископ Стивен Гардинер — приближенный Генриха VIII, добившийся поста лорд-канцлера, тесно связанный с семейством Норфолков. Как и Кранмеру после падения Томаса Кромвеля, ему давались ответственные поручения, но он был антиподом архиепископа, выступая с жестких реак-

ционно-консервативных позиций. Монарху было выгодно держать при себе фаворитов со столь разными взглядами.

Нетрудно догадаться, на чьей стороне были симпатии королевы. Недаром она столько времени посвящала беседам с Кранмером, а затем и сама стала все чаще вызывать мужа на теологические дискуссии, что его раздражало.

Екатерина действовала подобным образом в значительной степени по настояниям группировавшегося вокруг нее кружка придворных женщин-единомышленниц, добивавшихся аннулирования позорных "Шести статей". В числе влиятельных критиков данного статута был и Кранмер, рисковавший, что с ним не раз бывало, головой. Гардинер кружил над ним, подобно ястребу, однако, пристально следя за растущим недовольством Генриха поведением супруги, решил ударить сперва по Екатерине.

В начале 1546 года над ней стали сгущаться тучи. Стремясь посеять рознь в кругу дворцовых сторонниц новой веры, Гардинер пустил слух о любовном сближении короля с графиней Саффолк. Прием не удался. Подруги Екатерины от нее не отвернулись.

Тогда этот мастер интриг и подкопов принялся обрабатывать Генриха ссылками на растущую угрозу для Англии держав Католической лиги на континенте. Он уверял, что, по его агентурным сведениям, правители этих стран с особым неодобрением относятся к слухам о роковом влиянии на него, Генриха VIII, его супруги.

Гардинер как-то присутствовал на одной из дискуссий Екатерины с мужем, она убеждала его действовать решительнее в развитии Реформации. Царедворец в беседу не вмешивался, но, когда она закончилась и Екатерина вышла, простер возмущенно руки:

— Кого вы, государь, пригрели на своей груди? Это же змея, и ее надо удушить! Как она смеет учить вас! Кому служит? Умоляю вас, Ваше Величество, подумать об интересах нации, государства, кои не имеют ничего общего с речами сей дерзновенной особы!

Гардинер знал, в какую точку бить. Генриха эти дискуссии уже выводили из себя. Екатерине изменила природная осторожность. Интриги Гардинера возымели действие, и король распорядился о подготовке обвинительного акта против "еретички" и о заключении ее в Та-

уэр. О нависшей опасности она не догадывалась. Спас ее случай, хотя не исключено, что помогли доброжелатели Екатерины. У одного из членов Тайного совета из кармана выпал — или, скорее, был выкраден — проект обвинения. Бумага была подобрана, и ее содержание передано королеве. Она потеряла сознание, увидев подпись мужа под собственным приговором. Вызвали ходившего за Генрихом врача. Узнав о причине обморока, он посоветовал ей, не мешкая, просить у супруга прощения за то, что она преступила черту дозволенного в обращении с монархом.

Хорошо еще, что доступ к Генриху для нее не был закрыт. Ее ожидал ледяной прием, но терять было нечего.

— Ваше Величество, — обратилась она к супругу, — прошу об одном — выслушать меня, вашу покорную служанку, и поступить, как сочтете необходимым. Я была и буду послушна вашей воле, я никогда не мыслила ни о чем ином и заводила с вами беседы о делах лишь из интереса к теологии, стремясь выяснить неясное для себя. Сознаю, что стала судить вольно о вещах, недоступных моему разумению, о чем глубоко сожалею, и прошу простить меня...

Нахмуренные складки на лбу Генриха разглаживались, он не прерывал супругу, а когда та окончила, отвечивал:

— Если дело обстоит так, как вы сказали, нам не о чем спорить, мы были и остаемся друзьями.

На следующий день Гардинер с сорока стражниками явился во дворец препроводить королеву в Тауэр. Генрих указал ему на дверь.

Опале сановник не подвергся, но вынужден был признать. Екатерина стала осмотрительнее, остерегаясь вступать с мужем в беседы на прежние темы, если он сам об этом не заговаривал.

И все же собеседования с женой свой след оставили. Мессы были объявлены противоречащими истинной вере, хотя полностью и не запрещены. Во время своих служб король использовал молитвы, сочиненные Екатериной. Еще при его жизни она подготовила рукопись труда "Ламентации (жалобы) грешницы". В форме молитв выражалась уверенность в силе милосердия, в искуплении грехов. Гардинер отозвался о сочинении как "отвратном", но не осмелился поднять руку на "еретичку".

Историки впоследствии воздали должное этой супруге Генриха VIII за самое важное, чего ей удалось добиться своим влиянием, — сдвинуть монарха с двусмысленных, колеблющихся позиций в отношении новой веры к защите не только буквы, но и духа протестантства как учения, бросившего вызов замшелому католицизму.

Благодаря ей Генрих согласился с тем, чтобы при его дворе в качестве законных и любимых водворились не только сын Эдуард — его место там никогда не ставилось под сомнение, — но и две дочери: Мария и Елизавета. С них было снято пятно "незаконнорожденности". В пересмотренном завещании король восстановил их права на престолонаследие.

28 января 1547 года Генрих VIII умер. Как это сказало на статусе Екатерины? Регентшей при малолетнем Эдуарде, как она рассчитывала, король перед кончиной ее не назначил. Относительно скромной оказалась выделенная ей материальная часть наследства: золотая и серебряная посуда, оцененная в четыре тысячи фунтов стерлингов, дом в лондонской округе Челси, двести человек свиты и служанок.

В качестве лорда-протектора и опекуна Эдуарда VI бразды правления, к неудовольствию его брата Томаса, захватил Эдуард Сеймур, получивший титул герцога Сомерсета.

Не прошло и месяца после смерти Генриха VIII, а расудительную, взвешенную Екатерину словно подменили: она тайно обвенчалась с Томасом Сеймуром. То был ее первый брак по любви, но супруг относился к ней прохладно, занялся рискованными интригами против брата и кончил жизнь на плахе. Екатерина до этого не дожила. 7 сентября 1548 года она скончалась, оставив дочь от Томаса Сеймура, судьба которой неизвестна.

Таков рассказ о шести женах Генриха VIII. Насильственная смерть Анны Болейн и Кэтрин Говард послужила англичанам предостережением против необузданного нрава монархов. Ограничив после буржуазной революции середины XVII века своеволие самодержцев, англичане положили конец и их произвольным расправам со своими женами. Но в XVI веке дело до этого еще не дошло. Кэтрин была не последней жертвой кровавых порядков.

ДОСТОЙНО УМЕРЕТЬ...

Джейн Грей родилась в 1537 году в Брадгейте, фамильном поместье Дорсетов поблизости от городка Лестер к северу от Лондона. Родословная ее матери Франциски вела к Генриху VII. Отцом Джейн был Генри Грей Дорсетский, впоследствии получивший титул герцога Саффолка.

Как правнучка Генриха VII, Джейн могла занять трон, но приоритетные права принадлежали не ей, и это ее несколько не волновало.

Любопытствующие туристы могут сегодня взглянуть на развалины в тенистом парке Брадгейта, где Джейн провела многие часы за историческими хрониками, религиозно-философскими трактатами, античной литературой. Здесь же развалины часовни, где она молилась, спасаясь от суеты окружавшего общества.

Один из учнейших людей того времени, Роджер Ашам, обучавший в течение двух лет юную Елизавету Тюдор, посетил Брадгейт, когда Джейн было 13 лет. Он застал ее за чтением платоновского "Федона" — диалога Сократа с учениками о бессмертии души. Родители были заняты на охоте, и гость долго беседовал с Джейн. Профессор греческого языка, он поразился эрудиции Джейн, ее недетскому мышлению. Впоследствии, когда ее уже не было в живых, он поведал в сочинении об услышанном тогда: о ее нелегкой жизни, притеснениях матери, щипках за уши, наказаниях за нежелание делить с родителями их праздное бытие.

Нельзя сказать, чтобы те пренебрегали образованием дочери. Скроенным из иной материи, им было невдомек, что тяга к знаниям может отеснить все остальное, включая развлечения светской среды.

Что касается обращения с дочерью, то родители Джейн следовали тогдашним нравам. Редко в какой семье обходились без порки детей. В школах она была обязательным правилом. Неповиновение старшим сурово каралось. Были молодые бунтари-одиночки, решавшиеся на побег из дома. Натура Джейн не желала мириться со многим, что навязывалось ей родителями. Она увлекалась новыми тогда идеями гуманизма. Возрождались памятники греко-римской литературы, изучение которых в средневековье возбранялось.

Положение Джейн позволяло ей быть при дворе Генриха VIII, общаться с Елизаветой Тюдор. Обе изучали греческий, латинский, немецкий, французский языки, а Джейн, кроме того, тянулась к постижению древнееврейского, халдейского, арабского. Она хотела читать Ветхий завет в оригинале.

В числе ее учителей был Джон Эйлмер, впоследствии епископ Лондонский, навлекший на себя после своего наставничества в Брадгейте гонения за проповеди против догмата пресуществления.

Учитель-протестант пробудил в ученице интерес к теологическим вопросам, заставил ее задуматься о смысле бытия, о сущности споров между папством и англиканской церковью. К тому времени в Англии распространялся перевод Библии на английском языке Уильямса Тиндала. Попытки епископов-папистов помешать его популяризации были тщетными. Богатые и бедные корпели над толкованием Нового завета.

Свободолюбие и свободомыслие — вот против чего, по сути, ополчались родители Джейн Грей.

Джейн много почерпнула от Екатерины Парр, в чьем особняке она на время поселилась. Таков был тогда обычай знати: отправлять детей в другие семейства, как в пансионат. Джейн с сожалением покинула этот дом после смерти Генриха VIII в связи с замужеством Екатерины (ее мужем стал Томас Сеймур, о чем уже упоминалось). Аристократ-авантюрист обратил внимание на девушку и задумал использовать ее в своих честолюбивых замыслах.

В это же время рос, мужал новый король — Эдуард VI. Смена монархов — пора, чреватая неожиданностями для нации, а в данном случае на трон сел подросток, идеальный лишь в одном качестве — как удобное орудие в руках царедворцев.

Отец оставил сыну тяжелое наследие — расстроенные из-за войн финансы, обострение розни между католиками и протестантами, память о своих далеких от добродетельности браках. Принимал решения за несовершеннолетнего монарха его опекун лорд-протектор герцог Сомерсет. Он был наделен почти королевскими полномочиями.

В истории переход от либерализма к жесткому личному правлению обычно протекает легче, чем процесс обратный. Сомерсет встал на путь реформирования внутренних порядков, допустив относительную свободу слова

в религиозной области, отказавшись от практики сурового наказания за более или менее мелкие проступки. Находившиеся под спудом во времена Генриха VIII политические, религиозные страсти вырвались наружу, приведя не к стабилизации положения, а к усилению распрей.

Когда инициатор "либерализации" в Англии увидел, до чего дошло дело, было поздно. Почувствовав возможность укрепить свои позиции, часть поместных кланов стала собирать силы, оппозиционные Сомерсету. С выступлением против него поспешил его брат Томас Сеймур. Планы захвата власти он стал связывать с устройством брака Джейн и монарха.

Дорсеты не возражали. Отец Джейн охотно принимал от Томаса денежные подношения в качестве платы за содействие планам. Неизвестно, чем бы кончились эти его хлопоты, если бы не решительные действия Сомерсета, отправившего весной 1549 года брата-соперника на плаху.

Незадолго до этого скончалась Екатерина Парр. Ее супруг на похороны не явился. За гробом Екатерины шла Джейн — единственная из представителей знати. Черствость Томаса Сеймура не могла не потрясти ее.

Жизнь в родительском доме не улучшалась. Там, однако, у Джейн был свой мир, она переписывалась с кальвинистами в Германии, Швейцарии, с учеными Кембриджа. Но отгородиться от мирских дел она при всем желании не могла. Вокруг нее, как осы вокруг сладкого цветка, увивались другие честолюбцы. Герцог Сомерсет дал знать, что подумывает о браке сына с Джейн. Родители девушки были согласны и на такой вариант. Сомерсет не догадывался, что у него имеется опаснейший соперник не только с собственными видами на Джейн, но и с хитроумными сетями, в которые должен был попасться сам Сомерсет.

У подлости нет пределов, и на фоне даже далеко не безупречных сановников в окружении Эдуарда VI один выделялся, как отмечает Британская энциклопедия, в качестве "самого ловкого и порочного деятеля XVI столетия".

Джон Дадли — злой рок в жизни Джейн Грей. Казалось бы, ему, лишившемуся отца восьмилетним подростком (тот был казнен за участие в заговоре против Генриха VIII), следовало вести себя осмотрительнее...

После второго брака своей матери с Артуром Плантагенетом, незаконнорожденным сыном Эдуарда IV, от-

чим Джона, а затем и сам юноша стали карабкаться по ступеням придворной карьеры. К сорокалетию Дадли числился одним из довереннейших лиц при Генрихе VIII, войдя в состав Тайного совета и добившись звания лорда — верховного адмирала Англии. Его изворотливость была сродни беспощадности. Силы под его командованием, захватившие Эдинбург, столицу Шотландии, разграбили и сожгли город. Затем он был послан на поле битвы во Францию, после чего окунулся в придворные баталии.

Приняв титул графа Уорика и звание лорд-чемберлейна Англии, Дадли оказался в числе приближенных Эдуарда VI, прибавив таким образом к огромному состоянию немалую толику власти. Аппетиты по данной части у него были велики, и удовлетворить их можно было лишь за счет устранения лорд-протектора Сомерсета. Интриги Дадли Уорика и его сторонников, использовавших ослабление порядка в стране в условиях либеральных мер Сомерсета, привели к осуждению последнего и его казни в 1552 году.

Посадив своих ставленников в Тайный совет, Дадли Уорик и без звания лорд-протектора добился места "первого человека" в королевстве после — формально — Эдуарда VI. Открывалось пространство для исполнения главного замысла этого деятеля, ставшего герцогом Нортумберлендом, — обеспечить своему семейству фактические рычаги власти в стране, сделать себя некоронованным королем.

Каким образом? Расчет состоял в том, чтобы женить своего сына Гилфорда на Джейн Грей, а ее сделать королевой. В линии престолонаследования она находилась после Марии и Елизаветы Тюдор и у нее было определенное преимущество перед ними, дочерьми Генриха VIII. Она не объявлялась незаконнорожденной, не была, как Мария, католичкой.

Генрих VIII к концу правления, как уже упоминалось, изменил свое завещание в пользу прежде им названных незаконнорожденными Марии и Елизаветы. Почему бы теперь Эдуарду VI не изменить волю Генриха и не объявить Джейн Грей преемницей Эдуарда VI?

Нортумберленд знал то, о чем многие не догадывались: короля подтачивала чахотка. Следовало спешить. Первое препятствие возникло со стороны самой девушки. Она резко возразила, когда родители заговорили с ней о браке с Гилфордом, не раскрывая всех деталей разработанного Нортумберлендом сценария. Возможно,

вначале мать и отец могли и не знать обо всем. Перспектива выдать дочь за члена семейства этого аристократа представлялась им заманчивой.

Родители опешили, услышав возражения дочери. В те времена любовь, взаимная привязанность в таких партиях нередко не учитывались. Расчет — материальный, политический — определял все. Против такого подхода взбунтовалась юная Джейн, так же как она отказывалась принять многое другое в существовавших порядках.

Итогом объяснения стала отвратительная сцена. Отец подступил к дочери с бранью, а мать отхлестала ее по щекам.

Сломить сопротивление девушки Нортумберленд считал делом не очень трудным. Но надо было нажать на Эдуарда VI, чтобы он изменил завещание Генриха VIII. Здесь у герцога имелся могущественный союзник в лице французского короля Генриха II. Его инструкции своему послу в Лондоне гласили: "Всеми возможными средствами поддержать замыслы Нортумберленда". Протестантка Джейн на троне была для Генриха II предпочтительнее Марии Тюдор, так как та опиралась на испанского монарха.

Всего этого сплетенного в тугой клубок вокруг нее девушка не ведала, а родителям было не до нее. Получив наследство, они предавались еще усиленнее светским удовольствиям. Наследство заключалось во владениях умершего в 1551 году Чарлза, брата Франциски, матери Джейн. Тогда же его герцогский титул Саффолков стал носить отец Джейн.

У нее могли появиться новые наряды, драгоценности, кавалеры, но все это значило немного. Получив от Марии Тюдор в дар золотую парчу, Джейн отбросила материю в сторону: носить не собираюсь!

Сохранились ее портреты. Один, кисти "мастера Джона", изображает ее в платье из пурпурной ткани с вышивкой. Невозмутимое миловидное личико. Ничто не говорит об ожидавшей ее трагической участи.

Задуманное Нортумберлендом продвигалось вперед. В конце мая 1553 года Джейн была вынуждена согласиться на брак с Гилфордом — юношей, не привлекавшим ее ни внешностью, ни умом. На решение повлияла протестантская доктрина, проповедовавшая ценности семейной жизни в противовес католическим канонам аскетизма.

Не став еще фактической супругой Гилфорда, Джейн после свадьбы, изнемогая от нервного истощения, поки-

нула дворец Нортумберлендов Сион-хауз на Темзе под Лондоном. Она уединилась в Брадгейте, возобновив переписку с единомышленниками.

Нортумберленд тем временем обрабатывал Эдуарда, втолковывая ему, что трон нельзя передавать ярой католичке Марии. Король тоже не симпатизировал папству и уступил, подписав завещание в пользу Джейн Грей как прямой наследницы.

Герцог документ скорректировал, сделал его более приемлемым для членов Совета. Все же, ознакомившись с ним, те отказались его одобрить, пока суждение не вынесет парламент. Последнее грозило срывом планов герцога.

Имелись еще верховные судьи. От них тоже многое зависело. Вызвав их к себе, Нортумберленд заставил судей подписать документ.

21 июня капитулировали члены Тайного совета. Более ста подписей высших чинов королевства было поставлено под завещанием Эдуарда VI.

Лишь 3 июля, то есть спустя почти две недели после одобрения Советом завещания короля, герцог сообщил Джейн об ожидающей ее перемене. Она будет королевой! И снова — неожиданный отпор. Леди Джейн заявила, что не согласна с волей монарха.

Эдуард еще был жив, значит, можно было воздействовать на непокорную.

Через три дня, 6 июля, Эдуард скончался при странных обстоятельствах. Герцог Нортумберленд распорядился удалить от короля лечивших его врачей. У его постели появилась знахарка, давшая Эдуарду дозу мышьяка. Сперва это его взбодрило, а потом резко ухудшило состояние. Тело покрылось язвами. Он испустил дух.

Когда еще в Эдуарде теплилась жизнь, толпы людей собирались у дворца в Гринвиче, где лежал король. Однажды Эдуард показался в окне — худой, изможденный. Собравшиеся поняли, что он обречен.

По распоряжению герцога еще до кончины монарха английское побережье было блокировано судами. Ключевые места в столице были взяты под охрану. Ворота в Сити закрывали раньше обычного и открывали позднее. Усилили проверку всех подозрительных. Личная стража Нортумберленда состояла из пятисот человек, триста охраняли отца Джейн, ставшего, как упоминалось, герцогом Саффолком. Кроме того, значительные силы стояли наготове для пленения Марии Тюдор.

Нортумберленд собирался скрыть известие о кончине короля на две недели. В течение этого срока предполагалось придать умершему вид, не вызывавший подозрения в том, что его отравили. Жаркая погода исключила такой вариант.

7 июля лишь мэр Лондона появился у гроба Эдуарда в Гринвиче. Он обязался повременить с сообщением о смерти монарха.

Властям в Лондоне было важно хоть на краткое время скрыть от Марии Тюдор известие о смерти Эдуарда, чтобы ее, ничего не подозревавшую, арестовать в Лондоне. Ее ожидала безжалостная расправа. Получив послание Нортумберленда, что дела требуют ее присутствия в столице, Мария отправилась в Лондон. Посланный верными ей людьми гонец сообщил о смерти короля. Соккрытие этого факта Нортумберлендом все поставило на свои места. Ее жизнь в опасности!

Не мешкая ни минуты, она меняет направление и скачет обратно в свое поместье в графстве Норфолк. Заговорщики быстро узнают об этом и посылают погоню. Чудом ей удается избежать ловушки в доме, где она остановилась на пути в Норфолк. Утром туда нагрянули люди герцога и, думая, что она еще там, подожгли дом.

Не задержалась Мария и в своем поместье в Норфолке, а проследовала на северо-запад, к Кембриджу, в родовое поместье Норфолков.

Теперь это уже не одинокая всадница с несколькими слугами. Вместе с ней значительные силы ее сторонников. К тому времени по Англии распространились прокламации Марии с объявлением себя законной королевой.

9 июля Тайный совет принял решение о приглашении леди Джейн в Сион-хауз для ознакомления с волей Эдуарда VI. В поместье Брадгейт неожиданно появляется гонец от Нортумберленда: Джейн предлагается немедленно тронуться в путь. Зачем? В чем дело? Она никуда не желает отправляться, а тем более в Сион-хауз! Гонец пускает в ход все красноречие: дело срочной важности! Джейн уступает, и они скачут к Лондону.

Первые же сановники, встреченные ею в Сион-хаузе, опускаются перед ней на колени. Эдуард скончался — она королева!

В банкетном зале Сион-хауза собралась знать. Среди сановников появилась хрупкая женщина в скромном платье, бросающая испуганные взоры на присутствовавших. Герцог Нортумберленд объявил о кончине Эдуарда VI

и вступлении на престол леди Джейн. Все смотрели на нее, ожидая ее слова. А она молчала. Ее била дрожь. Снова заговорил герцог и уже с нотой угрозы заявил о лежащих на нее высоких обязанностях, коими нельзя пренебрегать.

Силы покидают леди Джейн. Она падает в обморок, ее приводят в чувство, она рыдает, а затем обращается к собравшимся:

— Корона у меня не по праву, я не могу принять ее. Леди Мария — вот законная наследница!

Нортумберленды и родители Джейн в ярости наступают на нее: как она смеет идти против воли покойного монарха!

У Джейн — единственный советчик. Тот, кому она адресует молитвы в радости и скорби. Она обращает взоры вверх. Что молвит Всевышний? Молчание... Значит, делает вывод Джейн, Господь не имеет ничего против нее как монархини...

Вскоре она будет горько сожалеть о таком суждении.

В знак согласия она опускается на колени и возносит молитвы Богу. Принесением клятвы верности королеве завершилась церемония.

На следующий день леди Джейн появилась на публике. Под пушечный салют состоялось ее вступление в королевские покои Тауэра. На туфельки ей пришлось надеть деревянные колодки. Иначе ее фигурка затерялась бы в толпе. Большинству людей, явившихся к замку, она была незнакома.

В Тауэре леди Джейн выдержала атаку четы Нортумберлендов, потребовавших провозглашения Гилфорда королем.

— Не требуйте от меня невозможного, — возразила юная королева. — Только парламент имеет право выносить решение об этом. В моей власти пожаловать супругу герцогский титул, и я сделаю это, однако, повторяю, большее не в моей власти...

— Что за речи! — бросилась в атаку на Джейн мать Гилфорда. — Мой сын имеет право на королевское звание, иначе чего стоит и ваше звание? Вы еще пожалеете о вашем суждении, моего сына больше не будет в вашей постели, он удаляется вместе со мной в свои покои...

— Напрасно вы, герцогиня, гневаетесь, ничего предосудительного я не совершила и не собираюсь совершать. Я на этом месте не по своей воле, — спокойно заметила Джейн, — мое решение твердое, и, будет или нет Гил-

форд в моей постели, оно не изменится. Что касается удаления из зала, то прошу Гилфорда быть здесь, со мной, нам надо решить важные вопросы, этого требует положение в стране.

Супруг повиновался. Предстояло обдумать, как действовать дальше. До сих пор все шло более или менее благополучно. В расчет, однако, не была принята решимость Марии отстаивать права законной королевы.

11 июля члены Совета получили послание Марии Тюдор. В нем она провозглашала себя королевой на основании завещания Генриха VIII, а не Эдуарда VI. Нортумберленду и его сторонникам предлагалось подчиниться и было обещано милосердие. Мосты к компромиссу были, однако, сожжены. По всем подсчетам, превосходящие силы находились на стороне заговорщиков. Нортумберленд принимает решение о посылке войск под командованием герцога Саффолка, чтобы захватить Марию живой или мертвой.

Перспектива остаться наедине с герцогом пугает леди Джейн. Она решительно возражает против принятия ее отцом командования войсками, их, заявляет она, должен возглавить Нортумберленд. Совет поддерживает королеву, и герцог нехотя повинуется, забирая в экспедицию Гилфорда. Отец и сын вернутся в столицу пленниками, обвиненными в государственной измене.

Тем временем под полотнища Марии стекаются ее сторонники. Флотилия, собранная у берегов Англии для перехвата Марии, объявляет о переходе на ее сторону. Примечательно, что именно в юго-восточной Англии, где Мария нашла самую широкую поддержку, сильнее всего было влияние протестантов. Они поддержали ее, веря, что их чувства, как сулила Мария, будут уважаться наравне с католиками. Многие люди помнили и чтили мать Марии — Екатерину Арагонскую.

Между тем герцог Нортумберленд действует нерешительно, топчется на месте, вместо того чтобы нанести удар сторонникам Марии. С каждым часом его позиции слабеют. Начинается массовое дезертирство в лагерь Марии. Внутри Тайного совета, перенесшего свои заседания за пределы Лондона, голос поднимают до поры скрывавшие свои взгляды верные Марии сановники. 18 июля Совет объявляет Нортумберленда государственным преступником, а Марию — законной королевой.

Пробыв на троне девять дней, леди Джейн низложена. Отец срывает с нее королевскую мантию. Дочь невоз-

мутима. "Мне, — отвечает она, — легче со всем расстаться, нежели было принять корону..."

Саффолк торопится навстречу Марии выразить ей свою лояльность.

Джейн переводят из королевских покоев в Тауэре в помещение для узников. У нее отобрали все вещи, кроме нескольких книг и Библии.

3 августа Мария вступает в Лондон.

5 августа Джейн направляет Марии Тюдор письмо с изложением произошедшего с ней за последний месяц. За собой она знает одну вину: неверное истолкование молчания свыше, когда она умоляла дать знак, соглашаться или нет на занятие трона.

Послание убедительное. И без него Мария знает, что Джейн не виновна. Об этом она говорит явившемуся к ней специальному посланнику испанского императора Ренарду. Задача того между тем — убедить королеву в важности безотлагательной расправы с Джейн-протестанткой в назидание всем в стране, кто исповедует эту веру.

Королеве непросто сдержать подобный натиск. По совету испанцев она добивается брака с Филиппом Испанским. От исхода этих хлопот зависит участь Джейн. Помилование может состояться не раньше замужества королевы.

С презрением узнает Джейн об отступничестве Нортумберленда от протестантской веры и обращении в католичество в надежде на пощаду. Тщетная надежда. Герцог казнен.

14 ноября в Гилд-холле в Сити состоялся суд над Джейн и другими, обвиненными в заговоре против законной королевы. Джейн была доставлена в Сити на лодке по Темзе. От причала она прошагала к Гилд-холлу с одним молитвенником за поясом и другим — в руке. Вместе с ней на скамью подсудимых сели ее супруг, архиепископ Кентерберийский Кранмер и еще несколько человек.

Привлечение к ответственности Кранмера придало разбирательству характер процесса, направленного против англиканской церкви. Кранмер к тому времени прославил себя составлением "Книги общественного богослужения", ставшей основным пособием для приверженцев этой церкви.

Будучи человеком честным, он сперва отказался подписаться под завещанием Эдуарда VI, подозревая, что оно составлено королем под давлением Нортумберленда.

Тот, зная, что Эдуард не менее его настроен против католицизма, предложил Кранмеру встретиться с королем и выяснить взгляды Эдуарда. Кранмер убедился, что подпись короля под завещанием отражает его действительные помыслы. Только тогда архиепископ поставил и свою подпись под документом.

Кранмер в отличие от многих сановников, отвернувшихся от леди Джейн после ее низложения с трона, остался лояльным к ней как жертве не зависевших от ее воли обстоятельств. До последнего дня в марте 1556 года, когда он был отправлен на костер как "еретик", Кранмер пользовался любой возможностью, чтобы воздать должное Джейн-великомученице. Сам он не скрывал, что в какой-то момент дрогнул, согласившись отречься от протестантской веры.

Архиепископ был единственным в числе осужденных, кто вместе с Джейн в последний миг нашел силы встретить смерть мужественно. Но он был мужчиной. А Джейн? Ей едва исполнилось шестнадцать...

На суде она и другие обвиняемые были приговорены к казни. Иного ожидать было нельзя. Дальнейшее зависело от королевы.

Первый же созванный Марией в декабре 1553 года парламент аннулировал законодательство в пользу англиканской церкви, восстановил католическую литургию — мессу, запретил распространение "Книги общественного богослужения". Все это были непопулярные меры. Поддержка королевы убывала. Группа протестантов ворвалась в ее дворец на Уайт-холле и подбросила дохлого пса с мордой, обритой на манер монашеской стрижки, с обрезанными ушами и перевитой вокруг шеи веревкой.

В окружении королевы забеспокоились, как бы леди Джейн не стала притягательной силой для всех недовольных.

А сама она уже примирилась со своим концом. Об этом свидетельствовали оставшиеся после нее надписи на стенах Тауэра, куда она была заточена: "Пока Господь способствует нам, зависть снедает тебя тщетно... Если Господь покинет нас, бесплодна вся наша боль — я обращаю чаяния к свету после тьмы..."

Мария не стремилась к расправе, тянула время, но многими своими шагами восстанавливала против себя не католическое население. Ослабление ее поддержки в стране, однако, не повышало шансы леди Джейн. В на-

чале 1554 года против Марии поднялся ее единоведец Томас Уайатт-младший со своими многочисленными сторонниками. В планах королевы связать себя браком с испанской монархией Уайатт видел зло для национальных интересов страны. Участники восстания вступили в Лондон, но были разгромлены.

Спустя два дня после провала восстания Джейн и ее супруг были извещены о решении королевы: их казнь должна состояться утром следующего дня.

И тогда узница могла еще купить себе жизнь ценой отказа от веры. О такой возможности говорил с Джейн посланный к ней Марией исповедник Факенам. Первый раз он посетил Джейн 2 февраля 1554 года, попытавшись убедить ее "спасти душу" обращением в католичество. Джейн говорила с ним мягко, внимательно его выслушала, но была непреклонна.

— Продление жизни не входит в мои помыслы, — сказала она. — Я не боюсь смерти.

Накануне казни Факенам повторил предложение принять католическую веру, зная, каков будет ответ. Он спросил о последней ее воле. Джейн сказала, что хотела бы видеть его сопровождающим, когда отправится на плаху. Этот католик был ей симпатичнее многих ее знакомых протестантов.

Последняя ночь. Джейн пишет письма близким, распределяет оставшиеся вещи — прощальные дары. Первое послание — сестре Екатерине с приложенным Новым заветом на греческом. "Эта книга, — писала Джейн, — будет руководством для тебя в жизни и пособием, как достойно умереть..." Два письма отцу в ответ на одно — покаянное — от него. Коменданту Тауэра — молитвенник в бархатном переплете с надписью: "Живи, пока живешь, и чтобы смерть принесла тебе вечность".

Джейн сообщили о согласии королевы на последнее свидание с Гилфордом. 18-летний мужчина в отличие от нее пал духом, лил слезы. Вера не поддерживала его так, как его супругу. Джейн отказалась от встречи, попросив передать, что свидятся они в "лучшей обители".

Она шла на казнь несломленная. В иные времена, при иных обстоятельствах люди, выступавшие с позиций веры, причем не обязательно религиозной, могли бы черпать вдохновение в таком поведении Джейн Грей.

Анонимный современник-хроникер так описал происходившее в Тауэре после казни Гилфорда:

”Труп его с головой, завернутой в материю, был доставлен в тележке в часовню Тауэра. Леди Джейн из окна помещения в Партридж-хауз могла видеть его останки — зрелище худшее, нежели сама смерть, ибо незадолго до этого она видела его живым, направлявшимся к смертному одру. К тому времени на лужайке перед Белой башней был сооружен помост, на котором предстояло распроститься с жизнью леди Джейн. Упомянутая леди, видимо ничуть не уstraшенная, с книгой в руках, содержащей молитвы, направилась к месту казни. Взойдя на помост, она сказала собравшимся: ”Добрые люди! Я пришла сюда умереть, по закону я осуждена на такой конец. То, что было совершено против королевы, было незаконным и одобрено мною, но относительно своих намерений и действий я не виновна перед Богом и перед вами, добрые христиане”. С этими словами, опустившись на колени, она повернулась к Факенаму и спросила, можно ли ей исполнить псалом. Тот сказал: да. Тогда она исполнила псалом на английском языке. Затем поднялась и передала служанке перчатки и носовой платок, а книгу — мастеру Брюге, брату коменданта, и потом развязала капюшон. Палач подошел к ней, чтобы помочь, но она попросила оставить ее и вынула косынку.

Палач опустился на колени и попросил у нее прощения. Оно было дано. После чего он сказал, чтобы она встала на соломенную подстилку. Увидев плаху, она молвила: ”Молю покончить со мной быстрее!” И, опустившись на колени, снова спросила, не нанесет ли он ей удар прежде, чем она положит голову на плаху. На что палач ответил: ”Нет, мадам”.

Повязав себе на глаза косынку и нащупывая вслепую плаху, она спросила: ”Куда я должна идти? Где это?” Один из стоявших у помоста людей подвел ее к плахе, она положила на нее свою голову и, распрямившись, сказала: ”Господи, в твои руки я вручаю свой дух”.

Таков был ее конец.

Сердце Джейн перестало биться 12 февраля 1554 года.

Спустя три дня за участие в восстании Уайатта был казнен ее отец.

Англию и другие страны ожидало еще не одно десятилетие пролития человеческой крови во имя ”веры”, хотя сама вера, независимо от религии, взывает к братству, примирению страстей, а не к смертоубийству.

МАРИЯ КРОВАВАЯ

При королевской власти, частично ответственной перед парламентом, даже такая религиозно одержимая правительница, как Мария Тюдор, вполне могла бы умерить свой фанатизм и стать для подданных более или менее приемлемой монархиней типа королевы Виктории второй половины XIX века, то есть скорее наставницей, чем жестокой диктаторшей.

Испив чашу унижений, страданий в детстве и юности, она не огрубела. В ней с малых лет проявлялись черты, приводившие в восторг отца, пока он еще видел в первом своем ребенке то, что могло бы сделать Марию его достойной преемницей. Для детей ее возраста она была серьезна, выдержанна, редко плакала, прекрасно играла на клавесине. Когда ей исполнилось девять лет, заговорившие с ней на латыни коммерсанты из Фландрии были удивлены ее ответами на их родном языке.

Многое изменилось после появления Анны Болейн — ненавистницы, хуже которой Марии, пожалуй, никто не встречался.

Удаленная из королевского двора, оторванная от матери, Мария, несмотря на юный возраст, пыталась отстаивать свои права. Генриху, гордившемуся успехами дочери в учебе, следовало бы не в меньшей степени ценить твердость ее взглядов, ее поистине королевское достоинство.

Сколько всего испытала Мария! Полагавшаяся ей свита была распущена, сама она, изгнанная в поместье Хетфилд, стала служанкой при дочери Анны Болейн, крошке Елизавете. Анна драла ее за уши. Приходилось опасаться за саму ее жизнь. Состояние здоровья Марии ухудшилось, но матери было запрещено видеться с ней.

Казнь Анны Болейн (ее дочь Елизавета считалась теперь незаконнорожденной) принесла некоторое облегчение Марии. У третьей супруги короля Джейн Сеймур не было и тени ревности к дочерям Генриха. Джейн уговорила Марию смириться перед королем и признать Генриха VIII "Верховным главой англиканской церкви".

Иного выхода у Марии не было, если она хотела сохранить шансы для себя на будущее. И подобная уступчивость — что не было в характере Марии — себя оправдала. Генрих смилостивился. Дочери была возвра-

шена свита, и она опять получила доступ в королевский двор. Возобновились переговоры об устройстве ей брачной партии, начатые в младенчестве. Тогда, как упоминалось, двухлетней малышке готовили контракт с сыном Франциска I во Франции. Он был подписан, а затем расторгнут. В 1522 году по договору, заключенному в Виндзоре, она предназначалась в невесты своему кузену, молодому императору Карлу V. Эту комбинацию Генрих VIII отверг в пользу самого Франциска I. Крестный отец Марии кардинал Вулси склонил короля к подобному выбору единственно с целью привлечь Францию в союзицы Англии. Данный уговор также остался на бумаге.

К тому времени Генрих VIII решил сделать Марию и Елизавету престолонаследницами, что вызвало смешанные чувства в стране. Особенно встревожились протестанты. Им не улыбалась перспектива занятия престола католичкой, тем более что усиливалось влияние папистов, которые стремились взять реванш за утерянные позиции.

В Англии протестантская религия при Эдуарде VI сохраняла свое положение благодаря прежде всего окружению короля, но Мария постепенно отказывалась от прежних клятв покойному Генриху VIII.

Непримиримость в вопросах веры вырастала в фанатизм и делала Марию уязвимой при господстве протестантов. Одно время она серьезно подумывала о бегстве из Англии, а когда ей начали чинить препятствия, не разрешали отправлять мессы, обратилась за поддержкой к Карлу V. Тот откликнулся угрозами объявить войну Англии. Дальше слов дело не пошло, но угрозы свидетельствовали о серьезности спора.

Поскольку протестантская знать соперничала между собой в борьбе за влияние при королевском дворе, а позиции католической церкви в стране были еще полностью не сломлены, у Марии сохранялось поле для действий. Критический момент возник в июльские дни 1553 года после смерти Эдуарда VI. Об этом уже говорилось. Победу торжествовала женщина, проявившая в час смертельной опасности недюжинные решимость, стойкость. Находившиеся в Лондоне послы европейских монархий, стоявших на платформе католицизма, считали после провозглашения Джейн Грей королевой, что дело Марии проиграно и ей разумнее всего подчиниться неизбежному.

Мария с возмущением отвергла такие советы и оказалась права. Стремления мстить у нее после низвержения

леди Джейн с трона, однако, не было. Не ее прирожденные качества, а логика объективных обстоятельств и воздействие окружения толкали Марию Тюдор на стезю, по сути, чуждую ее натуре.

Не имея опыта государственных дел, она вначале опиралась на престарелого, но по-прежнему изворотливого лорд-канцлера Стивена Гардинера.

Советчик ее матери Карл V был и ее советчиком. Его стараниями Марии была внушена мысль о Филиппе, сыне Карла, как ее избраннике по воле Божьей, хотя он был моложе на 11 лет. Уже по этой причине данный брак представлялся сомнительным.

Мария это сознавала. До венчания она признавалась посланцу Карла:

— Ведаю, что двадцатилетний мужчина должен чувствовать склонность к амурничанию, и все-таки это не остановит меня. Я буду любить Филиппа всей душой, как угодно Господу, но буду поступать так не из-за плотского желания, а ради Творца, Его буду молить о том, чтобы Он дал мне продолжение рода...

Мария знала о крайней непопулярности в стране этих брачных планов. Депутация парламента посетила ее еще до восстания Уайатта, пыталась отговорить от такого замужества. Против было большинство ее министров, советников.

Страдая слабым здоровьем, она не была уверена в своем долголетии и молила о даровании ей наследника, что закрыло бы путь к трону протестантке Елизавете.

В июле 1554 года Мария обвенчалась с Филиппом, который ранее вступил в брак со своей кузиной Марией Португальской. Она умерла спустя два года после замужества. Со вторым браком отец Филипп связывал расчеты на сколачивание коалиции с участием Нидерландов и Англии против Франции.

О сильных чувствах испанца к англичанке речь не шла. После свадебной ночи Филипп заметил:

— Надо быть Богом, чтобы испить эту чашу!

Опасения англичан, что появление у Марии мужа-испанца приведет к нежелательным последствиям, оправдывались. Колесо парламентского законодательства поворачивалось назад, к мерам, делавшим протестантство снова преследуемой религией.

С февраля 1555 года запылали костры, на которых гибли "еретики". Дата показательна. После восстания Уайатта, казни Джейн Грей прошел год. В образе мыш-

ления королевы произошла трансформация: она стала нетерпимой к любым проявлениям инакомыслия, прежде всего в сфере религиозной.

Ставший ее ближайшим советником Ренард, ознакомив королеву с сочинениями Макиавелли, убедил ее следовать постулату автора, гласившему, что "государь, учинив несколько расправ, проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица".

Мария внушила себе, что лучше будет, если погибнут отдельные "еретики", нежели урон понесет в целом католическая церковь.

Первым встретил свой конец на костре Джон Роджерс, пребендарий собора святого Павла, самоотверженный переводчик Библии на английский язык. Вскоре после занятия престола Марией он выступил с проповедью против распространения "чумы папства, идолопоклонства и суеверия". За это был посажен сперва под домашний арест, а потом брошен в тюрьму Ньюгейт вместе с другими нераскаившимися протестантами.

В конце января 1555 года все они предстали перед членами комиссии, возглавлявшейся кардиналом Полом, которому было разрешено Марией вернуться в Англию после длительной службы в папской канцелярии Рима. Генрих VIII, а затем Эдуард VI объявили его государственным преступником. Несколько его родственников были казнены. Ближайший советник королевы, он дал сигнал к расправам с инаковерующими.

К тому времени католическая церковь в европейских масштабах сумела в значительной степени оправиться от шока Реформации и перейти в контрнаступление против ереси — к контрреформации. В этом она опиралась на свои громадные материальные ресурсы, на рычаги Римской курии с ее организационной структурой, которой могла бы позавидовать любая, в том числе и современная, бюрократическая надстройка, а также и на свое духовное господство над массой послушных верующих.

Хотя греко-православная церковь после раскола с католической, начало чему было положено в третьей четверти IX века, перестала признавать правомочность созывавшихся Святым престолом еще с IV века Вселенских соборов-съездов высшего духовенства, для Ватикана такие соборы продолжали служить главным форумом, на

котором вырабатывалась стратегия и тактика в меняющихся условиях.

К концу 30-х годов XVI столетия созыва нового собора начал добиваться Карл V, пришедший к выводу — и совершенно оправданному — о необходимости крупных преобразований в католицизме.

Римская курия во главе с папой Павлом III, напротив, стремилась, чтобы новый собор консолидировал ряды католиков, ужесточил ключевые догматы этой церкви, и преуспела к открытию сессий собора в Триенте заручиться поддержкой большинства участников этого съезда. Работа собора под названием "Триентского" растянулась с перерывами почти на два десятилетия.

Уже после первых двух лет жарких дебатов стало ясно, чья линия берет верх. Павлу III удалось настоять на своем: предложение Карла V приступить к рассмотрению реформ внутри католической церкви и лишь затем с участием протестантского духовенства заняться самым трудным вопросом — о доктринах, догмах — было отклонено.

Триентский собор с самого начала выступил против Реформации, акцентировав внимание на средневековой ортодоксии. В дальнейшем его участники приняли ряд решений, закрывавших путь к какому-либо компромиссу с протестантством. Была провозглашена безусловность авторитета папы в делах веры, введена строгая церковная цензура, в том числе посредством публикации "Индекса запрещенных книг", принято так называемое "Триентское исповедание веры", предусматривавшее суровые кары "отступникам", и другие акты в том же бескомпромиссном духе.

Самыми рьяными сторонниками Павла III, а затем его преемников Юлия III и Пия IV в воинственной ортодоксии выступал на сессиях собора учрежденный в 1540 году орден иезуитов, чьи щупальца протянулись и на Британские острова. Там, как и в других странах, служители ордена прибегали к сыску, доносам, шпионажу в дополнение к вездесущей инквизиции, нашедшей в лице Марии Тюдор горячую сторонницу.

Слово "компромисс" было для нее почти бранным. В вопросах веры она не признавала никаких уступок. Даже ее советники-испанцы, видевшие в Реформации "руку Сатаны", теперь были в ужасе от фанатизма королевы. Такой прежде Мария Тюдор не была. А оказавшись на троне, стала "святей папы"!

В течение четырех лет (1555—1558) около трехсот мужчин и женщин были в Англии приговорены к сожжению, среди них — иерархи церкви Кранмер, Ридли, Латимер, Хупер, Феррар, а также ремесленники, купцы, люди искусства. В дождливую погоду мучения жертв затягивались. Ничего более страшного собравшиеся толпы не видели. Филипп предлагал супруге вершить приговоры не на публике, она возражала, полагая, что такое зрелище лучше для устрашения непослушных.

Результатом было возникновение "ненависти в умах людей — безотчетной, необузданной и почти неизгладимой в отношении Рима и всего им олицетворяемого", констатировал в своей "Политической истории Британии" англичанин А. Поллорд.

В остальном ни как правительнице, ни как супруге Марии не везло.

Развязать войну с Францией под диктовку Филиппа было несложно, значительно труднее было добиться успеха. В личных бумагах королевы было найдено такое признание: "Когда я умру и буду вскрыта, в моем сердце вы найдете рану по имени Кале..."

Этот портовый городок был единственным оставшимся опорным пунктом Англии во Франции от когда-то находившихся там ее громадных владений. В январе 1558 года он был отбит у англичан.

Была у нее и другая потеря — ее Филипп. Спустя год после свадьбы он отправился в Брюссель за получением полномочий на управление Нидерландами. А затем в январе 1556 года, в связи с отречением Карла от императорского трона, Филипп стал сувереном Испании с ее американскими владениями, Неаполя, Сицилии, Нидерланд и герцогства Миланского. Весной 1557 года Филипп вернулся в Англию лишь затем, чтобы освятить своим присутствием начало военных операций против Франции.

В июле он отбыл на континент и больше с супругой не виделся. Мария тяжело переживала разлуку, писала ему письма, засиживаясь иногда до рассвета, а к пяти-шести утра снова была на ногах. К сорока годам выглядела старухой.

Кто знает, как повел бы себя Филипп, пояись у Марии наследник. В таком случае, возможно, многое, что вызывало у него и его челяди антипатию к Англии, рассеялось бы. Поводов для нелестных отзывов, реплик о порядках при дворе Уайт-холла хватало.

— Не могу равнодушно смотреть на придворных дам с укороченными юбчками, открывающими их ноги,

едва они садятся! — откровенничал в кругу своих приближенных Филипп, не являвшийся, как было хорошо известно, праведником по женской части, но в данном случае разыгрывавший благочестие.

Видимая своему повелителю, его клеветы предвещали крах этого брака, если королева не принесет супругу мальчика. А она была бы рада и девочке — лишь бы стать матерью.

Видимо, от родителей — Генриха VIII и Екатерины Арагонской — ей передалось заклятие незадачливого материнства, несмотря на страстные мольбы к Господу даровать ей ребенка. Творец, в которого она так верила, не только оставался глухим к ее мольбам, но и надсмеялся над ней.

В ноябре 1554 года, то есть спустя несколько месяцев после венчания с Филиппом, она услышала от вернувшегося в Англию из Рима кардинала Реджинальда Пола ободряющие слова:

— Ваше Величество, мне ведомы ваши сокровенные помыслы, и я присоединяю свой голос к вашим молитвам о ниспослании вам желанного чада. Будем взывать к Всевышнему о такой милости, и отклик последует...

И — о, чудо! — вскоре ей показалось, что у нее появились признаки беременности, о чем она не преминула оповестить подданных, распорядившись о совершении благодарственных молебнов в церквях.

— Смело смотри в грядущее, Мария, — возгласил с амвона собора святого Павла проповедник, — ибо на тебя падает Божья благодать, зачатие у тебя свершилось и ты разрешишься сыном!

Звучали и иные голоса. На фасаде дворца в Хемптоне появилась бумажка с надписью: "Добрые люди, не будьте глупцами, не дайте обмануть себя верой в появление ребенка у королевы".

Шли недели, месяцы, а вместо ожидавшегося правоверными католиками чада у Марии распространялись слухи о появлении на свет антихриста, заговорившего на тарабарском языке спустя восемь дней после рождения!

Были и другие признаки неблагополучия дел в стране. Необычно дождливым было лето 1555 года, погубившее почти весь урожай зерновых.

То, что вначале было принято у Марии за зачатие плода, оказалось опухолью, но об этом публично не сообщалось, и в среде протестантов стали выражать опасения, как бы за наследника королевы не был выдан чужой ребенок.

В начале августа двор Марии переехал из дворца в Хемптоне в поместье Оутлендс. К тому времени несостоятельность беременности королевы стала очевидным фактом. Именно тогда Филипп покинул в первый раз свою супругу, вернувшись в Англию спустя 19 месяцев, да и то лишь на три с половиной месяца в последней попытке стать отцом наследника.

Повторилась прежняя история: новая версия о беременности — и с тем же результатом!

Марии по ночам стали мерещиться сны, в которых она представляла перед народом с мальчиком от Филиппа, или же ей виделись кошмары, навеянные слухами о планах брака Филиппа с Елизаветой Тюдор.

Как женщину Марию можно было пожалеть, как королева она заслуживала суровейшего осуждения за изуверства в преследовании "еретиков". Даже ее ближайший советник Ренард, опасаясь народного гнева, жертвами которого стала бы образовавшаяся в стране колония его соотечественников, предостерегал против такого рвения. Предостерегал безуспешно. Худшие черты ее природы словно бы вырвались наружу и подмяли все рациональное, здоровое.

А ведь в начале правления Мария провела ряд популярных мер: отменила стеснявшие развитие промышленности налоги, установленные Нортумберлендом, ввела в действие законодательство для защиты отечественной торговли от конкуренции эмигрантов с континента.

Все это отошло на задний план за полыхавшими кострами инквизиции. В своем ожесточении королева распорядилась не щадить и тех, кто, очутившись перед кострищами, был готов принять католичество. Смертная кара была введена даже за распространение и хранение протестантской литературы.

Искала ли Мария в смраде паленой плоти выхода неутоленному желанию материнства? Об этом можно было только гадать. Реальностью была ее религиозная одержимость, вырывавшая пропасть между ней и подавляющим большинством ее подданных. Лишь осмотрительностью избежала гибели от рук сводной сестры юная наследница престола — Елизавета, что заслуживает отдельного рассмотрения. Но сотням, тысячам людей, павших жертвами фанатизма Марии или же поплатившихся мучениями на дыбах Тауэра и других застенков, так не везло.

Пожиравшее "строптивцев" пламя было бессильно остановить распространение "ереси", принимавшей чем

дальше, тем больше характер движения, направленного против личности королевы с кличкой Кровавая. По рукам ходило все больше рукописных и печатных листов с нападками на нее. Она ощущала колебания трона.

При всей беспощадности Мария Тюдор тем не менее не замахивалась — да и не могла бы сделать этого из-за отсутствия соответствующего репрессивного аппарата — на парламент как учреждение, чьи стены являлись как бы неприкосновенными для гонений на свободу слова, свободу совести. Под крышей парламента раздавались не только мнения, расходившиеся с официальным курсом, но с явным ослаблением власти королевы депутаты парламента отваживались на отклонение вносимых ею биллей.

Часть депутатов в лице "молодых и горячих голов" сколотила группировку для противодействия курсу Марии Тюдор. Благодаря их усилиям был провален один из королевских биллей, внесенных в интересах католиков.

Последовал новый билль, направленный против нашедших убежище за пределами Англии протестантов. Смелчаки депутаты, завладев ключами от входа в палату общин, провели голосование, в результате которого и этот билль был отклонен, с чем Марии пришлось смириться, тем более что ее физическое состояние продолжало ухудшаться.

И на смертном пороге немощной, дрожащей рукой она подписывала приговоры о сожжении бунтарей.

10 ноября 1558 года пять человек были сожжены в Кентербери. Три дня спустя Мария подписала указ о такой же расправе с двумя "еретиками" в Лондоне. Приведен в исполнение приговор не был.

Огненная стихия угасала с угасанием жизни ее повелительницы. Мария Тюдор доживала последние дни, ознаменованные и последним ее актом, чему она противилась все предыдущие годы. 9 ноября Тайный совет принял решение о Елизавете Тюдор как наследнице Марии. Предложение об этом внес от имени Филиппа Ренард, присутствовавший на заседании совета в качестве полномочного представителя своего господина. Для Филиппа Елизавета являлась "наименьшим злом" на английском престоле по сравнению с другой претенденткой — юной Марией Стюарт, нашедшей убежище во Франции. Верх взяли державные интересы Испании перед лицом враждебной ей Франции, несмотря на католичество Марии Стюарт.

Дышавшей на ладан королеве ничего не оставалось, как утвердить решение Тайного совета, правда с оговоркой, что Елизавета будет соблюдать старую религию, а не протестантство и, кроме того, покроет образовавшиеся у Марии долги.

Отходившая в вечность королева могла выдвигать любые оговорки, любые условия — не в ее власти было проследить за их выполнением. Мария ожидала возвращения "летучего супруга", чтобы попрощаться с ним.

Увы! Даже такое пожелание не было исполнено. Филипп к смертному одру супруги послал своего эмиссара. Мария скончалась на рассвете 17 ноября 1558 года. Нация в лице большинства подданных не скорбела, а приветствовала вступление на трон 25-летней Елизаветы I. Над Англией занималась заря ее долголетнего царствования.

Глава X

УРОКИ ВЫЖИВАНИЯ

В предыдущих главах рассматривались судьбы наследника Генриха VIII — Эдуарда VI, "королевы на час" Джейн Грей и Марии Тюдор. Лишь бегло упоминалось о дочери Генриха VIII и Анны Болейн — будущей королеве Елизавете I. Имеет смысл подробнее рассказать о ее детстве, девичестве, то есть об условиях, в каких формировался ее характер. Здесь имеется немало любопытного, примечательного.

Роды у Анны Болейн состоялись в воскресенье 7 сентября 1533 года в Гринвич-паласе без присутствия Генриха VIII. Он находился в Лондоне в соответствии с традицией: у королевской роженицы должны были собраться высшие сановники, но не монарх. Туда заблаговременно прибыли герцогиня Норфолкская, архиепископ Кранмер, епископ Лондона Стокли и другие сиятельные лица.

Они ахнули, когда из покоев Анны было вынесено сморщенное существо — девочка!

Полагаясь на многочисленные предсказания, что его вторая супруга принесет ему мальчика, король приготовил вывезенную с континента в качестве трофея инкрустированную золотом кровать. Рыцари упражнялись на турнирах в предвосхищении празднеств в честь рождения мальчика, и еще не родившийся ребенок по решению короля был наречен Эдуардом. Спешить с тем, что не

свершилось, явно не следовало. Ожидавшееся было легко сгладить!

Среди присутствовавших в Гринвич-паласе возникло замешательство. Стали обсуждать, кого послать к королю с плохой вестью.

Спустя три дня после появления на свет девочки чинная процессия тронулась в путь из приемного зала в Гринвич-паласе с его старинными гобеленами на стенах, прошествовав по устланной тростником дорожке в церковь Францисканцев — на крестины. Герцогиня Норфолкская несла ребенка в бархатной пурпурной ткани. Внутри церкви под балдахином стояла серебряная купель. Под глас духовника в нее окунули крошку:

— Пусть Господь в своей неустанной благодати шлет процветание и долголетие высочайшей и всесильной принцессе Елизавете!

Протрубили горны, началась раздача даров. Генрих VIII прислал золотую чашу, жемчужины, шесть золотых чаш с засахаренными фруктами и печеньем.

На следующий день та же процессия двинулась в обратный путь в Лондон. До баржи их сопровождали стражи с факелами в руках. Праздничным шествие не выглядело.

Скромными были торжества в Лондоне. Ни фейерверка, ни угощения на улицах. Лишь кое-где с наступлением темноты зажглись карнавальные костры.

Кое-кто злорадствовал. Испанский посол в Лондоне писал домой: "Господь оставил Генриха своими благостями, ожесточив его еще сильнее в упрямстве и наказав за прегрешения". Вспоминали текст Ветхого завета — обращение к умиравшей во время родов женщине: "Не бойся, ибо ты родила сына", — и переиначивали слова на свой лад: "Бойся, ибо ты не родила сына..."

Реакция Генриха на рождение у его второй супруги не мальчика, а девочки, как уже говорилось, была отрицательной, но вымещать на новорожденной свои расстроены чувства он не собирался. Королевское поместье в Хетфилде к северу от Лондона было пожаловано принцессе в собственность, и ее отправили туда в конце 1533 года подалее от сырости Темзы под крыло леди Брайан, ходившей прежде за дочерью Екатерины Арагонской — Марией. Лучшей гувернантки найти было бы трудно.

Знай Генрих, какую дочь подарила ему Анна, за одно это он должен был бы боготворить супругу! Малышке пришлось усваивать некоторые истины, касавшиеся из-

менчивой атмосферы королевского двора. Она лишилась матери, когда ей едва исполнилось три года, и вопрос, который она задала миссис Брайан, был бы логичен и в устах взрослого человека:

— Почему вчера меня называли принцессой, а сегодня зовут леди?

Как было объяснить крошке, что по велению отца она стала "незаконнорожденной"! Миссис Брайан хватало забот. Она была вынуждена обратиться к королю с просьбой о помощи для обновления порядком износившегося гардероба своей воспитанницы. Просьба была уважена, но, занятый политическими и матримониальными хлопотами, Генрих родительскими обязанностями пренебрегал.

Впрочем, то, что Елизавета оказалась в опале, пошло ей в определенном смысле на пользу, избавив от церемониальной суеты в интриганской атмосфере двора. Она могла уделить больше времени занятиям с учителями, присланными из Кембриджа с его репутацией центра гуманистических идей. Калибр учителей обеспечивал качество образования. Особенно преуспевала Елизавета в языках: французском, итальянском, латыни, греческом.

Речь шла не о поверхностных знаниях. Латынь, например, она изучила в такой степени, что свободно писала и говорила на этом классическом языке. Лингвистическое мастерство позволило ей впоследствии обходиться без переводчиков при встречах с иностранными послами. В то время английским языком не владел ни один посол в Лондоне. Наиболее распространенными языками были французский, испанский и латынь.

Большое влияние на Елизавету оказал учитель греческого языка Роджер Ашам. От него она переняла не только увлечение охотой и верховой ездой, но и весьма пригодившейся ей практикой "двойного перевода" — с иностранного на английский, а затем снова на тот же иностранный. Это помогало оттачивать и стиль письма.

Самое раннее сохранившееся письмо Елизаветы помечено июлем 1544 года, то есть когда ей пошел одиннадцатый год. Оно было адресовано супруге Генриха Екатерины Парр и написано на итальянском языке. К концу того же года она закончила перевод с французского одного из эссе королевы Маргариты Наваррской, а вскоре сделала перевод на латынь, французский и итальянский сочиненных Екатериной псалмов. В том же возрасте ей под силу оказались пространные аннотации работ Платона, Тома-

са Мора, Эразма Роттердамского. Любила она читать в подлиннике Сенеку и взрослой, когда на нее нападала меланхолия, могла часами заниматься переводом на английский произведений этого эрудита-римлянина.

Такой уровень образования поддерживался тогда во многих состоятельных семьях в Англии, но далеко не всегда ученики были столь прилежными и талантливыми, как Елизавета.

Было принято следить, чтобы юноши и девушки не поглощали дешевой "любовной литературы", а познакомились с классической мифологией, историей, изучали Библию.

Главное, пожалуй, заключалось в том, что молодые люди не отвлекались на пустяшные развлечения, как стало наблюдаться с развитием средств коммуникаций, что позволило без умственной нагрузки "убивать время".

Книга стала привычной спутницей Елизаветы, и это видно на хранящемся в Виндзорском замке ее портрете, написанном в годы учебы. У нее серьезное выражение личика, рыжие волосы, подвязанные подобием косынки, оттороченной жемчугами, и такое же ожерелье на шее. На тонких пальцах перстни. Пурпурное платье.

Король к концу правления восстановил Марию и Елизавету в правах престолонаследования, но поскольку трон перешел к Эдуарду VI, рассчитывать Марии и тем более Елизавете на скипетр в ближайшие годы не приходилось. И при незначительности подобных шансов ореол наследниц был способен вскружить голову честолюбцам при дворе.

Рычаги власти, державшиеся Генрихом VIII, при монархе-мальчике повисали в воздухе. Поскольку его ближайшими родственниками по материнской линии были братья Сеймуры, то они заняли наиболее влиятельные позиции. Эдуард Сеймур оказался более цепким и, пожаловав себе герцогский титул Сомерсета, возложил на себя обязанности опекуна короля-подростка одновременно с должностью лорд-протектора.

Младший брат Томас полагал себя незаслуженно обойденным. В кругу приятелей-собутыльников он любил перечислять свои заслуги:

— Кого Генрих послал командовать войсками в Нидерланды? Меня! Кто получил пожизненное звание генерального директора артиллерии? Я! Кто был возведен в звание Верховного адмирала? Тоже я!

Статность, рост, мужественные черты лица производили впечатление. И хотя к 1547 году, когда трон занял

Эдуард VI, Томасу было уже около сорока лет, он не спешил с браком, намереваясь составить блестящую карьерную партию.

Захват власти Сомерсетом заставил Томаса форсировать такие планы, и объектом его внимания стали наследницы — Мария и Елизавета. Их человеческие качества его не очень интересовали. Ради собственного возвышения он был готов взять в жены любую. Мария была предпочтительнее в силу ее приоритетности как наследницы, но первые же его зондажи показали, что тут коса находит на камень. Протестанта Томаса поверг в замешательство ярый католицизм Марии, да и сама она отвергла его авансы.

Елизавета с внешностью распускающегося бутона представлялась желательнее. Зная о дружбе Эдуарда VI с ней, Томас решил заручиться поддержкой короля. Проведав, что протектор держит мальчика в строгости, деньгами не балует и даже приказывает пороть за провинности. Томас, соблюдая осторожность, стал подбрасывать Эдуарду кошельки со звонкой монетой. Подношения прятались в покоях короля под ковер и извлекались мальчиком. И он высказался за Елизавету как супругу Томаса.

Члены Тайного совета и лорд-протектор встали на дыбы, когда Томас обратился с просьбой о таком браке. Пришлось переориентироваться. Имелся другой вариант. Томас знал, что еще до своего брака на Генрихе VIII Екатерина Парр была равнодушна к нему. Можно было смело действовать. Взаимность была обеспечена. И на этот раз согласие лорд-протектора не было получено, но Томас решил пренебречь отказом и вступил в тайный брак с Екатериной, а так как он был частым гостем в ее резиденции в округе Челси, то его пребывание в этом доме большого внимания не привлекло.

Когда тайное стало явным, лорд-протектор оказался занятым гораздо более серьезными делами и оставил младшего брата в покое. Обстановка в стране осложнялась. И винить в этом Сомерсет должен был самого себя. Он решил ослабить туго завинченные Генрихом VIII гайки управления государством, не позаботившись, чтобы его относительно мягкий курс в отношении поместных владык, которых Генрих держал в узде, не привел к резкому нарушению соотношения сил в стране — в ущерб централизованной власти, а значит, и в ущерб порядку. Трепетавшие перед Генрихом VIII главы аристократических семейств с их громадными земельными владениями стали подкапываться под лорд-протектора.

Наблюдая происходящее, Томас решил ковать железо, пока горячо, и в его амбициозных замыслах утверждения своей единоличной власти Елизавете отводилась отнюдь не последняя роль. Их пути пересеклись в доме Екатерины Парр в Челси. Дело в том, что она предложила девушке после смерти Генриха переселиться к ней, чтобы помочь ей в занятиях предметами, любимыми ею самой. Так что, когда Томас сыграл тайную свадьбу с Екатериной и поселился у нее, Елизавета в доме Екатерины была уже не гостьей, а почти наперсницей Екатерины.

Не питавший особой страсти к только что обретенной супруге, Томас стал оказывать знаки внимания Елизавете — и какие! Он зачастил с посещениями ее спальни по утрам и нередко заставлял ее еще нежившейся в постели.

А как реагировала Екатерина? Сперва она не придавала значения поведению супруга.

Однажды в саду своего дома Екатерина даже присодинилась к Томасу, когда тот, как бы играючи, гонялся за девушкой, а поймав, стал рвать на ней платье.

Но, увидев как-то свою воспитанницу на коленях у мужа, она содрогнулась. Екатерина ожидала тогда ребенка. Состоялось объяснение с мужем и с Елизаветой, расплакавшейся и заявившей, что она больше оставаться в доме не может. Она сознавала в течение некоторого времени ложность своего положения. Томас ее и пугал и привлекал. Осторожность все же брала верх. Она не могла забыть об участии своей матери. С легким сердцем она покинула Челси-палас и переселилась в особняк Чешнат в городских пределах. Екатерина от нее получила благодарственное письмо за оказанное гостеприимство.

То был, однако, не конец данной истории, а лишь начало злоключений девушки. Казалось, Томас о ней забыл. Но не такой он был человек, чтобы отступать от задуманного. Он ринулся в новую авантюру, решил наладить чеканку фальшивой монеты, чтобы привлекать за деньги сторонников, готовых участвовать в заговоре против лорд-протектора. Тем временем от неудачных родов скончалась Екатерина, и Томас нанес визит Елизавете вскоре после кончины жены, дав понять, что отныне свободен и рассчитывает на ее руку.

Всякое упоминание о Томасе заставляло девушку краснеть. Что это значило? Если даже сердечко девушки трепетало от имени Томаса, она не позволяла чувствам брать верх над рассудком. А Томас продолжал осаду все

настойчивее, пользуясь тем, что Елизавете пришлось покинуть сперва Чешнат, а потом другой особняк и искать еще одну резиденцию. Он предложил ей переехать в свой дом на Сеймур-плейс, но получил такой же неопределенный ответ, как и предыдущие. Это не обескураживало его. Уверенность вельможи в том, что брак состоится, была так велика, что он принялся выяснять, каким состоянием располагает Елизавета и можно ли будет устроить ему получение полагающегося ей денежного содержания.

Решающий разговор между ними состоялся, и Елизавета наконец внесла ясность в ситуацию:

— Милорд, — в твердом тоне обратилась она к нему, — вы должны уразуметь, что я собой полностью не располагаю, мою судьбу предстоит определить Тайному совету и лорд-протектору, поэтому выясните их отношение к вашим намерениям, и только после этого я приму решение...

Елизавета прекрасно знала, каков будет ответ Сомерсета и Тайного совета, но отталкивать Томаса прямым отказом она не хотела.

Знала она и о том, что ее руки добиваются в других королевских дворах — на континенте. Вопрос о ее замужестве впервые возник, когда ей было два года. Тогда из Парижа пришло в Лондон донесение о заинтересованности Франциска I в обручении его младшего сына герцога Ангулемского с ней. Генрих отнесся к предложению безучастно, а затем акции его дочери на рынке монаршьих невест упали. В описываемый период, то есть к концу 40-х годов XVI века, они опять поднялись.

Томасу надлежало бы хлопотать о сохранении собственной жизни. Афера с чеканкой фальшивой монеты была раскрыта так же, как и планы смещения брата с поста лорд-протектора. 17 января 1549 года Томас был арестован, а 20 марта казнен.

Елизавета находилась тогда в Хетфилде и была напугана появлением вооруженной стражи из Лондона, посланной для препровождения в Тауэр ее гувернантки Кэт Эшли, сменившей миссис Брайан, и управлятеля имения Томаса Парри. Явился в Хетфилд и эмиссар лорд-протектора сэр Роберт Тайруит с поручением учинить дознание: не замешана ли Елизавета в заговорщических замыслах Томаса Сеймура? Близость вельможи к девушке ни для кого не была секретом.

— Вы, сэр, — твердила Елизавета эмиссару Сомерсета, — можете сколько угодно допрашивать меня, но

с чистой совестью я настаивала и настаиваю, что мне не были ведомы его планы и намерения, выходящие за пределы нашего знакомства в доме покойной Екатерины Парр. Если вы усматриваете в факте такого знакомства что-то противозаконное, тогда вмените это мне в вину, но в таком случае подобным же образом должны быть виновны многие почтенные подданные Его Величества, которые были знакомы с этим человеком!

Логика такого образа мыслей была безукоризненна, и как ни старался сэръ Тайруит исторгнуть из уст Елизаветы требуемое признание, она стояла на своем. Целую неделю длились допросы, пока наконец Елизавета не заявила, что обратится с письменным посланием к Сомерсету.

Исходя из того, что стремился выудить у нее сэръ Тайруит, Елизавета в письме отрицала приписываемое Кэт Эшли намерение устроить ее брак с Томасом и указывала, что такой шаг она в любом случае не предприняла бы без согласия Тайного совета. С негодованием отозвалась она о диких слухах, будто у нее появился от Томаса ребенок или же она беременна от него.

— Я готова явиться для осмотра в королевский двор, и пусть там убедятся, как бессовестно пытаются оклеветать меня! — заявляла Елизавета.

Лорд-протектор молчал, и девушка снова обратилась к нему, когда в Хетфилд из Лондона на место Кэт Эшли была прислана супруга сэра Тайруита, встреченная Елизаветой такими словами:

— Миссис Эшли была моей гувернанткой и таковой останется, что бы на сей счет не решал Тайный совет!

Всю ночь Елизавета проплакала, а утром направила Сомерсету энергичное письмо, настаивая на освобождении своей любимицы из Тауэра.

На этот раз послание возымело эффект. У Сомерсета не было особых причин добиваться осуждения Елизаветы и ее близких, если они действительно не были причастны к козням Томаса, а никаких доказательств на сей счет обнаружено не было. С Елизаветы были сняты обвинения, причем, отдавая отчет в важности общественного мнения, она настояла на публичном характере такого своего оправдания. Кэт Эшли была выпущена из Тауэра.

Эта история оставила неизгладимый горький след в душе Елизаветы, внушив ей подсознательный страх к брачным узам. А Томасу было вменено в вину в числе прочих проступков намерение жениться на Елизавете в коварных целях.

Можно было, как ей казалось, успокоиться, но в обстановке соперничества рвавшихся к власти клик две сестры-наследницы вряд ли могли оставаться незатронутыми распрями. Невидимая, над Елизаветой сгушалась новая грозная туча. Осенью 1549 года граф Дадли-Уорик добился смещения и казни Сомерсета, вознаградив себя титулом герцога Нортумберленда. Он стал вести дело к узурпации власти путем аннулирования завещания Генриха VIII о Марии и Елизавете как престолонаследницах.

Чем все это закончилось, как провалились планы Нортумберленда — об этом уже рассказывалось. Мария в качестве законной королевы вступила триумфально в Лондон. Вернулась туда из Хетфилда и Елизавета. Она поздравила и сводную сестру с победой, могла поздравить и себя. Ею снова был проявлен максимум осмотрительности в критический момент.

Пожалуй, самой серьезной опасности Елизавета подверглась во время кратковременного правления Марии, и если бы не крайняя осторожность, соединенная с умелой самозащитой, ее скорее всего ожидала бы гибель.

Сразу же после отвоевывания трона Мария, видя в Елизавете подругу по грозившей им обоим опасности, сблизилась с ней. Дружба демонстрировалась на публике. Это шло вразрез с планами Габсбургов, и испанский посол в Лондоне Ренард был уполномочен предпринять все от него зависящее, чтобы устранить Елизавету как наследницу Марии Тюдор.

Поскольку к тому времени Мария утвердилась в намерении выйти замуж за испанского монарха Филиппа II, у Ренарда имелся сильный козырь для давления на нее в желанном направлении. Ни одно его посещение Марии — а он стал фактически ее главным советником — не обходилось без указаний на рискованность для нее как королевы нахождения поблизости "еретички-протестантки". Ренард предупреждал, что Филипп не решится прибыть в Англию на бракосочетание, пока не будет "нейтрализована" Елизавета.

Удар направлялся в самый уязвимый пункт. Ренард знал о фанатичном католицизме Марии. Однако королева, привыкшая в трудных ситуациях полагаться на собственный ум, решила и в данных обстоятельствах действовать на свой лад. Она вознамерилась обратить Елизавету в свою веру — как начало массового окатоличивания своих подданных.

С началом правления Марии при ее дворе были отменены протестантские обряды и восстановлены католические. Елизавета предпочитала обряды англиканской церкви и на мессах не присутствовала. Мария прочла ей нотацию о благодати праведных путей и греховности ложных. На улицах Лондона еще не полыхали костры "еретиков", но остерегаться фанатизма королевы следовало. Елизавета попросила об аудиенции и, опустившись на колени перед королевой, умоляла:

— Ваше Величество, поймите, что я воспитана в иной вере, чем вы, и должны простить мне то, что считаете прегрешением. Меня не учили доктринам старозаветной религии, как вас. Как же я могу заблуждаться в том, что полагала до сего дня истиной для себя? Прошу дать мне почитать о доктринах, в которые вы верите, и, если они убедят меня, буду готова принять их. И заверяю, что независимо от этого буду присутствовать на мессах при дворе...

Накануне такой очередной службы Елизавета пожаловалась на недомогание, а на пути в церковь ссылалась на боли в желудке, службу справила небрежно. Марии нашептали о "неисправимой еретичке", к чему Ренард добавил требование об изгнании Елизаветы из королевского двора.

Она все еще колебалась, изыскивала способы показать свою немилость без жестких мер: за столом первой после Марии стали подавать не Елизавете, а графине Леннокс, прекратилось одаривание Елизаветы вещественными знаками внимания. Придворные начали сторониться попавшей в опалу девушки.

Она рассудила, что ей лучше удалиться в свое поместье. Мария выразила согласие. "Беглянке" был выделен внушительный эскорт. Однако ее недоброжелатели в окружении Марии продолжали чернить принцессу и эта обработка оказывала действие. Мария не смягчалась, а ожесточалась, с ее уст срывались реплики о том, что сестра окружила себя "отпетыми грешниками", что черты ее лица с годами становятся все более похожими на лик одного из придворных Анны Болейн.

Начали предприниматься закулисные ходы для выдачи Елизаветы замуж за не очень родовитого вельможу, а еще лучше — за кого-то из членов монарших дворов на континенте.

Но именно со вступлением ее на трон связывали надежды те, кто с тревогой наблюдал за окатоличиванием страны, за гонениями на "еретиков".

Зрела подготовка восстания против Марии во главе с Томасом Уайаттом. Оно началось в конце января 1554 года. Его участники вошли в Лондон, но были разгромлены.

В первые же дни восстания королева распорядилась о возвращении Елизаветы в Лондон, опасаясь соединения мятежников с "затворницей" в Хетфилде, и такие опасения усилились с отказом Елизаветы повиноваться приказу из-за недомогания.

Между тем во вскрытой дипломатической почте французского посла в Лондоне была найдена копия одного из писем Елизаветы Марии. Значит, она состояла в связи с французами?

Из Вестминстера летит в Хетфилд категорическое указание Елизавете: вернуться в Лондон!

К тому времени Уайатт и его соратники находились в темницах Тауэра. На допросах их подвергали истязаниям. У Елизаветы имелись веские основания беспокоиться о показаниях, какие дают вожаки восстания. Еще до своего выступления они пытались установить с ней контакт, привлечь на свою сторону. Она вела себя максимально осторожно, но не была уверена, что, спасая жизни, кто-то из них не укажет на нее как причастную к заговору.

Желая добиться возвращения Елизаветы в Лондон, Мария направляет в Хетфилд нескольких членов Тайного совета в сопровождении врачей. Те находят ее действительно нездоровой, но полагают, что передвигаться она способна. Елизавета не возражает и в письме Марии просит отвести ей резиденцию не во дворце Вестминстера на берегу Темзы, а подальше от реки — во дворце Уайт-холла.

В критических ситуациях приходится просчитывать каждый шаг, дабы не оступиться. От Вестминстера ее могли, не привлекая внимания, переправить по Темзе в Тауэр, а от Уайт-холла надо было провезти по улицам, о чем узнали бы жители Лондона и, вероятно, подняли бы шум.

Магия ее имени была велика. В этом она убедилась, прибыв в Лондон в паланкине. Жители тепло приветствовали Елизавету.

Мария не пожелала с ней увидеться. Еще один дурной знак! Самое худшее, как ей казалось, уже миновало. До нее доходили сведения, что никто из захваченных вожаков восстания ничем не скомпрометировал ее.

Тем больше она ужаснулась, когда за ней во дворец Уайт-холл явились со стражниками маркиз Винчестерский и граф Сассекский, чтобы сопроводить ее в Тауэр.

— Прошу дать мне возможность поговорить с моей сестрой-королевой, — обратилась она к сановникам.

— Мадам, такого указания у нас нет, предлагаем собраться!

— Дайте мне по крайней мере возможность написать письмо королеве, — настаивала Елизавета, стремясь выиграть время.

Был дневной час, она знала, что вскоре прилив по Темзе не позволит доставить ее в тот же день к замку-крепости на берегу реки.

Сановники заспорили, решив, что вреда от письма Елизаветы не будет. Позднее Мария сурово отчитала их за задержку в исполнении ее распоряжения об аресте девушки.

А она напрягала все способности для придания посланию убедительности. Вот что она, в частности, писала:

”Помня старую поговорку о слове короля, имеющем больше веса, нежели клятва простого человека, молю Ваше Величество подвергнуть меня проверке и выполнить тем самым Ваше обещание, что я не буду осуждена без возможности объяснений и представления доказательств моей вины — то есть, всего того, о чем прошу Вас в данном письме, ибо меня отправляют в Тауэр по Вашему указанию, не выслушав моих объяснений, и мне предстоит очутиться в месте, подходящем для преступников, но никак не для Вашей верной подданной...”

Исписав более или менее спокойно первый лист, девушка принялась за второй, и тут выдержка ей изменила, буквы запрыгали по бумаге, и она стала заканчивать послание. Взглянув на оставшийся на втором листе чистый промежуток, прочеркнула его несколькими линиями, чтобы на этом пространстве от ее имени не было приписано признание в ее вине!

На следующий день ее доставили по воде к ”Воротам предателей” — причалу Тауэра. Здесь шагала навстречу своему концу ее мать. Что приурочено ее дочери? Она простирает руки к небу:

— Господи! Никогда не думала, что явлюсь сюда пленницей, и прошу вас, будьте свидетелями, что я не изменница, а остаюсь верной Ее королевскому Величеству, даже если мне суждено умереть!

Два месяца неволи. В полной безвестности о том, что ее ожидает. Между тем письмо принцессы трогает коро-

леву, готовящуюся к венчанию с Филиппом. В конце апреля Совет выносит решение о высылке Елизаветы в Вудсток, в графство Оксфордшир. И местечко, и отведенный для ссыльной домик — не худшие из возможных вариантов, так же как назначенный для надзора за ней незлобивый сэр Генри Бедингфилд из рода Норфолков.

На пути в Вудсток Елизавету приветствовали толпы народа. Ее приглашали в дома, ставили угощение. У Бедингфилда не было инструкций на сей счет, и он разрешал подобные вольности.

Увидев, где ей предстоит жить, принцесса возмутилась: всего четыре комнаты! У Бедингфилда была другая забота: в одной не имелось замка...

Годичное пребывание в Вудстоке не было тягостным. Она надеялась на лучшее будущее: Мария, как было известно, не отличалась крепким здоровьем.

Осенью 1555 года Елизавете было разрешено вернуться в поместье в Хетфилде. Немногим ранее она виделась с королевой. Испанские советники Марии уговорили ее поспешить с выдачей Елизаветы замуж за одного из представителей правивших на континенте династий. Важно было удалить наследницу-протестантку из Англии.

Однако Елизавета проявила неожиданную твердость. На все настояния королевы следовал ответ:

— Я довольна своим положением и не вижу для себя иного образа жизни...

Марии пришлось отступить. Собственный опыт супружества был неудачен.

Последние годы царствования Кровавой Марии Елизавета с друзьями провела в Хетфилде. Она внимательно следила за обстановкой в стране.

Лучшим ее советчиком был Уильям Сесил. С ним она познакомилась, когда он входил в окружение герцога Нортумберленда, а затем сумел приблизиться к Марии, что и спасло ему жизнь. Елизавета и Сесил прониклись взаимным доверием как люди умеренных, рациональных взглядов. Сесил согласился взять на себя управление имением в Хетфилде, и это позволило ему, не привлекая излишнего внимания, навещать Елизавету, держать ее в курсе событий.

Главная забота — не вызвать у Марии подозрений. Поэтому Елизавета старалась ретиво соблюдать католические обряды.

Раскрытие в конце 1555 года еще одного заговора против королевы сопровождалось массовыми арестами,

но затворницу Хетфилда не тронули, хотя кое-кому хотелось бы видеть ее в Тауэре. Проведенные обыски обнаружили спрятанную любимицей Елизаветы гувернанткой Кэт Эшли протестантскую литературу. Эшли оказалась в тюрьме, но, поскольку королева не сомневалась в лояльности Елизаветы, Кэт была освобождена.

Охладевший к Марии Филипп начал подумывать о браке с Елизаветой, сознавая, что его супруга долго не протянет. В Елизавете он усматривал меньшее зло, чем в близкой ему по религии Марии Стюарт Шотландской — следующей после Елизаветы претендентке на английский престол. Пяти лет шотландка была помолвлена с дофином Франции и отправлена из Шотландии во Францию. С Елизаветой Филипп связывал возможность союза Англии и Габсбургов против Франции.

Кроме того, сердце с Пиренеев был напуган активизацией во Франции англичан-эмигрантов, возможной их высадкой в Англии. Мария в те дни 1557 года, опасаясь покушения, сочла нелишним облачиться под одеждами в латы, однако доконали ее не внешние угрозы.

Схваченная простуда оказалась роковой для слабой здоровьем женщины, и 17 ноября 1558 года ее не стало. Проществовала она пять лет, а оставила по себе худую память на столетия. И уроки, как не следует строить правления государством, — уроки, которые ее преемнице не нужно было усваивать, ибо она познала их на собственном мучительном опыте. Другие же истины относительно искусства управления Елизавете пришлось постигать.

Глава XI

”ТВОРЕНИЕ ГОСПОДА”

Елизавета ожидала судьбоносных вестей из Лондона в Хетфилде и поняла, что случилось, когда к ней 17 ноября прибыла депутация членов Тайного совета и придворных — целовать ей руки как королеве.

Однако спешить в столицу она не собиралась. Нужно было сделать первоочередное — произвести назначения на ключевые посты. 38-летний Уильям Сесил принес присягу на посту главного министра — государственного секретаря, выслушав напутствие своей госпожи:

— Не стесняйтесь, милорд, высказывать независимое от моих личных суждений мнение и не допускайте, чтобы

какие-либо подношения вам оказывали на вас влияние, каком-то не следует поддаваться...

Первый наказ — и в самую точку. Если бы каждый государственный служащий соблюдал подобное правило, интересы любого государства были бы в выигрыше.

Этот советник, прослуживший верой и правдой королеве вторую половину своей жизни — следующие 38 лет, сразу показал свою хватку и оперативность, представив Елизавете бумагу об осуществлении неотложных мер: укреплении обороны Англии от Шотландии и Франции, оздоровлении финансов и усилении охраны узников Тауэра. Последнее свидетельствовало о его большой предусмотрительности.

Обновление государственного аппарата было минимальным на первых порах. Новая правительница придерживалась давнего правила: "осмотрительность важнее эксперимента". Поэтому всем, кто служил при Марии Тюдор, было велено продолжать исполнять обязанности.

В воскресенье 20 ноября, то есть когда в Лондоне служили панихиды по Марии, Елизавета обратилась к прибывшим в Хетфилд членам Тайного совета с декларацией:

— Милорды, веление природы диктует мне скорбеть о моей сестре, и все же, помня о том, что я являюсь творением Господа, обязанной выполнять Его предначертания, смиренно принимаю эту свою миссию и выражаю из глубин сердца надежду на Его благоволение, что смогу сделать предназначенное...

В течение следующих трех дней в Хетфилде состоялось еще несколько заседаний Тайного совета, прежде чем королева тронулась в путь с эскортом более чем в тысячу лордов, рыцарей, поместных владетелей, их жен, дам двора.

Первая остановка была сделана — и длилась пять дней — в лондонской резиденции герцога Норфолка — Чартер-хаузе, где помещался монастырь ордена картезианцев, разрушенный во времена Генриха VIII.

Затем кортеж двинулся к Тауэру.

Следующий пункт — Сомерсет-хауз на берегу Темзы. Туда королева прибыла по воде и оставалась там в течение месяца до Рождества, переживая то, что выпало на ее долю в годы правления лорд-протектора: дом служил его резиденцией.

И, наконец, она во дворце Уайт-холл, подвергшемся по ее указаниям основательной перестройке. Здесь ей пред-

стояло подготовиться к коронации, назначенной после консультаций с астрологами на 15 января 1559 года. По этому случаю все, кто состоял при ее дворе, получили новые парадные одежды, а служащим таможи на Темзе было дано негласное указание — конфисковать любой груз с шелковой материей малиновой расцветки, поскольку именно ее больше всего требовалось для торжеств.

За три дня до центральной церемонии в Вестминстерском аббатстве Елизавета снова проследовала в Тауэр по реке. Только теперь она вступила в крепость не через "Ворота предателей", а парадным входом. Проведя там ночь, на следующий день в паланкине, который несли четыре рыцаря, сопровождаемая воинами-отставниками с топорами, она прошествовала по кварталам, прилегающим к Тауэру.

Многие обратили внимание на то, что непосредственно за ней следовал красавчик, 28-летний Роберт Дадли, возведенный в почетнейшее звание в ее свите — верховного конюшенного.

На улицах, площадях разыгрывались пантомимы в честь королевы, ее рода, ее достоинств. На главной торговой улице Чипсайд восемь детишек поднесли ей увесистый кошелек. Приветствовавшим людям она адресовала слова признательности, заверения о готовности служить благу подданных.

Один из печатников выпустил описание этих торжеств на десятый день после того, как они прошли.

Воскресенье 15 января выдалось с морозцем. Мостовые пришлось посыпать песком. По ним предстояло шагать баронам, графам, маркизам. Последний раз коронационная служба велась на латыни, как предписывала католическая церковь.

Множество пристальных взоров следило во время коронации за деталями происходящего: считалось, что в такой момент небеса могли послать на землю предзнаменование о грядущем. Ничего настораживающего не заметили, за исключением намеренного нарушения Елизаветой порядка католической службы в аббатстве.

Еще до коронации Елизавета убеждала высшего духовника предстоявшей церемонии не совершать обряда вознесения. Епископ категорически возражал, полагая, что своим согласием на коронование Елизаветы он и так преступил черту дозволенного католической церковью.

Дело в том, что он был единственным епископом, кто согласился участвовать в коронации. Остальные подняли

форменный бунт, разгневанные отменой Елизаветой ряда актов королевы Марии, восстанавливавших независимость церкви от монархии.

Пока коронация не состоялась, Елизавета благоразумно воздерживалась от кар "бунтовщикам", но когда позднее епископы отказались принести ей, королеве, клятву верности, половина "бунтарей" была отправлена в Тауэр, потом, правда, все вышли на свободу.

Остальное духовенство подчинилось без особого сопротивления воле монархини; и если впоследствии ей приходилось прибегать к жестким мерам в отношении строптивых слуг церкви, то лишь ради прочности престола.

Она понимала: против веры дубинка — орудие неподходящее.

— Ручаюсь моим королевским словом в присутствии самого Бога, что никому не будет причинено никакого беспокойства, ни допросов, ни исследований их тайных помышлений в делах, касающихся исключительно веры... — таков был ее завет, и она его редко нарушала.

В изданном в Санкт-Петербурге в 1868 году сочинении маститого английского историка Генри Томаса Бокля "Отрывки из царствования королевы Елисаветы" названы два основных принципа ее правления: обуздание власти духовенства и ослабление влияния крупной поземельной аристократии. Иначе говоря, речь шла о курсе, рассчитанном на укрепление устоев государства под главенством монархии.

Выбрав умных, инициативных советников во главе с У. Сесилом, Елизавета обеспечила себе надежную опору для проведения необходимых преобразований.

Все ее начинания, как правило, были хорошо продуманы и подготовлены. 18 месяцев готовилась денежная реформа, предусматривавшая ревальвацию, повышение курса национальной валюты. Во избежание спекулятивных сделок в последний момент королева объявила ее на два дня раньше назначенного срока. Эта реформа стала одной из самых успешных в истории Англии. Была изъята обесцененная при Генрихе VIII валюта, приостановлен рост цен.

Именно в дороговизне и инфляции королева, не обладая специальными знаниями, видела главное зло: оно дестабилизировало общество, восстанавливало население против власти, допускающей подобные явления.

В числе тех же мер, предпринятых королевой, отвечавших жизненным интересам нации, был и курс на самообе-

спеченность страны оружием. Налаживалось его производство в отечественных мастерских, добывались с помощью, если требовалось, агентуры секреты такого производства, особенно в Германии, где трудились искусные мастера-оружейники.

Во внешней сфере наибольшее беспокойство внушала перспектива соединения сил католической оппозиции в Шотландии с Францией, выхода этой державы на северные рубежи Англии. Как следовало поступить? Среди членов Тайного совета, обновленного на две трети Елизаветой, единства по этому вопросу не было. Сомневалась и королева. В ноябре — декабре 1559 года тщательно взвешивались все "за" и "против" в вопросе о начале военных действий. Впервые Елизавете приходилось принимать решение такой важности.

24 декабря большинство членов Совета высказалось за войну против Шотландии. Английская флотилия направилась на север, но вслед ей королева, словно испугавшись, послала приказ о возвращении судов. Было, однако, поздно.

Опасения по поводу неудачного исхода операций не оправдались. Францию разрывали религиозные конфликты, и она не могла прийти на помощь единоверцам в Шотландии. Убедившись в пассивности Парижа, Елизавета подкрепила действия флота тем, что отправила войска к границам с Шотландией, выступив одновременно с прокламацией об отсутствии у нее территориальных притязаний к Шотландии. Снова в расчет бралось общественное мнение.

Сперва английские войска не добились успеха. К лету 1560 года наметился перелом. Шотландцы отступали. Франция была вынуждена отозвать свои контингенты из Шотландии. 6 июля в Эдинбурге французские представители поставили подписи под договором с Англией, предусматривавшим отказ Парижа от посягательств на английский трон и согласие на англо-шотландский союз.

Компромисс был ненадежным. Возвращение Марии Стюарт в Шотландию после кончины в декабре 1560 года во Франции ее первого супруга, Франциска, не сулило Елизавете ничего хорошего. Мария была непреклонна, отстаивая свои права на английский трон.

Перемены в обществе в условиях Реформации размышляли сословные перегородки. Елизаветинский двор отражал определенную степень демократизации внутренних порядков. Врата королевской резиденции распахивались

перед музыкантами, поэтами, живописцами, учеными — и мужчинами-красавцами, если те представляли знатные, состоятельные семейства.

Зная о производимом ею впечатлении, Елизавета любила появляться на публике. Дворец Уайт-холл выходил на Темзу, и королеву часто видели на реке в лодке за веслами. К дворцу примыкал крытый теннисный корт, этот вид спорта тогда мало походил на современный: мяч должен был сначала отскакивать от стен помещения, а затем от пола. Елизавета поклонницей этой игры не была.

Зато любовь к верховой езде не изменяла ей до последних если не дней, то месяцев. Перед завтраком, обычно плотным, танцы в одиночку. Весьма равнодушна она была ко всему сладкому, мучному, не тревожась о талии. Правда, с возрастом ей пришлось все чаще довольствоваться пищей, не требовавшей разжевывания. Из напитков она предпочитала пиво, но любила и легкое вино.

Покои во дворце Уайт-холл, где она принимала ванну, были отделаны зеркалами. Какая женщина не желает выглядеть привлекательной? Лучшее в тогдашней косметике было в распоряжении королевы и щедро ею использовалось.

Как раз во время военных действий в Шотландии Елизавета воспылала самой сильной в ее жизни страстью — к Роберту Дадли из семейства Нортумберлендов.

Ходили даже слухи о появлении у Елизаветы внебрачного ребенка от Роберта Дадли. Их распространителям отрезали уши. Хорошо, что не язык! Слухи связывались с невыясненными обстоятельствами смерти супруги Роберта Эми Робсарт как раз в то время, когда заговорили о намерении королевы выйти замуж за этого красавца.

Тогда королева стала на публике отдаляться от своего фаворита, но он по-прежнему пользовался ее благоволением, был посвящен в рыцари ордена Подвязки, получил титул графа Лестера, стал собственником пожалованных ему поместий, в том числе замка Кенилворт, запечатленного в романе Вальтера Скотта.

Он заводил любовниц, дважды тайком от королевы женился, о чем она узнавала. Однажды, разъяренная, она отправила бы его в Тауэр, если бы ее не отговорили, ссылаясь на неблагоприятный общественный резонанс. Подобные доводы всегда действовали.

Избежал Роберт наказания, пытаясь смести с поста главу Тайного совета У. Сесиля. Члены Совета уже поставили было Сесила на колени, когда вошла осведом-

ленная о готовившейся расправе королева и вернула министра на законное место.

Новое дворянство, формировавшееся из наживших состояние коммерсантов, хозяев мануфактур, которые скупали землю в сельской местности, видело в Елизавете свою монархиню. Не города, державшиеся тогда на регламентации гильдий, на цеховом производстве, выступали стимуляторами производительных сил, а многочисленные "домашние" мастерские по выделке шерстяных тканей — главная статья вывоза из деревенской местности.

Испанцы в конце 50-х годов закрыли для Англии центр сбыта такой продукции — Антверпен. В результате ее торговля стала переориентироваться на заморские территории. Мореплавание становится призванием многих юношей. Королеве посвятил свой труд "Описание разных вояжей, имеющих отношение к открытию Америки" Ричард Хаклют. Он писал: "Кто из монархов до Ее Величества развертывал полотнища в Каспийском море? Кто основал консульства в Триполи, Алеппо, Вавилоне, Бухаре и — более того — кто когда-либо раньше слышал о присутствии англичанина в Гоа? Кто пересекал пролив Магеллана, курсировал вдоль побережья Чили, Перу, траверсировал внушительное пространство южных морей, высаживался на Луцоне перед лицом противника, вступал в союзы с молуккскими принцами, ступал на остров Святой Елены и в конце концов возвращался домой нагруженный товарами из Китая, как это делали подданные нашей процветающей монархии?"

Первое десятилетие правления Елизаветы — это учреждение королевской биржи в Лондоне, экспедиция для открытия торговых путей в Африку и Америку адмирала Джона Гокинса, расширение операций Московской компании, возобновление начатого Генрихом VIII строительства крупного флота, вооружение судов пушечными батареями, давшими преимущество Англии над флотами других стран, оснащение сухопутных войск аркебузами — ружьями с фитилем — вместо традиционного лука, издание первого акта о подмастерьях...

Ободренная успехом в Шотландии, Елизавета решает на отправку войск во Францию, чтобы поддержать гугенотов, притеснявшихся католиками. Был захвачен Гавр, но решающего преимущества это англичанам не дало, в гарнизоне вспыхнула чума, порт пришлось оставить.

Генрих VIII. Художник Гольбейн младший.

Бюст Екатерины Арагонской,
первой жены Генриха VIII.
Скульптор Франческо Лаурано.

Анна Бoleyн,
вторая жена Генриха VIII.
Художник Гольбейн младший.

Джейн Сеймур,
третья жена Генриха VIII.
Художник Гольбейн младший.

Анна Клевская,
четвертая жена Генриха VIII.
Художник Гольбейн младший.

Кэтрин Говард,
пятая жена Генриха VIII.
Художник Гольбейн младший.

Екатерина Парр,
шестая жена Генриха VIII.
Из коллекции дворца Лэмбет.

Зал заседаний
английского парламента.
Середина XVI в.
Старинная гравюра.

Томас Кромвель,
лорд — главный правитель Англии.
Художник Гольбейн младший.

Мария Тюдор.
Художник Ганц Юворт.

Бегство королевского семейства из Лондона во время чумы.
Старинная гравюра.

Хуже того, вернувшись домой, солдаты занесли инфекцию. Осенью 1563 года в Англии от чумы умерло около двадцати тысяч человек, в том числе испанский посол Куадра, немало потрудившийся над разжиганием враждебности между двумя странами. И если в течение двадцати лет между ними не было войны, это было заслугой прежде всего дипломатии Елизаветы.

Несмотря на многое, что делало правление Елизаветы в глазах и ее подданных, и внешнего мира успешным, над ней висело укоренившееся у многих ее соотечественников предубеждение против возможностей женщин встать вровень с мужчиной на государственном поприще.

Ее возмутило попавшееся на глаза еще до восшествия на трон сочинение шотландского проповедника-пресвитерианца Джона Нокса "Первые трубные гласы против чудовищных легионов женщин". Памфлет сочился ненавистью к женщинам как творениям во всех отношениях слабым, ограниченным, а потому недостойным занимать трон и властвовать над мужчинами.

Елизавета была задета за живое и считала, что этот женоненавистник не получил должного отпора от реформаторов-гуманистов в Англии и на континенте. Двусмысленным, по ее мнению, был ответ Кальвина, проповедовавшего взгляд на человека как "Божьего избранника", на поставленный ему вопрос, как относится он к сочинениям Нокса, он заявил, что управление государством в руках женщин является отклонением от нормального порядка вещей, хотя в отдельных случаях женщины могут достигать высот и на таком поприще.

Пренебрежительное отношение к женщине являлось для Елизаветы отрицанием Священного писания, поскольку оно учит: нет ни мужчины, ни женщины, ни эллина, ни иудея... Так, полагала она, проповедовал Спаситель, не признававший коренной разницы между мужчиной и женщиной, ибо души тех и других равны, а сама любовь возвышается над мужским и женским.

Но одно дело — верить в себя, свои возможности, другое — утверждать в таком взгляде своих советников-мужчин. При всем почтении к королеве ее первый министр Сесил упрекал иностранного дипломата в Лондоне за то, что тот обратился за разрешением важного вопроса сначала к ней: такие дела, мол, слишком сложны для женского разума!

В дальнейшем, получив отповедь такой мужской заносчивости, Сесил не пытался ущемлять прерогативы коро-

левы, но в течение по меньшей мере двух десятилетий ей, не вступившей в пору, когда женщина теряет способность зачатия, приходилось выдерживать натиск парламента, сановников, иностранных монаршьих дворов, чтобы она не мешкала с замужеством. Об этом — ниже.

Глава XII

ДЕВИЧЕСТВО ЕЛИЗАВЕТЫ I — ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

То, что Елизавета до конца дней оставалась в безбрачии — факт неоспоримый. То, что, согласно ее собственным утверждениям, она сохранила девственность, — следует принимать на веру. И то и другое побуждает ее биографов гадать о причинах подобной воздержанности, не присущей королевским особам с сознанием долга продолжения рода.

Высказывания самой Елизаветы по этому поводу отличались сбивчивостью, противоречивостью. То она клялась в решимости выйти замуж, то говорила прямо противоположное.

Судьба не обделила ее ни внешностью, ни умом, ни женской притягательностью. Для воздержания от брака не существовало никаких видимых или явных физиологических причин. Действовали факторы иные, имевшие касательство к ней как к монаршьей особе. Она не раз заявляла, что если выйдет замуж, то только в качестве королевы, то есть тщательно взвесив, как брак отразится на ее королевстве.

Контраст с Марией Тюдор очевиден. Та в силу физической немощи, а следовательно, и монаршьей "недостаточности" стремилась опереться на супруга в лице Филиппа.

У Елизаветы, напротив, с самого начала правления проявлялась уверенность в своих силах, возможностях, что, как она не без основания полагала, возвышало ее и в данном отношении над придворными сановниками. Она не раз убеждалась, что способность правильно оценивать ситуацию и принимать нужные решения обычно не подводила ее. Это доставляло ей несказанное удовлетворение. Присутствие рядом с ней супруга обязывало бы ее советоваться с ним о государственных делах, выслушивать его мнение. Это не облегчало бы ее королевские функции, а осложняло их.

Три столетия спустя другая королева — Виктория, выйдя замуж за немца Альберта, именно в силу нежелания делить монаршьи обязанности с ним сперва полностью отстранила его от участия в государственных делах. И только видя, как болезненно он на это реагирует, изменила порядок. Викторию к раннему браку — вскоре после ее вступления на трон в 1837 году — никто не понуждал, а если бы это случилось, возможно, имело бы обратный эффект.

Между тем вскоре после торжественной церемонии посвящения в высочайший сан Елизавета обнаружила, что в ее короне вкраплены не только алмазы, но и торчат невидимые шипы. Ее девичество сразу стало государственной проблемой, обсуждавшейся и осуждавшейся в парламенте, в министерских кабинетах, в дипломатических представительствах Лондона и в королевских дворах в Европе.

Сколачивание брачной партии этой королеве стало, без преувеличения, ключевым вопросом тогдашней европейской политики. Уже в 1559 году не менее дюжины послов в Лондоне конкурировали, кому удастся пристроить к ней супруга, представляющего свой, "отечественный" монарший дом. Наибольшую прыть проявлял посол Мадрида де Ферия. Его монарх-вдовец Филипп II после смерти Марии Тюдор положил глаз на Елизавету и не сомневался в задуманном. Кто откажется соединиться брачными узами с монархом, чьи владения раскинулись от Дуная до Атлантики и дальше — на земли Центральной и Южной Америки!

Филипп II был на шесть лет старше Елизаветы, но не это останавливало ее. Она достаточно хорошо знала о его нраве, образе мыслей, религии, чтобы — в отличие от своей сводной сестры — бросаться ему на шею. И в течение таких брачных зондажей с ее стороны уже применялась тактика, повторявшаяся впоследствии многократно: водить претендента за нос ради государственных интересов Англии, укрепления ее позиций на континенте, предотвращения складывания против нее враждебных коалиций. Даже небольшой выигрыш во времени мог быть полезен.

Елизавета не жалела слов для выражения признательности Филиппу за оказанную ей честь, но добавляла, что им лучше строить отношения, подобно брату и сестре, тем более что для Филиппа она — еретичка. Это слово она произносила горделиво. Филипп утешился, найдя себе супругу в лице Елизаветы Валуа, с которой венчался в 1559 году. Он посоветовал Елизавете подумать о пород-

нении с семейством самодержца Священной Римской империи Фердинанда I, поскольку у того имелось шесть сыновей.

К тому времени руки английской королевы стал добиваться Адольф, герцог Голштинский, рассчитывавший, что его протестантская вера поможет ему в таком браке. Дальше предварительных зондажей в Лондоне дело не сдвинулось.

Более напористым был принц Эрик Шведский, направивший в Лондон миссию во главе с герцогом Джоном Финляндским для переговоров о женитьбе на Елизавете. Остановившись в доме епископа Винчестерского, Джон начал сорить деньгами, пытаясь обработать тех, кто, по его мнению, мог оказать желанное воздействие на королеву. А ее лишь забавляли такие старания, она не принимала их всерьез.

Тогда же — в начале 60-х годов — на поверхность всплыло имя одного из шотландских лордов в качестве кандидата в мужья Елизаветы — всплыло и исчезло.

Для большинства англичан наиболее предпочтительным вариантом являлось замужество королевы на их соотечественнике. Назывались разные имена, но без видимого эффекта — за исключением Роберта Дадли, о котором ходили толки, что он не только в дневные часы вхож в покои королевы, но и в ночные.

Пересуды о характере их взаимоотношений стали настолько настойчивыми, что Елизавете пришлось пускаться в объяснения с иностранными дипломатами.

— Между нами, — говорила она одному из аккредитованных в Лондоне послов, — не было ничего предосудительного, излишнего, а если бы такое случилось, уверяю, почтовые сумки иностранных представителей при моем дворе сразу бы заполнились депешами с подробностями, поскольку, как мне известно, немало моих придворных получают оплату за поставку интересующих иностранцев сведений. Поэтому прошу не верить слухам, порочащим мою честь и достоинство!

После загадочной гибели жены Роберта Дадли, о чем уже упоминалось, Елизавета, собиравшаяся пожаловать своему любимчику графский титул, разорвала пергамент с указом о таком акте, но прошло не так уж много времени, и он получил желанный титул, снова бравидуя близостью со своей госпожой. И снова заговорили о ее намерении выйти за него замуж. В беседах с иностранными дипломатами возникала та же тема.

— Не скрою, — втолковывала Елизавета испанскому послу, — мне по душе Дадли за его положительные

качества, но ни разу мне не приходила в голову мысль о браке с ним, хотя необходимость замужества в принципе для меня очевидна...

Зная, как легкомысленно относится королева к ухаживаниям за ней, Роберт Дадли во время устроенного в его поместье на Темзе приема в честь Елизаветы стал поддразнивать приглашенного туда посла Фердинанда II:

— Вы не согласились бы, ваша светлость, участвовать в качестве церемониймейстера по случаю моего брака с Ее Величеством?

Испанец, приняв эти слова за чистую монету, в изумлении воззрился на вельможу. А королева наслаждалась розыгрышем. В тон Дадли она заявила:

— Вряд ли у его сиятельства это получится: ведь он не знает английского, а на службу на испанском я не соглашусь!

Шутки шутками, но по всему было видно, что этот фаворит не оставил мысль быть мужем королевы, а она не отнимала у него "соломинку надежды" и — более того — поощряла его, как это имело место во время одного свидания с ним.

— Имейте в виду, — откровенничала она с Дадли, — что в своем нынешнем положении я так же свободна от брачных обязательств, как это было в день моего появления на свет, что бы ни злословили на сей счет. Учтите то, что я никогда не решусь связать себя такими обязательствами с тем, кого не видела в натуре, пусть у меня будет самый привлекательный портрет на холсте. Значит, мне суждено взять в супруги вероятнее всего англичанина, и в таком случае вряд ли кто может больше подходить, нежели лорд Роберт...

Эти слова противоречили многим другим высказываниям королевы, но ничего необычного в них не было. В разговорах на матримониальные темы у Елизаветы было семь пятниц на неделе. И словно запямятовав, что она еще недавно говорила, Елизавета уже не со своим любимцем, а с другими сановниками рассуждала по-иному:

— Судьбой и Господом мне не предназначено быть женой Роберта, как бы он мне ни нравился. Такой брак расколлет членов моего Совета, да и не только их. Я знаю, что для многих моих подданных Роберт — фигура, вызывающая политические страсти, а для меня спокойствие королевства превыше всего!

После перенесенного осенью 1562 года тяжкого заболевания оспой, когда ее жизнь повисла на волоске, Елизавета столкнулась с особенно сильным нажимом со сторо-

ны парламента по вопросу о своих шансах на брак и на появление у нее наследника престола. На петицию лордов внести ясность в эти намерения она ответила сердитой репликой:

— Что вы торопите меня! Складки на моем лице — не морщины, а следы оспы, мне еще нет и тридцати лет, и Господь, я уверена, пошлет мне потомство, как была благословлена святая Елизавета...

Ссылка делалась не на мифическую личность. Канонизированная в 1235 году Елизавета была дочерью венгерского короля Андрия II. В 1221 году, когда ей было 14 лет, она вышла замуж за Людовика IV — ландграфа Тюрингии и произвела на свет трех детей. После смерти мужа с малолетними детьми на руках она была изгнана братом Андрия из своего поместья за раздачу значительной части достояния нищим и сирым. Ее приютил один из местных епископов, а когда дети подросли, она удалилась в монастырь ухаживать за больными и обездоленными — и там скончалась.

Следовательно, упоминание королевой о святой Елизавете вряд ли было уместно, учитывая, что та вышла замуж в раннем возрасте и произвела потомство. А Елизавете I в описываемое время было уже тридцать лет, и большими деяниями на ниве милосердия она не отличалась. Если она была серьезна в отношении появления у нее потомства, следовало спешить.

Во второй половине 1564 года возобновились начатые ранее переговоры о ее брачном контракте с сыном Фердинанда I эрцгерцогом Карлом. Из Вены в Лондон прибыл специальный посланник Адам Цветкович, представлявший нового правителя Священной Римской империи Максимилиана II, занявшего трон в июле 1564 года после смерти Фердинанда I.

Первый же заданный Елизаветой вопрос обрадовал Цветковича:

— Как вы полагаете, эрцгерцог настроен серьезно и собирается сюда, чтобы мы могли с глазу на глаз обсудить все, касающееся нашего брака?

— Ваше Величество, в этом вы можете не сомневаться, мой господин исполнен самых серьезных намерений и является персоной, заслуживающей вашей руки, тем паче что, как я слышал, просители из других дворов на континенте не подходят для вас по возрасту.

Слова вызвали вспышку недовольства королевы:

— Кого вы имеете в виду? Я никому ничего не говорила на сей счет. Поверьте, если бы речь не шла о возложенной на меня короне, то решимость сохранить девичество не оставила бы меня до конца дней моих. Но я должна ставить превыше всего интересы Англии, и это движет мной в моих деяниях. Они продиктованы чувством долга.

Цветкович направил в Вену обнадеживающую депешу относительно девичьей непорочности королевы, сообщив, что установил похвальный факт — ее сохранившуюся женскую неприкосновенность.

Пока венский посланник копался в таких деталях, между Лондоном и Парижем начались секретные переговоры о браке Елизаветы с французским королем Карлом IX. Он родился в 1550 году. В своем кругу Елизавета не скрывала несерьезности затеи:

— Каждый, взглянув на подростка, скажет, что я выхожу замуж за своего сына, так же как говорили в связи с браком Марии с Филиппом, что он женится на своей бабушке!

Екатерина Медичи начала размышлять над другими комбинациями — расстроить шансы породнения Тюдоров и Габсбургов.

Между тем переговоры Лондона с Веной подвигались черепашьими темпами. Упорный торг развернулся о размерах приданого, какое принесет эрцгерцог Карл. А того волновало, сможет ли он при Вестминстерском дворе исповедовать без помех католическую религию. Шли месяцы, наступил новый, 1565 год, а воз был и ныне там.

В мае из Лондона в Вену отправился эмиссар для переговоров с Максимилианом II. От него поступило подробное послание о внешности и чертах характера Карла. Ничего не говорилось, знает ли эрцгерцог английский язык, и если Елизавета брала такой факт на заметку, то лишь для острастки тех ее советников, которые настаивали на ее уступках в целях скорейшего завершения переговоров. Сесил проявлял наибольшую заинтересованность, стремясь к объединению с империей Максимилиана перед лицом Франции.

Осенью того же года королева была вынуждена пойти на созыв сессии парламента после трехгодичного перерыва. Ей нужны были для казны дополнительные налоги.

— Хотя Господь благословил нас королевством, благополучным для народа, и немалыми богатствами, мы не получаем столько средств, сколько наши предки имели 300 лет назад, когда нужды правительства не достигали и трети того, что требуется сейчас...

Так королева определила необходимость введения новых налогов — вопрос болезненный, поскольку в Англии наблюдалась особенно сильная по сравнению с другими странами неприязнь к налогодобложению.

С первых же дней работы парламента главным вопросом стала та же тема: за кого королева собирается выходить замуж и когда?

Теперь ей не приходилось рассчитывать на "благожелательный нейтралитет" членов Тайного совета. Герцогу Норфолку его коллеги в Совете поручили выступить с заявлением на большую тему. Он постарался сформулировать вопрос возможно тактичнее, но острые углы обойти не мог, напомнив, что обещание королевы, данное три года назад, внести ясность в свои брачные планы и намерения остается невыполненным, а посему парламент имеет полное право откровенно обсудить создавшееся положение.

Сидевшие в зале советники видели, как все более хмурилась королева. Еле дослушав Норфолка, она поднялась наподобие разъяренной тигрицы:

— Уж вам, моим советникам, — начала Елизавета, — надлежало бы знать, справляюсь я или нет со своими государственными обязанностями — и как! Но вы вмешиваетесь в то, что является моей прерогативой, и передавать кому-либо это свое право я не собираюсь. Могу сказать одно: у меня нет никакого желания быть заживо похороненной. Да, милорды, так вполне может случиться, если я проявлю спешку в данном вопросе. Или вы забыли, как обстояло дело в последний год правления моей сестры — Марии, какие страсти разгорались вокруг меня как ее наследницы? Что касается замужества, мне нет необходимости напоминать вам, что переговоры с эрцгерцогом Карлом продолжаются, так что союз с ним не за горами. Больше мне нечего сообщить!

И, не дожидаясь реакции на сказанное, королева вышла из зала.

Еще более вызывающим было поведение депутатов палаты общин. Они отказались утвердить новые налоги, пока не получат твердые обещания Елизаветы покончить с безбрачием.

— Пусть королева знает, что речь идет не о капризе, а о наказе, данном нам горожанами и сельчанами, обеспокоенными судьбами королевства, — заявил один из членов нижней палаты.

Дебаты были горячими, дело дошло до кулачных стычек. Нашлись сторонники Елизаветы, негодовавшие

по поводу вмешательства в ее личные дела. Большинство депутатов подтвердило решимость не отпускать королеве требуемой суммы за счет налогов впредь до прояснения брачных планов.

Голос подали и лорды, их депутация во главе с канцлером казначейства Винчестером попросила монаршей аудиенции, но встретила неласковый прием:

— Будь жив мой отец, вы не осмелились бы вести себя подобным образом! — вместо приветствия обрушилась на лордов Елизавета. — Действуйте как вам заблагорассудится, но и я не отступлюсь от своей позиции. Ваши законодательные акты не могут иметь силы без моего согласия, а связывать неотложные государственные дела с моими личными — значит подрывать устои королевства!

Лорды удалились ни с чем, решив единым фронтом с членами нижней палаты выступить в поддержку своих требований.

В течение нескольких дней обе стороны взирали друг на друга, подобно воюющим армиям, истекающим кровью и не знающим, как дальше действовать.

Рассчитывая на силу своего слова, Елизавета пригласила в Уайт-холл по тридцати человек от каждой палаты парламента и пыталась их усомнить:

— Кого вы избрали объектом ваших нападков? Или я родилась не в этом королевстве? Встала на путь тирании? Совершила непростительные ошибки? Я женщина, но у меня хватит смелости и отваги, как было у моего отца. Никому не дам себя запугать. Я благодарна Всевышнему за эти свои качества, и они позволят мне найти убежище в любой части христианского мира, если придется покинуть свое королевство! Прошу вас донести смысл этих слов до ваших коллег, чтобы они ведали, что творят...

Таких крутых фраз от королевы никто не ожидал, в особенности что касалось угрозы искать убежища за пределами Англии. Лорды струхнули, но представители палаты общин стояли на своем.

Тогда в ход была пущена шоковая тактика. Послав за спикером палаты общин, королева заявила ему, что любой депутат, недовольный ее действиями, может изложить свои жалобы перед членами Тайного совета.

Иными словами, ставка делалась на то, чтобы бить "строптивцев" поодиночке. Отход лордов от противостояния был на руку королеве. Усталость от затянувшихся баталий ощущалась и в нижней палате. Момент, по расчетам Елизаветы, был подходящий для демонстрации

великодушия, и палате общин было разрешено обсуждать вопрос престолонаследования. Одновременно были уменьшены заявки на налоги.

Депутаты воспрянули духом и провели необходимое финансовое законодательство, но с оговоркой: вступление в силу одобренных мер должно было зависеть от урегулирования проблемы престолонаследования, а это, в свою очередь, требовало решения брачной проблемы монархини.

Прими она такое условие, был бы создан нежелательный, более того, унижительный для нее прецедент. Королева в категорических выражениях отклонила оговорку и добилась своего. Налоги были одобрены без условий.

2 января 1567 года королева закрыла сессию парламента в результате того, что она должна успешно завершить переговоры с Карлом о брачном контракте. Но по-прежнему представления, как же выглядит ее жених, у нее не было. Идти на замужество вслепую она не собиралась, помня, как оплошал Генрих VIII с Анной Клевской, положившись в выборе на ее портрет.

Эрцгерцогу было предложено прибыть в Лондон — если пожелает, то инкогнито, — чтобы они взглянули друг на друга. Карла волновала, однако, не внешность невесты, а ее религия, а также материальная сторона брака.

Будущей жене надлежит одарить мужа так, чтобы он остался доволен, а что касается моего денежного содержания, то фондов империи хватит, рассуждал он в кругу придворных.

Летом 1567 года граф Сассекс — один из рьяных сторонников этой брачной партии — направился в Вену с орденом Подвязки для вручения Карлу, а также с портретом Елизаветы I. Ему было поручено заверить эрцгерцога, что у того не будет помех для отправления католических обрядов при королевском дворе в Лондоне, но о более далеко идущем распространении на английской земле католичества речь идти не может.

В Вене сочли такие условия неприемлемыми. Карл доложил императору Максимилиану о пренебрежении Елизаветы к католической религии. Сассексу было заявлено о необходимости твердых гарантий относительно свободы исповедания Карлом католической веры в Англии.

Королева в ответ сделала умный ход: передала вопрос на усмотрение Тайного совета. Там развернулись жаркие дискуссии. Желание выдать королеву замуж было велико, но не ценой уступок Габсбургам, грозивших расшатать

устой англиканской церкви. Пламенно отстаивал незыблемость протестантской веры Лестер, стремившийся исподтишка ставить палки в колеса в переговорах с Веной. Сесил, напротив, ратовал за уступки Карлу.

Лестер сумел склонить Совет на свою сторону. Сассексу было предложено придерживаться прежней позиции.

— Это конец моей миссии, конец переговоров вообще! — заявил Сассекс, прочтя посланные ему инструкции из Лондона.

Вручив Карлу орден подвязки, сановник в расстроенных чувствах отбыл из Вены. Между Карлом и Елизаветой в течение некоторого времени еще продолжалась переписка, но было очевидно, что семилетние переговоры закончились провалом.

Горевала ли по данному поводу Елизавета? Ничто не свидетельствовало о ее переживаниях. Еще раньше, в разгар обмена мнениями с Веной, она приблизила к себе молодого, привлекательного придворного — Томаса Хенеджа. Флиртовать с ним было безопасно в глазах дворцового окружения: он был женат. Фавором продолжал пользоваться Лестер. Расположения Ее Величества добивались другие ловцы фортуны. На этой почве между ними вспыхивали стычки, дело доходило до поединков.

Однажды на теннисном корте разгоряченный после игры Лестер, схватив платок у королевы, вытер лицо. Герцог Норфолк сделал ему замечание, заявив, что, если подобное повторится, он, Норфолк, шлепнет ракеткой графа. Королева встала на защиту Лестера. Случай еще раз подтвердил, какие вольности дозволяются этому фавориту.

Видимо, до царя Ивана IV Грозного дошли сведения об угрозе Елизаветы искать убежище за пределами Англии. В 1569 году он направил ей тайное послание, предложив учинить между ними клятвенное обещание: "Если кто-нибудь из нас по несчастью принужден будет оставить свою землю, то будет иметь право приехать в сторону другого для спасения своей жизни, будет принят с почестями и может жить там без страха и опасности, пока беда минует и Бог переменит дела".

Елизавета ответила, что, если царь будет вынужден оставить свою страну вследствие ли заговора или нападения внешнего врага, она примет его, жену и его детей с почестями и он будет пользоваться полной свободой и спокойствием.

Затем переписка приняла неожиданный оборот. Иван IV дал знать Елизавете о намерении сочетаться с ней

браком и получил вежливый, но твердый отказ. Он был раздосадован, но не обескуражен. Через посланного в Московию Елизаветой медика Роберта Якоби до царя дошло, что у королевы есть племянница Мария Гастингс, и он поручил отправившемуся в августе 1582 года в Англию дворянину Федору Писемскому прислать ему "парсону" — портрет Марии: "Буде она пригодится к нашему государскому чину, то мы с тобою, королевною, то дело станем делать, как будет пригоже".

Посланец добросовестно выполнил поручение, но ничего определенного не услышал в ответ. Шли недели, миссия не продвигалась. Англичане связывали вопрос о сватовстве с уступками, на которые должна пойти Россия, поскольку к тому времени обозленный неудачей сватовства к Елизавете царь лишил английских купцов, занявшихся коммерцией с Россией, ряда льгот.

Полномочий на такие уступки у Писемского не было, а Мария Гастингс, прослышав о нраве царя, предложение о браке отвергла. Тем и закончилась попытка российского царя породниться с королевским домом Англии.

Если бы у Ивана Грозного была лучше поставлена служба осведомления о происходящем в Англии, ему вообще не следовало бы предпринимать такие брачные демарши.

После провала затеи сватовства с эрцгерцогом Карлом в течение нескольких лет длился флирт Елизаветы с претендентами на ее руку членов королевского семейства во Франции. Об этом расскажем дальше, пока же следует остановиться на той стороне личных дел той королевы, которая, по понятным причинам, не попадала в поле зрения не только публики, но и многих ее вельмож. Интимная жизнь Елизаветы I служила предметом оживленных толков. Немало иностранных дипломатов в Лондоне платили прачкам королевского двора за сведения, которые пролили бы свет на интриговавшие их подробности женской физиологии королевы. Современник Елизаветы драматург Бен Джонсон уже после ее кончины высказывал предположение о том, что "ее плевра делала ее недоступной для мужчин". Это не более чем догадка, но имеются красноречивые признания самой Елизаветы, наводящие на мысль, что у нее действительно имелась физиологическая преграда, мешавшая выполнять супружеские обязанности. Графу Сассексу она как-то заявила:

— Ненавижу мысль о браке по причинам, о которых не хотела бы распространяться и самому близкому человеку...

Наиболее примечательные свидетельства о поведении Елизаветы в интимной обстановке оставил Уолтер Ралей, сделавший при дворе Вестминстера головокружительную карьеру и с конца 1581 года допущенный в ее спальню. Среди его записей — описание сближения с Елизаветой. Оставлено им и немалое поэтическое наследие, в том числе некоторые сочинения, в которых автор искал метафоры для выражения того ритуала, которым Елизавета довольствовалась как эрзацем полового акта. "Океан к Цинтии" — название одной такой вещи. Ралей — это океан, а Елизавета — богиня Луны, Цинтия. В постельных играх Ралей изображал себя водой с приливами, а Елизавета была Луной, управлявшей приливами.

Эту сторону жизни Елизаветы I изучил досконально английский автор Роберт Най, о чем рассказал в своей книге "Странствие "Судьбы", переведенной у нас и выпущенной в свет в 1986 году. Вот как автор описывает сближение Ралея и Елизаветы во время празднеств в Виндзоре, устроенных в честь Ее Величества:

...Ее пальцы трепетали от рук Ралея во время танцев. Словно в лихорадке она царапала ногтями его ладони, впивалась в них, смеялась, убегала прочь и снова приближалась, гладила и ласкала раны и опять больно царапала.

Танцы с Ралеем продолжались в королевском дворце в Лондоне. Двери во внутренние покои Елизаветы не закрывались, но чутье подсказывало Ралею, что он не должен следовать за ней, пока она сама не пригласит его к себе.

И вот однажды королева не выпустила руки своего гостя и протанцевала с ним до своих личных покоев, а затем сняла с шеи серебряную цепочку с золотым ключиком и замкнула замок.

Ралей не обнаружил у нее ни изъяна, ни телесного недуга — ничто не мешало ей отдаваться радостям любви на свой лад — нагой, в ту ночь и в последующие. Правда, по его мнению, чтобы быть истинной красавицей, ей недоставало округлости и бархатистости кожи. Она миновала свое полнолуние, и все же при виде ее у него перехватывало дыхание. Она повела себя как хозяйка положения. Протянув руки, повелела снять с них кольца. На ее вкус, сделано это было слишком торопливо. Свое неудовольствие она выказала, шлепнув Ралея по руке и надув губы. Он пытался поцеловать ее. Королева отвернула лицо.

А он изнемогал. Хотел овладеть ею. То, как она отказала в поцелуе, было лишь первым уроком. Последо-

вали другие. Стало ясно, что от своего любовника она ожидает рабской покорности. Взгляды искоса, легкое прикосновение пальцев и нахмуренные брови, когда он ошибался, и едва заметное подобие улыбки, когда угадывал ее желание, — таков был ее язык. Все это время она хранила молчание, — а ведь на людях королева, как правило, не закрывала рта, и такое ее поведение усугубляло таинственность эротического обряда, исполнения которого она требовала.

Ралей запомнил каждую уловку, каждый обман, каждую хитрость, с помощью которых Елизавета оберегала свою девственность в первую ночь с ним и во все последующие. Он был уверен, что со всеми другими любовниками она поступала так же. Возможно ли, чтобы женщина с нормальной физиологией проявляла десятилетиями подобную выдержку? Вряд ли. Она объедалась поклонниками, а они не получали ничего!

Будь это любая другая женщина, он бы повалил ее, скрутил, овладел силой. С Елизаветой — упаси Господи, у него хватило разума не пытаться изнасиловать королеву!

Под утро, так и не познав удовлетворения, измотанный обильными возлияниями на алтарь монаршьего тела, он уполз, еле живой, слабо надеясь, что в следующий раз все будет по-иному.

В следующий раз все было по-прежнему.

Остается досказать об участии Уолтера Ралея. Елизавета, не колеблясь, отправила его в Тауэр, прослышав о его любовной связи с одной из своих придворных девушек, на которой он женился, находясь уже в заточении и добившись затем освобождения страстными мольбами к королеве о милосердии. Он снова в Тауэре в первые месяцы правления Якова I, занявшего престол после смерти Елизаветы. В его лице Ралей столкнулся с мстительным недоброжелателем, подозревавшим сановника в заговорщической активности. Вынесенный ему смертный приговор не приводился в исполнение, и он убедил Якова отправить его в морскую экспедицию за сокровищами испанцев в Южной Америке. Вернулся Ралей в Англию, еле держась на ногах от тропической лихорадки, и в 1618 году был казнен во исполнение ранее вынесенного приговора. Среди фаворитов Елизаветы он выделялся эрудицией, обладал чувством собственного достоинства. Эти качества королева либо не замечала, либо позволила разыграться уязвленному женскому самолюбию.

То, что часто ее приближенные подвергались суровым наказаниям за тайные браки, не делало ей чести. На ум приходит поговорка о "собаке на сене".

В то же время до преклонных лет Елизавета любила выступать в роли крестной матери. В этом сказывалась двойственность ее натуры, что наиболее подчеркнуто проявилось у нее в отношениях с Марией Стюарт, так что в данном случае можно говорить о противоречивости разрывавших ее чувств.

Глава XIII

НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ...

Судьба Марии Стюарт вдохновляла романистов, историков, драматургов. Между тем во многих повествованиях Елизавета I уходит на второй план, хотя в течение многих лет две женщины были связаны очень прочно. Психологический портрет каждой проясняется только в сравнении с соперницей. Иное дело — кто проигрывает и кто выигрывает от такого сравнения. Тут единства у авторов нет.

В блестящем эссе Стефана Цвейга о Марии Стюарт она, а не Елизавета I предстает личностью, вызывающей сочувствие как жертва английской монархини, хотя в первой части своего повествования, относящейся к шотландскому периоду Марии, писатель мрачными красками рисует то, что невозможно оправдать: соучастие Марии в убийстве слабовольного супруга Дарнли, за чем последовала постыдная сцена ее венчания с убийцей мужа, Босуэллом.

Хотя Стефан Цвейг об этом прямо не говорит, но подводит читателя к мысли, что перенесенные Марией страдания на английской земле как бы отодвигают на задний план содеянное ею позорное на шотландской. В итоге перед нами предстает жертва, мученица.

Неукротимость, безоглядность страсти Марии к Босуэллу, человеку недостойному, черствому, жестокому, толкнули ее на злодейство, и даже симпатизирующий ей Стефан Цвейг не пытается убедить читателя в том, что она раскаивалась в совершенном.

Елизавета — иного плана. Она все время оглядывается, правильно ли поступила. Это не столько нерешительность, сколько склонность к самоанализу. Если бы такое свойство было присуще Марии, вряд ли она зашла бы так

далеко. Ее ум в критические моменты оказывался в плену у необузданного сердца.

Имеются красноречивые свидетельства фаворитов Елизаветы о невероятном самоконтроле. Мария, напротив, словно бы растворялась в возлюбленном, сжигала себя в сердечном огне.

Единственное роднившее обеих чувство — непреклонное убеждение каждой в своем, данном Богом праве на звание монархини. Поэтому компромисс был невозможен.

Мария бесповоротно восстановила Елизавету против себя еще во Франции, когда после кончины супруга Франциска готовилась к возвращению в Шотландию, чтобы занять там законный трон. Посланный из Лондона эмиссар для переговоров докладывал о требовании Марии: английская королева должна провозгласить ее своей наследницей.

Основания имелись. Мария была правнучкой Генриха VII, чья дочь Маргарет вышла замуж за шотландского монарха Якова IV. У их сына Якова V и Марии Лоранской родилась в 1542 году Мария, после кончины отца восьмидневным младенцем унаследовавшая шотландский престол. Как мы знаем, Елизавета была категорически не согласна оповещать, кто будет ее наследником или наследницей, она не могла забыть, как в зависимости от менявшихся обстоятельств ее отец Генрих VIII несколько раз пересматривал, кому надлежит вступить на трон после его смерти.

И конечно, Елизавета не могла смириться с тем, что Мария осмелилась претендовать на английский престол, не считаясь с возможностью ее, Елизаветы, брака и появления у нее потомства.

Мария торопила события. В торопливости своей соперницы английская королева видела и серьезный политический фактор. Марию поддерживал королевский дом Франции, мечтавший включить Англию в геральдику своих владений.

Усиление в Шотландии католичества с возвращением туда Марии в августе 1561 года не очень беспокоило Елизавету. Протестанты там гонениям не подвергались. Гораздо серьезнее по возможным последствиям было решение Марии выйти в 1565 году замуж за своего кузена Генри Стюарта, лорда Дарнли, чья семейная линия вела к дочери Генриха VII Маргарет.

Болезненно восприняла Елизавета известие о рождении у Марии сына, нареченного Яковом.

— Увы, — отчаивалась она, — шотландская королева разрешилась пригожим мальчиком, а я остаюсь бесплодным, сухим кустом!

Убиваться между тем вряд ли стоило. Не Елизавета, а Мария находилась в отчаяннейшем положении. Босуэлл, человек, к которому она пылала страстью, будучи женой Дарнли, был абсолютно чужд ей, возвращенной в утонченной атмосфере французского двора, любительнице поэзии, сочинительнице изящных сонетов.

Захваченный англичанами во время своих рейдов в пределы их владений, Босуэлл был заточен Елизаветой в Тауэр, а затем выпущен. У себя на родине он с начала правления Марии проникся к ней враждебностью и даже планировал захватить ее в плен. В условиях ожесточенной междоусобицы местных кланов благодаря стечению обстоятельств он вошел в окружение Марии и без особых усилий завоевал ее сердце.

Елизавета горевала, что бесплодна, но не поменялась бы местами с Марией, знай она, какие муки испытывала та, когда у нее под сердцем зашевелился ребенок от Босуэлла уже после убийства Дарнли. Читаем у Стефана Цвейга: "Мы лишь в том случае до конца постигнем душевные терзания отчаявшейся женщины, когда вспомним, что приближавшееся рождение второго ребенка открыло бы миру с календарной точностью начало ее преступной страсти..."

Но тайна была сохранена. Брак с Босуэллом, третий в жизни Марии, послужил причиной того, что Марию заставили отречься от трона, поместили под надзор на остров Лохливен. Там и родился ребенок, но неизвестно, живым или мертвым.

После 11 месяцев заточения на острове Лохливен Мария бежала и вместе со сторонниками пыталась отвоевать трон. Увы, на ее стороне оказался жалкий отряд, разбитый в первой же схватке! Пришлось снова спасаться бегством. В течение трех дней, замаскировавшись, обрив волосы, она пробивалась с горсткой верных людей к Англии.

У нее были письма Елизаветы, заверения в поддержке. Перстень, присланный из Лондона, должен был служить гарантией готовности Елизаветы защитить Марию.

Она могла попытаться добраться до Франции, но ее остановили возобновившиеся кровавые распри между католиками и гугенотами. Кому она будет там нужна? А от Елизаветы можно было получить помощь и вернуть шотландский престол. Однако католические режимы на континенте, ненавидевшие протестантскую Англию, бы-

ли готовы сделать Марию своим знаменем, возложив на нее не только шотландскую, но и английскую корону.

В этом она скоро убедится, но будет слишком поздно. Поначалу на английской земле ей оказывались почести. Тепло ее приветствовали члены католических семейств севера Англии — Нортумберлендов и Камберлендов. Они оказывали медвежью услугу беглянке. Именно в это время на севере Англии собирались тучи, назревало восстание против Елизаветы. Мария убеждается, что с ней обращаются, как с пленницей. Ей было предложено поторопиться со сборами в замок Болтон в графстве Йоркшир — подалее от волнующегося севера.

Как раз тогда северные эрлы поднялись со своим воинством против Елизаветы. Мятеж был жестоко подавлен, сотни его участников казнены, их поместья разорены.

Теперь как будто бы опасаться нечего. Мария между тем дает новый повод для подозрений. До слуха королевы дошла поразившая ее весть о тайных контактах молодого герцога Норфолка с Марией. Союз представителя древнейшего рода Англии с Марией Стюарт угрожал Елизавете опаснейшими последствиями. Чтобы раз и навсегда покончить с соперницей, основания у Елизаветы были самые убедительные: найденные в замке Эдинбурга бумаги Марии Стюарт, ее письма к Босуэллу и другие свидетельства, изобличившие шотландку как соучастницу убийства своего мужа Дарнли.

Ларец с этими бумагами был обнаружен спустя шесть дней после битвы при Карберри-хилл под Эдинбургом 15 июня 1567 года, в которой силы Марии и Босуэлла были наголову разбиты. Против них сражались войска оппозиции при поддержке большинства населения, отвернувшегося от Марии Стюарт.

Поздней осенью следующего года, то есть когда Мария была уже в Англии, все подтверждающие ее вину свидетельства попали в руки Елизаветы. Началось следствие, затем судебное разбирательство. Английской королеве ничего не стоило поставить Марию к позорному столбу и даже отправить на эшафот.

Елизавета так не поступила, хотя Мария давала уже тогда немало поводов, чтобы ее не щадили. Она угрожала Англии возмездием, упоминала даже о Турции, будто бы готовой прийти на помощь, если суд осмелится признать ее виновной.

Неудивительно, что суд закончился безрезультатно. Марию пока оставили в покое, но власти предпринимают новые меры предосторожности против ее побега. Позд-

ней осенью 1569 года она была переведена в Шеффилдский замок под более строгий надзор. Одновременно пленница была вынуждена принять условия Елизаветы, в числе которых самым существенным был пункт об отказе от претензий на английский трон.

Уступка, конечно, призрачная. Все понимали, что, как только фортуна улыбнется Марии, она откажется от данного обязательства.

Елизавета помиловала Марию не из-за боязни. Отставив собственные королевские prerogatives, именно из-за уважения к такому же статусу соперницы Елизавета не решалась пойти на крайние меры. Ведь минуло немного времени с тех пор, как Елизавета грозила шотландским лордам военной экспедицией, если те не заставят Марию отречься от престола.

Осенью того же года предпринимается попытка освободить Марию. Организаторы — не одиночки-энтузиасты. Нити ведут в Мадрид. Англии угрожает крайне нежелательный конфликт с Испанией. Соотношение сил все еще не в пользу Лондона. Мадридский правитель посылает в 1566 году войска в Нидерланды: там вспыхнуло восстание против испанских оккупантов. Закрепление испанцев столь близко от Англии поставило бы ее в уязвимое стратегическое положение. Но и у Испании была своя ахиллесова пята — зависимость от итальянских банков ввиду громадных расходов по военным операциям. Избегая прямых действий против Испании, Елизавета пытается подорвать ее экономически.

В 1568 году на испанском судне, прибитом штормом к английскому побережью, была задержана крупная наличная сумма. Коммерсанты Сити договорились с кредитором — генуэзским банкиром — о переводе денег на английский счет.

Мадрид ответил захватом английских судов в испанских портах и разрывом коммерческих связей с Лондоном. Это нанесло, однако, более значительный ущерб Испании.

Папский престол реагировал на усмирение католических бунтарей на севере Англии отлучением Елизаветы от римской церкви, а ее подданных освободил от клятвы верности королеве. Курс консенсуса, компромисса с католицизмом был сорван по вине экстремистов римской церкви, поднявших оружие в то время, когда имелась возможность достигнуть приемлемого соглашения с елизаветинской монархией.

Поведение Марии Стюарт не оставляло сомнений: в ее лице старый порядок имеет яркую сторонницу. Пора-

зительно, с какой легкостью и легкомыслием Мария дала согласие выйти замуж за Норфолка — человека под стать Босуэллу. Норфолк не погнушался вступить в сговор с Мадридом о высадке испанских войск в Англии в целях свержения Елизаветы с трона.

Если не все детали этого заговора стали тогда достоянием гласности, то общее представление о замыслах тех, кто стоял за спиной Марии Стюарт, к весне 1572 года достаточно отчетливо стало видно английскому парламенту. Две его палаты потребовали казни Марии и Норфолка. Елизавета призналась, что у нее не поднимется рука подписать смертный приговор.

— Раз нет управы против дьяволицы, пусть погибнет рыкающий лев! — так отозвался один из депутатов о решении королевы пощадить Марию и покончить с Норфолком.

Укрепив тыл, Елизавета маневрирует на арене внешней. Цель — сколь возможно нейтрализовать последствия папского проклятия. В 1573 году Лондон добивается нормализации отношений с Испанией. Подписан ряд коммерческих соглашений. Филипп вынужден повременить с воинственными угрозами.

Растет авторитет Елизаветы I внутри страны и за ее пределами. 17 ноября — день восшествия королевы на трон — объявлен праздником. Торжественно отмечается в 1573 году ее сорокалетие.

Во дворце часто устраиваются балы, и королева неутомима в танцах. Это помогает ей бороться с бессонницей: она работала иногда до рассвета, заставляя министров и советников также бодрствовать, а потом спала до полудня. Другим средством было чтение. В книгах она находила разрядку от приступов хандры.

Тщательно заботилась она о туалете. Каждую неделю меняла обувь. Ношеную отдавала служанкам.

Ювелирный арсенал королевы был предметом зависти иерархов Ватикана, знавших толк в этом деле. Пожалуй, не было на земле сапфира в обрамлении рубинов крупнее, чем подаренный ей Генрихом VIII. В ларцах и сундуках хранилось множество часов, украшенных драгоценностями в виде крестов, цветов, моделей парусников.

Пуритан приводили в ужас трапезы в банкетном зале Уайт-холла, вмещавшем полторы тысячи человек. Ежегодно на угощение гостей во дворе потреблялось 33 тонны вина, 1300 быков, свыше 8 тысяч овец, 13 тысяч ягнят, около 3 тысяч цыплят.

Отправляясь в вояж за пределы Лондона (в других странах она ни разу не была), королева запасалась серебряными ложками. Их она оставляла в качестве даров в семьях, где останавливалась. Когда остановка делалась в знатных семействах, тем надлежало разбиться в лепешку, но обеспечить прием по высшему разряду. С пирами, турнирами и т. п. Естественно, это требовало немалых расходов. Строгая во многих отношениях, королева смотрела сквозь пальцы на сомнительные пути обогащения тех, кто не жалел средств на подарки ей.

Вкладывая тайно деньги в пиратские экспедиции, она получала иногда до пяти тысяч процентов дохода!

Резиденцию Елизаветы осаждала масса просителей. Они должны были пройти через три охраны. Сесилю и это казалось недостаточным. Он опасался проникновения к монархине губителей с отравленными духами. Крайне неодобрительно относился он к тому, что его повелительница нередко принималась за еду, не убедившись, что та была предварительно опробована.

Воскресный день во дворце отводился протокольным мероприятиям. Развлечений в таких случаях не полагалось, но и не соблюдался строжайший режим, на котором настаивали пуритане.

Считается, что любовью к музыке Елизавета спасла этот вид искусств в XVI веке от фанатиков, признававших лишь церковные песнопения.

Придавая большое значение защите Англии от внешних угроз, создавая мощный флот, Елизавета в течение ряда лет тщетно пыталась навести порядок на верфях, устранив царившую там коррупцию. Назначение в 1578 году Джона Гокинса ответственным за верфи оказалось удачным. Порядок был установлен.

Со второй половины 70-х годов помешать утверждению в Нидерландах, Испании или Франции схватившихся там в борьбе за господство стало еще более необходимым, чем прежде. Туда были посланы крупные силы под командованием Лестера. Голландские протестанты были готовы признать даже английский суверенитет над их страной. В Лондоне от такого шага воздержались. Прокламация Елизаветы, наоборот, подчеркивала оборонительный характер экспедиции. Ватикан ответил указанием своим эмиссарам в Европе снимать грех с любого, кто поднимет руку на Елизавету I.

Развертывалась война разведывательных служб. Не числом, а умением английские службы брали верх, засылая лазутчиков в "мозговые центры" Мадрида, Парижа.

Выяснялось, что Мария Стюарт — не второстепенная фигура "тайной войны". С ее вступлением на английский престол связывались расчеты католической лиги на успех дела контрреформации.

Заправлял разведывательными операциями Франциск Уолсингем, о котором говорили, что он единственный из приближенных королевы, кого она боялась. Никто до него не создавал более эффективной, разветвленной сети шпионажа в Англии и за ее пределами. Ранее он занимал дипломатические посты во Франции, Нидерландах, Шотландии, вербуя агентуру. Все рычаги созданного им обширного аппарата были приведены в действие для получения свидетельств, уличавших Марию Стюарт в тяжком преступлении — покушении на жизнь королевы, за что полагалась смертная казнь.

Невольными его пособниками стали некоторые сторонники Марии, осуществлявшие ее связь с центрами католических заговорщиков на континенте. Многие связные находились "под колпаком" Уолсингема. Все, что они предпринимали, немедленно становилось известно шефу английской разведывательной службы, а тот информировал Елизавету.

Парламент к тому времени ужесточил законодательство, карающее за любые попытки посягательства на особу монархини.

Отсутствие у нее супруга, а стало быть, и потомства придавало вопросу о ее физической неприкосновенности особую значимость. Но многим шансы на ее брак представлялись еще неисчерпанными, а она — притворно или нет, остается загадкой — вела себя так, что временами казалось: Елизавета I скоро выйдет замуж.

Глава XIV

ПОСЛЕДНЕЕ СВАТОВСТВО

Итак, в 1573 году Елизавете исполнилось сорок лет. Если она вообще могла иметь ребенка, а Уильям Сесил после обстоятельных консультаций с врачами королевы письменно свидетельствовал в пользу этого, тянуть с супружеством не следовало.

Приняв в конце 1570 года французского посла в Лондоне Фенелона, Елизавета посетовала на то, что еще не подыскала себе жениха, добавив, что речь может идти только о персоне ведущих королевских семейств.

Намек был понят. Посол, зная, насколько в Париже заинтересованы в подобном союзе с Англией, указал на герцога Анжуйского, брата тогдашнего французского короля Карла IX. Возражений не последовало, однако герцогу исполнилось всего 19 лет. Он годился в сыновья Елизавете.

Мать герцога Екатерина Медичи восприняла депешу посла об этой беседе с энтузиазмом.

Начались переговоры о брачном контракте. Герцог дал понять, что он уже достаточно зрелый человек и не позволит решать такие дела за своей спиной. До Уайт-холла дошли его слова, что он не вступит в союз с женщиной преклонного возраста, и к тому же хромой.

Елизавета возмутилась и окончательно отказалась от замужества, когда французы запросили выплатить супругу 60 тысяч фунтов стерлингов ежегодного содержания и гарантировать ему свободу исповедования католической веры.

Предприимчивая Екатерина Медичи предложила подумать о кандидатуре своего младшего сына герцога Алансона. Ему перешел титул герцога Анжуйского, когда его брат стал королем Генрихом III. Елизавете намекнули, что Алансон капризничать не станет.

На сей раз, несмотря на то что у Елизаветы появился новый молодой поклонник Кристофер Хаттон, а затем Уолтер Ралей, да еще сохранял свои позиции во дворе Роберт Дадли — граф Лестер, породнение Тюдоров и династии Валуа стало почти реальным, чему способствовало подписанное в Блуа между двумя странами соглашение о взаимопомощи в случае нападения на одну из них.

Действительно, Алансона перспектива подобной партии устраивала. Он направил в Лондон для переговоров своего эмиссара, а тот, имея четкие инструкции проявить максимальную расторопность, не смутился, когда Елизавета заговорила с ним о "компенсации" за невыигрышную внешность Алансона: низкий рост и лицо, обезображенное оспой (правда, королева и сама переболела оспой).

Возврат Англии принадлежавшего ей в течение многих лет портового городка Кале на побережье Франции был упомянут в качестве такого рода "компенсации".

К переговорам присоединился Фенелон, уверявший, что Алансон отрастит бородку, которая будет скрывать оспины, поэтому о Кале речь вести не стоит, а других помех к браку не предвидится...

Но брачному сговору помешали драматические события во Франции. В ночь на 24 августа 1572 года, в празд-

ник святого Варфоломея, когда в Париж на свадьбу Генриха Наваррского, будущего Генриха IV, с Маргаритой, сестрой короля Карла IX, собрались дворяне-гугеноты, вожаки католиков из семейства Гизов вместе с Екатериной Медичи организовали резню гугенотов. В одном Париже было убито более трех тысяч человек. Погиб лидер гугенотов адмирал Колиньи, чье возросшее влияние на короля заставило инициаторов побоища поспешить со своими планами. В последующие дни тысячи людей были истреблены в других городах. Развязанная религиозная война унесла множество жизней.

В Англии вести из Франции вызвали шок, к тому же с континента прибывали беженцы с ужасающими свидетельствами. Сотни англичан-добровольцев вызвались отправиться во Францию на защиту единоверцев. Пуритане в парламенте потребовали от королевы разорвать отношения с Францией. Раздались предложения о казни Марии Стюарт — своеобразной мести за расправу с гугенотами. В конфиденциальном послании в Эдинбург Елизавета дала знать о готовности выслать Марию Стюарт в Шотландию ради совершения справедливого возмездия, но там выдвинули условие — прислать три сотни английских солдат для поддержания порядка во время казни. Согласиться на это Елизавета не решилась.

В течение нескольких лет о браке с Алансоном не могло быть и речи, но идея еще теплилась, и к ней Елизавета I вернулась в 1577 году, когда склонный к авантюрам герцог Алансон ввязался в военные действия в Нидерландах. Поскольку это могло иметь для интересов безопасности Англии нежелательные последствия, Елизавета полагала, что следует возобновить переговоры о браке. По крайней мере, так она рассуждала в своем кругу, не имея ничего против того, чтобы и за пределами Уайт-холла считали, что она идет на сближение с Алансоном ради национальных интересов.

Молодой человек охотно откликнулся на вести из Лондона. Туда был послан его эмиссар Жан де Симьер, ловкий кавалер, сердцеед, на его фоне меркли достоинства многих придворных королевы.

Начали распространяться слухи о том, будто Симьер потчует Елизавету снадобьем, привораживающим ее к герцогу. На француза даже покушались, он подозревал Дадли как организатора и отплатил ему, сообщив Елизавете о тайной женитьбе Роберта на вдове графа Эссекса Леттис Нолиз.

Весть потрясла королеву. Только настойчивые уговоры сановников, предвидевших крайне неблагоприятный общественный резонанс, заставили Елизавету воздержаться от заключения фаворита в Тауэр. Она ускоренно готовится к браку с Алансоном. Уступая ее настояниям, он в августе 1579 года прибыл в Англию. Королева была приятно удивлена: жених выглядел лучше, чем она думала. Визит длился почти две недели, гость уехал уверенный, что брак — дело ближайшего будущего.

И снова вмешались силы, неподвластные монархине. Как раз во время пребывания герцога в Англии пуританин Джон Стаббс выпустил в свет свое сочинение с длинным и красноречивым названием "Объявление о зияющей пропасти, в силу которой Англии грозит опасность оказаться в пасти еще одного французского брака, если только Господь не воспрепятствует этому, убедив Ее Величество в греховности и наказуемости подобного поступка". Автор утверждал, что возраст королевы исключает появление у нее ребенка, а что касается жениха, то в "облике мужчины в данном случае скрывается змея, вознамерившаяся совершить английскую Еву и порушить английский Рай".

С церковных амвонов звучали проповеди о французе — "сыне антихриста". Королеве пришлось выступить в защиту жениха. Сочинение клеймилось как злонамеренная ложь.

Автор, печатник и издатель были приговорены к отсечению правой руки в соответствии с законодательством Марии Тюдор. Печатник был помилован, но Стаббс и издатель подверглись расправе, причем автор сочинения, едва топор упал на его руку, провозгласил: "Боже, храни королеву!" — и упал без сознания.

Никогда популярность королевы не падала столь низко. Собравшийся в октябре Тайный совет большинством голосов высказался против брака. В начале 1579 года испанский посол докладывал в Мадрид о том, что узнал от своей агентуры. Елизавета, оказывается, обратилась к Сесилу и епископу Йоркскому с таким заявлением:

— Милорды, я очутилась в положении человека, зажатого между Сциллой и Харибдой. Алансон требует от меня окончательного ответа, пойду я за него замуж или нет. Если нет, то вряд ли он сохранит ко мне дружественные чувства, а если да, то смогу ли я тогда править страной так же уверенно, как делала это до сих пор?..

К осени того же года большинство в Совете склонилось в пользу брака. Переговоры возобновились. А вес-

ной 1581 года в Англию прибыли пятьсот знатных французов для завершения сделки. Алансон в то время находился в Нидерландах — это было на руку Елизавете. Отношения с Испанией обострялись, и Англии нужно было создать видимость сближения с Францией. Гостей поили, кормили, развлекали. Важно было и то, что королева выслала Алансону требуемые тридцать тысяч фунтов стерлингов. Сам он прибыл в конце октября и был встречен очень тепло. На службе в соборе Святого Павла Елизавета поцеловала его в губы как своего суженого. Во дворце Уайт-холл она, сняв кольцо со своей руки, надела его на палец Алансона, а взамен получила обручальное кольцо француза.

У демонстрации такого рода была лишь одна цель: давление на Испанию. В кабинетной тиши Елизавета с Сесилом и Лестером обсуждали, сколько придется заплатить Алансону за несостоявшийся брак. Цифра в 200 тысяч фунтов была ею отвергнута как чрезмерная.

Предложение отступного не расстроило француза. Он поторговался и остановился на сумме в 60 тысяч фунтов. В начале 1582 года Алансон покинул Лондон. Елизавета проводила его до Кентербери. Любила ли она юношу? Вот сочиненные ею стихи:

Я люблю, но вынуждена быть разгневанной,
Я горюю, но не смею казаться расстроенной,
Я живу — и не живу, замерзаю и пламенею,
Ибо от себя самой я отворачиваюсь...

Когда Алансон умер от лихорадки в 1584 году, Елизавета объявила траур и с тех пор чтит дату его кончины. Как-никак, но французский герцог помог ей отодвинуть сроки решающей битвы с Испанией. Больше брачные партии королева не разыгрывала.

Глава XV

КОНЕЦ МАРИИ СТЮАРТ

Бурная реакция Елизаветы I на сочинение Стаббса, бросавшее тень на нее как на женщину, позволяет понять охватившие ее чувства, когда она получила письмо от Марии Стюарт, в котором та издевалась по тому же поводу. У пленницы сдавали нервы. В начале 1581 года в ходе конфиденциальных (как она полагала) контактов с французами она дала согласие на то, чтобы силы гер-

цога Гиза высадились на Британских островах, освободили ее и возвели на английский престол. Участвовавшие в заговоре шотландцы были брошены в тюрьму. Мария направила Елизавете еще одно письмо, полное упреков за жестокое обращение с ней, несмотря на обещание защищать ее честь и достоинство. Неудивительно, что Мария была переведена в отдаленный замок с еще более строгим режимом. Надежд на снисходительное отношение королевы у нее не осталось. Единственный выход виделся ею в высадке на британских берегах испанских войск. Она тайно настаивает на ускорении операции.

Однако вся корреспонденция Марии исправно кладется на стол Елизавете. Сесил, Уолсингем, Лестер настаивают на расправе с Марией.

Но Елизавета равнодушна к их уговорам. Министры приходят к выводу, что лишь собственноручно подписанная Марией бумага, в которой содержалось бы ее согласие на убийство королевы, может склонить Елизавету к мысли о высшей каре изменнице.

С весны 1586 года Уолсингем использует ничего не подозревавшего члена ордена иезуитов в Лондоне Антони Бабингтона, вожака заговора, для того, чтобы окончательно скомпрометировать Марию Стюарт. От нее заговорщики получают письменное согласие убить Елизавету.

Бабингтон с шестью сообщниками был арестован, судим, дал нужные показания вместе с неопровержимыми свидетельствами причастности Марии к заговору. В сентябре того же года он и другие арестованные были казнены.

Немногим ранее была взята под стражу по обвинению в государственной измене Мария Стюарт, все ее бумаги конфискованы и переданы следственной комиссии. 25 сентября ее уже как узницу перевели в замок Фотерингей в графстве Нортгемптоншир.

Следующие несколько месяцев английские биографы Елизаветы характеризуют как самые для нее напряженные и мучительные.

Вряд ли единственным помыслом королевы была расправа с Марией. Вещественные доказательства вины той налицо. Оставалось лишь совершить правосудие. Но как раз решающий шаг королева не делала. И это несмотря на постоянное давление, несмотря на решения высших судебных инстанций, назвавших Марию Стюарт государственной преступницей.

12 ноября, выступая перед депутацией парламента, Елизавета заявила:

— Молю не торопить меня с принятием решения, интересами нации я была движима раньше, руководствуюсь и теперь. Если потребуется, готова умереть во имя защиты нации, но повторяю: дайте мне время подумать!

Пойдя навстречу королеве, парламент тем не менее 4 декабря огласил вердикт о казни Марии Стюарт.

Послы Франции и Шотландии от имени своих правительств обратились к Елизавете с просьбой о милосердии.

Генрих III направил из Парижа в Лондон специального посланца с такой миссией, но тот получил от Сесила отповедь:

— Если бы, — сухо заметил главный министр, — французский монарх отдавал отчет в угрожающей Ее Величеству опасности и если бы Генрих действительно питал к ней чувства, о которых распространяется, он не настаивал бы на том, что подвергает Ее Величество такому риску...

У довереннейшего сановника, не раз вызывавшего недовольство Елизаветы готовностью к расправе над Марией, теперь, когда топор над ней повис на тонкой ниточке, в голове зародились сомнения: следует ли связывать конец Марии с именем Елизаветы, и не лучше ли прибегнуть к окольному пути устранения вероломной пленницы?

В таких случаях Сесил привык излагать свои соображения в пространных меморандумах, и вскоре после вынесенного парламентом вердикта о виновности Марии он подготовил неожиданную для его окружения бумагу с перечислением доводов против приведения смертного приговора Марии в исполнение. Главным пунктом был назван принцип римского права: "Сангиус сангиеном прокреат" — "Кровь порождает кровь".

К тому же, по мнению автора меморандума, здоровье Марии было расшатано, она могла скончаться в любой момент. Это позволило бы Елизавете избежать ответственности за смерть Марии.

Между тем, получив известие о приговоре парламента, главный управитель замка Фотерингей сэр Амиас Поле приступил к приготовлениям, какие предшествуют казни.

Еще не зная о решении парламента — оно скрывалось от нее, — Мария предчувствовала приближение смертного часа и просила Поле препроводить королеве что-то вроде прощального письма. Причем, прежде чем вручить его управителю замка, она провела им по своим щекам: показать отсутствие на бумаге яда! О пощаде в нем

речь не шла. Воля к жизни у нее убывала. Ей было важно соблюсти свой конец обрядами, соответствовавшими ее религии и статусу. Она просила переправить ее останки во Францию, казнь совершить в присутствии ее дворовой челяди, а сыну Якову передать фамильные драгоценности.

Управитель Фотерингея забеспокоился, как бы письмо не оказало умиряющего воздействия на Елизавету. Он постарался затянуть отправку послания.

Не получая ответа, Мария 12 января 1587 года подготовила новое послание королеве с просьбой внести ясность, что ей уготовано, подчеркивая, что смерть ее не страшит, но ее слуги измотались из-за неопределенности. Мария спрашивала, кому сможет доверить она на смертном одре свои сокровенные признания.

Было ли это, как полагают некоторые историки, приглашением Елизавете встретиться с ней? Маловероятно. Слишком далеко зашел драматичный конфликт. Завязанный узел можно было разрубить, но не распутать.

В любом случае Мария старалась напрасно. Поле вообще отказался от посылки этого письма в Лондон, и это расстроило Марию сильнее, чем даже перспектива смертного конца. Ее депрессию усилила промозглая, до костей, погода.

А в ее свите, напротив, отсутствие новостей принималось за добрый знак: может, еще не все потеряно...

20 января на голову пленницы пал новый удар. Из замка были удалены ее духовник-француз и еще несколько близких ей людей. Оставлен лишь врач Бургойн.

Что сие означает? Неминуемость тайной расправы? Страх не за свое брненное тело, а страх гибели от рук наемного убийцы без соблюдения религиозного обряда более всего беспокоил эту женщину. В бессонные ночи ей мерещился призрак убитого с ее согласия супруга Дарнли. Босуэлл покончил с ним как с собакой. Неужели и ей суждено умереть таким образом?

Она высказала Амиасу Поле свои опасения и получила категорические заверения:

— Пока я в замке, ничего подобного не произойдет! Неужели моя поднадзорная считает меня способным на такое бесчестье? Я джентльмен, а не турок!

Бургойн передал Марии эти заверения. Они ее не успокоили. У нее имелось достаточно случаев судить о "джентльменстве" этого пуританина. Вскоре он показал новые способности по данной части, ужесточив ее режим

вплоть до мелких уколов, вроде, например, лишения дворецкого Марии привилегии несения жезла перед подачей мясных блюд — церемониала, соблюдаемого при королевских дворах. Затем был отстранен и сам дворецкий. Его функции взял на себя Бургойн.

Мария с ее знанием истории утешала себя напоминаниями об аналогичных притеснениях, каким подвергался в XIV веке накануне своей насильственной смерти Ричард II.

29 января за полночь небо над Англией, в том числе и над окрестностями замка Фотерингей, осветилось всполохами падающей кометы. По этому поводу У. Шекспир вложил в уста супруги Юлия Цезаря в одноименной драме такие слова:

В день смерти нищих не горят кометы,
Лишь смерть царей огнем вещает небо...

Спустя три дня Елизавета послала за недавно назначенным министром Уильямом Дэвисоном. Он должен был доставить ей в Гринвич-палас, где она расположилась со своим двором, предписание о казни Марии, ожидавшее ее подписи. Зная о колебаниях королевы по поводу участи шотландки, министр вложил данный документ в пачку других государственных бумаг, как будто речь шла о каком-то заурядном вопросе. Елизавета уловку поддержала. Они обменялись малозначащими фразами о погоде, в то время как королева подписывала поданные ей бумаги, в том числе и указ о казни Марии. Дэвисон собирался уже унести бумаги, как Елизавета обратилась к нему с неожиданным вопросом:

— Как вы, милорд, чувствуете себя? Видите, наконец я подписала документ, который лежал без движения.

— Ваше Величество, — отвечал смешавшийся сановник, — я предпочитаю видеть кончину виновной особы, нежели наказание невинной...

— В таком случае вам остается вручить указ канцлеру Уолсингему, чтобы он приложил к нему большую печать Англии, да смотрите за канцлером, — шутливо заметила королева, — как бы он не упал в обморок!

И уже деловито наказала Дэвисону:

— Казнь ни при каких обстоятельствах не должна быть публичной, а должна состояться в замке Фотерингей. А воздерживалась я от подписания указа, не желая выглядеть настроенной во что бы то ни стало на возмездие...

Дэвисон снова хотел откланяться, но королева его не отпускала:

— Меня, — заявила она доверительно, — огорчают наши управляющие в Фотерингее, ведь они вполне могли бы снять с меня бремя тяжелого решения об участии Марии, если бы не чуждались собственных действий. Говорю об этом, так как еще не оставила надежды на то, что Уолсингем сумеет предпринять необходимые шаги...

Нечто подобное еще раньше слышали от королевы ее советники. Она прозрачно намекала на средства такого устранения Марии Стюарт, которые избавили бы ее от необходимости принятия решения о казни. Подхватывая такие намеки, Лестер и архиепископ Витгофт заговаривали о применении яда или удушения Марии подушками как "наименее мучительных способах".

Имелись исторические прецеденты. Генриху Плантагенету достаточно было в присутствии его свиты заикнуться о том, как хорошо было бы, если кто-то освободил его от бунтаря епископа Бекетта — и четыре рыцаря вызвались взять на себя такую миссию, покончив с Бекеттом.

Дэвисон добросовестно изложил Сесилу и Уолсингему все услышанное от королевы. В результате управителю Фотерингея была послана депеша, сообщавшая о ее недовольстве недостатком инициативы в том, чтобы со стороны Марии больше не возникала опасность для жизни Ее Величества.

Получив такое послание, Амиас Поле вознегодовал:

— Господь возбраняет мне подобное насилие над моей совестью, — писал он в ответном письме в Лондон, — я никогда не возьмусь проливать кровь в обход закона!

Для пуританина такая позиция была естественной, а Елизавета реагировала на письмо Поле гневной репликой:

— Вот как ведут себя на деле те, кто не жалеет слов, толкуя о защите моей неприкосновенности!

В любом случае идея "убийства из-за угла" была обречена на провал. Не дожидаясь реакции управителя Фотерингея на такой способ расправы с Марией, ряд членов Тайного совета, подталкиваемых Сесилом и Уолсингемом, решили действовать для приведения приговора в исполнение без информирования королевы. Их встревожил новый вызов Дэвисона в Гринвич: неужели в последний момент королева застопорит выполнение указа?

Дело в том, что, приняв снова Дэвисона, Елизавета осведомилась, приложена ли к указу большая печать, и, получив утвердительный ответ, возбужденно спросила, отчего все так спешат, ибо есть другие пути, способы необходимого решения. Мысль не уточнялась, но гадать на сей счет не нужно было.

Дэвисон отделался репликой о "законном способе" как наиболее действенным.

Чтобы избежать объяснений с королевой, Сесил и Уолсингем симулировали недомогание и постельный режим. Они могли этого не делать. Елизавета самоустранилась от происходящего за стенами дворца. Она не пыталась узнать, дан или нет ход подписанному указу. А если бы с ее стороны и было бы что-то предпринято, при отсутствии средств быстрой связи изменить ход запущенного ее сановниками механизма было невозможно.

В Фотерингей направилась комиссия в составе графов Кента и Шрюсбери, а также клерка Тайного совета. Уолсингем позаботился о найме за 10 фунтов стерлингов палача, чье орудие — плотницкий топор — было помещено в сундучок так, чтобы, прибыв к месту назначения, палач выглядел мастеровым. Раньше времени поднимать на ноги находившихся под надзором обитателей замка в Фотерингее возбранялось.

В субботу 4 февраля Бургойн навестил управителя и осведомился, будет ли позволено ему как врачу собрать в окрестностях замка травы для лечения Марии от ревматизма. Поле обещал дать ответ в понедельник. А в воскресенье Мария узнала о прибытии клерка Тайного совета и поняла, что близится ее смертный час. Бургойну она сообщила, что травы ей не понадобятся.

В понедельник с появлением в замке Кента, Шрюсбери и сопровождавших их лиц, остановившихся в окрестном селении, всем все стало ясно.

После обеда, когда Мария прилегла отдохнуть, к ней явились эмиссары Лондона. Она приняла их в кресле у своей постели. Шрюсбери сообщил, что ее виновность установлена и вынесен смертный приговор. Был зачитан текст указа, скрепленный восковой большой печатью.

Снаружи смеркалось. Лица сидевших в помещении расплывались, но свечи не зажигались. Голос Марии не изменился от услышанного, был обыденным.

— Благодарю за желанную для меня весть. Вы окажете мне великую услугу, удалив из этого мира. Нет ничего желаннее, чем пролить кровь во имя католической церк-

ви... — и с этими словами Мария возложила руку на Евангелие. Ее голос окреп, и она заявила о невинности в приписываемых ей преступлениях.

Указав на Евангелие, граф Кент заметил, что ее клятва мало чего стоит, поскольку дается на католическом варианте Библии.

Мария усмехнулась:

— Что же, милорд, вы поверите мне больше, если я буду клясться на переводной книге, к которой у меня нет доверия?

Затевать теологический диспут было нелепо. Посланцы Лондона перешли к следующей части миссии, предложили Марии услуги протестантского священника.

Осенив себя знамением, она отказалась даже обсуждать такую возможность и потребовала присылки к ней французского духовника-католика.

Лорды всплеснули руками:

— Сие невозможно! У нас на этот счет строгие указания!

Мария содрогнулась, будто ее ударили. А граф Кент, делая вид, что не замечает подобной реакции, продолжал:

— Живи вы — это было бы концом нашей религии, ваша смерть сохранит ее.

Яснее нельзя было признаться, что в данном случае определяющим был религиозный мотив. Мария ухватила суть сказанного. Это преисполнило ее радостью: она отдает жизнь на алтарь веры! Все остальное отступало на задний план. Ей оставалось уточнить некоторые практические детали. Она справилась, на какой час назначена казнь.

— Завтра утром в восемь, — запинаясь, ответил Шрюсбери.

— Так рано! Как же я подготовлюсь? И не вернете ли вы отнятые у меня бумаги, деловые счета?

— Нет, мадам, все это в Лондоне.

— А мой духовник? Еще раз прошу позволить ему проводить меня в последний путь!

— У нас строгие указания нашей королевы: такое тоже невозможно, — упорствовали лорды.

Обсуждать больше было нечего. Рубился не только ствол признанного за ядовитое растения, но в почве не должны были сохраниться его корешки.

А в замке за пределами покоев Марии царил переполох. Весть о том, что ожидает их госпожу, облетела дворню. Убивалась бессменная служанка Джейн Кеннеди, и Марии пришлось утешать ее:

— Видишь, Джейн, не говорила ли я тебе, что грядет? Я знала, что мне не дадут жить, слишком великой помехой я была для их религии, и ты должна радоваться, что я принесу себя на алтарь нашей веры...

Бургойн тщетно просил лордов дать Марии несколько дополнительных часов для сборов. Неуступчивость официальных эмиссаров было трудно объяснить. Они лукавили, ссылаясь на указания Елизаветы. Та, как упоминалось, распорядилась только относительно казни пленницы в стенах замка.

Мария не отказалась от вечерней трапезы. У прислуживавшего за столом Бургойна навертывались слезы. Смертница едва притронулась к еде.

До двух часов ночи Мария занималась распределением своих вещей для раздачи в качестве прощальных даров. Часть такого достояния предназначалась для короля и королевы Франции, а также монарших особ других европейских дворов.

Сон не шел к осужденной. У ее ложа толклись служанки, одетые в траурное. Из холла доносился стук молотков. Воздвигался эшафот. За дверями спальных покоев топала солдатская обувь. Надзиратели опасались побега приговоренной. А она бодрствовала в постели одетая, и иногда что-то похожее на улыбку пробегало по ее лицу.

В шесть утра она встала. Было еще темно, на горизонте занималась полоска света, и Марии казалось, что это — предвестник неземной благодати. День обещал быть пригожим. Отсортированные вещи были розданы. С женщинами она обнялась, мужчины целовали ей руки. Бургойн дал ей подкрепиться хлебом и вином. К тому времени над Фотерингеем в голубизне сияло солнце. Вдохнуть свежего, почти весеннего воздуха Марии не довелось.

Между восемь и девятью часами к ней постучали:

— Лорды ждут вас!

Она попросила несколько минут отсрочки — закончить молитвы. Это всполошило королевских посланцев, получивших сведения о том, будто бы Мария окажет сопротивление перед казнью. Но когда шериф графства Нортгемптоншир вошел в ее покои, то увидел ее распростертой на полу перед висевшим на алтаре распятием.

То же распятие нес ее паж, когда она шла к холлу. Слуги пытались прорваться в зал. Особенно настойчивым был Мелвилль — единственный придворный ее свиты, допущенный в замок.

— Мадам, — обратился он к Марии, — какую горестную весть мне предстоит возвестить!

— Вы должны радоваться, а не лить слезы, — ободряла его Мария, — мои беды и несчастья подходят к концу, да и мир, который я покидаю, — мир суеты, тщеславия и печалей. Донесите это мое послание, поведайте моим друзьям, что я умерла верной своей религии, так же как и верной шотландкой и верной француженкой. И когда увидите с моим сыном, скажите ему, что моим сокровенным желанием являлась уния Шотландии и Англии...

Видя толпящихся вокруг нее слуг и служанок, она попыталась еще раз добиться разрешения на их присутствие в Гранд-холле. Лорды опасались сцен отчаяния и попыток челяди раздобыть реликвии, связанные с ее казнью, и в частности орошенную ее кровью материю.

— Милорды, обещаю, ничего подобного не произойдет, со мной хотят по-христиански проститься. И не верю, чтобы королева Елизавета противилась такому прощанию!

Посоветовавшись, Кент и Шрюсбери позволили шестерым из толпившихся людей сопровождать свою госпожу в зал.

Открылись двери, и Мария увидела стоявших под сводами замка жителей окрестных селений. Около трехсот человек были допущены в замок.

Гробовая тишина встретила осужденную. Она появилась в зале с молитвенником в руках, с четками, свешивавшимися с ее талии, во всем черном, за исключением выглядывавшей из-под платья темно-красной нижней юбки — ритуального цвета католиков. Шею Марии обвивало ароматичное ожерелье с "Агнус деи" — восковой ладанкой с выдавленным на ней изображением ягненка: реликвией, освященной папой в Риме.

На эшафот вели три ступеньки. Одни полагали, что это — ступеньки в рай, другие — в ад. И доброты и прегрешений у этой женщины хватало. Ей предстояло выслушать обвинительный акт. Невозмутимость изменила ей, когда протестантский священник предложил совершить прощальную службу по канонам его церкви. Она энергично протестует:

— Я с самого рождения воспитана в старозаветной католической вере и готова пролить кровь в ее защиту!

Ее не слушают, духовник-протестант опускается на колени на ступеньках эшафота и начинает службу. Мария отворачивается от него и приступает к молебну по своему молитвеннику на латинском, переходя затем на англий-

ский язык. Ее молитвы — за процветание католической церкви, за здоровье сына и за Елизавету-грешницу, чтобы та искупила свою вину.

Лорды вмешиваются:

— Мадам, оставьте эти увещания и проповедуйте во благо Иисуса Христа!

Никакого эффекта. Продолжая молиться, Мария просит Господа отвратить гнев от Англии и призывает ангелов взять ее под свою защиту. Она целует распятие, крестится и заканчивает службу:

— Как простерты твои крылья, Иисус, на кресте, так и прими меня в свои объятия и прости мне все мои грехи.

Перед финальным актом палачи согласно обычаю просят осужденную простить их. Звучит ее ответ:

— Прощаю вас сердечным образом, ибо полна надежд на окончание моих страданий...

Верхние одежды перед казнью полагалось снять, Мария остается в блузке и нижней юбке. Палачи тянутся за четками и ожерельем. Слышится протестующий голос Джейн Кеннеди, а затем вмешивается Мария. Она обещает, что палачам заплатят за то, чтобы дорогие реликвии сохранились у близких ей людей.

Джейн завязывает Марии глаза материей с золотым шитьем. Все детали продуманы. Если бы такая предусмотрительность была проявлена в критические периоды ее жизни, судьба этой женщины сложилась бы по-иному!

Вслепую Мария декларирует по-латыни псалом "Ин те Домино, конфидо, нон конфундар ин атернум" — "Тебе, Господь, мое доверие, и пусть никогда я не собьюсь со своей стези..."

Нащупывая плаху, она кладет свой подбородок на деревянное ложе и придерживает его руками — так что, если бы палачи не отвели их, они оказались бы под топором. Протирая руки, Мария произносит последние слова:

— Ин манус, домине, конфиде спиритум мум!
— В твои руки, Господи, вверяю я свою душу!

Первый удар топором приходится не по шее, а по голове. Слугам Марии кажется, что ее губы шевелятся и она шепчет:

— Святой Боже!

Второй удар точнее. Лишь одна тоненькая жилка еще вибрирует, пока и ее не рассекает топор.

Марии не стало в десять утра в среду 8 февраля 1587 года.

Палач демонстрирует отсеченную голову и провозглашает:

— Боже, храни королеву!

Но губы отделенной от тела головы все еще двигаются, и проходит не менее четверти часа, пока они замирают. И в этот момент от головы, которую палач держит перед собравшимися в зале, отделяется парик с каштановыми локонами, а сама голова с седыми волосами летит на доски эшафота.

Из под юбки казненной вдруг выползает пудель и кидается к голове своей хозяйки, жалобно скуля. Песик замирает у ее трупa, пока его не берут, чтобы отмыть следы крови.

Тело Марии обертывается в грубую ткань, служившую покрывалом для бильярда в замке. Оно остается лежать на каменном полу. Обагренная кровью плаха сжигается — так же как одежды Марии, ее четки. К вечеру того дня у холодной плоти было удалено сердце. Оно было закопано шерифом графства в известном лишь ему месте. То, что сохранилось от Марии, было забальзамировано и помещено в свинцовую гробницу.

Сыну графа Шрюсбери было приказано мчаться в столицу с вестью об исполнении приговора. Он достиг Лондона в десять утра на следующий день.

И тут произошло то, что впоследствии вызвало споры среди историков и биографов Елизаветы I: как оценивать ее поведение после казни Марии Стюарт?

Поверхностно события выглядели следующим образом. Весть из Фотерингея повергла королеву в состояние шока. Современник так описывал ее реакцию: "Весь ее облик изменился, она с трудом выговаривала слова, слезы орошали ее лицо..." Горесть уступила затем место гневу. Разъяренная, наступала она на Дэвисона как виновника случившегося. Сановник был отправлен в Тауэр, а она уверяла, что оказалась тоже своего рода жертвой произвольного решения.

— Я подписала смертный приговор Марии только для устранения грозящей мне опасности и передала эту бумагу Дэвисону не для исполнения, а для хранения, поэтому все, что случилось, было сделано без моего ведома и согласия — вот что слышали от королевы те, кого она не прогоняла со своих глаз.

Сесил, Уолсингем и еще один министр помимо Дэвисона были отстранены от должностей, а члены Тайного совета — подвергнуты допросу с пристрастием. Впрочем, и ей, королеве, пришлось выслушать нелицеприятное мнение Сесила:

— Ваше Величество, — заявил он, — театральные жесты ничего не изменят, и если вы полагаете, что тем самым очистите свою совесть, впечатление это не произведет: хорошо известно, что у Дэвисона был на руках подписанный вами указ о казни Марии.

Елизавета замкнулась в своих покоях, наложив на себя пост. Дэвисон был осужден Звездной палатой на выплату штрафа в десять тысяч фунтов. Члены Тайного совета кары избежали, как и те жители Лондона (а их было много), которые отпраздновали на улицах города смерть "изменницы-еретички".

Фотерингей не опустел. Дворня Марии очутилась в замке на положении узников. О возвращении ее приближенных во Францию нечего было и думать.

Награду получил Амиас Поле, став рыцарем ордена Подвязки. Жить ему оставалось недолго, он умер на следующий год после казни Марии естественной смертью. Прощальные письма Марии папе в Рим валялись в замке без движения, как и ее останки, пока спустя пять месяцев после казни ее гробница не была захоронена в соборе Питерборо поблизости от усыпальницы Екатерины Арагонской. В 1612 году сын Марии Яков I в качестве английского монарха распорядился о перенесении праха матери в Вестминстерское аббатство, где ей был поставлен монумент.

Дэвисон просидел в Тауэре относительно недолго и был освобожден от уплаты штрафа. Вернулись на свои места Сесил, Уолсингем и другие опальные сановники.

Притворялась ли Елизавета, демонстрируя расстроены чувства по поводу смерти Марии?

Вывод о ее симуляции напрашивается сам собой, но, думается, не раскрывает всей картины того, что творилось в ее душе. В течение ряда лет, когда в руках Елизаветы оказывались вещественные улики, доказывавшие причастность Марии к убийству своего супруга Дарнли, а также виновность в заговорщических действиях, лишь вмешательство Елизаветы спасало Марию от гибели. Рассчитывать на то, что так дело будет обстоять бесконечно, не приходилось. У любого милосердия есть свои лимиты. Места для примирения двух женщин с их религиозно-державными устремлениями — просто не существовало. Не возьми верх над Марией Елизавета, то же самое проделала бы над своей соперницей Мария. На сей счет имеются неопровержимые свидетельства.

Для Англии, да и для ряда стран на континенте Европы, это было бы чревато серьезными последствиями:

Англия стояла на пороге войны с Испанией. Британским островам угрожало вторжение испанской армады. Само присутствие Марии Стюарт на английской земле, уже не говоря о ее кознях, связях с католическими престолонаследниками на континенте, являлось дестабилизирующим фактором для страны, готовившейся к отражению захватчиков. В этом смысле казнь Марии оправдывалась жизненными интересами нации. Тыл страны в результате был укреплен в критический период.

Важно и то, что павшая на Марию Стюарт кара не сопровождалась развязыванием кровавых "чисток" в английском обществе, хотя Елизавета и ее советники знали об активности сторонников Марии. Подобная сдержанность вполне себя оправдала.

Спустя полтора года после того, что произошло в Фортрингее, престиж Елизаветы I поднялся среди ее соотечественников и на континенте Европы на высоту, на которой не находился все предыдущие годы. Она показала масштаб государственной управительницы во время схватки с самой мощной в военном отношении державой — Испанией. Ее человеческие недостатки, слабости отошли на задний план перед этим важнейшим для нации фактом.

Глава XVI

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

В то время как Елизавета I и ее министры были заняты сведением счетов с Марией Стюарт, более серьезная угроза нависла над Англией.

Британские агенты в Мадриде разведали о подготовке большого экспедиционного корпуса — армады против Англии. Ей грозило нашествие, какому она давно не подвергалась.

Присоединение Португалии к Испании в 1580 году существенно усилило мадридских правителей, открыло им широкую дорогу в Атлантику, а значит, сделало Англию более уязвимой.

Однако и английский флот значительно окреп. Испанцы в свою очередь получали от секретных служб информацию из Англии. Были собраны сведения о размерах английского флота, передвижении судов и т. п. Но и англичане не дремали.

Немалые надежды возлагались на французского посла в Мадриде как на источник конфиденциальной информа-

ции. В сеть осведомителей вовлекались английские и другие купцы, торговавшие с Испанией.

Использовалась техника дезинформации. В начале 1587 года один англичанин, выдавая себя за сторонника Марии Стюарт, многое выведал у испанцев и подsunул им ложные сведения о непригодности Темзы для захода судов с глубокой осадкой.

Вдоль побережья Франции была создана сеть наблюдателей за передвижением испанских судов. Едва на горизонте замечался корабль, лазутчик мчался на коне в ближайший порт, пересекал Ла-Манш и прибывал с донесением в Лондон.

В начале 1588 года, когда приготовления с обеих сторон к битве были в разгаре, умер командующий армией маркиз Санта-Круз. На его место был назначен герцог Медина Сидония, представлявший одно из богатейших семейств в стране. Выбор явно неудачен. Сидония не был мореходом. Он не скрывал, что страдает от морской болезни. К тому же был трусоват.

Елизавета назначала военачальников более толково. В декабре 1587 года на флагмане "Арк" поднял штандарт командующего английской флотилией назначенный на этот пост адмирал Чарльз Говард Эффингем. Человек решительный, он писал королеве: "Соберите, Ваше Величество, все силы вокруг себя, как диктуют Вам интересы могущественной повелительницы, и, если Вы это сделаете, не будет никаких оснований для страхов".

В 1587 году, напав на испанские суда в Кадиксе, адмирал Дрейк уничтожил значительную их часть, но к весне следующего года армада восстановила силы, собрав их в порту Лиссабона. 18 мая 1588 года флотилия в составе 130 судов направилась к Англии.

Штормовая погода вынудила флотилию укрыться в Корунье, на севере страны. Лишь 12 июля она снова вышла в море и через неделю достигла крайнего юго-запада Англии у мыса Лизард. У англичан насчитывалось 197 судов, в том числе мелких.

Эффингем разделил свои силы на три части, находившиеся в пределах видимости друг от друга вдоль южного побережья Англии. Наиболее крупные соединения под его командованием сосредоточились в центре, фланги прикрывали суда под командованием Дрейка и Гокинса. Небольшая эскадра, возглавлявшаяся Генри Сеймуром, курсировала у побережья Нидерландов.

Тяжесть боя пала на крупные корабли. Кроме того, Елизавета распорядилась подготовить сухопутные силы — 50 тысяч человек, 10 тысяч лошадей, разнообразное оружие. Были укреплены портовые сооружения. Но у испанцев явно недоставало солдат для успешной высадки. Сидония рассчитывал, что силы пополнятся воинством герцога Пармского, ждавшим армаду на баржах у побережья Нидерландов.

Одной из основных целей англичан было не допустить соединения армады с войском герцога Пармского.

Ненастная погода помешала Эффингему и другим адмиралам своевременно узнать о передвижениях противника. Поэтому, когда 20 июля суда армады появились в виду Плимута, стоявшие там корабли лишь в последний момент успели сняться с якоря, иначе оказались бы заблокированными.

На следующий день, стараясь держаться с наветренной стороны, чтобы не дать возможности испанцам воспользоваться абордажем, и стремясь нанести поражение противнику превосходящим пушечным огнем, Эффингем, Дрейк, Гокинс в течение двух часов сражались с испанцами, сумели вывести из строя одно судно и захватить командующего эскадрой.

Перемена ветра 23 июля благоприятствовала армаде. Из-за штиля чуть было не попал в плен доблестный Фробишер. На подмогу ему были подтянуты свежие силы. С их помощью защитники Британских островов преследовали испанские суда, двинувшиеся к французским и голландским портам.

25 июля еще один морской бой разыгрался у острова Уайт, несколько судов армады было потоплено, моральный дух испанцев упал. У них еще оставалась надежда на помощь Пармы, но из-за блокады голландского побережья англичанами желанного подкрепления Сидония не получил.

На состоявшемся совете Эффингем и его коллеги решили совместными с эскадрой Генри Сеймура силами ударить по армаде, послав сперва против нее баркасы без экипажей с зажженными на них кострами.

Прием удался. Ни один испанский корабль не пострадал, но паника, охватившая их команды, заставила матросов в смятении рубить швартовые и уходить в открытое море. Один из крупных парусников сел на мель и был захвачен.

Решающее сражение состоялось 29 июля. Англичане использовали свое преимущество в огневой мощи, дер-

жась с наветренной стороны и обстреливая противника с большой по тем временам дистанции.

Испанцы дрались отважно. Перевес и в тактике, и в командовании, однако, был не на их стороне. К концу дня 16 испанских судов были окружены и оказались бы захваченными, если бы не поднявшийся шквальный ветер, погнавший их к побережью.

Разыгравшийся на следующий день шторм грозил отбросить армаду на прибрежные мели, поскольку у многих судов не было запасных якорей. Затем ветер снова переменялся и понес испанскую флотилию на север, то есть прочь от побережья. Ее преследовали суда Эффингема до берегов Шотландии, после чего англичане повернули назад.

Недостаток провианта и природная стихия довершили разгром армады. Лишь половина судов сумела добраться до родных берегов. Эпидемии на их борту унесли массу жизней.

Угроза вторжения все же сохранялась. Силы Пармы со стоявшими наготове баржами концентрировались в голландских портах. 8 августа 1588 года Елизавета прибыла в устье Темзы и обратилась к своим войскам с напутствием:

— Мои дорогие соотечественники, некоторые из тех, кого тревожит наша безопасность, предостерегали меня против того, чтобы братья за оружие, они опасались предательства в наших рядах. Но, смею уверить вас, у меня нет недоверия к моим верным и любящим подданным. Вот почему я явилась сюда к вам, исполненная решимости победить или умереть вместе с вами. Знаю, у меня слабая и хрупкая женская плоть, но знаю также, что, если Парма, или Испания, или любой другой правитель Европы осмелится вторгнуться в пределы моего королевства, я сама возьмусь за оружие. Я сама стану генералом, судьей и вознаграждающей каждого из вас за доблести на поле брани!

Дальнейшие операции велись вдали от берегов Англии. Победа над армадой была отмечена тремя днями празднеств в ноябре того же года. Однако Ралей считал, что Елизавете следовало действовать более решительно и добиваться ликвидации империи Филиппа II.

Весной 1589 года по испанскому флоту, стоявшему у Пиренейского полуострова, были нанесены новые удары. Эффективными они не были, и Елизавета распорядилась о расследовании действий адмиралов Дрейка и Норриса, обвиняя их в том, что они стремились к захвату добычи, а не к разгрому Испании.

Война с этой державой, операции английских войск в Нидерландах, а затем и на территории Франции, где гугеноты стали получать финансовую поддержку Лондона, — все это ложилось тяжелым бременем на английскую казну. Пришлось обращаться к парламенту с настоятельными просьбами о покрытии государственных расходов. Поскольку прямое налогообложение было крайне непопулярным, недостающие средства изыскивались за счет займов, продажи коронных земель, лицензий на различные монополии.

Лишь в 1591 году от операций с земельной собственностью в казну поступило 125 тысяч фунтов стерлингов — сумма внушительная, но недостаточная, чтобы покрыть государственный долг Англии, достигший за десять лет войны с Испанией двух с половиной миллионов фунтов. Королева финансировала даже работы алхимиков по превращению неблагородных металлов в золото. Вместо физических кар католики наказывались теперь штрафами за нарушение существующих законов.

Наибольшее беспокойство к тому времени причиняли королеве протестанты-экстремисты, собиравшие вокруг себя последователей, недовольных половинчатыми мерами в процессе Реформации. Их целью было максимальное очищение англиканской церкви от обрядов католицизма. Они добивались упразднения института епископатства, поскольку он мешал протестантам вершить дела независимо от светской власти.

С одной стороны, инакомыслящие ратовали за трудолюбие, хозяйственную предприимчивость, с другой — ополчались против идей гуманизма, свободомыслия, смыкались с фанатиками-папистами.

В 1589 году Елизавета выступила с заявлением, объявившим деятельность экстремистов "подрывной".

Во внешней политике, как и прежде, первостепенной заботой монархини было не допустить превращения портов на побережье Франции и Нидерландов в опорные пункты, которые могли угрожать Англии: ведь Испания до конца столетия оставалась ее опасной соперницей.

В 1596—1599 годах из Мадрида раздались призывы к единению антианглийских сил и направлению новой армады к Британским островам. Филипп вполне мог бы снова попытаться счастья в подобной аванюре, если бы не катастрофическое состояние его финансов.

Любой шанс укрепить позиции Англии в Европе мирными, политическими средствами использовался Елиза-

ветой. Такая возможность представилась ей в лице французского короля Генриха IV. После убийства ненавидимого многими его соотечественниками Генриха III Генриху IV удалось не сразу стать у власти. В стране бушевала гражданская война. Елизавета оказала существенную поддержку — материальную и политическую — Генриху IV, и, пока он стоял за дело Реформации, была уверена, что Франция не перейдет на сторону Католической лиги. Королева активно переписывалась с ним и в знак своего расположения послала ему собственноручно связанный шарф.

Принятие Генрихом IV в 1593 году католической веры разгневало Елизавету. Она отозвалась о нем как об антихристе, оплатившем ей черной неблагодарностью.

Выступить против Генриха IV, примкнувшего к Филиппу II, вызвался человек, ставший последней и самой трагичной любовью Елизаветы.

Глава XVII

ТРАГЕДИЯ ЭССЕКСА

В конце своего правления Елизавета I приблизила к себе того, кто годился ей во внуки. Это был приемный сын первого фаворита королевы, Роберта Дадли, графа Лестера: такой же привлекательный Роберт Деверё, граф Эссекс. Ему исполнилось двадцать лет, когда он был допущен в спальню королевы, а ей шел шестой десяток.

Одно это обстоятельство придавало новому увлечению монархини, мягко говоря, пикантность, хотя иные современники выражались по данному поводу более резко. Французский посол де Мессе сообщал в Париж о странном впечатлении, производимом королевой, когда она появлялась на публике в декольте, открывавшем дряблую грудь.

Не будем строго судить одинокую женщину, тем более что от матери Леттис Нолиз, внучки сестры Анны Болейн, Роберт унаследовал золотисто-каштановые волосы, черные глаза и стройную фигуру.

Королеву одолевали недуги: ревматизм, язва желудка, мигрень. Об Эссексе отзывались как лучшим для нее средстве от бессонницы.

Среди фаворитов королевы он был наименее предсказуемым и наиболее импульсивным, что должно было насторожить Елизавету. Но и тут ум оказывался в плену

у сердца. Королева не раз вызывала Роберта в Лондон из отлучек, привлекавших молодого человека больше, нежели пребывание под оком своей госпожи. Он ринулся на зов своего отчима Лестера, когда тот предложил ему принять участие в операциях в Нидерландах, но вынужден был подчиниться велению монархини, тосковавшей о нем, и вернуться в Лондон.

Спустя некоторое время он так же внезапно покинул двор в Вестминстере ради заморского плавания — и был так же поспешно вызван обратно.

Высочайшее внимание внушило ему представление о своей особой значимости. Он стал считать себя незаменимым, переоценивая собственную притягательность и недооценивая степень врожденного самолюбия, достоинства той, в которой видел лишь влюбленную в него женщину.

Отсюда — серия размолвок между ними, сменявшихся примирением, причем чаще по инициативе Елизаветы.

Без особых вначале стараний со своей стороны Эссекс был возведен в одно из почетнейших званий во дворе — главного конюшенного, а также награжден орденом Подвязки. Потом королева стала умерять свой пыл. Все более непреклонно относилась она к просьбам о раздаче высоких должностей его друзьям, приближенным. На этой почве между ними тоже возникали трения. Правда, хлопотал он, как правило, за людей стоящих, достойных. К примеру, за высокообразованных братьев Энтони и Фрэнсиса Бэконов. Последний, прославившийся впоследствии как философ материалистического направления, стал выдвигаться доверенным советником Эссекса, а его брат Энтони налаживал эффективные связи, контакты в европейских столицах, снабжая своего шефа информацией, которая в ряде случаев даже превосходила то, что добывали официальные службы. Это признавала и королева, лишившаяся с одряхлением Уильяма Сесила надежного министра-советчика.

Его сыну Роберту Сесилу требовалось время, чтобы утвердиться при королеве. В Эссексе он не без причины видел серьезного соперника, особенно во влиянии на государственные дела.

Елизавете пришлось выслушивать от Эссекса и Роберта Сесилия противоположные рекомендации о назначениях на ответственные посты. Сесил-младший действовал значительно осторожнее, хитрее, нежели Эссекс. Фрэнсис Бэкон со своей стороны проницательно разглядывал и разгадывал то, что не всегда замечал его импульсивный покровитель Эссекс, подвергавший себя ненужному рис-

ку. Свои соображения на сей счет Фрэнсис изложил Эссексу письменно, советуя учитывать прежде всего изменчивый характер королевы, не увлекаться, а сосредоточиться на укреплении своего положения в Тайном совете, чтобы прибрать к рукам контроль над армией.

В результате успешной экспедиции против испанского флота в порту Кадикса в 1596 году, во главе которой стояли Эссекс и Ралей, популярность молодого фаворита Елизаветы поднялась еще больше.

Но тогда же королева стала все больше ревновать Эссекса, против чего и предостерегал его Фрэнсис Бэкон. Не в натуре этого амбициозного обольстителя, однако, были расчетливость и умеренность. Триумфальное возвращение в Англию после экспедиции к берегам Испании заметно вскружило ему голову.

А Елизавета, напротив, осыпала его упреками: трофеи, доставленные в Англию, оценивались в 13 тысяч фунтов стерлингов, расходы же на экспедицию достигали 50 тысяч. Зато на черном рынке в Лондоне золотые и другие изделия из Испании — явно часть трофеев — бойко распродавались, минуя королевскую казну.

Эссекс не смущался холодным приемом, а настаивал на новых операциях против Испании, добываясь сперва принципиального согласия на это, но затем, прослышав о намерении королевы поставить во главе флотилии вместе с ним Ралея, а также адмирала Говарда, заявил об отказе участвовать в экспедиции.

Не в первый раз Эссекс демонстрировал свой нрав, подогретый возросшей популярностью среди соотечественников после успешной операции в Кадиксе. Однако теперь отношение к нему королевы менялось в худшую сторону:

— Я сломя этого гордеца и заставлю заплатить его за свою дерзость! — бросила в сердцах Елизавета, услышав о его требованиях.

И казалось, что решимость стоять на своем у нее непоколебима. Вопреки его нажиму, на освободившееся со смертью одного из высших сановников место она назначила не брата жены Эссекса, а человека из своей свиты. Разгневанный верховный конюший заявил, что покидает двор из-за неотложных дел в Уэльсе. Эскорт был готов, лошади били копытами.

Ему было велено незамедлительно явиться к королеве. За закрытыми дверями в течение часа шла беседа — и они появились перед придворными улыбающиеся. Ссора уладилась. Эссекс получил еще одну почетную

должность — генерального директора артиллерии, и — что еще важнее — ему было поручено единоличное командование новой морской экспедицией против Испании. Ралею и Говарду предстояло действовать под его началом.

Королева излучала доброжелательность. Эссексу, наблюдавшему в Плимуте за приготовлениями флотилии к отплытию, доставлялись из Вестминстерского дворца дары, среди них — только что написанный живописцем портрет Елизаветы. Сановник был на седьмом небе. В письме своей госпоже содержались такие строки: "Смирненно прикладываюсь устами к Вашим божественным ручкам и изливаю свою душу в страстных желаниях всего, что способно принести радость дорогому сердцу Вашего Величества, чьим покорным и преданнейшим слугой являюсь. Эссекс".

А затем разразилось то, что развеяло тщательно выношенные планы англичан. Ураганный ветер погнал флотилию обратно. Хорошо еще, что большинство судов вернулось невредимыми.

Судьба как бы посылала Эссексу сигнал о грядущих бедах. Он склонил колеблющуюся королеву к отправке новой экспедиции против Испании. Объектом атаки был выбран порт Феррол — и снова стихия встала на пути предприятия. Ветры погнали флотилию прочь от испанских берегов.

В донесении Эссекса королеве объяснялись причины неудачи и говорилось о его решении направить флотилию к Азорским островам, где, по полученным англичанами сведениям, находились испанские суда с богатой добычей.

Ответное послание из Лондона содержало предостережение о риске худшем, чем первая неудача, причем в отдалении от Англии.

Часть флотилии под командованием Ралея поживилась добычей в результате рейда против одного из портов на островах, Эссексу ничего не досталось, и он обвинил Ралея в непослушании. Тем временем испанскому каравану удалось ускользнуть от англичан.

И та же капризная стихия спасла Англию от катастрофы, когда, воспользовавшись нахождением флота Ее Величества за тысячу миль от родных берегов, Филипп II двинул морские силы с солдатами к Британским островам, рассчитывая на ускоренный марш войск к Лондону.

И снова шторм нанес судам Филиппа II непоправимый ущерб. В противном случае вероятнее всего испанцам удалась бы высадка на английской земле.

Самовольничанье Эссекса в водах Атлантики грозило обойтись Англии тяжелейшей ценой. Королева бушевала:

— Я получила хороший урок! Никогда больше не допущу, чтобы Ла-Манш оставался без прикрытия моего флота!

Эссекса ожидал ледяной прием, и, увидев, что никакие объяснения, оправдания не принимаются, он, не чувствуя за собой вины, покинул королевский двор и уединился в своем поместье под Лондоном — Уонстед, адресуя своей повелительнице письма, в которых смирение перемежалось с упреками за несправедливое суровое обращение. Показательна подпись под одним из таких посланий: "Слуга Вашего Величества, раненный, но не переменявшийся из-за Вашего недоброго отношения. — Р. Эссекс".

Сердце — не камень. Елизавета постепенно смягчалась, хотя ее раздражала неумножавшаяся популярность Эссекса в глазах публики, винившей кого угодно, но только не его в фиаско у Азорских островов. Тон ее посланий в Уонстед стал любезнее, и она ожидала, что к 17 ноября — юбилею ее вступления на трон — Эссекс появится в Вестминстере.

Роли переменялись. Теперь он стал ломаться, подстрекаемый матерью, давно не ладившей с королевой, и сестрами, полагавшими, что, раз его желают видеть при дворе, обиженного человека следует вознаградить.

Празднества 17 ноября состоялись в его отсутствие. Королева выглядела мрачнее грозовой тучи. А Эссекс? Он не собирался оставаться затворником в Уонстед, а желал, чтобы Елизавета попросила о возвращении под ее крыло возможно ласковее, — и в какой раз оплошал, не приняв в расчет не просто женское, а монаршьё самолюбие. Отношения Вестминстера с Уонстедом прекратились. Внимание требовали вести из Испании.

Филипп II, по поступавшим донесениям, стал готовить против Англии четвертую армаду. Королева по этому случаю позволяла себе шутливые ремарки:

— Видно, я лишая испанского короля сна, — говорила она, — мало того что он пытался 15 раз организовать на меня покушение, покоя ему не дает и мое королевство, коли снова снаряжается экспедиция против нас!

Запах пороха всегда возбуждал Эссекса, и, прослышав о приготовлениях Испании, он в один из декабрьских дней 1597 года неожиданно появился при дворе Елизаветы — и она, не выказывая эмоций, как ни в чем не бывало приветствовала его.

Разумеется, ее переполняла радость, но такие чувства не следовало демонстрировать на публике. В Рождество он был возведен в звание, в течение многих лет остававшееся вакантным, — эрл-маршала Англии. То был исключительный знак монаршьего благоволения. Эссекс возвысился над многими сановниками.

И снова его импульсивная натура натолкнулась на рефлекторный характер королевы, что наполнило его сердце горечью. В беседе с французским послом де Мессе Эссекс позволил себе неосторожную реплику:

— У двора, милорд, на мой взгляд, имеются два порока: проволочки и непоследовательность в действиях, а причина одна — пол королевской особы.

Тому, кто приблизился неосмотрительно к пламени и обжегся, — не следовало опять играть с огнем. Пока внимание Елизаветы было привлечено к воинственным приготовлениям Испании, Эссекс, чувствуя за собой поддержку общественного мнения, еще мог играть с фортуной, но держать это капризное создание за хвост было грубой ошибкой.

В зимние месяцы 1598 года он проявил верх легкомыслия, обхаживая красоток во дворе, хотя прекрасно знал нетерпимость Елизаветы к такому поведению. Ходили слухи, что за один сезон у него сменились три любовницы, причем от одной появился ребенок.

В мае того же года в Лондоне были потрясены известием о заключении мира между Францией и Испанией. Это освобождало силы Филиппа II для действий против Англии. Было известно, что испанцы оказывают значительную помощь ирландцам в борьбе против английского владычества. С "зеленого острова" испанцы могли легко перенести операции на английскую территорию.

Эссекс настаивал на немедленном начале действий против Испании. Старший Сесил со своим сыном Робертом возражали, указывая на необходимость более тщательных приготовлений к войне. Давно тлевшая враждебность двух кланов — Сесилей и Эссекса с друзьями — вспыхнула ярким пламенем. Тайный совет стал ареной противоборства. Как всегда, там председательствовала королева. Она занимала кресло во главе стола, слушала, что говорили, соглашалась или возражала — никто не знал, чью сторону она займет, когда подаст голос.

В июне 1598 года вожак ирландских повстанцев в Ольстере Тирон начал наступление на английские войска. Командующий сэр Генри Багенал с обязанностями не

справлялся. В Тайном совете разгорелись споры, кого поставить на его место. Елизавета настаивала на одной кандидатуре, Эссекс — на другой. Так продолжалось, пока выведенная из себя монархиня не оборвала Эссекса, предложив ему замолчать.

С выражением крайней обиды и презрения на лице Эссекс повернулся спиной к Елизавете и собирался выйти из зала, но был остановлен — она схватила его за уши и воскликнула:

— Пошел к дьяволу!

Эссекс выругался и взялся за шпагу:

— Такого издевательства я не потерпел бы даже от вашего отца! — выкрикнул он. — Я ваш подданный, но не раб!

Граф Ноттингем встал между ним и королевой. Воцарилась гробовая тишина. Эссекс, держась за шпагу, выбежал из зала. Елизавета какое-то время не проронила ни слова. Затем встала и закрыла заседание.

Какая кара постигнет Эссекса? Вопрос был у всех на устах. Утверждали, что вероятнее всего он будет отправлен в Тауэр. Ничего подобного не произошло. Ему была дана возможность снова уединиться в своем поместье.

Королеве было не до Эссекса. Она тяжело переживала смерть своего вернейшего советника — Уильяма Сесила, графа Бэрли. Его сына Роберта она прочила на место отца.

А вскоре разразилась катастрофа в Ирландии. Повстанцы во главе с Тироном атаковали английские силы, убили командующего сэра Генри Багенала и вывели из строя основную часть этих сил. Вся северная часть Ирландии вплоть до стен Дублина оказалась беззащитной перед повстанцами. Худшего поражения за время правления Елизаветы Англия не терпела.

В своем дворце в горах — Эскориале — Филипп II диктовал поздравительное послание Тирону: обещал прислать подкрепления, выражал уверенность в искоренении "еретичества" в Англии и Ирландии, ниспровержении "королевы-еретички"... Еще что-то пробормотал он насчет пятой армады — и впал в забытие. Ночью пришел в себя, взял в руки поминальную свечу и вскоре испустил дух.

На какое-то время Англия могла вздохнуть свободнее, если бы не разгром ее сил в Ирландии. Кого направить туда командующим? Едва этот вопрос возник, об Эссексе заговорили не только его друзья. А королева? В ее голосе, когда она упоминала о нем, звучал металл:

— Он волен поступать как ему заблагорассудится, бросая вызов мне по любому поводу и выказывая прене-

брежение к моей особе, но пусть остерегается трогать мой скипетр!

Была, иными словами, проведена разграничительная линия между ее человеческими качествами и королевским статусом. На последний посягать не следовало.

Беда Эссекса заключалась в неспособности замечать такую грань. И делать из этого надлежащие выводы. Для него Елизавета являлась прежде всего женщиной — и лишь потом королевой.

Она была исполнена решимости не допускать умаления этого своего статуса, полагая, что в ее человеческих характеристиках нет ничего столь отрицательного, что роняло бы этот статус.

Слабости, дефекты есть у каждого. Вопрос в том, насколько они велики и влияют ли отрицательно на дела государственные. Елизавета на первое место ставила интересы государства, не позволяя чертам своей натуры отражаться ущербно на ней как управительнице нации. И она по этой причине не выходила замуж, полагая, что в таком случае интересы ее королевства скорее всего пострадали бы.

Во время скандального эпизода в Тайном совете она ущемила человеческое достоинство Эссекса. Но он вел себя открыто непочтительно по отношению к ней как королеве. Кому надлежало брать на себя более значительную часть вины? Ему, а не ей. Просить прощения он, однако, не намеревался. Тем менее собиралась это делать Елизавета.

Образовывался глухой тупик. Противостояние самолюбий происходило в условиях внешних тревог и опасностей. Оно грозило расшатыванием внутренней стабильности в стране, поскольку сталкивались не просто индивидуумы, вызов бросался, как сознавала королева, ее державной власти, хотя кульминация конфликта с Эссексом была еще впереди, отодвинутая событиями в Ирландии.

Услышав о разгроме там английских сил, Эссекс поспешил в Вестминстер и был остановлен на пороге дворца стражниками, получившими инструкции не допускать его к Елизавете. У нее была своя логика:

— Лорд Роберт достаточно заставлял упрашивать себя, теперь пусть упрашивает меня.

Вернувшись обескураженным в Уонстед, он настроил Ее Величеству длинное послание с выражениями готовности служить ей и цитатами из Горация. Она передала устный ответ:

— Скажите графу, что я ценю себя не меньше, чем он ценит собственную особу!

Обмен нравоучениями продолжался, пока Елизавета не соизволила дать аудиенцию уонстедскому затворнику. Придворные ошибались, полагая, что со ссорой покончено. Королева ожидала извинений. Эссекс вернулся в Уонстед таким же нераскаявшимся, каким прибыл в Вестминстер.

Ему советовали проглотить обиду, осознать, в какое положение он себя ставит. Все было напрасно.

— Мой долг перед Ее Величеством заключается в данной мной присяге, и ее я буду выполнять со всем усердием, как делал раньше, но это не значит, что я должен служить ей при любых обстоятельствах в качестве безгласного раба. Ожидает ли подобной покорности от меня Господь? Разве королевские особы не могут ошибаться? И является ли их земная власть беспредельной? Извините, но я никогда не подпишусь под такими принципами!

Так высказывался Эссекс в письме лорду Эггертону, не отдавая отчет в революционности подобного образа мыслей. Он фактически ставил под сомнение абсолютистский характер тогдашней монархии. Многому предстояло произойти в Англии, прежде чем такие порядки уступили место конституционным ограничениям монаршего самовластия.

Эссекс выступал не провозвестником будущих перемен, а эпигоном могущественных феодальных предков, подминавших под себя в средневековье неугодных монархов.

В моменты отчаяния он подумывал об оставлении карьеры при дворе и удалении в университетскую обитель. Он был хорошо образован, любил классическую литературу. Кембриджский университет оказал ему во время затворничества в Уонстедке немалую честь, избрав его своим канцлером, и преподнесенную им университету серебряную чашу до сих пор можно видеть среди тамошних реликвий.

Весьма вероятно, что на таком поприще он бы преуспел больше, чем на скользкой карьерной тропе. Во всяком случае, тогда ему не пришлось бы прощаться с жизнью во цвете лет!

Пути Господни неисповедимы. Блеск власти притягательнее бдений над манускриптами. Но в последнем случае не надо гнаться до изнурения за фортуной, фальшивить, дискредитировать себя многим, чем замарана сфера политики. Правда, это выявляется слишком поздно для многих, кто в такой стезе изуверился. К тому же она, эта стезя, нередко оборачивается падениями, после которых уже не поднимаются.

Копия письма Эссекса лорду Эггертону попала Елизавете. Она была шокирована прочитанным насчет монархии. Но слишком крепкие корни пустил в ее сердце этот человек, чтобы вырывать их единым махом, как бы сам вельможа этому ни содействовал.

Обстановка в Ирландии по-прежнему складывалась в пользу Эссекса, его планов. Посланный туда новый командующий скоропостижно скончался. Эссекс предложил себя в распоряжение королевы, не уточняя, что имеет в виду, — и на этот раз она откликнулась положительно. Разлука была слишком мучительной.

Они наслаждались вновь обретенной близостью в стенах дворцов Уайт-холла, Гринвича, Виндзора, Хемптона, Ричмонда, Нонсача. Внешне все выглядело как нельзя лучше. Совместные прогулки, охота, танцы, вечерние игры в карты и ночные утехы. Елизавете подобное времяпрепровождение было по душе, Эссекс рвался на ратное поприще. По его требованиям была отклонена кандидатура лорда Маунтджоя на пост командующего в Ирландии. После упорных дискуссий в Тайном совете Эссекс добился одобрения своей кандидатуры и, ликуя, писал другу, что теперь остается одолеть Тирона на поле боя. Всего лишь!

Склонный к мгновенным переходам от подъема духа к унынию, он затем впал в мрачное настроение, убедившись, что королева не намерена предоставлять ему свободу действий в вопросах, относящихся к его компетенции командующего. Каждая деталь предстоящих операций подвергалась тщательному изучению с ее стороны. Такая доскональность действовала на нервы, Эссекс в душе стал сожалеть о своем назначении.

Постепенно спорные детали утрясались, лицо Елизаветы озарялось улыбкой, и будущее уже не казалось таким беспросветным. На приеме в честь датского посла они являли зрелище неразлучной пары во время танцев.

Расставаться с ним она действительно не спешила, и он бы отбыл в Ирландию, напутствуемый ею гораздо теплее, если бы не одно обстоятельство. Появление тогда новой книги было событием, не укрывавшимся от внимания Елизаветы. Доставленный ей экземпляр сочинения Джона Хейварда "Первая часть жизни и правления Генриха IV", в которой описывалась история свержения с трона Ричарда II, заставил королеву содрогнуться, тем более что автор предпослал сочинению посвящение: "Прославленному и достопочтенному лорду Роберту, графу Эссексу".

Исторические экскурсии, как известно, могут содержать злобу сегодняшнего дня. Зачем понадобилось обращаться к такому прошлому, да еще связывать это с именем Эссекса? Чувства негодования, тревоги были столь сильными, что Елизавета послала за Фрэнсисом Бэконом, кого все больше приближала к себе, отдаляя этого придворного ученого от его покровителя — Эссекса.

— Нельзя ли автора сочинения привлечь к суду по обвинению в государственной измене? — спросила она Бэкона.

— Не думаю, Ваше Величество, во всяком случае, что касается обвинения в измене. Скорее, ему можно вменить в вину заведомый обман публики, — ответил он.

— Каким же образом? — был естественный вопрос.

— Видите ли, в книге содержится много абзацев, списанных у Тацита, без упоминания источника. Это противозаконно.

Этого было достаточно для Елизаветы: автор был арестован, предстал перед Звездной палатой и отправлен в Тауэр, где оставался до конца правления Елизаветы.

В конце марта 1599 года Эссекс отбыл в Ирландию. Жители Лондона шумно приветствовали его кортеж, царила уверенность, что теперь дела в Ирландии поправятся.

При дворе королевы думали иначе. Черты натуры нового командующего были слишком хорошо знакомы, чтобы вызывать чувства оптимизма. Бэкон подозревал, что его бывший покровитель позволил завлечь себя в ловушку. В болотах "зеленого острова" безнадежно увязали многие честолюбцы.

Последние недели перед отправкой в Ирландию были омрачены для Эссекса новыми разногласиями с королевой о выборе подчиненных ему военачальников. Два произведенных им назначения были отменены Елизаветой. Речь шла о сэре Кристофере Блаунте и молодом лорде Саутгемптоне. Последний выбор особенно возмутил Елизавету. Этот вельможа, не испросив ее согласия, решил вступить в брак с одной из девушек придворной свиты — и был вместе с ней отправлен в Тауэр. Пробыли они там недолго, но опала с лорда не снималась. И именно его Эссекс хотел сделать своей правой рукой в Ирландии!

Вынужденный подчиниться велению королевы, Эссекс тем не менее взял в Ирландию и Блаунта и Саутгемптона в качестве личных советников. Чувства Елизаветы по данному поводу представить было нетрудно.

Вместе с новым командующим на мятежный остров отправлялось 16 тысяч солдат пехоты и 1300 кавалерии — силы внушительные, но распорядиться ими по своему усмотрению Эссексу возбранялось. Ему были даны жесткие указания, как разворачивать операции. Он их выбросил, едва ступив на ирландскую землю. База вожака повстанцев Тирона находилась на севере страны в Ольстере, но Эссекс решил ликвидировать сперва очаги сопротивления в центре острова, и поначалу казалось, что он действует успешно. Поселенцы-англичане приветствовали его войска, древние замки после осады сдавались на его милость, войска продвигались вперед. Сама легкость движения по острову должна была настораживать.

Вскоре рассыпанные в селениях, лесах, среди холмов повстанцы перешли к изматывающим атакам против англичан, нанося им большие потери. Они были неуловимы для регулярных войск, как это всегда бывает с хорошо организованными партизанскими отрядами.

К июлю, то есть спустя три месяца после начала операций, Эссекс со значительно поредевшими силами вернулся в Дублин с осознанием горькой истины: Тирон с его боевиками оставались таким же твердым орешком, как и в самом начале действий английских войск.

Лондон засыпал командующего тревожными депешами. В одной из них ставился ребром вопрос:

— В чем состоит цель операций? В окончании войны или в ее затягивании?

Дальше в нажиме Елизавета не шла, прислушиваясь к советам Фрэнсиса Бэкона, указывавшего на импульсивность Эссекса, а следовательно, на риск того, что находящееся под его контролем оружие может быть повернуто в направлении, чреватым риском для королевы.

Надоедливые упреки в его адрес как командующего воспринимались Эссексом как свидетельство плетущихся за его спиной в Лондоне козней Роберта Сесила и его сторонников. За стенами дублинского замка тройца — Эссекс, Саутгемптон и Блаунт обсуждали варианты действий против интриганов, не исключая возможности марша находящихся в их распоряжении сил на Лондон.

Но дух этих сил оставлял желать лучшего. С дезертирством, нарушениями дисциплины командиры пытались справляться суровыми наказаниями, вплоть до казней провинившихся. К этим бедам добавилось усилившееся недоумение Эссекса, вероятно на нервной почве.

Приказ Ее Величества о немедленном выступлении в Ольстер против Тирона пришел в самый неблагоприятный момент, и в донесении в Лондон Эссекс не пытался приукрашивать обстановку: от его войск осталась четверть, без подкреплений ни о каком наступлении думать было невозможно.

Ему было прислано две тысячи солдат — капля в море, учитывая размах сопротивления англичанам.

”Троица” мучительно размышляла, как поступать. Приближалась зима с ливнями, бездорожьем. Внимание по-прежнему приковывали вести из Англии. Эссекс был взбешен, узнав о назначении Роберта Сесила на должность, сулящую большие финансовые выгоды, на что он метил сам. В ярости кинулся он к Блаунту и Саутгемптону — заявить о решении не двигаться в Ольстер, а выступить во главе армии против засевших в Лондоне своих врагов.

Ему было сказано, что сие означало бы начало в Англии гражданской войны.

Осознать эту истину было нетрудно. Эссекс делает поворот на 180 градусов, сообщает о решении выступить против Тирона в Ольстере. Близкий соратник Эссекса, на отвлекающий маневр которого он рассчитывал, был убит в стычке, когда основная часть английских сил уже направлялась на север страны. Им противостояли превосходящие численно отряды Тирона, но в бой они не вступали. Вожак повстанцев направил Эссексу предложение о начале мирных переговоров. Они встретились на лошадях в середине брода на реке, в то время как их силы занимали позиции на противоположных берегах.

Эссекс согласился на установление шестинедельного перемирия. Это было равнозначно капитуляции. Его волновало не поле битв, а арена политики в Англии. 24 сентября с контингентом солдат и офицеров он погрузился на суда в порту Дублина, а рано утром 28 сентября гарцевал с верной стражей по улицам Лондона, направляясь к королевскому дворцу Нонсач, где расположилась Елизавета.

Ему было неизвестно, что сказала королева, услышав о перемирии в Ирландии:

— Даже если бы так поступил мой собственный сын, я не поколебалась бы бросить его в глухую темницу!

Эскорт Эссекса состоял из шести человек. Остальное прибывшее из Ирландии воинство осталось в Лондоне. На пути в Нонсач у некоторых спутников Эссекса возник-

ла идея расправиться с находившимся во дворце Сесилем, но Эссекс ее отверг, не желая уподобляться уголовнику-убийце. Он все еще рассчитывал на магию своего мужского обаяния.

В десять утра, перепачканный грязью от трехдневных скачек с побережья в столицу, он взбежал по дворцовым ступенькам и, оттесняя узнавших его придворных служак, ворвался во внутренние покои Елизаветы.

Она перед зеркалом приводила себя в порядок, была еще без косметики, без парика, с седыми локонами до плеч.

Смешанные чувства отразились на ее лице: радость, потом изумление — и страх. Из его возбужденных объяснений она вывела для себя главное: основные силы Эссекса находились в Лондоне. Вот с чем надо было считаться! Королева была искусной мастерицей по части разыгрывания притворных чувств и пустила в ход это искусство, усыпив опасения своего неожиданного гостя насчет того, какой он встретит прием.

Инсценировка продолжалась и во время дневного обеда с Эссексом. Позднее атмосфера стала меняться. От Елизаветы посыпались придирчивые вопросы о произошедшем в Ирландии, и задавались они тоном, лишенном теплоты. А вечером Эссексу было предложено удалиться в сопровождении стражников в резиденцию одного из сановников — Йорк-хауз в Лондоне — и не покидать ее, о чем должны были позаботиться те же стражники.

В течение года он находился под строгим домашним арестом. С ним не было разрешено видеться даже его супруге, родившей в его отсутствие девочку.

Все эти месяцы Елизавета перебирала в голове варианты наказания бывшего любимца, консультируясь с Фрэнсисом Бэконом. Тот не сомневался, что песенка Эссекса при дворе спета и пытаться выгораживать этого своего недавнего покровителя не только не имеет смысла, но рискованно. Однако и топить его Бэкон не хотел. Обвинительный материал был налицо — и тяжелый, однако Эссекс по-прежнему пользовался большой популярностью, в нем не видели виновника выпавших на долю англичан неудач в Ирландии.

Подчеркивая это обстоятельство, Бэкон не советовал прибегать к жестким мерам, к чему не была склонна и королева. От узника Йорк-хауза она получала покаянные письма. Его здоровье серьезно пошатнулось, он мог в любой день скончаться, в чем Елизавета удостоверилась, навестив его, когда он метался в лихорадке.

Судьи Звездной палаты, а затем члены специально учрежденной комиссии, рассмотрев материалы о действиях Эссекса в Ирландии, вынесли решение о его ответственности за невыполнение указаний Ее Величества, преступное самовольничанье, выразившееся в прекращении военных операций против Тирона. Окончательный приговор должна была вынести Елизавета.

Шансы Эссекса не повышались из-за распространения листовок с нападками на его врагов. Даже стены королевских дворцов покрывались надписями в его защиту. Королеву такие манифестации восстанавливали еще больше против дерзостного подданного.

А того, когда он поправился, стали увлекать замыслы совершения государственного переворота — прежде всего для устранения Сесилия и его клики. Эссекс начал опрометчивую игру с огнем.

Его сподвижники установили контакт с шотландским королем Яковом — сыном казненной Марии Стюарт. Тому предлагалось поддержать действия верных Эссексу командующих английскими войсками в Ирландии, когда они высадятся со своими силами в Англии. Якову было дано знать, что успех заговора привел бы его на английский трон... Таковы были расчеты наиболее решительно настроенных сторонников Эссекса. Сам он о своих планах в отношении Елизаветы молчал. Однако Яков поостерегся идти на столь рискованную затею.

Весной 1600 года Эссексу удалось склонить своих сторонников в английских войсках в Ирландии к выступлению без содействия со стороны Якова. Операция требовала тщательной подготовки.

Тем временем королева смягчается, распоряжаясь о переводе пленника в его лондонскую резиденцию Эссекс-хауз. Для рассмотрения дела бывшего командующего силами в Ирландии вновь созывают Звездную палату. Намерение Елизаветы состояло в том, чтобы как следует отчитать строптивца за самоволие, выслушать его просьбу о милосердии и выпустить на свободу.

Разбирательство, состоявшееся в Йорк-хаузе 5 июня, длилось 11 часов. Эссекс сперва был поставлен на колени, затем ему разрешили встать, а потом сесть. В числе обвинителей выступил Фрэнсис Бэкон, окончательно перешедший в лагерь недоброжелателей Эссекса. Еще хуже было то, что выдержка изменила ответчику. Он стал спорить с судьями, и они решили передать дело на усмотрение королевы.

Снова потянулись недели ожиданий. Правда, спустя месяц после суда надзор за Эссексом сняли, но домашний арест сохранили. Свободу он получил в августе и отправил благодарственное письмо Елизавете, в котором главным была просьба о возобновлении истекавшей у него лицензии на сбыт сладких вин. Она была основным источником его доходов, а к тому времени у него накопилось множество долгов.

Прежде королева не раз ссужала своего фаворита солидными суммами. На сей раз лицензия не была продлена под предлогом опустевшей казны.

Реакцию Эссекса трудно описать. С его уст срывалась отборная ругань в адрес королевы. А ей доносили о таком его поведении.

Осень 1600 года — последняя в жизни этого 34-летнего человека. Он стал еще лихорадочнее готовиться к решающим действиям, причем теперь Яков изъявлял согласие на участие в планах Эссекса, о чем сообщил в письме ему, разумеется отправленном по тайным каналам.

7 февраля Сесил письменно вызывает хозяина Эссекс-хауза на заседание Тайного совета. "Ловушка!" — решает опальный сановник и ссылается на нездоровье.

Сесил тем временем не спускал глаз с Эссекс-хауза и окрестностей. Была усилена охрана дворца Уайт-холла. Наготове стояли силы для захвата Эссекс-хауза. Туда утром 8 февраля направилась депутация от имени королевы выяснить, что происходит.

Явившуюся в Эссекс-хауз королевскую депутацию бесцеремонно задержали и заперли в одном из помещений резиденции. Час мятежа пробил. Заговорщики во главе со своим вожакom двинулись к Сити, сопровождаемые возгласами глашатаев: "Нация предана! Корона капитулирует перед испанцами! Смерть изменнику Сесилу!"

Расчет состоял в том, что к нескольким сотням зачинщиков присоединятся тысячи жителей Сити — и затем состоится штурм Уайт-холла. В воскресенье, однако, англичане предпочитают сидеть дома. Улицы Сити были пустынные, а те, кто покинул свои жилища, за мятежниками во главе с Эссексом не пошли. Редели ряды и его гвардии. Пробриться к Уайт-холлу было невозможно. Путь был открыт только к Темзе, и туда двинулся вожак заговора с горсткой сторонников. На лодках они добрались до Эссекс-хауза. Графу важно было уничтожить все изобличающие его свидетельства, и в первую очередь письмо Якова.

За этим делом его застигли королевские стражники. Эссекс сдался и был отправлен в Тауэр с сотней сообщников.

Судебный трибунал был созван 18 февраля. Эссекс вины не признавал.

Вердикт о виновности Эссекса никого не удивил. Казнь была назначена на 25 февраля. 23 февраля королева распорядилась об отсрочке. На следующий день дала указание сроки казни не менять.

В прощальном слове Эссекс выразил глубокое раскаяние, что посвятил жизнь удовлетворению тщеславия, пороку и сладострастию:

— У меня больше грехов, чем волос на голове! Но я никогда не замышлял ничего дурного против королевы и в эту минуту молюсь о ее благополучии...

Обратив взоры к небу, он вознес молитвы Всевышнему, после чего снял пунцовую жилетку и с непокрытой головой склонился на плаху...

Глава XVIII

ФИНАЛ ВЕЛИКОГО БЕЗБРАЧИЯ

В часы и дни после казни Эссекса сердце у Елизаветы болело, но ум требовал спокойствия и рассудочности. Она сознавала и сознавалась в доле своей вины за трагический конец когда-то столь близкого человека:

— Я непомерно возвеличила его, позволяла ему своевольничать и тем подняла его в глазах окружающих. А он? Как могла ему, знавшему мой характер, взбрести в голову мысль о возможности господства надо мной!

Автор взбудораживавшего ее сочинения о гибели Ричарда II по-прежнему томился в Тауэре, но уроки расправы с последним королем из династии Плантагенетов волновали ее теперь даже сильнее. В случившемся с этим королем она нащупывала оправдание своему решению поставить кровавую точку на бросавшихся ей вызовах со стороны упрямого вельможи. Она подняла из архивов материалы о том, как плелись сети вокруг Ричарда II, и пришла к неутешительным выводам: в те времена, по ее мнению, торжествовали сила и оружие, теперь же верх берут хитрость и коварство, и потому так трудно найти честных и лояльных людей.

Три графа, два барона, сыновья, братья знатных особ, иностранный дипломат, шериф Лондона и немало моло-

дых смельчаков оказались замешанными в заговоре. И так же как это обстояло после казни Марии Стюарт, и в данном случае Елизавета воздержалась от широких репрессий. Лишь пять человек помимо Эссекса были казнены. Среди них не было ни Саутгемптона, ни Маунтджоя, несмотря на их доказанную причастность к заговорщическим действиям. Современник писал, что в анналах истории ничего подобного, что касалось проявленного в данном случае милосердия, не наблюдалось.

Казнь того, кто для многих людей в стране являлся их кумиром — горделивым, отважным, полным задора, вызвала бурное недовольство. Стражники с трудом отбили после казни от разбушевавшейся толпы палача Эссекса. В тавернах Лондона раздавалась брань по адресу Сесила. Появились баллады, воспевавшие умерщвленного любимца.

Королева не сняла с пальца подаренное ей Эссексом кольцо. И в то же время ходили слухи, что за обеденный стол она садится со шпагой. Во дворце принимались меры предосторожности на случай волнений.

Поклонники погибшего, однако, забывали его быстрее, чем королева. Она снова и снова возвращалась к тому, что произошло. Притрагивающиеся неосмотрительно к скипетру, по ее убеждению, не заслуживают жалости, ибо скипетр подобен факелу, уничтожающему любого, кто осмеливается посягать на эту святыню!

Так Елизавета убеждала — или пыталась убедить себя — в правомерности трагической развязки ее отношений с Эссексом. Он оставил тяжелое наследие в Ирландии. В сентябре того же, 1599 года испанские войска высадились там на помощь Тирону. Перемирие не продержалось и нескольких недель. Свидетельством великодушия и прозорливости королевы было ее решение о посылке в Ирландию командующим Маунтджоя.

При продолжавшихся военных операциях англичан в Нидерландах действия против совместных сил ирландцев и испанцев требовали новых больших средств. Королеве уже пришлось расстаться с немалой частью своего "достояния на черный день" для финансирования военных кампаний. Она запросила новых ассигнований от парламента.

Члены палаты общин при открытии сессии вели себя неприкрыто враждебно. Они даже не посторонились пропустить королеву, когда она направлялась в верхнюю палату на открытие сессии. Не желали они обсуждать какие-либо финансовые вопросы. Еще с предыдущей сес-

сии их будоражила проблема "монополий" — королевских лицензий на исключительные права покупки и продажи широкого круга изделий, продуктов, вин, являвшихся важным источником пополнения казны.

Палата общин бушевала, требуя права голоса в распределении "монополий". Это были голоса расправлявшей крылья буржуазии.

В таких ситуациях Елизавета не терялась, а принимала оперативно-нужные решения.

Депутаты встретили возгласами одобрения ее заявление о намерении пойти им навстречу. В выпущенной спустя два дня — рекордный срок! — прокламации королева перестраивала систему "монополий" в соответствии с требованиями парламентариев. Она пригласила депутатов членов палаты общин к себе в Уайт-холл, на что раздались возгласы:

— Все пойдем!

3 ноября 140 "коммонерс" во главе со спикером предстали перед Елизаветой в Уайт-холле — это была последняя такая аудиенция монархини, данная своим норовистым законодателям. Им она адресовала слова, являвшиеся как бы ее завещанием, слова, вошедшие в британскую сокровищницу государственной мудрости. Не будем излагать все сказанное ею, оно достаточно велико, упомянем о наиболее примечательном.

— Хочу заверить вас, — начала королева, — что нет монаршей особы, более любящей своих подданных, ибо нет и не может быть драгоценности значительнее этой: я имею в виду вашу любовь. И хотя Господь вознес меня высочайшим образом, самое славное для меня в царствовании — ваша приязнь ко мне.

Поэтому нет у меня желаний более сильных, чем довольство моих подданных. Таков мой долг перед подданными, и, пока я жива, останусь орудием воли Всевышнего в защите вас от опасностей, бесчестья, стыда, тирании и угнетения.

Передо мной всегда стоит Судный день, и когда я предстану перед ним, с чистой совестью скажу, что правила во имя блага моего народа. Сан монарший велик, но он не слепил меня. Быть самодержцем и нести корону — зрелище более привлекательное для тех, кто на него смотрит, нежели для самих венценосцев. Не в моих помыслах продлить жизнь дольше, чем это необходимо для вашего блага. И прошу передать слова моей благодарности всей нижней палате, так как от вас я питалась

светом знаний, и если делала ошибки, то только по причине недостаточной информированности...

В заключение этого обращения она предложила всем присутствующим опуститься на колени и совершить обряд целования ее рук. Она сознавала, что это будет, очевидно, ее последний парламент.

Проявленное Елизаветой милосердие в отношении причастных к заговору лиц было вознаграждено. Маунтджой в Ирландии нанес сокрушительное поражение силам Тирона, а спустя неделю там капитулировала испанская армия.

Конечно, это порадовало королеву, но не так, как могло быть раньше. Она призналась французскому послу:

— Пора собираться в последний путь, прожила и испытала я столь многое, что теперь мной владеет одно чувство — усталость от жизни...

Все же она поражала активностью. Летом 1602 года задумала отправиться в Бристоль, находящийся почти в двухстах километрах от Лондона, и только настояния не совершать такого пути в ненастную погоду остановили ее. За день она все еще могла покрыть верхом на лошади не менее двадцати километров. 17 ноября было пышно отмечено сорокачетырехлетие ее вступления на трон. 6 декабря она присутствовала на обеде в новом особняке Сесила на Стрэнде в Лондоне. Еще 18 января 1603 года казалось, что она находится в хорошей физической форме. Во всяком случае упорно отказывалась от лекарств, говоря, что, если организм не справляется собственными ресурсами с нездоровьем, другие средства не помогут.

21 января двор переместился из Лондона в зеленые рощи Ричмонда. Несмотря на ледяной норд-ост, Елизавета продолжала ходить в летних одеждах:

— Обойдусь без мехов, пусть злится непогода! — слышали от нее.

6 февраля она дала аудиенцию первому на английской земле послу Венеции, разодетая в белоснежную тафту с золотым шитьем и с имперской короной на голове, с жемчужинами, рубинами, алмазами на ткани одежды и на руках. Она пожурила правителя Венеции за то, что тот не присылал миссии ранее, и полушутя спросила:

— Надеюсь, так вышло не из-за того, что я женщина? Мой пол не убавляет моего веса и престижа, не может оскорбить тех, кто чтит монархов...

Вскоре умерла любимая ею графиня Ноттингемская; она болезненно переживала потерю. К меланхолии при-

бавилась бессонница, но лекарства по-прежнему отклонялись. Королева почти перестала притрагиваться к еде.

Сесил втайне от нее еще раньше вступил в переписку с Яковом в Эдинбурге как наследником английского престола. Для Елизаветы это тайной не было, она руководствовалась латинской поговоркой "Видео эт тацео" "Вижу, но молчу". Сомнений для нее не существовало, кому суждено занять трон, и на пороге кончины она наконец внесла ясность в то, что все эти десятилетия держало в напряжении ее сановников.

22 марта в присутствии советников сообщила о решении: Яков должен вступить на английский престол. Несмотря на то что ей было известно о позиции шотландского монарха во время подготовки Эссексом заговора, Елизавета осталась верна неписаной договоренности с Яковом накануне казни Марии Стюарт: сын шотландской изгнанницы в обмен на обещание посадить его на английский трон дал понять, что не будет считать казнь матери тяжким грехом и не предпримет никаких шагов в ее защиту.

В последние часы никто не слышал ни слова от Елизаветы. Потом она впала в забытье. 24 марта Елизаветы не стало.

Тело из дворца в Ричмонде было переправлено в Уайт-холл, а затем в Вестминстер. 28 апреля состоялись похороны. Траурную процессию возглавляла тысяча человек в черных одеждах, за ними следовало около трехсот нищих — четверо в ряд, далее шли священники, ремесленники, конюшие из челяди королевы. Гарцевали две любимые лошади Елизаветы в траурных пополах. На катафалке под балдахинном была установлена ее восковая фигура. Гроб был поставлен в Вестминстерском аббатстве. В 1606 году там был воздвигнут монумент Елизавете I. Правда, не столь внушительный, как заказанный Яковом I в память о своей матери Марии Стюарт.

Глава XIX

АБСОЛЮТИЗМ ОТСТУПАЕТ, НАСТУПАЕТ И СНОВА ОТСТУПАЕТ

Хворь входит пудами, выходит золотниками. Так же и с неблагополучием государственных дел. Расстроить их гораздо легче, нежели поправить. Якову I Стюарту, вступившему на престол после Елизаветы I, понадобилось относительно немного времени, чтобы — помимо, конеч-

но, своих желаний — довести напряженность внутри страны до точки кипения. Толкуя о своем "божественном происхождении и призвании", он окружил себя фаворитами-негодаями, навлекшими недовольство парламента. После того как один из его министров-любимцев был уличен в убийстве, на его месте появился карьерист-льстец Джордж Вильерс, ставший графом Букингемом, — один из самых состоятельных аристократов в стране, но и один из самых алчных, наживавшихся вместе с Яковом на продаже лицензий на монополии и титулы.

Сменивший Якова в 1625 году Карл I — его младший сын (старший, Генрих, умер преждевременно) — рос в обстановке таких же распущенных нравов при дворе, что не мешало и ему заявлять о себе как о "Божьем помазаннике". Букингем обслуживал прихоти молодого принца. Их нежные отношения дали пищу толкам, что речь шла не просто о дружбе.

Карл I завел у себя во дворе более строгие порядки. Свидетельница подобных перемен леди Хатчисон так описывала их в мемуарах: "Шуты и развратники, насмешники и любовники были оттуда удалены... Ученые и отличившиеся в видах искусств получили признание и поощрение короля".

Но то, что монарх не увлекался женщинами, имело для парламента меньшее значение, чем его позиция по наиболее волновавшему многих вопросу: готов ли он уважать свободу вероисповедания?

Этот пункт был центральным на протяжении всего периода потрясавших Англию в то время бурь. И именно в данном вопросе Карл I показал наибольшую непримиримость и наименьшее здравомыслие.

На третьем году правления парламент потребовал импичмента Букингему — и с такой силой, что королю пришлось подчиниться. Вскоре этот его любимец был убит пуританином.

Ничего не изменилось. Возвысился не менее ненавистный публике тандем королевских советников — графа Страффорда и архиепископа Лода. В зените своего могущества последний указывал монарху, кого среди духовенства возвышать, кого — преследовать. Им готовились списки священнослужителей с пометками "О" и "П". Первое означало "ортодоксальный" (отличать!), второе — "пуританин" (преследовать!). Прошло не так много времени после падения Букингема, и в начале 1645 года по требованию парламента Лод был казнен как государственный преступник.

Поведение монарха свидетельствовало, что он пытался умиловить парламент, но делал это крайне непоследовательно, то отступая, то пытаясь наступать. Его не покидало убеждение в непоколебимости своего монаршьяго звания. Опыт первых пяти лет царствования стал для него ориентиром. За это время Карл три раза распускал парламент, отправил в Тауэр девять вожаков оппозиции в палате общин. Наиболее влиятельный среди них, Джон Эллиот, умер в заточении, но Карл отказался передать его тело близким для погребения.

На место одних жертв королевского произвола вставляли другие поборники гражданских прав и свобод. От наследия Елизаветы I с ее курсом на консенсус в обществе, примирение страстей, опору на умных министров ничего не оставалось.

Обстановка радикализации настроений в рядах оппонентов Карла I выдвинула на арену могучую фигуру Оливера Кромвеля как вождя революции. Парламент обрел новое дыхание. А Карл I вел себя так, будто почва под ним была крепче гранита. В январе 1642 года он грубо нарушил парламентскую неприкосновенность, появившись в палате общин — что монархам возбранялось — в попытке добиться ареста пяти лидеров оппозиции. Тех заблаговременно предупредили, и они укрылись в Сити.

2 июня парламент суммировал свои требования в "Девятнадцати предложениях" и послал их королю. Карл негодовал:

— Если я соглашусь на это, передо мной будут снимать шляпу, целовать руку, называть "Ваше Величество", носить булаву или меч, позволят мне забавляться коронной и скипетром, но я буду лишь тенью, видимостью власти, пустым призраком...

Он был недалек от правды. По сути, Карл I отвергал идею конституционной монархии. Спор мог решиться только силой оружия. В июле парламент распорядился о создании собственной армии. 22 августа король ответил мятежом верных ему сил против парламента. Гражданская война началась.

Велась она вначале с переменным успехом, но затем кромвелевские армии стали брать верх над королевскими. В рамках данной главы нет возможности останавливаться на всех перипетиях борьбы. К весне 1648 года под нажимом офицерства и массы рядовых в кромвелевской армии было принято решение о привлечении Карла к суду.

Обвинения в предательстве Карл встретил презрительным смехом. Он примирился с мыслью о неизбеж-

ном конце, но не утерять веры в сохранение монархии. За день до казни Карлу было разрешено проститься с 13-летней Елизаветой и 8-летним Генрихом. Старший сын, нареченный также Карлом, бежал вместе с братом на континент. Увидя родителя, дети упали на колени. Он их поднял и, отведя дочь в сторону, просил передать брату Якову его просьбу — не препятствовать старшему сыну как наследнику. Напутствием сыну были слова:

— Запомни, что я скажу: мне отрубят голову и, возможно, сделают тебя королем, но ты не должен на это соглашаться, пока будут живы Карл и Яков...

Мальчик ответил:

— Лучше я дам разрезать себя на куски!

Пешком в холодный день 30 января 1649 года Карл прошествовал из дворца Сент-Джеймс к Уайт-холлу, разговаривая по пути с солдатами Кромвеля. На помосте, сооруженном перед банкетным залом дворца Уайт-холл, Карл обратился к собравшимся со словами, прозвучавшими упреком подданным. Он сказал, что выступал за свободу народа, но она состоит в существовании эффективного правительства, и не дело подданных пытаться разделять ответственность с управителями, так как подданные и суверен — не одно и то же.

Ни малейшего раскаяния!

В мае того же года Англия была провозглашена Республикой. Кромвель получил полномочия, сделавшие его фактически некоронованным королем.

Новая форма правления не привилась. Вскоре после смерти Кромвеля в сентябре 1658 года дела в стране повернулись снова в сторону монархии. В мае 1660 года Карл II вступил без сопротивления в Лондон.

Он, а затем его брат Яков II чуть не довели дело до новой гражданской войны следованием по стопам батюшки. Лишь чрезвычайные меры могли спасти нацию от взрыва. И они были предприняты. К Вильгельму III Оранскому в Голландии, сыну дочери Карла I Марии, женатому на внучке Карла, были летом 1688 года отправлены из Лондона посланцы крупнейших земельных собственников, купцов, банкиров Сити и высшего духовенства — просить избавить страну от ненавистного Якова II.

В Голландии был собран 13-тысячный контингент войск. На их штандарте Вильгельм Оранский начертал девиз: "В защиту протестантской религии и свобод в Англии". В ноябре того же года они высадились в Англии

и вступили в Лондон. Яков II бежал во Францию. Парламент избрал Вильгельма Оранского на престол.

Парадоксом был тот факт, что именно при короле-чужеземце в Англии были провозглашены свободы, получившие название "Славной революции". Свободы, достигнутые без кровопролития и заложившие фундамент общества, основанного в значительной степени на верховенстве закона.

Корона была предложена парламентом Вильгельму Оранскому в начале 1689 года вместе с Декларацией о правах, обставлявшей правление монарха и его преемников рядом кардинальных условий.

Принять корону и отвергнуть декларацию было немыслимо. В конце того же года все записанное в Декларации было зафиксировано в принятом парламентом Билле о правах. Монарх лишился права приостанавливать действие законов или освобождать кого-либо от их выполнения. Ему запрещалось взимать налоги для собственных и других нужд без согласия парламента. Рекрутирование в армию или ее сохранение в мирное время допускалось только с одобрения парламента. Возбранилось чинить препятствия свободе слова в парламенте.

Дальнейшими актами был установлен давно выдвигавшийся парламентом принцип ответственности министров перед депутатами. Суды становились независимыми от короля и подчинялись парламенту. Только депутаты могли смещать судей.

Становление конституционной монархии заняло еще немало времени, было сопряжено со многими драматическими эпизодами в истории Англии. На это ушел весь XVIII век и немалая часть XIX — период правления монархов Ганноверской династии после смерти в 1714 году последней представительницы Стюартов на английском троне — Анны.

Деяния ганноверцев — особенно же Георга III и его наследника Георга IV — заслуживают особого рассмотрения.

Часть вторая
**ГАННОВЕРЦЫ:
СТРАСТЬ ВЛАСТИ
И ВЛАСТЬ СТРАСТИ**

Глава I

ДРАМАТИЧНЫЕ РОДЫ

Вечером последнего августовского дня 1737 года элегантный экипаж с опущенными занавесками мчался через рощи Ричмонд-парка в Лондон. Встречные повозки, случайные путники жались к обочинам дороги: в принадлежности экипажа к королевскому семейству было трудно ошибиться и без взгляда на его герб.

Поблизости, в Хемптон-корт в долине Темзы, раскинулось поместье Георга II, и оттуда держал путь в столицу экипаж. Хемптон-корт служил загородной резиденцией английских монархов с того времени, как первый министр Генриха VIII, кардинал Вулси, подвергся опале и был вынужден в 1525 году уступить там свой дворец, по великолепию превосходивший королевский, государю.

Ко времени этого повествования здесь кроме Георга II, его супруги Каролины, трех их сыновей и пяти дочерей, а также серала монарха, с чем Каролина мирилась, находилась ожидавшая ребенка Августа, жена Фредерика — старшего сына короля.

Ничто в тот вечер не предвещало грозу в семействе, где с некоторых пор состояние напряженности из-за конфликтов Фредерика с отцом стало обыденным.

Повторялось то же, что в молодые годы самого Георга II оттолкнуло от него родителя Георга I: непослушание, строптивость.

Так расценивал поведение этого сына Георг I, оставивший в 1714 году любимое герцогство Ганновер и без энтузиазма занявший английский трон после кончины королевы Анны, поскольку по принятому в Англии акту 1701 года он был единственным законным претендентом на престол в Лондоне.

Царствование Георга I, несмотря на его незнание английского языка, нелюбовь ко всему английскому — от пищи до погоды, — было для него в целом благополучным. В политические дела он не вмешивался, довольствуясь развлечениями, связанными главным образом с женским полом, благо министры были рады предоставленной им свободе действий. Монарх украшал своей подписью государственные бумаги, часто не читая их. Зато правительство не скупилось обеспечивать средствами рассеянный образ жизни Георга, включая его сераль.

В привезенной им в Лондон из Ганновера свите имелись две его любовницы: худая как жердь Эренгарда Шуленберг и смахивавшая на бочку баронесса фон Кильмансегге. Они размещались в покоях королевского дворца. Супруга Георга I София-Доротея томилась в крепости в Германии. Позволяя себе любые вольности по женской части, этот монарх обрек жену на пожизненное заключение за связь с красавчиком авантюристом графом фон Кенигсмарком.

Сын, будущий Георг II, не раз просил отца разрешить ему повидаться с матерью, но тот оставался непреклонным в отказах. Уже одно это вызывало у первенца озлобление к родителю. Добавлялись другие причины, поводы. Из-за в общем-то пустякового спора, кому крестить одного из сыновей наследника, батюшка настолько осерчал, что приказал выдворить строптивца с семьей из своей резиденции — Сент-Джеймского дворца. Разрыв был полным и окончательным.

Гены сыноненавистника передались севшему на трон в 1727 году Георгу II, а затем проявились у его отрока — Фредерика, у него также разыгралась неприязнь к отцу, да и к матери Каролине, обожавшей своего низкорослого, пучеглазого супруга. В семейных ссорах она занимала сторону мужа.

Нрав этого наследника оказался покруче отцовского. Незадолго до своей женитьбы на 17-летней немке, принцессе Саксен-Готской Августе, в апреле 1736 года — данный выбор сын сделал вопреки воле отца — в Лондоне стал ходить памфлет об "Истории принца Тити". Под этим вымышленным именем легко угадывалась персона Георга II, его внешняя неказистость, отвращение ко всему более или менее интеллектуальному вплоть до неприятия даже вида книг.

Каролина — по воспитанию, уму превосходившая мужа — тайком уединялась, чтобы предаваться чтению.

Эти и другие подробности быта королевской четы, известные Фредерику, сделали сочинение ходким чтивом. Выяснилось, что принц имел к памфлету прямое отношение.

— Пусть провалится земля под этим канальей! Он величайший осел и величайший лгун. Жалею, что он вообще появился на свет! — бушевала Каролина.

Подозревая сына в кознях, Георг II учредил за ним негласный надзор. Каролина со своей стороны насадила в свите молодой супруги Фредерика осведомителей, ибо была убеждена, что сын сделал жену пособницей своих интриг.

— Если эта бедняжка плюнет мне в лицо, я только пожалею ее за послушание этому дураку! — откровенничала королева в кругу наперсниц.

Красавицей Августа не была, ее лицо портили следы перенесенной в детстве оспы. Фредерик содержал свой штат любовниц.

— От жены мне нужно одно — дети, и прежде всего — наследник, — говорил он.

Матушка считала его малоспособным к продолжению рода. А Георгу II втемяшилось в голову, что сын может симулировать беременность Августы, подсунав в качестве наследника внебрачного ребенка — от любовницы. Такую мысль он внушил и Каролине. Она бросила недоверчивый взгляд на невестку, когда та сообщила ей о беременности. Подозрительность родителей Фредерика усилилась еще больше после того, как Фредерик высказался за переезд жены из Хемптон-корта в Лондон.

— Может, я стала слаба зрением, но не вижу у Августы признаков того, что она носит дитя, — делилась Каролина с супругом, поддерживая того в возне, рассчитанной помешать отъезду Августы.

Фредерик не блистал здоровьем, а родители хотели видеть после Георга II на троне своего младшего сына — любимчика Уильяма, герцога Камберленда. Появление у Фредерика первенца эти планы расстроило бы.

И Фредерик ожидал от родителей пакостей, не исключая худшего: физического насилия над младенцем. И чем упорнее Георг II отговаривал сына от переезда в Лондон, тем больше росли у того опасения.

Нелады в королевском семействе выросли до масштабов государственной проблемы. Георг II обратился к премьеру Роберту Уолполу с просьбой о вмешательстве в спор. Уолпол был ловким и беззастенчивым полити-

ком, о чем свидетельствовал его излюбленный девиз: "У каждого деятеля своя цена".

Ко времени упомянутых дрязг в семействе Георга II Уолпол возглавлял администрацию вигов в течение 15 лет (с 1721 года), но его звезда лидера, обеспечившего Англии длительный мир, закатывалась.

Уолпол стал мишенью выступлений жителей Лондона, недовольных повышением цен на джин. Ярость людей, привыкших потреблять этот напиток из-за его относительной дешевизны, обратилась и против Георга II. Однажды его карета была атакована толпами, от которых несло сивухой. "Нет джина — не нужно и короля!" — раздавались возгласы.

Между тем правительство задумало умный шаг. Было решено одновременно снизить цену на пиво. Его потребление подскочило, и это имело благотворный эффект. Смертность среди населения стала падать. Уолпола тогда уже не было в живых. Он скончался в 1745 году — вскоре после ухода в отставку. Его карьера пришла к концу после поражений английских войск во вспыхнувшей на континенте "войне за испанское наследство". Уолпол знал, что вокруг Фредерика группируются влиятельные деятели, подкапывающиеся под него как премьера. Пока он стоял у власти, предпочитал не обострять отношений с наследником. Король услышал от него такой совет:

— На вашем месте я бы не очень волновался по поводу истории с беременностью Августы. Принц сказал мне, что ее роды ожидаются в октябре, а на дворе — еще лето, время есть, наберитесь терпения, и мы как-нибудь разрешим ваши тревоги...

Георг II не стал упорствовать, тем более что Фредерик с женой продолжали находиться под его оком в Хемптон-корте. И тем августовским днем 1737 года ничто не предвещало потрясения.

Однако именно вечером того дня у Августы начались схватки. Ее статс-дама леди Арчибальда Гамильтон вбежала с вестью в покои Фредерика и поразилась, услышав распоряжение принца дворецкому:

— Немедленно закладывать карету! Едем в Лондон!

— Ваше Высочество, — обратилась взволнованная женщина к принцу, — надо ли так поступать? Роды могут начаться в любой момент. Знаю, здесь нет приемщицы младенца, но помощь вашей жене будет оказана. Прошу вас, оставьте Ее Высочество здесь, другого выхода нет...

— Не тратьте попусту времени, мадам. Собирайте мою супругу и собирайтесь сами, решение менять не буду!

Чуть ли не насильно подняли с кресла корчившуюся от боли женщину. Мучительные полтора часа скачек в Лондон. (Ныне автобус покрывает расстояние за час.) В город Августа въехала с искусанными до крови руками. Бархатная обивка экипажа была залита водами.

Прибыли вовремя. Около 11 часов ночи в опочивальне Сент-Джеймского дворца родилась девочка, названная в честь матери. В Хемптон-корт полетел курьер. В половине второго Георг и Каролина были разбужены дворецким и решили, что загорелся дворец. Посланец впопыхах не упомянул, что роды произошли в Лондоне. Каролина схватилась за халат:

— Боже, я должна поспешить к Августе, помочь ей! — и опешила, услышав, что для этого ей надо ехать в Лондон.

— Ты, ты виновата! — набросился на супругу Георг. — Теперь мне подsunут ложного ребенка! Я знал, что мой сынок что-то выкинет, за ним нужен глаз да глаз, а ты ему помогла!

— Милый, у нас нет времени для объяснений. Я должна как можно скорее быть в Лондоне и убедиться, что там все в порядке, — успокаивала Каролина мужа.

В четыре часа утра она появилась в Сент-Джеймском дворце и, отклонив чашку горячего шоколада, ринулась в покои Августы. Там завернутое в белоснежную ткань почивало крошечное создание. Девочка!

Королева склонилась над младенцем:

— Бедняжка! В какой плохо устроенный мир явилась ты и сколько тебе придется пережить! — и повернулась к стоявшему рядом Фредерику:

— Как посмел ты совершить такое! Бежать от нас, родителей, в такой момент! Никогда не прощу подобного!

Бледный, с искаженным лицом, сын пытался найти слова оправдания. Мать не слушала его. Перекрестив крошку, она покинула спальню так же стремительно, как появилась. К завтраку она вернулась в Хемптон-корт.

Самое важное было установлено: ребенок был действительно от Августы, а главное, это была девочка.

— Если бы я увидела в колыбели вместо этой малютки толстяка-мальчишку, мои сомнения не рассеялись бы, — заметила она Георгу.

Своим бегством Фредерик сжег шаткие мостки к родителям. Те решили применить к нему ту же меру наказания, какая в свое время постигла его родителя. На следующий день лорд Эссекс известил принца о "крайнем неудовольствии" короля поведением принца, а Каролина добавила к этому собственный вердикт:

— За содеянное таких вешают!

Обсуждая случившееся, она изрекла:

— Клянусь всем святым для меня, никогда больше не захочу видиться с этим чудовищем, которого породила и который был моим сыном!

10 сентября после консультаций с Уолполом Георг II подписал распоряжение, адресованное принцу. В нем говорилось о его "намеренном вызове и пренебрежении к отчету родителю и кровным правам того, что не может быть предано забвению, прощено и что, пока этот его отрок не откажется от тех, кто наставлял его на такой путь, ему не будет позволено пребывать с семейством в родительском дворце — Сент-Джеймсе".

Непослушание сына напрямую связывалось с кознями политических оппонентов монарха. Высшее общество было осведомлено и о таком решении короля: любой, кто откликнется на приглашение Фредерика быть в его компании, лишится доступа во двор монарха. Слугам сына было запрещено летом пользоваться льдом из погребов дворца. У него была отнята дворцовая мебель, его лишили личной охраны. Когда Георга II спросили, может ли принц пользоваться услугами прачек, тот рявкнул:

— Пусть таскает корзины с грязным бельем сам!

Впрочем, появившиеся затем другие дети Фредерика, как и маленькая Августа, были оставлены с родителями. Отведенный опальному семейству поблизости от королевского дворца Норфолк-хауз был вполне комфортабелен.

По рукам начали ходить памфлеты с нападками на короля за жестокосердие. Когда сын покидал Сент-Джеймс, на площади перед дворцом собралась толпа, приветствовавшая Фредерика: "Пусть хранит вас Господь!"

Пребывание в Норфолк-хаузе было недолгим, семейство переселилось в Лестер-хауз в той же округе. Эта резиденция стала "контрдвором", затмевавшим общество, собиравшееся вокруг короля.

Следовало ли удивляться тому, что после изгнания из Сент-Джеймса Фредерик с удвоенной энергией принялся

выступать против Георга II и стоявшей за ним партии вигов?

Время все расставляет по своим местам, и оно показало, что наиболее глубокий отпечаток на ход английской истории, да и не только английской, наложил в окружении Фредерика, а когда того не стало — его сына, младшего Георга, человек, являвшийся выходцем из незнатного семейства, обязанный своим восхождением исключительно личным дарованиям. То был Уильям Питт-старший, на чьи плечи легла мантия пэра, увенчанная графским титулом.

Чего только не творит фортуна с людьми! В данном случае она превратила самый тяжкий для Уильяма физический недуг — наследственную подагру, появившуюся у него с 16-летнего возраста, — в главную причину его достопамятного жизненного пути, обеспечившего ему почетное захоронение — под сводами Вестминстерского аббатства.

Состояние здоровья не позволяло юноше предаваться удовольствиям, какими наслаждались многие его сверстники, а разум возбранял пребывать в праздности. Любимым времяпровождением стали для него книги, и книги не развлекательные, а питавшие ум, интеллект, незаменимые в изменчивых, коварных фарватерах политической карьеры.

Когда люди ведут себя так, будто их судьбы решаются в четырех стенах их жилища, зло в обществе может гулять безнаказанно, в том числе и зло деспотии.

Это не просто понимал с молодости Уильям Питт. Он стал движим сознанием того, что "есть на свете дела поважней страстных бурь и подвигов любовных".

Учеба в Итоне и Оксфорде заложила в нем хороший фундамент. Помимо усвоенного классического образования он сделал тогда важные приобретения в лице сохранивших с ним дружеские связи Генри Филдинга, Чарлза Пратта, Чарлза Хэнбери-Уильямса.

Ступени карьеры стали менее крутыми для Уильяма с женитьбой его брата на сестре его школьного одноклассника — Джорджа Литтлтона, члена одного из могущественных кланов вигов — Темплей и Гренвиллей, являвшихся фактическими правителями страны при первых двух Георгах.

Благодаря их покровительству Питт в 1731 году получил назначение в конную гвардию Георга II, что принесло ему доход в 150 фунтов в год, а главное — ввело его в королевский двор.

В 1735 году, то есть в 27 лет, он прошел в парламент от пользовавшегося скандальной репутацией "карманного" округа Оулд Сарум. Это никого не шокировало. Многие избирательные округа находились в "карманах" местных олигархов.

На Питта имел виды как на перспективного деятеля в борьбе против премьер-министра Уолпола лорд Коббам из клана Темплей — Гренвиллей.

К тому времени деморализованная долголетним правлением вигов торийская партия не могла служить им противовесом и борьба за синекуры, за власть развертывалась между группировками вигов.

Уильям Питт не поступился совестью, примкнув к лорду Коббаму. В Роберте Уолполе, цинично изрекавшим: "Не нужны нам праведники, нужны угодники!" — он видел зло. За свое первое выступление в парламенте, обличавшее пороки правления Уолпола, Питт заплатил потерей места в королевской гвардии.

Вскоре он принял предложение принца Фредерика войти в состав его свиты с жалованьем 400 фунтов в год. Дворецкий из него не получился. Ораторское искусство Питта быстро завоевывало аудитории в стенах Вестминстер-паласа и за его пределами, привлекая к нему всех, кто — как и он — негодовали против засилья на политической арене деятелей, сосредоточивших материальные богатства и распоряжавшихся ими согласно латинскому изречению: "аргументум ад крументум" — "убеждение кошельком".

О каких-либо принципах этого круга людей говорить было невозможно. Были бы побрякунчики — будут и прыгунчики! Так они рассуждали. Дорвавшись до власти при интеллектуально убогом монархе Георге I, они ею беззастенчиво пользовались для закрепления на десятилетия своего монопольного статуса ради обогащения и насаждения верных им людей во всех звеньях администрации.

Темпли, Бедфорды, Гренвилли, Кавендиши, Пеламы — имена этих столпов вигов были известны публике, о них писали в оппозиционной прессе, их осуждала общественность, но ничего сделать с ними было нельзя. Механизм подкупа, шантажа действовал безотказно. В парламенте из года в год формировалось послушное правительству большинство.

В палате общин первого созыва при Георге I более половины депутатов получали регулярные подачки от

правительства. В дальнейшем число кормившихся таким образом парламентариев еще больше увеличилось. Действуя через этих ставленников, министры снимали сливки с доходов поднимавшейся национальной буржуазии.

Погрязшие в распутстве, бражничестве, два первых Георга выпустили из рук важный инструмент своих предшественников на троне — систему так называемого "патронажа", то есть права раздачи титулованных званий, почетных наград — всего, что открывало путь к ступеням карьеры. Эти прерогативы в значительной степени перешли в ведение правительственной администрации.

Данный сдвиг во властной структуре Уильям Питт также считал наносившим ущерб государственным интересам. Он стоял за монархическое правление, но такое, которое укрепляло бы в стране устои порядка, стабильности. Отсюда и его слова, прозвучавшие в марте 1770 года, то есть на закате карьеры: "Трон скрывает за собой нечто более значительное самой персоны монарха".

Эта мысль нуждается в уточнении. Занятие трона неспособно сделать из самодержца — глупца или негодяя светлую личность, но сам трон в глазах подданных может быть запятнан действиями того, кто его занял.

Вот почему видные английские мыслители того времени, являвшиеся сторонниками монархического правления, указывали на важность осознания самодержцем долга перед нацией — быть ее защитником.

Выразителем взглядов о монархе-патриоте еще до возвышения Уильяма Питта был торийский деятель лорд Генри Сент-Джон Болингброк, являвшийся частым гостем в Лестер-хаузе. Его молодые годы протекли в необузданных и порой сумасбродных наслаждениях. Его сильной чертой было, так же как у Питта, честолюбие, и оно завело его за грань, когда ему стала угрожать кара властей. Он был вынужден бежать во Францию, где занялся не только красотками, но и тем, что сегодня именуется политологией. Большое внимание он уделял обоснованию идеи о благе для государства сильной и справедливой монархии. Как и немало других англичан, презиравших Георга II за скудоумие и невежество, Болингброк возлагал надежды на то, что с занятием трона Фредериком последует просвещенное правление. Впоследствии, когда у Фредерика родился сын Георг, такие надежды стали связываться с этим наследником.

В Лестер-хаузе собиралось общество ценителей и покровителей муз и искусств. Главное же — там обсуж-

дались ходы против короля — сторонника вигов без риска попасть в число людей, обвиненных в "государственной измене", поскольку подобная деятельность пользовалась поддержкой наследного принца.

Выход Уильяма Питта на арену политической активности, сделавшей его популярной фигурой в стране, положив конец его службе в свите принца, не означал его разрыва с кругом собиравшихся в Лестер-хаузе деятелей. Напротив. Теперь он мог говорить и от имени класса коммерсантов, владельцев мануфактур, распространявших сферу своих операций на заморские территории.

Фразы об "имперском могуществе и конституционных свободах в метрополии" все чаще слышались из уст Питта. Ему принадлежали слова о нетерпимой участи Англии — "этой великой монархии, превратившейся в вассальное княжество нищего кюрфюршества Ганновера".

За короткое время Питт, обязанный первоначально своим возвышением вожакам вигов, отошел от них. Значило ли сие, что он твердо утвердился в стане тори? Совсем нет. Межпартийные схватки, конфликты он считал мышиною возней, наносившей ущерб жизненным интересам страны. Во внешней области он на первое место ставил задачу обуздания морской мощи Франции во имя расширения колониальных владений Англии.

Что же касалось действовавших в стране партий, то он одинаково отрицательно относился к тому, чтобы виги или тори заполучили его в качестве "ручного деятеля". Он стремился выступать глашатаем разнообразных слоев общественности страны, не привязывая себя к чьей-то партийной платформе. В ходе такой деятельности он утвердился во мнении о крайней пагубности для национальных интересов клановых группировок в парламенте с их эгоистическими, узкокорыстными вожделениями.

И хотя он не стал обличать практику вигской олигархии по насаждению политиканов в высших звеньях власти, его стремление видеть в парламенте, а также на ключевых постах в администрации деятелей-профессионалов — независимо от партийных ярлыков — способствовало движению Англии в правильном направлении.

О реформе избирательной системы и других нововведениях в области гражданских прав еще мало кто заикался, атмосфера самолюбования с ее источником — удовлетворенностью держащих рычаги власти вельмож — ока-

зывала воздействие на психологический климат. Поддерживался культ Эллады и Древнего Рима, рисовавшийся не только верхушке общества, но и литераторам, живописцам блаженной эпохой, чьи черты Англия воскрешает. Даже в падении нравов, в процветании азартных игр и в других пороках виделось нечто родственное временам Цезаря и Нерона.

Разумеется, звучали и голоса осуждения, но не они делали погоду. Моральная непорочность представлялась даже каким-то дефектом. Выражалось, например, удивление, как Питт, со второй половины 40-х годов занимавший пост главного армейского казначея, не сколотил солидного состояния.

Женился он в 47 лет. Хестер Гренвилль из семейства могущественных вигов оказалась преданной супругой, разделила его увлечение декоративным садоводством. Обеспеченный домашний тыл был важен для Уильяма Питта, выросшего в семье, где психические расстройства не являлись чрезвычайными происшествиями. Политические баталии были сопряжены с расходом физической, а главное — нервной энергии. Правда, в описываемое время Питт еще не возглавлял правительство, а находился в рядах оппозиции. Это позволяло ему развертывать огонь критики по адресу правительства, не неся ответственности за его деяния, а группируясь вокруг принца Фредерика.

У того накапливалось все больше причин для недовольства королем и правительством. Георг II в бытность наследником получал ежегодное содержание в размере ста тысяч фунтов стерлингов, а заняв трон, провел через парламент решение о выделении Фредерику по так называемому "Цивильному листу" всего 24 тысячи. Монарх слыл невероятным скупердям. Былью являлась молва, как он, уединяясь, пересчитывал наличные деньги.

После женитьбы на Августе сумма содержания Фредерика была увеличена до 50 тысяч фунтов стерлингов. Но он считал и ее крайне малой и через близких ему депутатов запросил в год сто тысяч.

Георг II и Каролина пылали негодованием: в таком случае уменьшился бы их собственный бюджет!

Парламент после горячих дебатов отклонил заявку принца перевесом всего в тридцать голосов.

В ноябре 1737 года скончалась Каролина, ознаменовав последние недели все той же непримиримостью к Фредерику.

— У меня, — заявила она на смертном одре, — есть по крайней мере одно утешение, когда навечно закрою очи: больше не увижу этого монстра-сына!

Сделав такое признание, она распорядилась не допускать к себе Фредерика. Но и он не уступал по черствости, справляясь, скоро ли испустит дух матушка.

Каролине не было суждено увидеть своего внука, родившегося у Августы 4 июня 1738 года, — будущего Георга III. А ему предстояло в детские годы испытать на себе тяжелую длань деда — Георга II, что повлияло на формирование его характера и отразилось на судьбе Англии.

Глава II

ВОЛНЕНИЯ ДЕТСТВА И ОТРОЧЕСТВА

Появление на свет мальчика у Августы было лишено драматизма первых родов. Георга II не осаждали призраки "ложного младенца". Внук стал объектом его ухаживаний. К четырем годам, как в свое время предрекала Каролина, младший Георг отличался полнотой, что нередко служит признаком флегматичной натуры. Окружающие обращали внимание на апатичность, даже угрюмость подростка. Другой его чертой было крайнее упрямство.

Мы, взрослые, не всегда замечаем, как малыши фиксируют в своей голове то, что старшие игнорируют. Фиксируют — и по-своему реагируют на увиденное и услышанное.

В течение 13 лет Георг рос пусть не под очень ласковым, но все же отеческим попечением в Лестер-хаузе. С малых лет из разговоров родителей у мальчика сложилось отрицательное представление о "гранд-фатере", подкреплявшееся собственными впечатлениями. Дед бросал на него пристальные взоры, тискал, но подарками одаривал нечасто, зато распекал родителей за то, что считал неправильным воспитанием.

Атмосфера Лестер-хауза была в высшей степени политизированной. Следовало ли королю возмущаться по этому поводу? Расколотость общества в его верхних слоях на группировки вигов и тори проявлялась и в бытовой стороне. Виги, например, отдавали предпочтение портувейну, темному пиву — портеру, тори — шампанскому

и кларету — сухому красному вину. У семейства Фредерика излюбленным местом развлечений был театр Джона Рича в квартале Линкольн-иннз в Лондоне, а Георг II со своими домочадцами покровительствовал Кингз-театру в районе Хеймаркета.

Что уж было говорить об учителях Георга! Они подбирались по "партийной принадлежности" Фредериком, и это бесило короля. Особенно раздражал его доктор Эйскоф, занимавший видное место в торийской иерархии. Он стал гувернером подростка, когда ему исполнилось шесть лет. Однако самое сильное влияние на Георга оказывал Джон Болингброк. Беседы о миссии монархии как ведущей силы в обществе закладывали в душу мальчика веру в свое высочайшее призвание.

Будущий Георг III зачитывался сочинениями монаха Ассера — современника правителя Уэссекса Альфреда Великого — о его подвигах в IX веке в борьбе за единение английских земель и отражении иноземных захватчиков.

Сын переживал за отца, когда Георг II отказался послать Фредерика в 1745 году в Шотландию для подавления восстания якобитов — сторонников сына Якова II, высадившегося на севере Британских островов с силами, набранными во Франции.

Честь разгрома мятежников принадлежала Уильяму, герцогу Камберленду. Фредерик излил чувства досады на банкете, устроенном в честь побед брата, раскroшив праздничный торт.

Спустя два года в свите Фредерика появился возведенный в звание его камердинера шотландец Джон Стюарт Бьют. Ему было суждено сыграть одну из главных ролей на политической сцене в первые годы правления Георга III.

Ранее мало кто слышал имя Бьюта, унаследовавшего в детстве графский титул отца, чьи владения раскинулись на архипелаге у юго-западного побережья Шотландии. Взрослый Джон занимался там цветоводством и выращиванием овощей, благо рынки Глазго находились неподалеку. Ходили слухи о его симпатиях к Якову II. После подавления выступления якобитов в 1745 году Джон переехал в Англию.

К тому времени ему пошел 32-й год, и, получив образование в колледже Итона, обладая выигрышной внешностью, не разделяя склонности многих своих сверстников к кутежам и женщинам, он полагал, что в состоянии завоевать в высшем свете видное положение, несмотря на свое шотландское происхождение.

Четыре десятилетия минуло после унии Шотландии с Англией, но англичане в своей массе по-прежнему относились к "чужакам с Севера" неприязненно. Путь наверх предстояло пробивать локтями, вращаться в кругах аристократии, делить с ними их привычки, нравы. Шанс для Бьюта представился летом 1747 года.

Помог... проливной дождь, задержавший Фредерика на конных состязаниях в Эгаме в верховьях Темзы. Делать было нечего, и принц пригласил в свою палатку статного длинноногого джентльмена скоротать время за игрой в вист. Незнакомец понравился, был приглашен нанести принцу визит в Лондоне.

Возвышение этого не очень родовитого шотландца при "контрдворе" Фредерика происходило в последние годы его жизни. Он, очевидно, предчувствовал близкий конец.

"Тебе, Георг, — наставлял он сына, — предстоит нести на плечах и славный и нелегкий груз. Не знаю, когда это произойдет, пути Господни неисповедимы, но готовить себя к этому ты должен сейчас, время бежит, и тебе следует набираться ума, опыта, особенно что касается суждений об окружающих тебя людях, чтобы они служили тебе хорошими помощниками, а не помехой и не дай Бог угрозой...

Толкую об этом прежде всего для того, чтобы приучить тебя к чтению. Не пренебрегай ни одной книгой. Это тебе окупится сторицей, и пусть у тебя перед глазами будет пример дурной — человека, которого Всевышний поднял, но кто демонстрирует тьму невежества. Ты понимаешь, о ком я говорю, и тебе воздастся хвала Господа, когда ты возвысишь королевство твердым и умным правлением..."

Мать со своей стороны твердила Георгу:

— Помни, тебе суждено стать королем!

Век Фредерика действительно оказался скоротечным. 20 марта 1751 года его не стало. Английские биографы расходятся, что послужило причиной смерти. Одни указывают на травму, полученную на теннисном корте, другие — на ушиб во время игры в крикет, третьи — на последствия простуды.

Свет дня померк для юного Георга, его охватило чувство одиночества. Он перечитывал строки отцовского послания, датированные 13 января 1749 года: "Я не буду сильно жалеть, если не придется возложить на себя корону. Главное, чтобы ты, сын, оказался достойным ее..." В послании — своего рода завещании — говорилось о целесообразности расторжения унии Англии с Ганновером, о важности сокращения национального долга.

Начиналась самая трудная пора молодого Георга. И длилась она десятилетие. Георг II решил исполнять обязанности опекуна твердо. Сразу был уволен доктор Эйскоф. Особой привязанности к нему юноша не чувствовал, но манера отстранения была оскорбительной. Король прислал к нему нового гувернера, Харкорта, не потрудившись выяснить, как к этому отнесется внук.

Августа в течение двух-трех лет после смерти мужа демонстрировала лояльность и послушание королю. Она пошла даже на удаление из своего окружения Бьюта.

Наследный принц встретил нового гувернера холодно, а тот, не отличаясь трудолюбием, передоверил обучение своего подопечного помощникам. Среди них нашелся один, пришедший по душе юноше тем, что разбирал с ним сочинение Болингброка "Король-патриот".

В правительстве всполошились, прослышав, что юноше читают этот трактат с доводами в пользу сильной монархии. Харкорт был уволен. Чехарда с учителями продолжалась. Вот как Георг — уже взрослым — вспоминал о своих преподавателях:

— Не успевал я привыкнуть к одному, на его месте появлялся другой, перемены не меняли лишь того, что наставники оставляли желать лучшего. Харкорт не подходил для своего места, Уолдергрейв отличался низостью натуры, Хейтер был интриганом, и ему следовало служить в иезуитском ордене...

Помимо гнетущей опеки деда душевную боль юноше причиняло унижительное обращение с его матерью королевских клеветов. В письме Бьюту юноша клялся: "Никогда не забуду и не прощу оскорблений, нанесенных моей матери министрами..." Ему же он адресовал такие строки: "Стыжусь быть внуком короля!" Так отреагировал Георг на отказ короля направить его на службу в армию в связи с бушевавшей на Европейском континенте "Семилетней войной".

Бьют стал как бы душеприказчиком юноши. В одном из посланий шотландцу, который был старше его на 25 лет, Георг делился с ним чувствами, возникавшими у него в связи с подавлением, как он писал, половых инстинктов.

Натура этого Георга определялась глубокой религиозностью. Начинал и заканчивал он день истовыми молитвами.

Начиная с 1755 года, когда шотландец взялся за обучение принца истории, праву, даже английскому, тот стал показывать успехи в этих предметах, чего не замечалось ранее. Заботы Августы о сыне не свидетельствовали

о ее интеллекте, и пока Бьют не взялся за обязанности преподавателя, обучение мальчика велось плохо. Мать, например, возражала против преподавания логики:

— Мой сын на троне не будет нуждаться в такой науке, ему предстоит повелевать, а не слушаться буквоедов!

Многое, что слышал Георг во время занятий с Бьютом, представляло собой род инструктажа к вступлению на трон, например аргументы о пагубности для нации ее раскола на антагонистические партийные группировки, поскольку такое соперничество отвлекало общество от злободневных проблем. Юноше передалось от его наставника убеждение в том, что нация настолько погрязла в политической междоусобице, предается в такой степени разгулу, распушенности, что, если всему этому не положить конец, ее ждет распад, гибель. Поэтому принц связывал вступление на престол с миссией спасения отечества.

Вокруг себя он не видел никого, кроме Бьюта, кто бы мог служить ему опорой.

Поразительно, с каким пренебрежением этот еще политически неоперившийся человек относился к государственным мужам: самое худшее, что в его представлении имелось в человеческой натуре, сосредоточивалось для него в них!

Августа ведала о помыслах сына, но, зная нрав Георга II, не решалась прекословить ему, пока ничто не угрожало шансам младшего Георга на занятие престола. С каждым годом они становились все более реальными. Здоровье короля ухудшалось. В 1753 году ему перевалило за "библейское семидесятилетие".

Видя безуспешность попыток подчинить внука своему влиянию, Георг II задумал женить его на привлекательной принцессе Брунсвикской, чье семейство было тесно связано с Ганноверским домом. Тем самым были бы убиты два зайца: принц оторван от матери и укреплены позиции дорогого сердцу короля Ганновера.

Августа быстро разгадала подобные замыслы.

— Ни в коем случае не соглашайся на такой брак, — предупреждала она сына, — это явится для тебя западней, свяжет руки на радость деду и его друзьям. Принцесса — особа притязательная, станет вмешиваться в твои дела, а ты должен властвовать без подсказок от "политиканки в юбке"!

Георга уговаривать не приходилось. Уже то, что инициатива исходила от Георга II, клеймило затею.

Ловившая тревожные сигналы на горизонте Августа, не отличавшаяся бойцовскими качествами, преобража-

лась. Ее беспокоило возвышение сына Георга II Уильяма, герцога Камберленда. Он был назначен командующим английскими войсками, посланными в Германию в связи с продолжавшейся "Семилетней войной". Следовало опасаться назначения Камберленда регентом, что ударило бы по шансам наследного принца на занятие трона.

Большая политика переплеталась с внутренними пертурбациями в королевском семействе. Влиятельные деятели видели в отправке войск в Германию шаг, продиктованный чуждыми интересами Ганноверского герцогства. Логика событий вела к единению политических сил, выступавших против курса короля и правительства на континенте.

Августа уже не считала нужным держать Бьюта на дистанции от себя, и с середины 50-х годов он снова стал частым ее гостем. Поговаривали об интимной близости этого джентльмена с костлявой, строгой вдовой Фредерика. Бьют раздувал подозрительность в отношении Георга II, настраивал Августу против Камберленда. Бьют и герцог стали смертельными врагами.

В окружении Августы и Бьюта все более выделялась фигура Уильяма Питта, графа Чатама с его "грозным носом крючком", как отзывался о нем У. Теккерей. С кончиной в 1754 году лидера палаты общин Генри Пелама — младшего брата премьера герцога Ньюкастла — Питт рассчитывал, что Ньюкастл поставит его на эту ключевую должность. Опасаясь сильного соперника, премьер на такой выбор не пошел, нажив себе опасного недруга. К тому же своей бесцеремонностью, политическими промахами Ньюкастл восстановил против себя многих коллег и был вынужден осенью 1756 года уйти в отставку.

Его преемник герцог Девонширский оказался не лучше, и летом следующего года Ньюкастл — снова премьер, но уже в качестве деятеля, признавшего фактическое главенство в правительстве Питта, принявшего руководство внешними делами.

К такому обороту событий Августа, Бьют и принц имели прямое отношение, выступив на стороне Питта, а стало быть, и против монарха, делавшего ставку на Ньюкастла.

Питт на своем посту отстаивал цели большой политики, Августа — свои расчеты. Бьют совмещал то и другое, выступая ходоком младшего Георга и одновременно добываясь менее рискованных, дорогостоящих действий на континенте посредством рейдов против портовых пунктов на побережье Франции.

До сих пор в лице младшего Георга фигурировал юноша, по сути, безгласный, что касалось его участия в определении государственных дел.

События, развернувшиеся спустя год-полтора после того, как Бьют снова водворился в окружении Августы, вынудили принца вступить в борьбу с королем и министрами. Толчком стало намерение Августы назначить Бьюта старшим дворецким своей свиты. Мать и сын тогда расположились в отдельных особняках. Лестер-хауз перестал быть центром, каким был раньше.

Любая заявка о составе придворных сперва рассматривалась правительством, а затем утверждалась или отвергалась монархом. Такие назначения сулили дальнейшее карьерное продвижение. Немудрено, что Георг II и большинство министров всполошились просьбой Августы.

Масла в огонь подлило вмешательство Питта на стороне Августы. Король и раньше не терпел этого "выскачку", а теперь тот стал "врагом трона и порядка", хотя Питт, заняв ключевой пост в правительстве, с чем Георг II скрепя сердце был вынужден согласиться, вел себя осторожно, вызывая досаду у Августы и Бьюта. Те хотели бы видеть его бескомпромиссным оппонентом короля.

Исход конфликта был решен благодаря твердости молодого Георга. Он дал знать, что, если Бьют не будет утвержден дворецким, будут бойкотироваться все другие назначения монарха в свите Августы.

Одряхлевший, болезненный Георг II под нажимом министров, опасавшихся укрепления оппозиции в результате смычки Августы и Питта, счел за лучшее уступить.

Давно в семействе Августы не царил такого ликования. Бьют вырывался в ряды влиятельных деятелей и не мешкал с культивированием "нужных людей". В их числе первым значился Питт, набравший очки за блестящие операции против заморских владений Франции и Испании.

Однако вместо "ручного политика" Бьют начал сталкиваться в его лице с уверенным в себе, независимым деятелем, обходившимся без консультаций с наследником.

В окружении Августы раздавались гневные реплики о "предательстве" Питта. Последовали публичные нападки Бьюта на него.

В сыпучих песках, на какие походила тогдашняя политическая жизнь Англии, противники становились партнерами, партнеры — противниками, и все вгрызлось за "теплые местечки".

Однажды еще не поздно вечером молодому Георгу было доложено, что к нему явился Бьют. Ничего необычного в этом не было. Юношу удивило торжественное выражение лица наставника. Незадолго до этого Августа упомянула сыну об усилиях Бьюта в защите интересов семейства и предложила написать "доброму другу" о их признательности. Георг сочинил письмо. В нем говорилось о верности Бьюту "до гробовой доски" и — более того — о сожалении принца, что он не всегда выполнял его советы.

Странное послание от будущего монарха. Бьют решил воспользоваться моментом.

Извинившись, что отрывает принца, шотландец поблагодарил за послание и, откинувшись в кресле, вперил в собеседника многозначительный взгляд (шотландец отличался помпезностью).

— Ваше Высочество, — начал он, — доверие, какое вы мне, вашему слуге, оказываете, побуждает меня говорить предельно откровенно. Завершение правления нынешнего монарха не за горами. Хотел бы высказать в этой связи некоторые сокровенные мысли, зная, что вы отнесетесь к ним как продиктованным исключительно заботами о благе нации, о вашем будущем как самодержце.

Вы знаете о нашем единодушии, что касается фатального положения, в коем оказывается наша нация в силу — не скрою — худого правления нынешнего монарха.

Страна нуждается прежде всего в моральном самоочищении, поскольку падение нравов приняло угрожающие размеры. Вы можете, Ваше Высочество, видеть это в нескольких шагах от своего дома, на улицах, превращенных в чертог разврата, где в людей льется больше ядовитого зелья, нежели падает с неба капля дождя!

Знаете вы и о том, какие средства швыряются в пасть ненасытного зверя, в то время как казна теряет в весе!

Экономия во имя финансовой стабильности — вот, по моему мнению, задача первостепенной важности, и в решении ее вы можете опереться и на меня, и на цвет нации в Сити.

Но, — и тут шотландец поднял предостерегающий перст, — если очищать авгиевы конюшни, то не обойтись без искоренения зла, мошенничества, коррупции. Посмотрите, что творится под сводами Вестминстера, какие деньги тратятся королем и министрами ради вскармливания своих сторонников!

И последнее — это внешние дела. Не будем обманываться по поводу ораторствований мистера Питта, ему еще предстоит показать, чего на деле стоит его крас-

норечие. Число наших врагов не уменьшается, и для их одоления потребуются большие усилия, если мы будем полагаться, как зовет мистер Питт, лишь на силу оружия. Нам нужен мир — почетный, достойный, и мы способны достигнуть его искусством дипломатии, а не на поле брани...

Шотландец остановился, заметив, что внимание принца ослабевает. Сказанное им не было неожиданным, но впервые так прямо он заговаривал о долге монарха и о себе как его опоре.

Вскоре после этой встречи Августа заговорила с сыном о том, как хорошо было бы, не дожидаясь кончины Георга II, добиться для Бьюта правительственного поста. Почва, по ее мнению, подготовлена произошедшим смещением герцога Камберленда с поста командующего английскими войсками в Германии после понесенных ими поражений. Этим воспользовались Питт и его коллеги, обновив ключевые армейские посты за счет своих людей. Угроза неожиданных действий Камберленда миновала.

Это имело и теневую сторону. Питт проводил все более самостоятельный курс, не информируя своих бывших друзей о том, что предпринимал.

— Настанет день и Питт пожалеет о таком поведении! — возмущался принц.

Пока же он продвигал идею матери о предоставлении Бьюту поста в правительстве. Явно незрелую. В этом принц скоро убедился. Питт без долгих церемоний эту мысль отверг.

В дальнейшем этот Георг нередко бросался в воду, не зная брода, — и оступался. Впрочем, как в наше время говаривал Уинстон Черчилль, на поприще политики можно быть "убитым" не единожды — и подняться для новых схваток.

К концу правления Георга II популярность Питта достигла высшей точки, в нем видели деятеля, принесшего Англии значительное приращение ее имперских владений, в первую очередь — Канаду.

С совершеннолетием принца Георга в 1759 году ему и матушке удалось добиться лишь одного, против чего не возражал рационально мыслявший Питт: права самим решать, из кого будет состоять их свита. Резиденцией Августы стал Карлтон-хауз — неподалеку от Сент-Джеймского дворца. Там она могла позволить себе свободу общения с Бьютом. Ее сын разместился в Сэквилл-хаузе — также в пределах столичного центра.

Все отчетливее вырисовывалась перспектива принятия молодым Георгом желанной короны.

ВСТУПЛЕНИЕ В ДЕРЖАВНЫЕ ПРАВА

Утром 25 октября 1760 года в Кенсингтонском дворце в Лондоне поднялась суматоха. Георг II почивал ночью как будто бы нормально и проследовал без помощи к завтраку. Слуга на короткое время оставил его, а вернувшись, застал короля лежащим на полу. Конец был мгновенным.

По случаю уик-энда большинство министров в городе отсутствовало. Уильям Питт также собирался отбыть в свое поместье. Узнав о смерти Георга II, он распорядился вызвать в Лондон членов Тайного совета на заседание, время которого предстояло согласовать с новым монархом, как и место.

Принц Георг совершал утренний моцион верхом на лошади в окрестностях Кью-гарденс. Туда направился Питт. Примечательно, что сперва он увиделся с Бьютом и лишь затем отправился в апартаменты Георга. Но тот уже ускакал в Лондон, предупрежденный кем-то более проворным.

Питт сумел догнать Георга, встретившего министра вопросом:

— Откуда и куда вы торопитесь, милорд?

Выразив соболезнования по случаю кончины Георга II и принеся поздравления с вступлением принца на трон, Питт пояснил:

— Ни герцога Ньюкастла, ни его коллег в Лондоне нет, а медлить с заседанием Совета, как вы понимаете, не следует. Поэтому я решил скакать к вам и рад предстать перед вами покорным слугой! Я распорядился о вызове в Лондон членов Совета. Думаю, их следует собрать сегодня же вечером в Кенсингтонском дворце, если вы с такой процедурой согласитесь.

— Почему там? Во дворце покоится усопший монарх, будет ли прилично вести деловой разговор в такой близости? Нет, мы соберемся в доме моей матери — Карлтон-хаузе. Известите всех о моем решении. Медлить в самом деле не стоит. До вечера!

Услышанное не оставляло сомнений: перед министром находился человек, сознававший, кем стал.

В Сент-Джеймском дворце состоялась аудиенция с премьером Ньюкастлом и разговор тоже был лаконичным.

— Мой лорд Бьют, — заявил юноша, — является, как вам, должно быть, известно, и вашим другом, и он осведомит вас о моих планах на ближайшее будущее. Пока же я познакомлю вечером всех собравшихся с тем, что

предполагаю сказать во вступительном обращении к нации. У нас будет еще немало возможностей для обсуждения срочных дел. Сейчас я должен подготовить необходимое для заседания Совета. Можете быть свободны...

О тексте обращения заблаговременно позаботился Бьют. Георгу предстояло внести коррективы.

Члены Совета, прибывшие в Карлтон-хауз, с удивлением воззрились на вошедшего в зал вместе с Георгом Бьюта: он не состоял в этом органе. Никто, однако, не заикнулся о "чужаке". После того как Георг зачитал текст обращения, воцарилось молчание, прерванное Питтом:

— Ваше Величество, достопочтенные члены Совета, разрешите высказаться насчет декларации. Она в целом превосходна — за исключением пункта, касающегося войны, какую нам, к сожалению, приходится еще вести на континенте с Францией. Как воспримет нация формулировки о "кровавой и дорогостоящей войне"? Не будут ли сделаны выводы о необходимости ее скорейшего прекращения — и это когда наше оружие одерживает славные победы? Сохранять такие формулировки неразумно...

Питт не успел сесть, как слово попросил Бьют:

— Разве министру не ведомо о тяготах, возлагаемых войной на страну? Пусть он прислушается, что говорят на улицах! Да, мы одерживаем победы, но не будем увлекаться, а думать о их цене. Есть реальные возможности для заключения почетного мира. Я не предлагаю немедленно приступить к переговорам, но нацию надо к этому готовить...

Из развернувшегося обсуждения стало ясным, что у Бьюта в такой аудитории союзников нет, за исключением короля, предложившего смягчить спорные формулировки. Упоминание о "кровавой войне" исчезло, но слова о ее дорогой цене сохранились. За ними следовала фраза об оправданности войны в интересах нации.

Что же касается реакции публики на обращение короля, то упоминание им о себе как "британце" ущемило чувства большинства людей. Почему он не употребил слово "англичанин"?

Воцарение молодого монарха было встречено с радостью. Обличение им распушенности, азартных игр, других пороков вызвало понимание значительной части населения. Но получивший распространение взгляд о Бьюте как правой руке монарха бросал на Георга тень.

Бьют взял на себя миссию улаживания разногласий с Питтом — и осекся. Идти на сотрудничество на условиях шотландца, а точнее, короля министр не желал.

Несостоятельными были расчеты и на возможность договоренности с премьером Ньюкастлом, занимавшим государственные посты в течение трех десятилетий и исполненным решимости удержаться в седле ради сохранения господствующего положения своей партии.

Но как раз в таком ее положении монарх и Бьют видели главную помеху своим планам.

Король добился включения Бьюта в состав правительства, заявив, что в противном случае не будет присутствовать на министерских заседаниях. Юноша показывал коготки, возвращенные с помощью своего наставника. Вожаки вигов, надеявшиеся, что неопытность Георга III позволит прибрать его к рукам, пересматривали взгляды. На их пути стоял Бьют. В течение первых двух лет правления Георг III ни одно более или менее важное решение не принимал без консультаций с шотландцем. А тот предпочитал выдвигать впереди себя монарха, демонстрируя в его глазах недостаток собственной боевитости. И месяца не прошло после воцарения юноши на троне, как ему довелось выслушивать упреки Бьюта за его нерешительность в противодействии козням Питта.

Слух Георга такие фразы резали. Окружающие не раз слышали от него:

— Не позволю никому из своих министров наступать мне на ногу!

У Бьюта имелась сильная союзница — Августа. Эта пара вела себя так, будто ее личные интересы перевешивали все остальное.

Августа и Бьют встревожились летом 1761 года, когда в окружении короля появилась 17-летняя красавица Сара Леннокс, состоявшая в родстве с могущественным семейством Холландов — вигских деятелей, имевших своего человека в правительстве в лице Генри Фокса.

Георг увлекся девушкой, по утрам они гарцевали на лошадях в лондонском Холланд-парке, фамильном поместье (этот парк сохранился до сих пор, неподалеку находится российское посольство и квартиры наших дипломатов).

На шею монарху Сара не вешалась, вела себя разумно, слушалась наставлений своих близких. А те были весьма заинтересованы в устройстве такой брачной партии. Тем самым виги завладели бы прочным плацдармом в Сент-Джеймском дворце.

По этой причине молодой король подвергся психической атаке со стороны матери и шотландца, рисовавших

пагубные последствия брака с девушкой для него и страны. Устоять перед таким натиском было трудно.

Однажды Августа предстала перед сыном с сафьяновой папкой в руках.

— Здесь, — объявила она, — ты найдешь имена достойнейших претенденток в спутницы жизни. Изучи, кто, на твой взгляд, заслуживает внимания, — и сделай выбор...

Георгу предлагалось поспешить с женитьбой. Никто в реестре невест не возбудил интереса у короля. На примете у него была собственная избранница — принцесса Мекленбург-Стрелецкая Шарлотта. Однажды, до вступления на престол, среди полученной корреспонденции он обнаружил письмо, запомнившееся ему. В нем осуждались непрекращавшиеся войны на континенте. Строки произвели впечатление.

Автором была Шарлотта. И, не увидев ее, Георг попросил Августу выяснить возможности брака с ней. К матери Шарлотты был отправлен эmissар. После ее положительного ответа из Лондона в герцогство поступило официальное брачное предложение.

Первое впечатление Георга, когда он увидел суженую, было разочаровывающим — так же как и реакция людей, встретивших девушку на английской земле: леди-пуг! "Пуг" по-английски значит — курноса. Не зная языка, Шарлотта спросила сопровождавшую ее в Лондон герцогиню Ланкастерскую, что такое "пуг"?

— Сие значит: да хранит Господь Ваше королевское Величество! — пояснила герцогиня.

8 сентября 1761 года в часовне Сент-Джеймса Георг и Шарлотта обвенчались. Сару Леннокс король избрал в качестве "брайдсмейд" — подружки невесты. То был жест вежливости, не больше.

Свадебное застолье длилось до четырех утра. Оно омрачилось эпизодом, не получившим огласки: на пути из Сент-Джеймса в Вестминстер из регалий короля выпал крупный бриллиант. Впоследствии это связали с потерей при Георге III английских колоний в Америке.

Спустя две недели состоялась коронация Георга III. К его супружеской чести следует отнести использование торжеств для подчеркивания статуса юной королевы. Едва она вошла в Вестминстер-холл с шестью сотнями именитых гостей, как вспыхнули сотни свечей, осветивших дубовые своды гигантского зала, к сооружению которого далекий предок Георга Уильям II приступил в конце XI века. При Генрихе VIII тут находился теннисный корт. Зал служил местом заседаний Верховного суда,

здесь были приговорены к казни Томас Мор, Гай Фокс (последний — за попытку взрыва здания парламента), фаворит Елизаветы I лорд Эссекс, Карл I.

Пэры в бархатных одеяниях, отороченных собольим мехом, судьи в малиновых мантиях, дамы, увешанные драгоценностями, облаченные в средневековые латы рыцари, гарцевавшие по периметру зала на конях, — великолепное зрелище!

В отличие от свадьбы это торжество закончилось с уходом короля и супруги рано — к десяти вечера. Гости были разочарованы, в прошлом такие празднества затягивались до рассвета.

Новые хозяева — новые порядки. В Сент-Джеймсе было покончено со многими развлечениями. Шарлотта с трудом уговорила мужа не запрещать карточную игру в домашнем кругу. В остальном она приспособилась к неприхотливому образу жизни Георга. Супруги ложились рано и к досаде придворных довольствовались скромным ужином: вареная баранина, дешевое вино. Оба любили музыку, редко вечер проходил без приглашенных исполнителей.

Подростком Георг начал интересоваться механикой, астрологией, садоводством, получив прозвище Георга-Фермера. На ногах находился с четырех утра.

Был неутомим в изучении государственных бумаг, корреспонденции, причем старался сразу отвечать на любое присланное письмо. Министры убедились, что в отличие от своих предшественников он понимал, о чем говорил.

Свадебные и коронационные празднества совпали с первым осложнением в политической области, побудившим короля задуматься: является ли получивший пэрский титул Бьют тем человеком, на кого можно положиться?

Глава IV

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КРЕЩЕНИЕ

Мироощущение Георга III с началом правления было сродни тому, что чувствовал, по словам К. Валишевского в его исследовании о Павле I, этот российский император, заняв трон: власть "он считал волшебным жезлом, который ему достаточно будет взять в руки, чтобы переделать до основания весь мир или по крайней мере ту страну, где он будет царствовать".

Приближенные Павла I, а с ними вся Россия терпели сумасбродства царя. Его деспотия была необузданной. Но продержался он властителем лишь пять лет и был насильственно низложен, закончив и физическое существование.

Георг III — нравилось ему это или нет — являлся конституционным монархом. Неписаная, зафиксированная в парламентских и других актах конституция одновременно и связывала, ограничивала свободу действий монарха и его же оберегала от участи Павла I.

Нового короля и правительство разделяли споры, разногласия — мелкие и крупные. Политики-виги выражали неудовольствие назначением на ключевые посты при Сент-Джеймском дворе аристократов-тори, угрожая отставкой кабинета.

Субсидируемая вигами пресса издевалась над королем из-за предпочтения, оказываемого его матери и Бьюту как главным советчикам. Появление кареты с монархом на улицах Лондона вызывало выкрики вроде, например, такого: "Перестаньте сосать молоко матушки!"

В костры бросались старые сапоги. Это изделие являлось, как ни странно, эмблемой Бьюта. Одна газета поместила рисунок: Бьют ведет на привязи осла-монарха!

Непопулярные меры правительства приписывались влиянию шотландца. Недовольство "чужаком" подогревалось влиятельными деятелями в политических целях.

Центральным пунктом разногласий стал вопрос о том, вести или нет дело к свертыванию военных операций на континенте.

Вступление в Берлин в конце сентября 1760 года корпуса русских войск под командованием З. Г. Чернышева нанесло удар по союзнице Англии — Пруссии, но этот успех не удалось использовать для дальнейшего наступления из-за вероломства австрийцев, не приславших русским обещанной помощи. После ухода войск Чернышева из Берлина прусский король Фридрих провел ряд удачных операций, в то время как английский флот в соответствии со стратегией Питта брал верх над силами французов, захватывая их владения в Америке, Индии, на Средиземном море. Заключение Францией в августе 1761 года династического союза с Испанией предвещало вступление последней в конфликт, что, по убеждению Питта, следовало предупредить объявлением ей войны.

Георга III обуревали противоречивые чувства. Он то выступал за решительные действия против Испании, то высказывался за мирные переговоры.

У Бьюта колебаний не было. Продолжение войны означало для него сохранение влияния Питта, а это являлось самым нежелательным. Уверенный в своем весе при Сент-Джеймском дворце, он направлял усилия на обработку коллег Питта, многие из которых недолюбливали министра за высокомерие и не горевали бы в случае его ухода.

Это произошло в октябре 1761 года, когда кампания Питта за объявление войны Испании натолкнулась на сопротивление большинства его коллег в правительстве.

Король проявил великодушие победителя. Пожаловал титул леди супруге Питта. Назначил ежегодную пенсию в три тысячи фунтов самому удалившемуся на покой Питту.

В глазах публики эти милости монарха выглядели унижительными. Популярность Питта снизилась, тем более что Бьют появился в палате лордов в качестве фактического главы правительства, хотя герцог Ньюкастл еще сидел на своем месте. Сделав шотландца в марте того же, 1761 года государственным секретарем и демонстрируя его близость к своей особе, монарх показал, кого считает главной опорой.

Между тем, покинув правительство, Питт оставался величиной, с которой следовало считаться, особенно что касалось вызывающей позиции Испании. Для Георга было привлекательным накинуть мантию бескомпромиссного воителя с врагами на свои плечи, и для разговора на эту тему он вызвал Бьюта.

— Милорд, — раздраженно начал король, — должен с сожалением указать на неоправданную течением событий вашу мягкотелость в отношении Испании. Она бросает нам вслед за Францией опасный вызов, и хотя в Париже теперь начинают понимать тщетность борьбы с нами, Мадриду еще предстоит убедиться в наших силах.

Считаю самым срочным отзыв наших войск из Ганновера и уменьшение субсидий Пруссии. Фридрих явно не тот, кто способен одерживать победы, а нам надо думать о своих, и только своих интересах. Мой первый министр, видимо, в этом не отдает должного отчета, и если дело обстоит так, ему не место в правительстве...

Столь разгневанным перед Бьютом Георг еще не представлял.

— Мой повелитель, — преклонив голову, обратился к королю шотландец, — заверяю вас, что предприму все необходимое через верных мне людей, чтобы нынешнее,

а если потребуется — и новое правительство выполнило вашу волю. Испании не будет дано торжествовать, вместе с Францией и Австрией она разделит ответственность за самонадеянность. У нас имеется в правительстве надежный человек — Генри Фокс, он не терпит Ньюкастла и был бы хорошей заменой этому дряхлому политикану...

Георг скорчил брезгливую мину при упоминании о Фоксе и спросил:

— А как бы вы посмотрели на возможность того, чтобы самому возглавить казначейство? Фокс нам будет нужен для отстранения Ньюкастла, средств для этого не пожалею, и, думаю, герцогу с его друзьями нас в этом отношении не превзойти, однако имеется только один человек, кому я могу полностью доверять на посту первого министра, и вы знаете, кто он...

К такому обороту дел Бьют готов не был прежде всего потому, что с растущим страхом наблюдал за враждебностью публики к своей персоне. Для охраны он нанял даже мясников и боксеров. Услышав предложение короля, он подумал, что, может быть, на посту главы правительства умелой тактикой сумеет умерить враждебность публики. Над этим следовало поразмыслить, а пока он рассыпался в выражении признательности Георгу.

Не лезть напролом, воздерживаться от демонстрации неприязни к вигам как партии, бить их поодиночке, разжигая среди них соперничество, — такова была тактика Бьюта, получавшая благословение короля.

Начиная с 1742 года, когда часть вигских деятелей согласилась войти в правительство после смещения премьер-министра Уолпола, в этой партии нарастали раздоры. Ньюкастл конфликтовал с Питтом, Фокс с Ньюкастлом, семейство Расселов с Пелами.

В самом конце 1761 года у Ньюкастла, возражавшего против намерений Георга III бросить на произвол судьбы Пруссию как союзницу, появилась опора в Санкт-Петербурге: умерла императрица Елизавета Петровна и на престол вступил поклонник Фридриха II Петр III. Он вернул Пруссии все занятые русскими войсками территории и подписал с ней договор о союзе.

Его царствование было коротким, в июле 1762 года он был свергнут Екатериной II, поддерживавшей конфиденциальный контакт с английским послом в Петербурге. Тот сообщил в Лондон о заверении Екатерины делать все возможное в интересах Англии. И хотя на протяжении

своего правления она не всегда придерживалась данного слова, начало ее царствования ознаменовалось расторжением союза с Пруссией. Георг III воздал ей за это хвалу.

К тому времени Испания, приступившая в конце 1761 года к действиям против Англии, потерпела на море серьезные поражения и была готова пойти на уступки Лондону.

Победы на ратном поприще позволили Англии перейти к зондажу об условиях мира, за что выступал Георг III. У него имелось немало сторонников, отведавших щедрот монарха.

На торгашеско-деловой основе можно было успешно договариваться с Генри Фоксом. В молодости он унаследовал большое состояние, промотав его в азартных играх. Выгодно женившись, снова стал богачом. Финансовые махинации в ходе "Семилетней войны" позволили ему нарастить еще большее состояние, а то, что к финалу войны на него была возложена миссия сколачивания в палате общин, где он являлся лидером, внушительной группировки "друзей короля" на непартийной основе, открыло доступ к финансовым ресурсам монарха. С их помощью беззастенчиво рекрутировались "нужные люди".

Свидетельством окрепших позиций короля явился успех в нажиме на Ньюкастла, в результате чего в мае 1762 года тот был вынужден уйти в отставку. Успех был значительный. В начале 50-х годов не менее полусотни депутатов нижней палаты были обязаны членством в парламенте этому герцогу. Ньюкастл контролировал не только государственные финансы, но и систему "патронажа". Поставив на его место Бьюта, Георг вернул королевскому двору самые важные рычаги власти, то есть пустил в ход те же средства, какие виги применяли для утверждения своих позиций.

Было выиграно одно сражение, но не вся кампания. Ньюкастл и другие семейства вигов обладали громадными средствами, и если бы дело решали только деньги, то еще неизвестно, кто взял бы верх. У них не было, однако, того, что имелось у Георга III, — инструментов королевской власти. В парламенте развернулась ожесточенная борьба вокруг условий мира. Многие зависело от поведения нескольких колеблющихся ключевых фигур.

Особенно опасался Георг III союза с Ньюкастлом герцога Девонширского — члена Тайного совета, занимавшего один из министерских постов.

Следует сказать, что в те времена члены правительства не были обязаны придерживаться единой линии по вопросам "большой политики".

Осенью 1762 года Бьют без особых на то оснований внушил королю, что герцог Девонширский вступил против него в заговор с Ньюкастлом. Георг всполошился.

— Мне, — заявил он, — придется убрать Девоншира, прежде чем окажусь смещенным я сам!

Последнее в любом случае было крайне маловероятным и свидетельствовало лишь о том, как болезненно воспринимал Георг III мысль о возможности несогласия с ним кого-то в верхних эшелонах власти.

Такое поведение походило на паранойю. И. П. Павлов характеризовал паранойю тем, что человек, умственно здоровый, считающийся и с логикой, и с действительностью, как только дело коснется одного определенного пункта, делается явно душевнобольным. Паранойя может вести к шизофрении. Страсть власти была идеей фикс, владевшей Георгом, то есть тем зерном, из которого произросло впоследствии его расстройство.

Мало того что Георг без объяснений сместил Девоншира с министерского поста, но собственной рукой вычеркнул его имя из членов Тайного совета. Последнее применялось к деятелям, опозорившим себя государственной изменой, а семейство Девонширов с самого начала правления Ганноверской династии служило опорой государства.

Родственники герцога в знак протеста ушли с занимавшихся ими постов. Одного из них, лорда Кавендиша, Георг заклеил как "отступника" и при встрече с Бьютом, кипя от гнева, провозгласил:

— Так буду обходиться со всеми, кто утерял усердие служить мне! Шпага обнажена, смелость и сила — единственное, что положит конец злокозненным интригам!

Слова заставили шотландца содрогнуться. Он несколько месяцев подумывал об отставке. Место становилось слишком горячим. Однажды только вмешательство солдат спасло его от ярости толпы, перевернувшей карету, в которой он ехал. Он подозревал Питта и Ньюкастла в замыслах физической расправы.

Из двух зол приходилось выбирать меньшее, и Бьют решился на объяснение с королем, изложив все обстоятельства, побуждавшие его просить об освобождении от высокой должности. Теперь, однако, не шотландец назидал Георга, а тот — своего бывшего воспитателя:

— Ни в коем случае не сдавайтесь! Обещаю надежную охрану и защиту. Чернь бунтует и против меня. Что же — мне отрекаться? Ни за что! Держитесь тверже и мы сокрушим врагов! В парламенте большинство депутатов поддержит договор о мире. Фокс об этом позаботится. Только не пытайтесь снова навязывать его в главы правительства. Вполне хватит с него лидерства в палате общин. Мне глубоко несимпатичен этот деятель, годный лишь для рекрутирования нужных нам людей. Нет уверенности, что он не переметнется на другую сторону, если ему посулят солидный куш...

Бьюту пришлось забрать просьбу. А сомнения Георга в бойцовских качествах своего фаворита возросли.

25 ноября 1762 года зал палаты общин был переполнен. Депутаты не лежали, как обычно, на скамьях, не грызли орешки, не чистили апельсины. Предстояли дебаты об условиях мира. Главным оратором от оппозиции выступил Питт. В течение трех с половиной часов он обосновывал причины, по которым следовало сказать "нет" договору. Англия лишалась, по его словам, важных завоеваний, одержанных в ходе войны.

Ни эти аргументы, ни контраргументы значения не имели. Результат обсуждения был предопределен закулисной обработкой депутатов с помощью весомых доводов — денежных выплат, обещаний других благ. Значение имело и то, что широкие слои населения, особенно в сельской местности, противились продолжению войны.

За мир проголосовало 390 депутатов, против — 65.

— Теперь мой сын — настоящий король!

Так Августа определила смысл произошедшего. И была права.

"Друзья короля" задавали тон в парламенте. В отличие от своих предшественников на троне, стремившихся утвердить монаршьи прерогативы урезыванием полномочий парламента, Георг действовал более тонко, добивался контроля над этим учреждением с помощью своих ставленников, образовавших как бы новую партию — "Друзей короля".

Неконституционные, силовые методы являлись для него последней козырной картой. В сложившихся обстоятельствах к ней прибегнуть не пришлось, но разыграть данную карту ему предстояло.

ДЕЛА ДОМАШНИЕ

Мало кто любит выставлять напоказ свой личный быт, монархи — тем паче. А Георг III по натуре был нелюдим, хотя в поздние годы как бы оттаял и, уединяясь с супругой в любимом Виндзоре, взял за привычку во время прогулок заходить в жилища селян, останавливать их на дороге, расспрашивать о жите-бытье.

Сент-Джеймский дворец с неприятными ассоциациями детства тяготил монарха. Обосновавшись там, он распорядился, чтобы апартаменты его деда оставались нежилыми помещениями.

Шарлотте было отведено отдельное владение — Сомерсет-хауз на берегу Темзы. Сейчас на том месте высится серая громада хранилища актов гражданского состояния. Бронзовая фигура Георга III, опирающегося на корабельный руль с высеченными из камня волнами Темзы, как бы охраняет подступы к зданию.

Данный памятник был воздвигнут при жизни монарха — в 1780 году — без возражений с его стороны, хотя немало английских историков отмечают его скромность в быту — в отличие от черт самодержца.

Такое несоответствие двух частей целого в человеке — не редкость. Можно быть честолюбивым, заносчивым на публичном поприще — и умеренным, сдержанным в личной жизни. И наоборот!

Остановив как-то своего конюшенного, Георг спросил:

— Сколько тебе платят?

— Имею одежду и стол, — ответил служака.

— Довольствуйся тем, что имеешь, — заметил король, — у меня благ ненамного больше...

Поглощенность борьбой с оппозицией не помешала Георгу проявить себя заботливым родителем. 12 августа 1762 года у беременной Шарлотты в пять часов дня начались схватки. Традиция обязывала пригласить во дворец членов правительства. Король не присутствовал при родах и обошелся без министров.

В гостиной, примыкавшей к спальне Шарлотты, находились бабка Августа, два герцога, шесть лордов и дамы свиты королевы. В спальню были допущены доктор-акушер Секкер и архиепископ Кентерберийский.

Очевидцы события облегченно вздохнули, когда в семь вечера королева разрешилась мальчиком. Стояла

жара, в помещении было душно. Курьер, сообщивший Георгу о радостном событии, получил пятьсот гиней — целое состояние. Звон колоколов возвестил о рождении наследника.

Спустя две недели младенец, нареченный также Георгом, был представлен для обозрения. Несколько дней с часа до трех допущенные в Сент-Джеймский дворец добропорядочные граждане имели возможность бросить взгляд на розовое созданище в колыбели, увенчанной тремя страусовыми перьями — эмблемой наследника, получившего от родителя сразу шесть высоких титулов.

Посетители угощались вином и тортом, на что было затрачено пятьсот фунтов стерлингов. Кто среди публики ведал, сколько неприятностей, мучений причинит первенец родителям и какая роковая нить свяжет отца и сына: у одного неугасимая страсть к державной власти, у другого — всепоглощающая власть плотской страсти!

Вся энергия короля уходила в сферу политики. О фривольном он мог только грезить по ночам. Не более. Известны слова Шарлотты, что Георг ни разу не давал ей повода сомневаться в своей супружеской верности.

Его хлопотами в том же году Шарлотта получила во владение более комфортабельную резиденцию. За 21 тысячу фунтов в центре Лондона в окружении парков был приобретен Букингем-хауз. То владение не имело ничего общего с нынешним дворцом, было гораздо скромнее. Георга к пышности не влекло, зато он завел в этой резиденции библиотеку, ставшую ядром книжного и рукописного собраний Британского музея. Королевская сокровищница являлась довольно доступной, ею пользовался Сэмюэл Джонсон.

Узнав, что составитель "Словаря английского языка" и автор ряда исторических трудов занимается в его библиотеке, Георг III зашел туда для беседы.

— Я слышал, что вы, доктор, бываете в Оксфорде, — начал разговор король, — интересно было бы знать ваше мнение о качестве обучения там.

— Я действительно люблю посещать колледжи в Оксфорде, — ответил Джонсон, — обучение в них, конечно, можно улучшить, но и то, что там преподают, заслуживает похвал.

— А вы что-нибудь пишете сейчас?

— Признаюсь, нет. Все, что я мог открыть миру интересного, поучительного, сказано, и теперь мне следу-

ет пополнить знания новым чтением, прежде чем приниматься за новую работу.

— Вы весьма скромны. То, что достигнуто вами, сделано на многие поколения вперед...

О лучшей оценке своих трудов Джонсон не помышлял!

Георг поинтересовался мнением ученого о вышедшем труде по истории, написанном лордом Литтлтоном.

— Стилль сочинения, — сказал Джонсон, — хорош, но автор излишне суров в оценке Генриха II.

— Меня, — заметил Георг, — это мало удивляет. Нам, королям, редко здоровится, когда историки принимают за косточки нас по косточкам...

В современных коллекциях Букингемского дворца, открытых с 1993 года для публики, имеется немало шедевров живописи, приобретенных Георгом III. 20 тысяч фунтов было отдано за полотна Каналетто, купленные у консула-англичанина в Венеции. Придворными живописцами стали тогда Томас Гейнсборо и Аллан Рамзей. Последний писал портрет Георга, когда он был еще наследником, а в 1761 году он изобразил его и Шарлотту в нарядах по случаю коронации. Драгоценности монарха были отправлены в студию художника на Сохо-сквере в Лондоне, в связи с чем там потребовалась охрана. Рамзей пользовался почти монопольным положением живописца при Сент-Джеймсе, хотя многие косо смотрели на его близость к Бьюту. После его смерти "Аполлоном дворца" стал Томас Гейнсборо. Среди его шедевров — портрет Шарлотты, написанный в 1781 году.

Портреты Георга III изображают его на фоне пышных покоев. Нет полотен прозаичных — и типичных, например показывающих его за выделкой пуговиц из слоновой кости или же глядящим в ночное небо в телескоп астронома Гершеля, за изготовление которого Георг уплатил 4 тысячи фунтов. Ходила молва о словах Георга, обращенных к архиепископу Кентерберийскому, приглашенному в обсерваторию:

— Не бойтесь, лорд-епископ, подходите и посмотрите в небеса — увидите дорогу в рай!

На грешной земле наименее приятным местом представлялся Георгу Лондон.

— Я стараюсь быть в этом городе возможно реже, меня в нем ничто не привлекает! — говорил король.

Излюбленной являлась сельская местность, а в ней — Виндзорский замок. 40-километровое расстояние от

Букингем-хауза до Виндзора Георг часто покрывал верхом на лошади с минимальным эскортом в любую погоду. Был физически вынослив, закален, и ничто не указывало на притаившийся внутри недуг. Крепко закрученная пружина может годами бездействовать, пока неосторожный толчок не заставит ее раскрутиться. У Георга таких "толчков" хватало.

Протокольные мероприятия он недолюбливал, но обходиться без них не мог. Дело заключалось не только в этикете, хотя и церемониальная сторона имела значение. Общение с людьми за пределами повседневного круга позволяло лучше держать руку на пульсе событий.

Дважды в неделю в Сент-Джеймском дворце устраивались в полдень ограниченные мужской компанией приемы — "лёвы". После облачения в предназначенные для этого случая одежды он проходил в так называемую "приватную залу", где его ожидал узкий круг лиц, вводивших Георга в курс событий.

Затем король появлялся в зале приемов, обходил собравшихся, останавливаясь для краткого разговора с каждым. По длительности беседы судили о степени фавора монарха к данной персоне.

И дважды в неделю король давал приемы в гостинной зале для более широкого круга приглашенных, включая дам и даже их детей. Являться на них полагалось в парадной одежде. Для многих такой туалет был недоступен, толчеи на таких приемах обычно не было.

Имелся еще "дворцовый день": аудиенция для правительственных деятелей в зале заседаний Тайного совета, после чего наиболее доверенные лица приглашались в личный кабинет короля.

Несколько близких советников Георга III собрались на такое совещание в начале 1763 года после подписания Парижского мирного договора. Было решено приступить к чистке администрации от вигов. Возглавить операцию было поручено Бьюту. Отсутствие единства в рядах оппозиции сыграло ему на руку, но он допустил просчет, полагая, что смещением неугодных деятелей наведет порядок. Даже король был смущен ретивостью своего фаворита, однако приструнить того не решился.

Результат оказался прямо противоположным ожидавшемуся. Громкий голос протеста против произвола монарха и его министров поднял Джон Уилкс — колоритная личность, сплотившая вокруг себя недовольных в стране и причинившая Георгу много волнений.

РАСПУТНИК, БУНТАРЬ, ЛОРД-МЭР СИТИ

Ничто в ранней молодости Джона Уилкса не указывало на его будущее гуляки и бунтаря. Отпрыск лондонского фабриканта алкогольных напитков, он воспитывался в атмосфере кальвинистского благочестия, что вполне в те времена сочеталось с бизнесом родителя — Израила Уилкса.

Занимаясь гонкой спирта, отец хотел видеть сына в кругу вершителей судеб нации — олигархов вигов, и сумел дать ему хорошее школьное образование, отправив его затем в голландский университет в Лейдене. Там юноша отточил ум, выучил французский язык — и стал атеистом.

По возвращении на родину отец убедил сына связать судьбу с девицей Марией Мид, богатой наследницей, но внешне малопривлекательной. Начались увлечения на стороне. Они не помешали Джону преуспевать в округе жены Эйлсбери в качестве сельского сквайра и даже стать местным судьей, приобретя, как говаривали, уважение к юриспруденции, но аллергию к податливым на денежных приношения правоведам.

В числе компаньонов Уилкса завелись литераторы, издатели, служители муз, политики, так же как он тяготевшие к женским прелестям.

Наиболее близко Уилкс сошелся с молодым депутатом парламента Томасом Поттером, сыном архиепископа, пустившимся не просто в разгул, а находившим удовольствие в богохульственном, скотском пародировании церковных псалмов.

Джон и Томас стали неразлучной парой, завсегдатаями лондонских клубов и притонов, делили не только трапезу и питье, но и дам полусвета.

Излюбленным их местом стало загородное поместье в долине Темзы — так называемое "Медменхамское аббатство", собственность такого же разгульного аристократа-гуляки сэра Френсиса Дэшвуда. На фасаде сохранившегося особняка до сих пор можно видеть девиз на латинском: "Здесь творите все, что угодно".

Собираясь в зале данной обители греха со стенами, пестревшими эротическими сюжетами, гости исполняли

ритуальные танцы вокруг статуи Венеры с куртизанками, доставленными из Лондона.

Уилкс был мастер на выдумки. Однажды поздним вечером во время оргии он облачил бабуина-павиана в одеяния сатаны и выпустил его из клетки в помещение, где веселились пьяные гости. Эффект не поддавался описанию!

Томасу Поттеру Уилкс был обязан знакомством с Уильямом Питтом-старшим. Они сблизились по политическим мотивам. О чем-то ином речь не могла идти. Питт был строгих правил и не подозревал, с какими развратниками имеет дело, иначе вряд ли предложил Уилксу баллотироваться на парламентских выборах.

И на таком поприще Джон прославился проделками. Один из его соперников зафрахтовал судно, чтобы доставить часть избирателей — своих сторонников в округ для голосования. Судно вышло в море, но, вместо того чтобы причалить к побережью, где находился нужный округ, — высадило всех находившихся на борту в... Норвегии. Оно пересекло не очень большое водное пространство, отделяющее две страны. За это Уилкс заплатил капитану хорошую сумму.

В парламент ему сразу пройти все же не удалось. Три года спустя он снова выставил свою кандидатуру — и победил благодаря в основном подкупам избирателей. Трата нескольких тысяч фунтов поставила его на грань разорения.

Трон к тому времени занял Георг III. Питт, как упоминалось, вскоре покинул правительство, и, зная, по чьей вине это произошло, Уилкс встал в ряды непримиримых противников нового монарха, поклявшись отдать силы возвращению Питта к власти.

Шанс представился с объявлением Англией войны Испании в конце 1762 года. Такое решение принял Георг III, незадолго до того добившийся отставки Питта как раз потому, что тот выступал за данный шаг. Уилкс опубликовал анонимный памфлет, бичевавший двуличие короля. Резкие материалы против монарха и послушных ему министров начали появляться в журнале "Норт Бритон", к выпуску которого с помощью семейства Черчиллей приступил Уилкс.

Шумная кампания была развернута на его страницах против Бьюта. Находившиеся на содержании правительства издания "Бритон" и "Аудитор" пытались отвечать на нападки, но публика встала на сторону Уилкса.

Деморализованный атаками против него, Бьют принял окончательное решение уйти с высокого поста. Смятенный, предстал он перед королем:

— У меня, Ваше Величество, нет выхода, я должен уйти. Для вас я стал не опорой, а гирей на шее. Нужны срочные шаги для исправления положения. Снова хотел бы указать на Генри Фокса как хорошую замену на посту первого министра. Разумеется, вы можете и впредь рассчитывать на меня, но только не на виду у публики...

Георг прервал его:

— Удивлен, очень удивлен, милорд, и вашим решением, и отзывом о Генри Фоксе. Неужели нет лучшей кандидатуры? Удерживать вас на посту премьера не буду. Полагаю, вы сможете быть полезным в том качестве, о каком упомянули, но считаю необходимым, чтобы взвесили все "за" и "против" в отношении кандидатуры Фокса. Выясните у него самого, как он смотрит на сложившуюся ситуацию, — это максимум того, на что я могу пойти...

Переговоры Бьюта с Фоксом показали, что тот, отдавая отчет в нерасположенности к нему монарха, исключал свое руководство правительством, предложив на пост премьера Джорджа Гренвилля, занимавшего тогда место лидера палаты общин.

Георг не возражал при условии, чтобы все ключевые назначения в новом кабинете делались с его согласия.

— Учтите, — инструктировал Бьюта Георг, — я не потерплю вхождения в правительство Питта или Ньюкастла и скорее сойду с трона, нежели позволю кому-либо из них быть министром! Вы знаете, я невысокого мнения и о Гренвилле, однако он в данной ситуации меньшее зло...

Отставка Бьюта не утихомирила оппозицию. 23 апреля 1763 года "Норт Бритон" вышел с разгромной критикой попавшего в распоряжение редакции текста еще не произнесенной речи короля на открытии сессии парламента. Премьер Гренвилль разослал предварительно ее содержание видным политическим деятелям. Кто-то передал текст Джону Уилксу.

Разъяренный король посчитал публикацию в "Норт Бритон" личным оскорблением и распорядился о возбуждении судебного дела и аресте всех причастных — без указания имен. Было задержано 48 человек. Уилкс — брошен в Тауэр.

Ордер о таких репрессиях был составлен юридически безграмотно. Поскольку в нем не назывались фамилии

тех, кого надлежало арестовать, власти могли творить любой произвол.

Уилкс построил свою защиту и атаку на правительство на таком промахе. Лорду Верховному судье ничего не оставалось, как признать незаконность содержания Уилкса в Тауэре.

Англия ликовала. Для "низов" общества Уилкс стал знаменем, они были готовы идти за ним в огонь и воду! Повсюду появились портреты бунтаря.

Будь Уилкс примерным христианином, он избежал бы многих выпавших на его долю неприятностей. В пик его популярности власти добыли гранки написанного Уилксом и Поттером, но не изданного сочинения, которое по нынешним меркам можно было отнести к порнографической литературе, причем содержавшей богохульство.

15 ноября 1763 года оно было зачитано в палате лордов и признано в качестве подрывающей устои государства крамолы. Одновременно палата общин квалифицировала появление упомянутых выше нападок Уилкса в номере сорок пятом "Норт Бритона" как клевету.

Теперь юридические нормы были соблюдены, а сам Уилкс еще не вполне оправился от раны, полученной на дуэли с членом парламента. Опасаясь пожизненного заключения, он решил искать убежища в Париже.

Георг жаждал мщения. 18 февраля 1764 года в записке министрам он, имея в виду Уилкса, писал: "Теперь необходимо продемонстрировать твердость и решимость. Никого не следует считать другом, кто отходит от нас. Только это восстановит порядок..."

В ноябре того же года парламент объявил Уилкса вне закона. Следующие четыре года бунтарь провел во Франции, пользуясь там большим успехом у женщин.

В 1768 году он рискнул появиться в Англии и — более того — опять выставил кандидатуру в парламент — и прошел в палату общин значительным большинством голосов.

Тем не менее вердикт парламента, принятый в ноябре 1763 года, сохранял силу, и весной 1768 года Уилкс был приговорен к годичному заключению и штрафу в размере пятисот фунтов.

И опять он — кумир публики. В тюрьме, в которой он содержался, ему были разрешены ночные свидания с дамами. Сама тюрьма осаждалась его сторонниками. На протяжении года, находясь за решеткой, он вел тяжбу с властями, продолжая числиться членом палаты общин.

В начале февраля следующего года парламент вынес с юридической точки зрения крайне уязвимое решение о снятии с него депутатских полномочий, а к концу того же месяца после новой своей баллотировки Уилкс опять оказался в составе парламента — и снова был исключен! В марте он выставляет свою кандидатуру в третий раз — и с тем же результатом. В апреле — в четвертый и опять наталкивается на глухую стену: большинство депутатов признает законно избранным его соперника, получившего в несколько раз меньше голосов, чем Уилкс.

Ответом торгово-ремесленного люда Лондона явилась многотысячная манифестация перед Сент-Джеймским дворцом в апрельский денек. У многих из собравшихся в руках были палки, камни, тухлые яйца. Проезжавшие по соседним улицам кареты знати опрокидывались. Воздух оглашался возгласами: "Свободу — Уилксу! Да здравствует Уилкс! Долой короля!"

Его Величество, прячась за шторами дворца, наблюдал за разбушевавшимися соотечественниками.

Вскоре "великий аноним", выступавший в прессе под псевдонимом Юниус, чье перо могло убить репутацию человека одним росчерком, в резко критичном письме на имя Георга III указал, что, если в деле Уилкса не будет восстановлена справедливость, страну может ожидать революция.

Цари в Англии произвол властей — участь Уилкса была бы предрешена. Однако понятие "закон" уже наполнилось осязательным содержанием. Судебные инстанции, пренебрегая тем, что хотели бы видеть в Сент-Джеймском дворце, приняли решение об уплате лордом Галифаксом Уилксу четырех тысяч фунтов в порядке возмещения за допущенное в 1763 году: арест Уилкса по указанию Галифакса.

Годы испытаний для "неисправимого строптивца" остаются позади. Уилкса избирают олдерменом в Сити, сфера его активности расширяется, его платформой становится борьба за демократизацию избирательной системы, ликвидацию "гнилых местечек", обеспечение индивидуальных прав британцев, а также защита прав населения английских колоний в Америке.

Последнее особенно знаменательно. По этому вопросу Уилкс шел наперекор господствовавшим в стране настроениям, но это не уменьшило его популярности.

Он благоразумно не афиширует контакты с поднимавшимися на борьбу за независимость колонистами, от-

давая отчет, что огласка таких связей могла навлечь на него обвинения в "предательстве".

Видя, как его заклятый враг становится фигурой национального масштаба, Георг III счел за лучшее смириться с тем, что в 1774 году Уилкс наконец занял место в парламенте. В таком качестве он произнес в палате общин не менее десятка речей с призывами к прекращению военных действий против мятежных колоний в Америке.

Триумфом Уилкса в том же, 1774 году стало его избрание на пост лорд-мэра Сити. Занимая эту должность, он сделал немало для укрепления устоев правопорядка в столице. Особенно вырос его престиж в глазах прессы. Узнав, что правительство распорядилось об аресте редактора газеты "Ивнинг пост" без юридических оснований, Уилкс не допустил противозаконного акта. С его помощью успешно завершилась борьба за допуск в парламент журналистов и за право прессы публиковать отчеты о прениях.

Неподалеку от газетно-журнального квартала Лондона Флит-стрит воздвигнут обелиск Уилксу.

Его острый язык вошел в английский словарь. Сохранилось немало примеров его красноречия и находчивости. Такова была реплика одному из недругов во время избирательной кампании, заявившему, что скорее отдаст голос дьяволу, нежели Уилксу.

— А как вы поступите, — спросил Уилкс, — если дьявол не выдвинет своей кандидатуры в парламент?

Отвечая на пророчество непримиримого оппонента лорда Сэндвича, что Уилкс кончит жизнь либо на виселице, либо от венерической болезни, Джон заметил:

— Это зависит, милорд, от того, кого и чего мне будет суждено обнять: ваши принципы или вашу любовницу!

Упоминание о венерической болезни было не случайным. Любвеобилие не изменяло Уилксу почти до гробовой доски. Правда, в преклонном возрасте он не менял женщин так часто, как в молодости. Сохранилось свидетельство некой миссис Стаффорд, находившейся в разводе, но устоявшей перед атаками Уилкса:

— Пусть мои владения и покинуты мистером Стаффордом, но допускать в них чужаков — даже наподобие мистера Уилкса! — не буду.

Британская энциклопедия дает такую оценку Джону Уилксу: "Ему было свойственно совершать благие деяния, объясняя их сомнительными причинами. Однако

бесчестность, жестокость, трусость или лицемерие не были в его характере; чужие деньги проходили через его руки нетронутыми, хотя нередко у него самого в кармане не было и гинеи”.

Уилкс отличался неказистой внешностью. Чего стоило одно его косоглазие! Не красавчики завоевывают симпатии масс. Пик популярности Уилкса приходился на низкую точку рейтинга Георга III. Разгульные черты натуры Уилкса отражали лишь одну сторону характера. Противостояние властолюбию монарха, произволу властей — это являлось главным. Поэтому в Англии память об Уилксе чествуют шире, чем память о Георге III.

Уилкс был похоронен в 1797 году в часовне в центре Лондона. На его надгробии начертано: ”Джону Уилксу, другу свободы”.

Глава VII

УНИЖЕНИЕ И РЕВАНШ

Середина 60-х годов явилась периодом, подвергшим Георга III одному из самых сильных стрессов за все время его правления. И не только из-за нападок Джона Уилкса. Против того можно было двинуть аппарат власти, но как поступить перед лицом вызова монарху со стороны главы правительства? Уволить такого деятеля, опираясь на прерогативы, которые тот хотел урезать?

Это было возможно при условии одобрения парламентом нового кабинета, а оно, одобрение, зависело от предлагавшихся на министерские посты кандидатур.

Предстояло семь раз отмерить — и один отрезать. Такое правило Георг соблюдал не всегда. У него настолько испортились отношения с премьером Гренвиллем, что тот был смещен прежде, чем была найдена подходящая замена.

Гренвилль был старше короля на 26 лет и натерел больше в искусстве интриг. Посредственный ум компенсировался у него хитростью, коварством. В свите короля — даже в лице придворного живописца — Гренвилль, став премьером, насадил осведомителей. Среди них нашлись такие, кто информировал короля о том, что являются глазами и ушами Гренвилля.

Можно представить, как отреагировал на это монарх!

Несколько раз Гренвилль пытался протащить в дворцовую свиту своих родственников, натыкаясь на отпор

короля: такие назначения были его привилегией и уступать их он никому не собирался.

Относительно малозначительные разногласия вырастали до уровня общегосударственных. Премьер возражал против выделения 20 тысяч фунтов на приобретение приглянувшегося Георгу участка вблизи Букингем-хауза.

Все более нелестно высказывался он о Бьюте. Было ясно, что премьер ожидает полного отстранения шотландца от монарха. Считалось, что, как и раньше, Бьют руководит Георгом.

Влияние этого сановника теперь преувеличивалось. Георг уже не боготворил его, но и не порывал с ним, чтобы не оказаться в изоляции.

А шотландец все настойчивее выступал за договоренность с Питтом в целях формирования администрации под главенством этого маститого деятеля. С ним начались тайные контакты, однако без желанного отклика с его стороны, что было неудивительным, учитывая его связи с семейством Гренвиллей. Питта можно было привлечь обещаниями предоставления ему широких полномочий. Он сам заговаривал на эту тему. Это означало бы сужение прав короля. Георг на это не шел.

Прослышав о его контактах с мужем своей сестры, Гренвилль запросил объяснений у короля. Ответ был маловразумительным. Отношения монарха и премьера обострились до крайности, когда Георг заставил Гренвилля прождать два часа в приемной, пока беседовал — в открытую! — с Питтом.

В феврале 1765 года король пожаловался на нездоровье. Публике было заявлено о "простуде". Искаженное судорогами лицо, временами бессвязная речь, несварение желудка свидетельствовали о чем-то серьезном, заставившем Гренвилля поставить в парламенте вопрос о кандидатуре регента в случае невозможности исполнения королем своих обязанностей.

В течение нескольких недель вопрос горячо обсуждался в Вестминстер-паласе. Гренвилль выступил против предложения Георга III назначить регентшей его мать Августу, полагая, что кандидатура подсказана Бьютом. А тот подозревал премьера в замыслах захвата власти и внушал такой взгляд королю.

10 мая парламент принял компромиссный билль: в нем регентшей определялась Шарлотта — супруга Георга III, и только если бы она не смогла выполнять такие обязанности, Августа заняла бы это место.

До успокоения было далеко. В тугой клубок сплелись дела политические, волнения внутренние и психическая нестабильность монарха. 14 мая на улицы Лондона вышли рабочие ткацких мануфактур, взбудораженные повышением ввозных пошлин на шелк. Ординарная, казалось бы, мера вызвала бурю. Был осажден парламент. Над зданием палаты лордов вместе с королевским штандартом взвился красно-черный флаг участников протеста. Особняк лорда Бедфорда — правой руки премьера, — расположенный на Блумсбери-сквере, подвергся нападению.

Как ни странно, сумятица подействовала на Георга III благотворно, его состояние улучшилось, в отличие от членов правительства он не паниковал, а вызвал в город воинские силы. Волнения были подавлены.

Внешние возбудители могут воздействовать на психически неуравновешенных людей благоприятно, помогая восстанавливать душевный баланс. В условиях спокойных такие люди снижают. Им требуется допинг для обретения физической и психологической формы, но лишь на короткое время. У Георга III подобная черта проявлялась заметно, но не могла быть стабильной, как выяснилось весной того же, 1765 года.

Справившись с волнениями в столице, он обратил внимание на положение дел в своем окружении. Гренвилль — вот кто беспокоил его. Не были тайной попытки премьера блокироваться с Питтом на враждебной королю платформе.

18 мая Гренвилль запросил аудиенции у короля.

— Ваше Величество, — спросил премьер, отдав монарху положенные почести, — какие будут от вас указания в связи с окончанием сессии парламента?

— Не торопитесь, сэр, — холодно отреагировал Георг, — парламент не будет распущен до следующей сессии, а лишь на некоторое время прервет работу, чтобы возобновить заседания, когда возникнет надобность в решении срочных дел.

— Как понять сказанное? Вы что, собираетесь менять министров, говоря о срочных делах?

— Именно так, — невозмутимо пояснил король, — терпеть тех, кто не желает служить стране и ее государю, не намерен!

— В таком случае что остается сделать мне, первому министру: перерезать собственную глотку?

— Вы забываетесь, милорд! Значит ли сие, что вы отказываетесь посчитаться с волей монарха и хотели бы апеллировать к парламенту?

— На сей счет можете не беспокоиться. Оставаться против вашей воли на нынешнем посту я не намерен и заявляю об этом без обиняков. А к парламенту пусть обратится тот, кого вы соизволите назначить моим преемником...

Объяснение состоялось, и решительное. Гренвилль заставил короля преждевременно раскрыть карты, рассчитав, что Георгу подходящего для большинства депутатов главу кабинета будет трудно найти и, стало быть, он, Гренвилль может спокойно говорить о своей отставке. В положении просителя оказался вскоре Георг.

Приняв отставку ненавистного политика, он через своего дядю Уильяма, герцога Камберленда принялся уговаривать Питта взять на себя формирование правительства, соглашаясь почти на все его условия. Камберленд снизошел до нанесения Питту визита домой.

Ничто не помогало. Подходящего кандидата в премьеры не было. 21 мая Георг вызвал смещенного политика и заявил о своем желании сохранить его и всю его администрацию как свидетельство своей доброй воли.

Эти уверения Гренвилль выслушал с издевкой, заявив, что мало верит королю.

— Что касается согласия на сохранение у меня поста вашего первого министра, то, — и тут черты лица Гренвилля посуровели, — положение, как вы понимаете, существенно изменилось. Я должен посоветоваться со своими коллегами относительно условий, на каких они будут готовы служить Вашему Величеству. Позднее сегодня мы собираемся у герцога Бедфорда и обсудим эти вопросы, после чего дадим вам знать, к чему пришли...

Томительные часы ожидания — и никаких известий из особняка на Блумсбери-сквере. Смеркалось, когда король распорядился послать в резиденцию Бедфорда гонца с запиской на имя Гренвилля. Что решено?

В 9.15 вечера в Букингем-хауз он пожаловал собственной персоной. У него находился перечень требований, какие предлагалось выполнить Георгу в качестве условия оставления у власти прежней администрации. На первом месте стоял пункт об окончательном отстранении Бьюта от государственных дел, гарантией чего должно было явиться удаление его в загородную резиденцию в Лутоне в 65 километрах от Лондона.

Полный список ожидавшихся от монарха уступок Гренвилль обещал представить на следующий день.

В полдень 22 мая они были изложены. Перечень был длинный, большинство пунктов сводилось к назначению угодных премьеру деятелей на различные посты, включая командующего армией.

В течение всего этого дня Георг III проводил интенсивные консультации. К позднему вечеру он чувствовал себя выжатым лимоном. Восемь аудиенций за несколько часов!

Камберленд рекомендовал принять требования. Король не возражал — за исключением одного назначения в Шотландии, отказываться от которого было бы равносильно нарушению данного им, королем, слова.

Итак, капитуляция. И мучительные переживания. Страдая от бессонницы, Георг решил отдохнуть и пошел на необычный шаг: запросил у Гренвилля разрешение покинуть Лондон.

Спустя неделю он почувствовал себя окрепшим и наотрез отклонил притязания Гренвилля о назначении нескольких его приближенных в свою свиту.

— Сие было и остается моим священным правом! — было заявлено премьеру.

12 июня Бедфорд явился к Георгу, и тот, как он признавался впоследствии, чуть не задохнулся от возмущения, услышав угрозу министра:

— Ваше Величество, — отчеканивал Бедфорд, — должно сознавать, что мы не намерены мириться с практикой недавнего прошлого, когда нас, министров, третировали, а то и водили за нос, словно мы не лояльные слуги короля, а парии. Мы надеемся, что в дальнейшем, учтя уроки, преподанные обстоятельствами, Ваше Величество не будет допускать подобного обращения, подсказанного, как нам ведомо, вашим советником, чья жизнь может кончиться на эшафоте в качестве государственного преступника, если ему будет и впредь позволено творить то, что он до сих пор безрассудно делал...

Министр, может быть, продолжал свою нотацию, если бы не устремленный на него горящий взор монарха. Заметил он и выступивший на его лбу пот.

Сказанным можно было ограничиться. Миссию свою посланец выполнил. В заключение он "посоветовал" королю обдумать в течение месяца сложившиеся обстоятельства и принять решение, подсказываемое разумом.

Итак, министры требовали от Георга III послушания. Встряска была основательной, но король оставался не-

сломленным. Проиграно было сражение. В руках монарха находился "патронаж". За эту прерогативу он был готов биться до конца. Продолжавшиеся раздоры в рядах вигов открывали ему пространство для маневра. Питт колебался в отклике на посулы Георга, но был непреклонен в отклонении авансов другой стороны. Виги или тори — это ему было в конечном счете безразлично, он уважал ум, компетентность, профессионализм. Так же мыслил и Георг III. Разница состояла в том, что один желал держать министров под своим крылом, другой — простирает над ними свою верховную власть. Определенная почва для компромисса существовала, тем более что брат премьера Ричард Гренвилль к тому времени перешел в лагерь противников Питта.

Оправившись от шока 22 мая, Георг III стал готовить реванш. В июле он поручил Уильяму, герцогу Камберленду, своему дяде, сформировать ядро нового правительства во главе с маркизом Чарльзом Рокингамом, подвергшимся тремя годами ранее опале от Бьюта. Этот выбор свидетельствовал, что звезда шотландца закатывается.

Публика реагировала на приход к штурвалу правительства деятеля, враждебного Бьюту, весьма положительно. Позиции короля укрепились.

И это — несмотря на нарушение монархом конституционных норм. Дело в том, что он поручил Камберленду взять на себя формирование состава правительства, а затем председательствовать на министерских заседаниях, не входя в администрацию. Премьер Рокингам с этим мирился. Подобной аномалии пришел конец осенью того же года со смертью Камберленда.

Худшего Георгу III удалось избежать. Трон под ним не шатался. Его карета на улицах Лондона уже не встречалась улюлюканьем жителей. Приступ психического недомогания прошел. Об отдохновении думать, однако, не приходилось. На далеком горизонте за Атлантикой вспыхивали зловещие зарницы. Занятые распрями политики не обращали должного внимания на эти сигналы. После ухода в отставку премьера Ньюкастла в его бумагах была найдена груда непроцтенных депеш из заморских колоний. Георгу III было суждено стать последним королем американцев!

МЯТЕЖНЫЕ КОЛОНИИ

Полтора столетия отделяют основание первого английского поселения на американской земле от начала вооруженной борьбы тринадцати таких колоний — от Мейна на севере до Джорджии на юге — за свою независимость.

11 декабря 1620 года, гонимые за религиозные верования, англичане-пуритане высадились с судна "Мейфлауэр" на восточном побережье Американского континента и создали поселение Джеймстаун, после чего стали осваивать соседние земли, получившие название Новой Англии.

К середине XVIII века на тех землях проживало 2,5 миллиона человек — четверть тогдашнего населения Великобритании. От выращивания зерновых культур и табака колонисты перешли к плантациям хлопка, сахарного тростника, риса. Зарождалась промышленность. Парламент в Лондоне занялся законодательством, регулирующим торговлю с Америкой. В 1765 году по инициативе Гренвилля в этих колониях были введены гербовые сборы на карточные игры, периодические издания, юридические операции. За счет ожидавшихся доходов предполагалось пополнить английские бюджеты.

— Как эти неблагодарные смеют роптать!

Так отозвался Георг на волнения в колониях, вызванные актом 1765 года. Английские солдаты и флот только что защитили жителей колоний от французов, захватив у них большую территорию — Канаду. Потребовались новые расходы. Казна в Лондоне оскудела. Почему бы колониям хотя бы частично не возместить метрополии ее расходы?

Связанные с заморским бизнесом деловые круги выступали за более гибкий курс и в апреле 1765 года в послании королю призвали его добиваться мирного решения конфликта.

"Весьма удивлен, — гласил ответ Георга III, — что мои подданные поощряют бунтарские настроения. Питая доверие к мудрости моего парламента, я буду неуклонно проводить в жизнь меры, рекомендованные в целях поддержки конституционных прав Великобритании и защиты коммерческих интересов моего королевства".

Нажим дельцов произвел большее впечатление на премьер-министра Рокингама. Накануне Рождества он предъявил монарху жесткое требование:

— Акт моего предшественника о гербовом сборе должен быть отменен прежде всего ради наших собственных интересов. Мой стол завален петициями об этом из Сити, материальный проигрыш для нас в результате перевесит выигрыш, не говоря уже о политическом аспекте. Моя администрация не сможет исполнять свои функции, если вы, Ваше Величество, не поддержите аннулирование этого злосчастного акта...

Молчание хранил Питт, уединившийся в своем поместье с приступом подагры.

К началу 1766 года ему стало лучше, и 14 января он выступил в палате общин с одной из самых ярких речей.

— Мистер спикер, — начал Питт, — я лишь сегодня оказался в нашем городе, и, поскольку никто со мной не связывался и не консультировался, я не располагал необходимой информацией и, чтобы не впасть в ошибку, прислал бы еще раз зачитать адрес короля...

Выслушав текст обращения Георга III к палате, Питт снова взял слово:

— Я не собираюсь говорить с какой-либо партийной точки зрения. Стою перед вами в одиночном и независимом качестве и должен сразу же констатировать об ошибочности всего кардинального, что предпринимала предыдущая администрация! Что же касается нынешних министров, отмечу добропорядочность их натур, однако воздержусь все же от выражения им своего доверия...

По моему мнению, наше королевство не имеет никакого права взимать налоги с колоний. Жители там являются подданными этого королевства, одинаково заслуживающими вместе с вами, джентльмены, пользоваться всеми естественными правами человека — так же как и привилегиями, какими обладают англичане. Американцы — это сыны, а не внебрачные дети Англии!

Оратор сел. Поднялся Джордж Гренвилль. Его доводы в защиту своих действий сводились к ссылкам на то, что Англия обеспечивает покровительство своим подданным за океаном и потому имеет право взимать с них налоги. Он обвинил Питта в подстрекательстве к неповиновению законным властям в колониях. Это заставило Питта подняться с места снова.

— Джентльмены, тут прозвучали обвинения в подстрекательстве, что касается Америки. Прискорбно слы-

шать, что свобода слова в нашей палате приравнивается к преступлению. Эта инсинуация не остановит меня. Я намерен использовать право свободы слова. Да, я рад, что Америка продемонстрировала несогласие. Если бы три миллиона человек проявили пассивность к ущемлению их прав, к тому, что, по сути, угрожало бы им рабством, то они способствовали бы рабству и во всем остальном мире.

Джентльмен задал вопрос, когда колонии получили свободу? А я хотел бы знать, когда они стали рабами? Хотел бы привести вам в этой связи строки одного поэта о том, как муж должен относиться к своей жене:

От ее недостатков отвернись,
К ее добродетелям повернись...

Таково мое твердое убеждение. Гербовый сбор должен быть отменен — целиком и без промедления...

Георг III был рассержен речью Питта. Критика в адрес монарха звучала внушительно. В парламенте и за его пределами высказывания этого патриарха-политика вызвали одобрение. Парламент большинством голосов отменил акт 1765 года. Известие о том, что король поддержал это решение, вызвало среди американцев вспышку симпатий к нему. В Вирджинии на пожертвования жителей была установлена статуя Георга III. Немногие знали, что премьер Рокингам предъявил монарху нечто вроде ультиматума на сей счет.

Англии было достаточно поступиться немногим в коммерческой сфере для успокоения страстей за океаном. Пример той же Вирджинии показателен. Благодарственная статуя Георгу долго не простояла, а была разбита, когда в Лондоне снова закрутили гайки налогового прессы.

Аннулировав акт о гербовом сборе, парламент принял декларацию, составленную в духе того, чем заключил свое выступление Питт. А затем последовали новые шаги Лондона, ограничившие свободу действий колоний в торгово-хозяйственной области.

Это произошло, когда Питт наконец согласился возглавить правительство, образованное на коалиционной основе в июле 1766 года. Каплей, переполнившей терпение монарха и заставившей его сместить кабинет Рокингама, явился отказ этого деятеля пойти навстречу Георгу в овладении наследством скончавшегося герцога Камберленда.

В новой администрации были представлены видные деятели основных парламентских группировок. 29 июля 1766 года Георг сообщил Питту о пожаловании ему графского титула, выразив уверенность, что граф Чатам будет добиваться стирания в парламенте партийных различий и восстановления послушания правительства монарху.

Коррективы внес непредсказуемый фактор. Из-за недомогания Питт был вынужден отлучиться из Лондона на отдых в свое поместье. У него появились признаки психического расстройства. Целые дни он сидел у себя затворником, а если с ним заговаривали о делах, раздражался рыданиями. Состояние, хорошо знакомое Георгу!

Только Питт был способен держать под контролем разношерстное правительство. Без него министры оказались в положении судна без руля и ветрил. В марте 1767 года король поставил на пост премьера герцога Графтона. Выбор был неудачный. Молодой герцог больше времени проводил со своими любовницами, чем за государственными делами. Георг и Шарлотта были шокированы его появлением в опере с особой легкой поведением.

Георг в течение некоторого времени присматривался к одному из министров в правительстве Питта — Фредерику Норту, графу Гилфорду, чей отец был некоторое время его гувернером и оставил по себе хорошую память. Младший Норт занимал с конца 50-х годов министерские посты, держался осмотрительно, не связывал себя с политиками, выступавшими против Георга III. В 22 года он занял депутатское место в парламенте.

Одутловатое лицо с глазами навывкате, выпяченная грудь в темном жилете являлись мишенью карикатуристов, но публика относилась к нему снисходительно.

Администрации Графтона пришел конец в марте 1770 года — с выходом из нее трех министров, в том числе и самого премьера. Предложение о формировании новой администрации было сделано Норту, и король был несказанно рад его согласию. Став лидером палаты общин в конце 1767 года, Норт сумел завладеть там прочными позициями. Был исполнителен, женщинами не увлекался, не бражничал.

В 1773 году, стремясь облегчить финансовые трудности ост-индской компании, правительство Нортона распорядилось, чтобы английские торговцы сбывали чай на американской земле непосредственно через свои коммер-

ческие пункты. Немногим ранее были установлены ввозные пошлины на чай.

16 декабря того же года группа дельцов в Бостоне решила сбросить в воды городского залива груз чая с английских судов, стоявших на приколе. Было уничтожено товаров на сумму в 20 тысяч фунтов — по тем временам весьма крупную. Такие же "расправы" с чаем были учинены в других портах на восточном побережье.

Это встрянуло англичан. Одиночные голоса предостережений против курса репрессий тонули в буре негодования. Командующий английскими войсками в Америке Томас Гейдж был вызван в Лондон для консультаций и рекомендовал жесткую линию, утверждая, что четырех полков хватит для восстановления порядка. Премьер Норт услышал от короля такой отчет о беседе с Гейджем:

— По мнению генерала, нас, англичан, мятежники считают ягнятами, а себя львами и окажутся правы, если мы спасуем, — только решительной позицией мы возьмем верх над ними и убедим их, что сила на нашей стороне, а слабость — на их...

Парламент в Лондоне в конце 1774 года декларировал состояние мятежа в Массачусетсе. Собравшийся в Филадельфии Континентальный конгресс поддержал жителей Массачусетса в их борьбе за свои права.

Гейдж стал готовиться к атаке на позиции отрядов колонистов-добровольцев.

— Жребий брошен, колонии либо будут сломлены, либо восторжествуют, но мы предпримем все необходимое, чтобы последнего не произошло! — такова была директива Георга III правительству Нортона 11 ноября 1774 года.

Воинственный курс получил широкое одобрение. Популярность монарха взмыла вверх. Нация впервые за правление Георга III была с ним заодно.

Мирными средствами урегулировать конфликт становилось все труднее. 19 апреля 1775 года начались военные действия.

Англию охватил ура-патриотический пыл, однако рекрутирование солдат для отправки в Америку проходило вяло, несмотря на призывы Георга III.

В ход пошли династические связи: вслед за наемниками из Ганновера другие герцогства в Германии откликнулись на обращения Лондона о помощи. За каждого наемника выплачивалась круглая сумма в фунтах стерлингов.

Большие надежды возлагал Георг III на такую же отзывчивость Екатерины II. Предпринятый на сей счет зондаж дал вначале положительный отклик: называлась цифра в 20 тысяч солдат, которых российская императрица была готова направить в Канаду. Вскоре картина изменилась. В послании Георгу она была отбой, указывая, что ее ввели в заблуждение, сказав, что речь идет о войне Англии с Испанией. В Петербурге одумались.

— Российская императрица, — жаловался Георг III Норту в ноябре 1775 года, — даже не удосужилась собственной рукой ответить на мое послание, а то, что написано ее сановником, содержит выражения, может быть, вежливые для русского слуха, но не для более цивилизованного, каким обладаем мы...

Английский монарх не ведал, на какие сюрпризы еще способна Екатерина!

Не предполагал он и того, что уже летом 1776 года его американские владения провозгласят полную независимость. Декларацию об этом принял 2-й Континентальный конгресс 4 июля.

Великие движения выдвигают великих лидеров. Английская революция середины XVII века подняла на гребень национальной волны Оливера Кромвеля.

А кто возглавлял силы Георга III, брошенные на подавление свободы за океаном? О генерале Гейдже уже упомянуто. Не прославив себя победами, он уступил место генералу Джону Бэргойну, двинувшемуся во главе своих войск осенью 1777 года из Канады на соединение с силами генерала Хоу, расквартированными в Нью-Йорке. Из-за нерасторопности лондонских министров Хоу не получил своевременно депеши о движении сил Бэргойна, и те были наголову разбиты под Саратогой 17 октября 1777 года.

Ирония судьбы заключалась в том, что именно в годы этой войны Георг сидел крепче всего на троне, диктуя, что хотел, правительству. Те же годы — это и период максимальной нагрузки на короля. Для него не существовало малых дел. Он вникал во все, что попадало в поле его зрения, и отдавал указания по самым разнообразным вопросам: какие регалии послать в Индию в связи с прибытием туда нового губернатора, как мирить поссорившихся супругов, кого назначить вице-ректором колледжа в Итоне, миловать ли фальшивомонетчика, что делать для подавления волнений в графстве Саффолк...

Король допрашивал задержанных на улицах Лондона участников беспорядков, отбирал офицеров для посылки в американские колонии, инспектировал войсковые соединения, взбирался на борт судов, готовившихся с оружием и амуницией к отплытию за океан.

Летом 1777 года, получив известие о захвате английскими войсками Филадельфии, Георг вбежал утром в спальню супруги с возгласом:

— Я побил их, побил американцев! Теперь им несдобровать!

Депеша о разгроме войск Бэргойна еще плыла через Атлантику в Лондон, когда 20 ноября того года после двухгодичного отсутствия Уильям Питт, поддерживаемый слугами, был внесен в верхнюю палату парламента и, еле держась на ногах, произнес еще одну зажигательную речь.

— Милорды, — обратился он к депутатам, — пробил час просветить короля языком правды. Мы должны рассеять заблуждения и невежество, которыми он окружен, и показать во весь рост и в истинном свете катастрофу, какая нам грозит уже у врат нашего собственного дома...

Я знаю и высоко ценю качества английских войск, они могут совершать любые подвиги — за исключением тех, что выходят за пределы их возможностей, а завоевание английской Америки, по моему твердому убеждению, является невозможным. Да, мы не в состоянии, повторяю, не в состоянии завоевать Америку.

Если бы я был американцем, то никогда не сложил бы оружия, пока иностранные войска находятся на территории моей страны...

Под сводами Вестминстер-паласа редко звучала столь резкая критика — не по форме, а по существу — по адресу монарха. Георг III был взбешен, но поделаться ничего не мог.

Питт скончался в мае 1778 года. За несколько недель до смерти он предпринял последнюю попытку повлиять на парламент. Одетый в черный бархатный сюртук, с теплой фланелью, покрывавшей ноги, он предстал перед лордами фигурой, словно спустившейся на землю с того света, и не скрывал близкого конца.

— Слава Господу, — начал он выступление, — что я в силах еще появиться здесь перед вами и выполнить свой долг. Более чем одной ногой я стою в могиле. И поднялся с постели, чтобы встать на защиту своей страны. Снова выступить мне не придется.

Признаюсь, мне неизвестны размеры наших нынешних национальных ресурсов, хотелось бы, однако, верить, что их окажется достаточно для отстаивания наших справедливых прав. Любое состояние духа, милорды, лучше отчаяния. Так приложим, по крайней мере, еще одно усилие, и если нам суждено пасть, то падем как мужчины!

Питт рухнул на скамью, не докончив речь. Ему изменили силы. Спустя короткое время он снова попытался подняться, но его тело искривилось от судорог и в воцарившейся гробовой тишине он был вынесен из палаты.

Англии угрожала потеря остальных ее заморских владений. Нельзя было исключать высадки французских сил на Британских островах.

Наиболее важным преимуществом правительства Георга III являлся флот, превосходивший силы, какими располагали на морях все другие державы. Стремясь отрезать американцев от их союзников, англичане стали задерживать в открытом море для осмотра, а то и конфискации грузов суда без различия их национальности. Эти бесчинства ущемили коммерческие интересы многих стран, включая Россию. А в Лондоне все еще надеялись связать Екатерину II обязательствами, которые втянули бы Россию в военные действия на стороне Англии. Это предполагалось достигнуть заключением русско-английского союза.

Инструкции о возобновлении переговоров о таком союзе были даны в конце 1777 года направленному в Петербург новому английскому посланнику сэру Гаррису, взявшему с собой не только молодую жену, но и некоторых родственников, чтобы, как он говорил, "чувствовать себя в варварской стране по-домашнему".

Переговоры и на этот раз шли медленно. Вступление Франции в войну против Англии побудило Лондон задуматься, чем бы "стимулировать" Россию. Гаррису было предложено пойти навстречу Екатерине в некоторых вопросах, в частности согласиться на выплату России субсидий в случае ее войны с Турцией.

Миссия Гарриса осложнялась, как он докладывал в Лондон, тем, что у России было, по сути, две внешних политики: одна — проводившаяся Екатериной и ее фаворитом Григорием Потемкиным, другая — за которую выступал глава Коллегии иностранных дел Н. И. Панин, относившийся — в отличие от Потемкина — значительно настороженнее к действиям Лондона.

Эмиссары европейских королевских домов давно боролись за первенствующее влияние при императорском

дворе Петербурга. У английских резидентов были основания полагать, что в лице Екатерины II они имеют союзницу. Находившийся с 1755 по 1759 год в Петербурге посол сэра Хенбери лично поощрял у Екатерины интерес к изучению английского языка, и под его влиянием она бросила фразу: "Считаю Англию весьма полезным и естественным союзником России".

Большое значение русско-английские связи имели для российского флота. В последние десятилетия XVIII века о городе-порте Николаеве отзывались как о "гнездовии англичан" — столько там было мастеров из Великобритании, занятых на верфях. Под руководством сэра Чарлза Ноулза в начале 70-х годов была создана черноморская флотилия, за что ему было пожаловано звание адмирала. Немало англичан офицеров поступило на службу на российские суда.

Все эти факты следует иметь в виду, чтобы в полной мере оценить значение шага Екатерины II — провозглашение ею в феврале 1780 года "Декларации о вооруженном нейтралитете", к которой присоединились другие страны. В ней устанавливался принцип отстаивания — если потребуется, то силой — свободы плавания судов для стран, не участвующих в военных действиях. Принцип, вошедший в качестве важной нормы в международное право.

Возмущение в Англии по поводу декларации было громким и широким. Английский посланник взывал к Екатерине о "спасении Англии", а не о толкании ее на край пропасти! Он предложил — будто бы от своего имени — наградить Россию за содействие англичанам в Америке частью заморских владений Георга III, какую предпочтет Екатерина. Конкретно было упомянуто о втором по величине острове в группе Балеарских островов в Средиземном море — Минорке.

В декабре 1780 года императрица согласилась дать аудиенцию Гаррису. Словно тайный лазутчик, он был проведен через черный ход в покои императрицы, рассчитывая на любовную сделку. Вместо этого он услышал совет: передать в Лондон, чтобы Англия не мешала с восстановлением мира в Америке!

Отвернувшаяся от короля за океаном фортуна ослабила его хватку в делах домашних. Премьер Норт начал с лета 1779 года заикаться об "усталости". Видя суровое выражение лица монарха, лямку все же тянул.

1780 год принес новые неприятные сюрпризы. В апреле палата общин приняла резолюцию депутата Дан-

нинга с осуждением "растущей власти короны" и призвала к ее ограничению.

Между премьером и монархом по данному поводу состоялся непривычно острый разговор.

— Ваше Величество, — приступил Норт к тяжелой для себя теме, — не хотел бы скрывать серьезности акта парламента. Еще два-три года назад во вверенной мне палате ни о чем подобном думать было бы немислимо. Депутаты возбуждены. Деятели оппозиции, среди которых выделяется Чарлз Фокс, хотели бы подорвать устой нашего общества. Предстоят серьезные испытания!

— А я не смотрю на положение столь трагично, — возразил король, — резолюция Даннинга — дело горстки политиканов. Верно, им удалось увлечь демагогией других депутатов, но, будьте уверены, я держал и буду держать руль государства твердо. Так же следует вести себя и вам, мой достопочтенный Норт. Вам и вашим министрам! Не теряйте присутствия духа, и мы справимся с любыми испытаниями...

Георг оказался прав. Поднимать бунт против монарха депутаты не собирались.

В начале лета того же года ареной кровавых схваток стал Лондон. Вспыхнули так называемые "гордоновские бунты", названные по имени лорда Джорджа Гордона, создавшего протестантские ячейки для борьбы против принятого парламентом в 1778 году "Акта о помощи католикам". Развернутая сторонниками лорда агитация разожгла страсти. 2 июня толпы глотнувших крепких напитков горожан двинулись к парламенту с петицией об отмене акта. Было разгромлено несколько католических церквей. Подождена самая крупная в городе Ньюгейтская тюрьма.

И снова перед лицом охваченных смятением министров Георг почти единственный хранил спокойствие, распорядившись о введении военного положения и переброске в столицу войск.

Неутешительные вести поступали из Америки. Сменивший на посту главнокомандующего английскими войсками генерала Хоу Клинтон сдал американцам Филадельфию, чье взятие так обрадовало Георга годом ранее. В 1779—1781 годах англичане решили перенести военные действия с севера на юг, рассчитывая на содействие плантаторов-вигов. Частичные успехи такой стратегии не меняли общего хода войны. В результате морского сражения в сентябре 1781 года французский флот отрезал анг-

лийские силы у Йорктауна, а Джордж Вашингтон окружил их с суши и принудил к капитуляции.

— О Боже, это конец! — воскликнул Норт, прочтя депешу о случившемся.

Суждение Георга было иным:

— Только продолжение войны спасет Англию от позорного мира! Ведь если отпадет Америка, за ней последует Вест-Индия, отдельным государством станет Ирландия, а потом и сами наши острова постигнет участь таких потерянных владений...

Дважды в начале 80-х годов Георг думал об отречении от трона, заготовив соответствующие прокламации. Королевское большинство в парламенте таяло с каждой дурной вестью из-за океана, пока резолюция о недоверии администрации Норта недобрала всего десяти голосов 18 марта 1782 года.

Георга в то время в Лондоне не было, он охотился. Гонец принес весть о сделанном Нортом заявлении об отставке. Тут же на месте король начертал ему записку о своем несогласии.

— Учтите, не я оставляю вас, а вы — меня, и такое решение чревато тяжкими последствиями, — говорилось в записке.

Вернувшись в Лондон, Георг, услышав из уст Норта, что тот решение не изменит, бросил ему обвинение: "Предатель!"

Найти деятеля, готового на затягивание войны, было невозможно. Пришлось наступить на собственную глотку. Предложение о формировании новой администрации было сделано графу Шелбурну — давнему стороннику компромисса с мятежными колониями, смещенному именно по этой причине Георгом с поста государственного секретаря в правительстве Питта в 1768 году.

Естественно, первое, о чем заговорил Шелбурн, была тема мира, причем на условиях признания независимости североамериканских штатов.

Екатерина II, узнав об этом требовании, заметила, что на месте Георга III пустила бы себе пулю в лоб, но не уступила. Ей было неизвестно, что английский король составил проект обращения к нации об отречении от трона и удалении в Ганновер.

Может быть, так он и поступил бы, если бы верил, что престол перейдет в надежные руки. Однако к тому времени его старший сын, не достигнув совершеннолетия, легкомысленными любовными связями дискредитировал себя и свое семейство.

В ходе консультаций о формировании новой администрации, на что король решил все-таки пойти, нежели покинуть трон, в качестве премьера всплыла кандидатура маркиза Рокингама, также ранее уволенного с министерского поста. Выбор был не менее тяжкий для Георга, нежели Шелбурн. Торговаться было бесполезно. Король снова оказался в тупиковом положении и был вынужден согласиться на назначение Рокингама главой кабинета, куда вошли в числе других министров такие недруги короля, как Шелбурн и Чарлз Фокс.

Рокингам не церемонился. Он заявил о необходимости существенной урезки полномочий монарха. За короткое время правления — он умер в июле 1782 года, то есть спустя несколько месяцев после вступления в должность, — кое-что в этом отношении было осуществлено, хотя у Георга оставались еще весомые рычаги власти. Ему надлежало ждать благоприятного шанса.

Казалось, кончина Рокингама такую ситуацию создала. Ставший первым министром Шелбурн не был одержим властолюбием, но и не желал идти навстречу королю в восстановлении утерянных прав.

В течение двух лет в Англии сменилось четыре правительственных администрации. Ни одна не щадила монаршьи чувства. Популярность завоевывал сын Генри Фокса — Чарлз. Его персона стала для Георга одной из самых ненавистных.

Чарлзу Фоксу было мало создать внушительную оппозицию Георгу III. Он стремился встать над монархом, заставить того как политика опуститься на колени. Именно эта неумность характера в среде, где крайности становились все более непопулярными, обрекла Чарлза на роль деятеля, противостоявшего не только своим соперникам, но и многим своим коллегам в рядах вигов. Необузданное стремление к власти, ненавидимое им у Георга III, бросало и его на острые камни опрометчивых действий.

Последнее наглядно проявилось в феврале 1783 года, когда два недавних заклятых врага — ушедший в отставку Норт и не жалевший бранных эпитетов по его адресу Чарлз Фокс — внезапно объединились, чтобы свалить правительство Шелбурна.

Объясняя свой шаг, Фокс рассуждал в парламенте так: — У меня нет вечных врагов, есть вечные друзья, и теперь к ним принадлежит Норт...

Принцесса Елизавета, 13 лет.
Художник неизвестен.

Леди Джейн Грей
за несколько лет до того
как ее возвели на трон.
Художник "Мастер Джон".

Вид на публичную казнь у стен Тауэра.
Старинная гравюра.

Роберт Дадли,
граф Лестер в молодости.
Из Уоллосовской коллекции.

Роберт Деверё, граф Эссекс.
Художник Маркус Гирертс.

Королевский теннис в Англии в сер. XVI в.
Из книги Яна Коменюса "Орбис сенсуалиум ликтус".

Елизавета I во время турне по стране.
Художник Роберт Пик.

Мария Стюарт.
Художник Дейл Бланк.

Елизавета I
в преклонном возрасте с решетом —
символом девственности.
Художник неизвестен.

В этих словах было гораздо больше лицемерия, чем прямоты. Ради карьеры Фокс мог при определенных обстоятельствах предать и друга.

Георг III метал грома и молнии по поводу такой смычки.

— Жалею, — говорил король, — что мое правление выпало на нынешнее злосчастное время противоестественных и отвратительных союзов, какие когда-либо появлялись на нашей земле!

Среди новичков палаты общин внимание короля привлек молодой человек с магическим именем — Уильям Питт-младший, второй сын покойного графа Чатама, Питта-старшего. Он родился в мае 1759 года, когда его отец находился в зените популярности.

— Сын весь в меня! — заметил старший Питт, скончавшийся, когда 19-летнему Уильяму оставалось три года до старта его головокружительной карьеры. В 1781 году он появился в палате общин.

Король оценил усилия молодого Питта в защиту Версальского мирного договора, подписанного с рожденной за океаном республикой. Но помешать падению администрации Шелбурна Питт не мог. При голосовании вотума доверия правительству в парламенте оно не набрало большинства.

Георг III воспринял известие как катастрофу. Только Питт, по его убеждению, мог помешать приходу к власти "отвратительной коалиции" Фокса и Нортона. Но Питт возглавлять правительство не желал и поступил разумно. Расстановка сил в парламенте иного решения не допускала.

Скрепя сердце монарх вступил в переговоры с ненавистными ему деятелями, и то, что он услышал об условиях их участия в правительстве, заставило Георга снова подумать об отречении от трона. Ему предлагалось безоговорочно принять состав правительства, выбранный Фоксом и Нортоном.

Четыре недели велись переговоры об условиях функционирования новой администрации. Фокс вел себя вызывающим образом, настаивал, что король не должен вмешиваться в дела министров, что те будут подотчетны только ему или же Норту. Наиболее же наглое требование, какое когда-либо выслушивал король, заключалось в том, что отныне система "патронажа" должна перейти в ведение правительства, то есть к тому же Фоксу.

Это лишило бы монарха самого важного рычага власти — и он прервал переговоры. Питт снова услышал от него не столько предложение, сколько просьбу — взяться за формирование правительства. С тем же результатом!

Шаткий компромисс с группировкой Фокса — Норта был достигнут после того, как король отстоял право возведения в пэры угодных ему деятелей — иначе коалиция Фокса — Норта увековечила бы себя, а трон превратился в декорацию.

Не менее важным являлось сохранение за монархом права роспуска парламента. На эту функцию короля Фокс вообще не покушался.

5 апреля 1783 года в соответствии с традицией новый премьер и его министры прикладывались устами к ручке монарха. С каким удовольствием некоторые из них куснули бы ее!

Новую администрацию и монарха не разделяли принципиальные разногласия. 3 сентября 1783 года был ратифицирован договор о мире с Соединенными Штатами Америки и признана их полная независимость. Принимая посла США, Георг III заявил, что Англия намерена строить отношения с новым государством на основе уважения его суверенитета и законных прав. Посол расположил короля тем, что трижды склонился перед ним в низком поклоне: войдя в зал, в середине и перед троном.

Пропасть между монархом и правительством, в котором тон задавал Чарлз Фокс, расширялась. Вскоре Фоксу представился шанс досадить монарху.

В течение ряда лет операции созданной еще при Елизавете I ост-индской компании вызывали в Англии недовольство значительной части деловых кругов. Компания допускала массу злоупотреблений.

В ноябре 1783 года Фокс внес в парламент билль о реорганизации компании. По нему королевские права контроля значительно сокращались.

Палата общин после жарких дебатов билль одобрила. Уже то, что его инициатором являлся Фокс, клеймило законопроект в глазах короля. Ему было прекрасно известно о падении популярности этого деятеля в связи с сотрудничеством, установленным с Нортом. Можно было рискнуть неконституционными приемами в целях провала билля в верхней палате. Питт не возражал и даже взялся надавить на лордов: им было дано знать, что любого, кто проголосует за эту меру, король будет считать отступником.

Лорды отвергли билль. На следующий день король объявил о смещении неугодного ему правительства, сделав это в нарочито вызывающей форме. Он направил в час ночи к Норту курьера с извещением о том, чтобы провалившаяся с биллем администрация сдала немедленно большую печать — юридический инструмент, на основании которого министры осуществляли свои полномочия.

Не зарвался ли монарх? Не играет ли он с огнем, который способен спалить основание его трона?

Такие вопросы, задававшиеся в политических салонах Лондона, не были надуманными. Большинство в нижней палате парламента находилось у группировки Фокса, а значит, согласно заведенной процедуре, из ее состава Георгу III надлежало формировать правительство. Не нужно было гадать, что в таком случае ожидало бы монарха: его, осмелившегося бесцеремонно сместить неугодную администрацию, мстительный виг со своими сторонниками заставил бы заплатить за унижение.

Имелось, однако, существенное обстоятельство в пользу короля — настрой общественного мнения был резко отрицательный в отношении Фокса и его друзей.

Это побудило короля вслед за смещением клики Фокса с министерских постов назначить первым лордом казначейства, то есть премьером, Уильяма Питта.

Новый премьер сразу столкнулся с враждебным большинством депутатов, проваливавших почти все его законопроекты. Опять-таки по существовавшим правилам такое правительство следовало уволить, но Георг III, пользуясь своими полномочиями, терпел и, более того, демонстрировал поддержку Питту. А тот с большой убедительностью для монарха указывал на то, что недружественное большинство в парламенте не отражает истинного положения дел в стране.

Подобные рассуждения в устах премьера звучали для короля чем-то новым. Ведь до сих пор горизонты "большой политики" замыкались обычно стенами Вестминстер-паласа. Настроения широких слоев населения в расчет не брались. Из того, что говорил Питт, Георг III делал вывод, что может безбоязненно идти на досрочные выборы.

Они состоялись в 1784 году и оправдали возлагавшиеся на них в Сент-Джеймском дворце и на Даунинг-стрит, 10 — резиденции премьера — надежды. 160 сторонников Фокса и 20 — Норта потерпели поражение. Теперь боль-

шинство в Вестминстере было на стороне Питта, переизбранного в парламент.

От вигской принадлежности Питта ничего не оставалось. Обретшая новое дыхание партия тори обрела в его лице лидера.

Впервые за все время правления Георга III между двумя ветвями власти — монархией и правительством — наладились сотрудничество и равновесие: король не пытался навязывать произвольную волю премьеру, а тот считался с прерогативами короны. Георг III мог вздохнуть с облегчением, если бы не одно обстоятельство: внутри его семейства дела шли из рук вон плохо.

Глава IX

ДОМАШНЯЯ КЛЕТКА И ЖЕНСКИЕ ЧАРЫ

Георг III и Шарлотта были примерными семьянинами, а их положение позволяло обеспечивать наилучшие в тех условиях возможности воспитания детей. Наибольшее внимание уделялось первенцу принцу Уэльскому Георгу как наследнику. Об обстоятельствах его появления на свет уже говорилось. Примерно до 7—8-летнего возраста у родителей не было оснований беспокоиться о младшем Георге. Мальчик рос смышленным, подвижным, бойким. Хотя сам Георг III пороха на поле боя не нюхал, в увлечении сына игрой в солдатики видел доброе предзнаменование. Любимой игрушкой мальчугана являлся подаренный ему от жителей Нью-Йорка лук, захваченный у индейцев. Стрелами с мягким наконечником он метил в окружающих и сердился, если те не падали на пол.

Четырехлетие наследника было ознаменовано лодочными гонками на Темзе в загородной резиденции Ричмонд-лоджа. За ними с террасы особняка наблюдали одетый в матросскую форму Георг и выряженный Арлекином его брат Фредерик. Вечером давался костюмированный бал.

Увеселений, однако, у детей было меньше, нежели трудовой деятельности. Старший Георг, находясь на ногах едва брезжил рассвет, разжигал камин, готовил чай, а затем с детьми совершал прогулку, иногда на лошадях.

Король был энтузиастом всего связанного со свежим воздухом. Сыновьям вменялась в обязанность работа в саду — каждому на своем участке, уборка урожая овощей и фруктов, а с подрастанием Георга и Фредерика — выпечка хлебцев на второй завтрак.

Дважды в неделю основная загородная резиденция в Кью-гарденс открывалась для посетителей. Мальчиков тогда из дома не выпускали, и они с завистью смотрели на бегавших по дорожкам парка сверстников.

— Родитель меня начал недолго любить с семилетнего возраста, а затем и ненавидеть, — словно убеждая самого себя, уже взрослым рассказывал принц.

Мальчуган часто слышал упоминание о цифре 45 — номере журнала Уилкса, в котором появилась статья бунтаря с нападками на короля. Уловил подросток и то, что у этого англичанина нашлись защитники. Он проникся не сочувствием к отцу, а симпатиями к его критикам. Старший Георг был вне себя, впервые услышав возглас мальчика: "Хвала Уилксу! Да здравствует номер сорок пятый!"

У Георга III была манера пересыпать речь словечками "Ну! Что-что?" Обладая артистическими способностями, маленький Георг передразнивал большого и тем больше наслаждался эффектом, чем сильнее сердился отец.

Когда он подрос, его изобретательный ум придумывал розыгрыши, говорившие о чувстве юмора, что воспринималось родителями как свидетельство "двуличия", "испорченности", хотя на деле выходки являлись протестом против окружающих порядков. Так, однажды он пригласил на обед гостей, выбранных его отцом, — не все из них любимые юношей — и, усадив их за стол, поднял крышку блюда, где сидел кролик, прыгнувший на пол.

Георг III стремился воспитать смену, детям он по-своему желал добра, но, вынужденный из-за занятости уделять им внимание урывками, полагался на строгости, тогда как мать, напротив, шла на уступки. С педагогической точки зрения подобная разница в подходе была неудачной.

Учителям Георга был дан наказ: заниматься с ним не меньше восьми часов в день! Ребенок усваивал материал за четыре часа, а в течение следующих — зевал от скуки, к досаде наставников. Те жаловались, а у родителя был готовый ответ: "Порите непослушного!"

И его пороли. Били карандашницами по голове. А сделаны были эти предметы из серебра.

Наказания ожесточали мальчика. Домашние стены делались похожими на клетку. Тянуло на вольный воздух.

В ученическом сочинении он выразил тоску по поводу дней, тянувшихся как недели, а недель, уподоблявшихся месяцам.

На такие признания следовало обратить внимание. Родители во многих семьях нередко в подобных случаях ведут себя как слепые и хватаются за голову, когда слишком поздно.

В этом семействе считалось в порядке вещей, чтобы дети не садились в присутствии взрослых, не читали развлекательной литературы как "неприличной", ограничивались скромными трапезами, рано вставали и рано ложились спать...

Удушливость атмосферы усугубилась в связи с преждевременной смертью сестры короля Матильды, вышедшей замуж за психически неуравновешенного, распутного правителя Дании Христиана VII. По его "примеру" Матильда тоже завела любовников. Один из них — глава правительства Дании — был обнаружен в ее спальне, после чего она оказалась в крепости. Георг III направил эскадру к Копенгагену и освободил сестру. Вскоре 23-летней она умерла. Мать Августа пережила ее на несколько месяцев.

Среди братьев Георга III герцог Генри Камберленд (не путать с Уильямом, дядей Георга III) начал оказывать особенно дурное влияние на выходящего из подросткового возраста Георга. Запретный плод всегда слаще, а родители следили, чтобы какая-нибудь красotka не соблазнила их сына. По этой причине Шарлотта составляла свою свиту либо из солидных по годам женщин, либо из молоденьких фрейлин-девственниц. Последние гарантией от "сращения" принца не являлись.

На званых вечерах король следил, чтобы его первенец не танцевал дважды с одной и той же особой. Больше свободы он предоставлял сыну по части крепких напитков, когда тот подросток.

Бражничество развивалось у принца в основном от праздности. Как-то сын пожаловался:

— Отец, скажи, чем заняться. Мои сверстники уже приобретают чины в армии. А мне что остается, играть в оловянных солдатиков?

Сообразительность, хорошая память помогли юноше овладеть французским, немецким, итальянским языками,

быть эрудированным в классической литературе, музыке, живописи и к тому же хорошо играть на клавесине.

Его гувернер Ричард Хэрд предрек 15-летнему юноше такую судьбу: или он станет рафинированным джентльменом, или же — гулякой из гуляк в Европе...

Сбылось последнее.

Родитель взял на заметку жалобу сына на безделье, но то, что он решил, было обречено на неудачу.

— Я долго размышлял о твоих сетованиях, — завел король разговор, — и пришел к выводу о неразумности военной карьеры. Ты мой наследник. Вот к чему ты должен себя готовить. Фредерик — иное дело, ему можно думать об армейской карьере, и — будем надеяться — в ней он найдет свое призвание. Пока же служи опорой отцу в его миссии. Познавай искусство политики, а главное, умей отличать друзей от недругов. Последних, к сожалению, имеется немало, и нам придется приложить усилия для утверждения наших прав и обязанностей.

Безразличие было написано на лице сына. То были перепевы того, что он слышал от родителя много раз. Георг III заметил равнодушие сына и приступил к главному:

— Я был бы счастлив видеть тебя со мной в занятии, достойном мужчины. Нет ничего более увлекательного, закаляющего характер, нежели охота. Надеюсь, она станет и твоим любимым занятием. Снаряжение, ружья, егеря — все к твоим услугам. Дело за тобой, твоим желанием!

Предложение звучало для принца не очень заманчиво по сравнению с тем, что он слышал от дяди Камберленда о его альковных похождениях. Он поблагодарил отца, еще не зная, увлечет ли его хобби родителя. Энтузиаста-охотника из Георга не вышло. Иная "охота" стала его страстью.

Покои принца в Букингем-хаузе выходили на помещения служанок королевы. В коридоре юноша сталкивался со стройной, черноволосой Гарриетой Вернон. От ее тела, белья не пахло, как от некоторых других девиц. У принца было тонкое обоняние, он привык душить свое белье ароматными эссенциями.

В теплый июньский вечер в густой траве Кью-гарденс произошло посвящение Георга в сан мужчины, устроенное братом Фредериком.

Возлюбленные нежились в объятиях, когда раздался голос Фредерика:

— Георг, отец ищет тебя, он хочет сыграть с тобой в шахматы!

Утаить случившееся было невозможно. Поднимавшуюся с лужайки парочку видели. Вскоре в поместье узнали о грехопадении служанки. Она была изгнана из свиты королевы, потеряв самое дорогое, чем владела.

Еще не забылась эта история, а вскоре тот же Генри Камберленд, дядя юноши, попал на страницы прессы в связи с возбужденным против него судебным иском мужа леди Гровенор, обвинявшего герцога в любовной связи с ней. Принц зачитывался газетными отчетами об интимных подробностях сей истории вроде, например, таких, какие приводились в преданном огласке письме Камберленда приятелю: "Вчера на кушетке имел ее десять раз..."

Прошло несколько месяцев, и герцогу было запрещено появляться в королевском дворе из-за тайного брака с вдовой Анной Хортон. Он нарушил принятый парламентом по инициативе Георга III в 1772 году акт, возбранявший до 25-летнего возраста браки членам королевского семейства без согласия монарха. Так же Георг III отреагировал на тайную женитьбу другого брата, герцога Глостера, на вдовушке леди Уолдергрейв с тремя детьми.

И после опалы, какой подвергся Генри Камберленд, принц продолжал посещать его дом. Там он познакомился с нередко небритым, неряшливо одетым, но с искрящимися задором глазами юношей, курсировавшим между Лондоном и Кембриджем, где тот учился, — Чарлзом Фоксом, ставшим его другом и объектом для подражания. А тому ничего не стоило просадить в карты за ночь тысячу фунтов, а потом сесть за чтение Геродота.

Азартные игры, женщины, возлияния за столом — на такой почве произошло сближение юношей, распространившееся на сферу политики.

Аппетит к красоткам приходил к юноше с едой. После соблазненной служанки, помочь которой Георг и не пытался, объектом его симпатий стала внучка герцога Гамильтона, состоявшая в свите сестры Георга. Он клялся ей в верности до гроба, предлагал обмен сувенирами: от него — браслет, от нее — локон. Неизвестно, чем бы кончилось увлечение, если бы не увиденная им на сцене театра знаменитого Гаррика "Друри-лейн" актриса Мэри Робинсон.

Это произошло 3 декабря 1779 года. Принц присутствовал на представлении "Зимней сказки" Шекспира.

Роль дочери сицилийского короля Леонта Пердиты исполняла 20-летняя Мэри.

Георг был сражен на месте. На следующее утро отправил к актрисе домой своего доверенного лорда Мальдена с письмом, содержащим признание о готовности упасть к ее ножкам. Под текстом стояла подпись: "Принц Флоризель" — персонаж спектакля, в котором Мэри играла роль Пердиты.

Будучи на четыре года старше Георга, актриса значительно превосходила его по жизненному опыту. Ее отец капитан Дарби, одно время служивший в российском флоте, долго с женой не прожил, бросив ее с двумя детьми в Бристол. Оттуда покинутая супруга с детьми переехала в Лондон.

Семи лет Мэри свободно декламировала строки популярного поэта Поупа, а 14-летней девушкой предстала перед Дэвидом Гарриком, получив роль Корделии в "Короле Лире". Тогда же она вышла замуж за судейского клерка, расписавшего свое мнимое богатство. Муж наделал долгов и в суде Мэри появилась с ребенком на руках.

10 месяцев она провела вместе с мужем за решеткой, где, кстати, сочиняла стихи. Драматург Шеридан помог ей устроиться снова в театре, и она стала пользоваться успехом у публики.

На пламенные послания принца — а они доставлялись ей почти ежедневно — Мэри отвечала советами "проявлять терпение, пока принц не стал самостоятельным".

Ждать ему становилось невтерпеж, и, сознавая, что имеет дело с практичной натурой, он обещал ей 20 тысяч фунтов за сдачу ее женских позиций. Это подействовало.

Свидание с помощью того же верного оруженосца Мальдена было устроено в роще на берегу Темзы — и на этот раз ничто не помешало принцу насладиться желанной женщиной.

Весь Лондон заговорил о Пердите и Флоризеле. История знакомства воспроизводилась в колонках светской хроники в газетах и журналах. Мэри приобрела популярность. Толпы глазели на нее, когда она проезжала в карете, приобретенной любовником за 900 фунтов. Каждый день появлялась в новых нарядах. Изощренными были ее головные уборы: в виде корзины с цветами, павлина, парусника и т. п. На груди сверкал алмаз.

Георг и Шарлотта находились в смятении, понимая, что суровыми мерами ничего не добиться. Строптивость сына принимала крайние формы. Однажды на охоте

чем-то обозленный на отца, он умчался в его карете, заставив короля искать другой экипаж.

Нередко принца доставляли ночью в Букингем-хауз пьяным и укладывали в постель, в то время как с его уст слетала ругань.

В ноябре 1780 года, когда связь принца с актрисой вступила во второй и финальный год, Георг III адресовал сыну такие строки:

— Ничего более я не желаю, как того, чтобы ты был мне другом, и в таком качестве хотел бы являться для тебя ведомым, и не в силу лишь отцовских обязанностей...

Протянутая рука повисла в воздухе. Строки послания не сочетались с другими шагами короля. Принц жаждал выйти из-под родительского надзора и располагать собственным домом. Ему не хватало, как он считал, выделяемых мизерных средств. Все это служило источником ссор отца и сына. Пока младший Георг не достиг совершеннолетия, старший не хотел слышать о его отделении.

В конце 1780 года король писал лорду Дартмуту об опасениях в связи с выходом наследника из-под опеки его гувернера: "Вижу массу опасностей, подстерегающих молодого человека в эти бездумные и разгульные времена".

Особое неприятие проявлялось у Георга III в отношении маскарадных балов. Он запретил сыновьям участвовать в них. Такая же "аллергия" была у австрийского императора Иосифа II, наставлявшего сестру Марию-Антуанетту, супругу Людовика XVI, остерегаться подобных балов. "Из всех развлечений, — писал он ей, — маскарады, безусловно, самое неприличное... Какой смысл казаться там незнакомкой, изображать из себя неизвестно кого? Маска исключает возможность вести приличный разговор, к чему же тогда эти похождения, это недостойное поведение..." Но то, что шокировало монархов, являлось притягательным для молодых людей.

Принц вошел во вкус волокитства. Отмечая свое 19-летие, Георг обратил внимание на юную Сару Кемпбелл. Ее аристократическая утонченность выгодно отличалась от простоты Мэри Робинсон. Они начали встречаться, прогуливались при луне, в ее честь принц сложил стихи, но вольничать ему она не позволяла, а платонической дружбы Георгу было мало.

Его влекли женщины, обладавшие любовным опытом, и на горизонте ловеласа появилась миссис Грейс Эллиот, разведенная супруга врача, с хорошенькой до-

черью. Завязалась связь сперва с мамой, потом с дочерью. Мэри Робинсон еще оставалась любовницей, но охлаждение к ней было явным.

Сохранилось письмо Георга Фредерiku в Ганновер, датированное 17 июля 1781 года, — излияние юноши о вспыхнувшей страсти к графине фон Харденбург, жене ганноверского дипломата. С ней у Фредерика еще до его отбытия в Германию завязалась кратковременная связь.

”Хочу, — говорилось в письме, — поделиться с тобой, дорогой Фредерик, переживаниями, коих еще не испытывал и, возможно, уже не испытаю — столь они сильны! Дело в том, что некоторое время тому назад я познакомился с очень хорошо известной тебе четой Харденбургов, сперва с супругом, потом с его женой, взиравшей на меня довольно сурово, хотя эта женщина мгновенно загляла мое воображение.

Вскоре мы встретились в нашем семейном кругу за игрой в вист в Букингемском особняке, и тут мой взор ловил ее ответный, заставляя трепетать сердце. Она завладела моими мыслями, и мне повезло, что родитель пригласил Харденбургов на неделю в Виндзор. Здесь, улучив момент, я спросил, можно ли будет увидеться нам в Лондоне в отсутствие ее супруга. Представь себе мое счастье: она ответила утвердительно!!!

Наше свидание состоялось, и мне пришлось выслушать ее признание, что у нее был возлюбленный, — и ты лучше меня знаешь, кто это был. Более того, она просила прощения, а у меня кружилась голова от близости с ней! Ты поймешь мое состояние, когда она стала моей!

Лишь мой конюшенный был в курсе наших отношений — больше, казалось, никто. Но тебе, наверное, уже известно, какой удар нанесла мне и моей даме наша продажная пресса. ”Морнинг геральд”, а затем другие газеты раструбили о наших отношениях, и теперь мне приходится иметь дело с разъяренным супругом. Не знаю, чем все кончится, но моя честь не позволит бросить эту женщину! Что делать? Не жду советов от тебя. В любом случае они придут слишком поздно. Есть разные варианты, но не буду писать о них. Развязка должна наступить в ближайшее время, и, может, тебе еще придется видеть нас двоих в Ганновере!”

Графиня досталась Георгу не так легко, как он описывал. Она знала о близости принца с Мэри Робинсон. Ведомо ей было и то, что принц перенес сильное недомогание, вызванное разгульным образом жизни, а также

— как ни странно — злоупотреблением всякого рода косметическими снадобьями. Его лицо временами походило на маску от кремов. В неделю он тратил на такие средства до 20 тысяч фунтов! Вот некоторые названия снадобий: миндальная паста, туалетная вода из лаванды, роз, бузины, жасминовая и апельсиновая помады для волос, бергамотовая эссенция, ваниль, жасминовое масло...

Все покупалось в огромных количествах. Умеренность в малом или большом была ему ненавистна. Пожелав отправиться на прогулку с тросточкой, он в течение дня приобрел тридцать два таких изделия!

Лик принца еще хранил следы болячек, когда он начал осаду леди Харденбург. Ничто его более не разжигало, как неуступчивость. Неутоленная страсть сразу оказывала на организм отрицательное воздействие. Неуступчивость графини вызвала у него кашель с кровью, жар. Здоровье восстановилось, когда дама уступила ему.

До графа дошли слухи о такой близости, и Георг получил гневное письмо с требованием прекращения отношений с графиней. А она проявила неожиданную прыть: предложила любовнику бежать в Германию. Принц заметался. Порыв желанья был удовлетворен. Перспектива оказаться на немецкой земле в хвосте у графини ему не улыбалась. В растерянных чувствах он признался матери в произошедшем. Последовали экстраординарные меры. Графская чета была отослана домой, там немка закатила сцену Фредерику, отправленному в Германию для завершения образования в военной области. Он написал брату в Лондон, что тот отделался еще легко от этой дамы.

Оборвались отношения и с Мэри Робинсон. В полученном письме от принца лаконично говорилось, что впредь они встречаться не будут. Актриса бросилась в Виндзорский замок, где скрылся Георг. Ее к нему не допустили. Она пригрозила бывшему возлюбленному оглашением всех его посланий. Для бульварной прессы это был бы лакомый материал.

Оставалось снова просить о помощи родителя. Георг III не менее сына страшился появления таких разоблачений, и ему пришлось согласиться на выплату владелице компрометирующих материалов пяти тысяч фунтов в качестве единовременного "пособия" и гарантировать пожизненное обеспечение в сумме пятисот фунтов в год.

Молодая женщина вела себя еще относительно достойно. Вернула принцу все его драгоценности, сохранив

подаренный ей медальон с миниатюрой "Флоризеля" и сердечком, вырезанным из бумаги, на котором принцем было начертано: "От неизменно верного, пока живу — моей Пердите".

1783-й — год совершеннолетия наследного принца — принес Георгу III новые волнения: к хлопотам, связанным с "протоестественным союзом" Фокса и Норта, добавился еще более огорчительный для монарха факт — сближение первенца и ненавистного вига-министра. Оба начали интриговать против монарха.

Чарлз Фокс, пользуясь своим положением в правительстве, энергично поддержал младшего Георга в требованиях о предоставлении ему отдельной резиденции в Лондоне и подобающего финансового содержания. Речь шла о ста тысячах фунтов в год.

Король соглашался на половину этой суммы и поднял проблему на уровень личного доверия к себе министров. Не желал он и покрытия значительных долгов сына за счет своего "Цивильного листа". Парламенту предстояло изыскать средства из государственного бюджета.

Премьер Портланд навлек на себя крайнее неудовольствие Георга III поддержкой принца.

— Полагаю вас преступившим грани дозволенного ввиду Вашего решения удовлетворить принца Уэльского в его непомерных претензиях, касающихся "Цивильного листа", — отчитывал король Портланда, — он мой любимый сын и законный наследник, это не дает, однако, права требовать для себя такого же содержания, какое получал Георг II с многочисленными детьми, тогда как мой сын не только не связан брачными узами, а ведет жизнь рассеянную и несправедливую. Кроме того, публика и так стеснена налогами и не поймет, почему моему сыну — пусть и наследнику — определено высокое содержание.

Мои чувства, — продолжал король, — на сей счет настолько сильны, что я готов скорее покинуть трон, нежели пойти на неприемлемые уступки...

Кто-то должен был уступить — иначе разразился бы новый правительственный кризис. Затронутыми оказывались устои монархического правления. Скандальное поведение наследника лишило его симпатий многих людей, и Георг III об этом прекрасно знал.

В последний момент компромисс был найден: принцу выделялась собственная резиденция — Карлтон-хауз — поблизости от дворца Сент-Джеймс, откуда — при желании — можно было наблюдать за происходящим

в особняке младшего Георга. Но уж если родители не могли уследить за ним под крышей своей резиденции, тем меньше было у них шансов контролировать его из Сент-Джеймса.

Мальчик, которого наставники били линейкой по рукам за непослушание, превратился в склонного к полноте мужчину с толстой шеей — изъян, скрывавшийся повязанным вокруг шеи шарфом, чтобы не портить элегантность еще стройной фигуры. Обычно его видели в жемчужно-сером костюме с бриллиантовой звездой на груди, в лосинах, облегавших ноги, с тщательно завитыми, напомаженными светлыми волосами и сиявшими на пальцах бриллиантовыми перстнями. От него всегда исходил аромат изысканных духов.

У молодого человека было немало интересов: коллекционирование живописи, китайского фарфора, забота о возможно более привлекательной внешности, умение разбираться и в винах, кулинарном искусстве. Но больше всего любил он женщин и лошадей, причем, как отозвался о нем ставший его дружкой драматург Шеридан, "женщины шли на полкорпуса впереди".

Все это требовало больших средств, но об этом Георг обычно не задумывался, пока долги не хватали его за горло.

Отделение от семьи окрылило этого Георга, тем более что парламент в конце концов вынес решение о погашении его долгов. Желанных ста тысяч он, правда, не получил. Сумма содержания была обозначена в пятьдесят тысяч. Но об экономии он думал меньше всего. Задумал отделать Карлтон-хауз так, чтобы "утереть нос" родителям с их резиденциями в Лондоне и Виндзоре. Словом, был настроен взять от жизни все удовольствия, наслаждения, которые она открывала монаршьему баловню судьбы.

Глава X

ТАЙНОЕ СУПРУЖЕСТВО

Лучшее, что выдалось в жизни принца Уэльского и что ее украсило, а не запятнало, связано с годами его супружества с Мэри-Энн Фицгерберт — женщиной старше его на шесть лет, происходившей из старинного католического семейства, находившейся дважды до Георга

в браке и потерявшей обоих супругов из-за их безвременной смерти. Детей у нее не было.

Мэри — по свидетельству о рождении, Мария — так будет именовать ее автор.

На фоне остальных увлечений принца она выглядит фигурой бесспорно светлой и даже жертвенной в верности супружескому долгу, который Георг подвергал испытаниям.

Уильям Теккерей писал, что этого отпрыска Георга III влекли за собой все демоны удовольствия: "праздность, и сластолюбие, и тщеславие, и пьянство, дружно бряцающая веселыми кимвалами, толкали и манили его".

От этих пороков мужа Мария страдала, как может страдать человек, разрываемый противоречивыми, но сильными чувствами: любовью и честью, достоинством и бесславием, гордостью и позором...

Все началось, завязалось в тот период жизни английской столицы, какой именуется "лондонским сезоном" и длится с мая по июль включительно. В течение этих месяцев светские салоны блещут балами, раутами, концертами; опера, театры показывают свои премьеры; Академия художеств на Пиккадилли открывает двери для выставок живописи; модницы демонстрируют наряды.

Мария не принадлежала к знати, но пользовалась успехом в светском обществе благодаря обаянию, уму, вкусу. Не было поэтому ничего удивительного, когда в один из мартовских дней 1784 года газета "Морнинг геральд" оповестила читателей в разделе светской хроники о прибытии в город в связи с началом "сезона" Мэри-Энн Фицджерберт.

Ее было трудно назвать красавицей: нос, как и подбородок, был крупноват, зато она была прекрасно сложена, а подлинным украшением являлись вьющиеся золотистые волосы и притягивающие глаза.

Ценитель живописи, принц Георг понимал толк в женщинах и, увидев Марию в опере, потерял голову. В антракте она была ему представлена, благосклонно приняла комплименты, но сама головы не потеряла, когда от ее вздыхателя стали приходить послания — иногда объемом до 30—40 страниц, — заполненные любовной патетикой.

Во время неоднократных объяснений принц выслушивал рассудительные доводы Марии:

— Поймите, Ваше Высочество, мы не созданы друг для друга, как бы хорошо я к вам ни относилась. Быть

вашей возлюбленной мне не позволяет честь, а вашей супругой — моя религия, да и вам — наследнику — ваша религия воспрепятствует такому союзу со мной.

Умоляю: не давайте воли чувствам, препятствия слишком велики, чтобы их можно было преодолеть. Остаемся добрыми друзьями, и, уверена, вы найдете счастье с той, кому суждено быть вашей спутницей в жизни!

Такие речи не урезонивали принца. Не действовали на него и уговоры друзей. На ссылки Чарлза Фокса, заинтересованного по личным мотивам в том, чтобы ничто не мешало шансам Георга как наследника, не добиваться руки Марии у принца имелся один ответ:

— Эта женщина дороже мне всего остального на свете! И если придется выбирать между ней и тронem — выберу свое счастье, а не разлуку с любимой.

Любовная лихорадка опять валила с ног молодого человека. Он метался по полу Карлтон-хауза — своего особняка, стенал о безответных чувствах, пытался забыть дозами бренди и толковал о самоубийстве.

В один из ноябрьских дней к Марии явилось несколько взбудораженных друзей принца.

— Отправляйтесь в Карлтон-хауз, — набросились они на женщину, — спасайте принца, его жизнь в опасности, и только вы можете помочь!

Экипаж помчался в Карлтон-хауз. По пути к Марии присоединилась ее приятельница графиня Девонширская.

Зрелище, открывшееся в спальне принца, потрясло. Сорочка Георга была залита кровью, сам он походил на агонизирующее существо, но оживился, увидев Марию.

А она, объятая состраданием, угрызениями совести, уже не колебалась в том, чтобы быть помолвленной с этим человеком.

Тут же состоялся обряд обручения: кольцо, принадлежавшее графине Девонширской, Мария одела себе на палец в знак согласия на брак с Георгом.

Осталось тайной, действительно ли принц собирался покончить с собой или искусно разыграл сцену? Высказывались предположения, что в представлении участвовал медик принца, пустивший ему кровь, как тогда практиковалось. Так или иначе, цель была достигнута. Так считали очевидцы этой сцены. Так считал Георг.

И ошибались. На следующий день после помолвки Мария известила принца, что берет данное слово назад и покидает Англию вместе с подругой Анной Линдсей. Когда он читал это послание, Марии в Лондоне уже не

было. Она плыла через Ла-Манш в Голландию, а оттуда направилась в Швейцарию.

Чувства Георга не поддавались описанию. Он рвал на себе волосы, катался по полу, бился головой о стены. И не переставаяпил.

Мария сообщала ему, где находится. По ее следу принц направил агентов. Ей доставлялись письма от Георга с мольбами спасти его, бежать вместе в Америку. Он был готов распродать свое имущество, отречься от титула — лишь бы соединиться с любимой.

От него, изнуренного словно от перенесенной тяжелой болезни, король услышал просьбу отпустить его на континент — посмотреть другие нравы, другую жизнь. О подлинной подоплке просьбы, разумеется, ничего сказано не было.

Вояжи за пределы страны считались делом настолько важным, что ни один более или менее видный деятель не смел совершать такие поездки без разрешения монарха.

Георг III сыну отказал. Вероятно, он был осведомлен о мотивах просьбы и надеялся, что время залечит любовную лихорадку.

Вскоре принца увидели с другой женщиной, однако это могло свидетельствовать лишь о том, что он пытался забыться не только с помощью крепких напитков.

А Мария? Каковы были ее планы, намерения? Она тоже терзалась. Никто так еще не обожал ее. Она сознавала, что, как только вернется в Англию — а обрекать себя на постоянное изгнание она не собиралась, — окажется снова в состоянии осады. У нее мелькала мысль о затворничестве в монастыре, но слишком хороша была мирская жизнь для цветущей, рациональной женщины, чтобы идти на подобную жертву.

Отдавая отчет, сколько трудностей, проблем придется преодолеть и чем рискует как наследник Георг-протестант, Мария решила все же в пользу такого отнюдь не безоблачного брака. Выстраданными были строки, которые она адресовала в ноябре 1785 года спустя год после отъезда из Англии Георгу: "Отныне и навеки буду принадлежать вам, Ваше Высочество..."

За мзду в полтысячи фунтов стерлингов был найден англиканский священник. Венчание в церкви исключалось. Оно состоялось за плотно закрытыми дверями дома Марии в Лондоне 15 декабря 1785 года. Присутствовали только дядя и брат новобрачной. Со стороны Георга не было никого.

После церемонии супруги тронулись по выпавшему снегу в Ричмонд. В пригороде Хаммерсмите сломалась карета, пришлось высадиться и поужинать не за праздничным столом — благо в трактире нашлось помещение без посторонних.

Медовая неделя — не месяц! — прошла в арендованном особняке под Лондоном, а затем Георг и Мария вернулись в город и стали появляться вместе на публике.

В самом этом факте ничего из ряда вон выходящего не было. Георг и раньше появлялся с любовницами в обществе. Мадам Фицгерберт пользовалась хорошей репутацией. За содержанку ее не принимали.

Конечно, о них заговорили, причем и в других европейских столицах. Волновались король и Шарлотта. Больше всего их беспокоило, что Мария может вселиться в Карлтон-хауз. Это было бы уже скандалом.

Принц въехал в особняк в марте 1784 года, после того как в течение двух лет там велись капитальные работы, ставшие источником нового большого долга Георга.

Вопреки наказу родителей ограничиться покраской и подновлением резиденции, принц преобразил особняк в одно из красивейших зданий столицы. В саду появились мраморные статуи, в том числе короля Альфреда и другого далекого предка Георга — Черного принца. Хозяин сам выбирал многое для своей обители, а вкус у него был. Гостиная была отделана в китайском стиле желтым шелком, в банкетной зале стены сверкали тканями с серебряной вязью.

Поселиться в этом особняке Мария благоразумно отказалась, для нее был приобретен дом на Сент-Джеймс-сквере поблизости от Карлтон-хауза.

Следовало считаться не только с общественным мнением. Долг в 300 тысяч фунтов можно было ликвидировать лишь с помощью короля. А отказывать себе и супруге в чем-то Георг не хотел: не так был воспитан!

Долги наследника вызывали у родителя головную боль, но являлись и наиболее действенным средством давления.

— Ты хочешь, — завел он с сыном разговор, — чтобы я просил парламент о покрытии долгов, вызванных, несмотря на мои наказания, безмерными тратами на переделку Карлтон-хауза, хотя дом и в прежнем виде мог быть вполне достойным очагом для тебя.

Знай, что я и мизинцем не пошевелю до тех пор, пока ты ведешь жизнь, позорящую наше семейство. Тебе

надо подумать о браке на иностранной принцессе. В Германии есть немало прекрасных особ. Решай, кого выбрать, неволить тебя не буду, но и мириться с твоим нынешним образом жизни не намерен!

— Отец, — вспылал сын, — ты говорил со мной откровенно, выслушай и меня. Я никогда не женюсь! Пусть лучше корона перейдет к Фредерику, но связывать себя так, как ты хочешь, я не буду и говорю тебе об этом прямо!

Король метнул на сына колючий взор:

— Я сказал тебе не все. Мне известно о твоей близости с этим негодяем Фоксом, близости, покоящейся на зловредных интригах моих недругов, жаждущих, как бы расшатать устой нашего королевства.

Ведя с ними дружбу, ты топчешь самое дорогое, исконное, чем гордится наша династия. Посему вот тебе совет: отходи от этих змей, заползших тебе на грудь! Таково последнее слово — пеняй на себя, если к нему не прислушаешься!

Бедный родитель. Ему было неведомо, что сын уже выбрал себе спутницу жизни.

Оставлять все по-прежнему после этого объяснения принц Уэльский не мог. Поскольку отец грозил объявить его банкротом, надо было попытаться хотя бы уменьшить размер долга. В результате было решено повесить на двери Карлтон-хауза замок, продать конюшню, экипажи, уволить почти всю челядь.

Весть об этом облетела Лондон. Гадали, где поселится принц. Не исключали его отбытия на континент. Между тем выбор был сделан: супруги переберутся в Брайтльстон, как тогда именовался Брайтон, завоевавший популярность морскими купаниями городок на юге Англии.

Побывав там подростком, Георг стал часто проводить там летний сезон. Для него был арендован коттедж с видом на море.

Закрыв на замок Карлтон-хауз, принц поселился в скромном жилище. Мария сняла дом неподалеку. Пресса взяла на заметку тот факт, что они прибыли в Брайтон в обычной, а не королевской карете.

Лето и начало осени они прожили в относительном уединении, ведя размеренный образ жизни. Траты резко уменьшились. Экономия была для Георга делом непривычным, но с ним находилась любимая женщина.

Долго такое затворничество продолжаться не могло. Порывы страсти были удовлетворены, и у принца возоб-

новился зуд к тому, что делало его жизнь содержательной в Лондоне. Поздней осенью он с Марией вернулся в столицу. Карлтон-хауз снова осветился вечером огнями сотен свечей. Возобновились попойки, картежные игры, правда пока без дам легкого поведения.

Долги продолжали нависать над наследником, рассчитывавшим на пробивную силу лидеров оппозиции — вигов. Однако те не спешили с нажимом на Питта, понимая, что любое их требование о финансовой поддержке принца вызовет вопросы о характере его отношений с Марией Фицгерберт.

20 апреля 1787 года этот вопрос поднял в парламенте депутат от Сити.

— Речь идет о том, что входит в компетенцию монарха, правительство не вправе вмешиваться в дела его семейства, — гласил уклончивый ответ официального представителя.

Ни депутатов, ни публику такая позиция не удовлетворяла: хотели знать правду!

А она окончательно раскрылась лишь спустя более чем столетие — в 1905 году! Тогда из сейфов банка "Куттс" — контр-агента королевского двора — были извлечены помещенные туда в конце XVIII века документы об оформлении брачного контракта Георга и Марии. Предание огласке этого факта при жизни четвертого Георга сделало бы проблематичным согласие парламента на покрытие долга, а также грозило принцу лишением права на трон.

30 апреля, ссылаясь на письменные свидетельства младшего Георга, Фокс заверил палату, что никакими брачными обязательствами тот не связан и что в силу этого мадам Фицгерберт является лишь его возлюбленной.

Чувства Марии можно понять. Ее опозорили! И впервые со времени супружества она обрушила на мужа упреки.

— Вы, — отчитывала она Георга, — ведете себя, как дворняжка, находящаяся на привязи у Фокса. Неужели не понимаете, в какую грязь он меня втоптал? Любовница! Да как посмел он прибегать к такой лжи. Если я любовница, то у меня нет никаких супружеских обязательств перед вами!

Оправдания были тщетными. В парламенте у принца имелся еще один близкий человек — драматург Шеридан. К нему обратился Георг, прося загладить в парламенте

впечатление от неудачной адвокатуры Фокса. Задача, по сути, была невыполнимая. Если мадам Фицгерберт не любовница принца, то кто же она? Почему принц всюду сопровождает ее? Взяв слово, Шеридан старался представить Марию как женщину в высшей степени достойную, но по-прежнему утверждал, что Георг не состоит с ней в браке.

Вмешательство знаменитого драматурга не смягчило гнев Марии. Она не желала видеться с супругом. И в какой раз у того вспыхнула горячка, началось кровотечение и он "лечился" дозами бренди.

Тяжба о долгах не могла длиться бесконечно. Парламент проголосовал за их покрытие, а король согласился увеличить содержание наследнику на десять тысяч фунтов.

Мария остыла, и снова принимала Георга, а в июле 1787 года чета переехала опять в Брайтон. Освободившись от долгов, наследник разместился в резиденции, известной под именем "Приморского павильона". Это здание сохранилось до сих пор.

То было самое счастливое время для Марии. Купания, посещение местного театра, концерты в "Приморском павильоне", щедроты супруга... Одних драгоценностей он преподнес Марии на 50 тысяч фунтов.

В октябре тяжело заболел Георг III. Возникла драматическая ситуация, заставившая принца вернуться в Лондон.

Глава XI

МОНАРШЬЕ ПОМЕЩАТЕЛЬСТВО

После приступа психического нездоровья в середине 60-х годов король в течение двух десятилетий чувствовал себя нормально. О душевном самообладании свидетельствовал эпизод, произошедший весной 1786 года около Сент-Джеймского дворца. Он выходил из экипажа, когда к нему приблизилась женщина с листом бумаги в руках — каким-то прошением, как он думал. Едва он потянулся за бумагой, прямо в сердце ему нацелился нож. Король отпрянул, а нападавшая бросилась на него. Ловким движением он выбил нож из ее рук. Прохожие схватили злодейку и расправились бы с ней, но были остановлены.

— Не трогайте ее! — приказал король. Эта женщина тронулась умом и вреда не причинила.

Стабильной политической обстановке содействовал Питт-младший. Премьер не ходил послушно под монархом, а, относясь уважительно к нему, отстаивал, если надо, свои взгляды, даже если они расходились с монаршими. Подобная независимость отвечала государственным интересам.

В отличие от Питта-старшего, ориентировавшегося на виггов, сын выступал лидером торийской партии и, мысля реформаторски, подготавливал почву для нововведений XIX столетия.

”Модус вивенди” (взаимопонимание), позволяющее поддерживать хотя бы временные нормальные отношения между противостоящими сторонами, лежало в основе сотрудничества, установленного между премьером, его министрами и монархом.

Георг III мог уделить больше времени домашним делам. Это позволило спасти Виндзорский замок от упадка как достояние нации. Два Георга позволили замку прийти в запустение, для третьего это поместье олицетворяло традиции, и он пошел на значительные траты ради восстановления его.

Букингем-хауз, резиденции Кью-гарденс, Хемптон-корта становились тесными для растущего потомства. Шарлотта приобрела для семейства несколько старых зданий поблизости от замка и уговорила мужа найти денег для сооружения новых. Внутри замка были отреставрированы церемониальные апартаменты, в том числе — величественный зал святого Георга (это помещение почти полностью выгорело во время пожара 1992 года).

Имелась разница между такими тратами короля и наследного принца. Один был движим стремлением к сохранению уникального национального достояния, другой думал о кричащей роскоши.

В хлопотах в Виндзоре король оставался Георгом — Фермером. Часть прилегающей к замку территории распорядился отвести под пахотные земли, завел молочную ферму. По его инициативе был учрежден правительственный департамент по делам сельского хозяйства, а применявшиеся нововведения в повышении урожайности культур распространялись по стране.

Виндзор был по душе королю и потому, что в отличие от территории Букингем-хауза окрестности замка были открыты для посетителей. Георг мог общаться со своими подданными. Семейство прогуливалось в парке, хотя и не

разделяло увлечение местных жителей — сбор съедобных грибов. Занимали короля детские забавы, особенно пускание змей.

Сохранился рассказ о том, как Георг III и королева во время такой прогулки разговорились с подростком.

— Кто ты? — спросил Георг.

— Я мальчик — подданный Его Величества, — ответил тот.

— Тогда стань на колени и поцелуй руку королеве — вот она!

— Не могу, — сказал подросток, — мама одела мне новые штаны, я их испачкаю...

— Молодец, — похвалил король, — что бережешь одежду. Вот тебе подарок, даю тебе рыцарское звание, можешь сказать об этом родителям, пусть явятся в замок и получат грамоту.

Апартаменты Георга в замке были скромными. В них не заглядывало солнце, в покоях отсутствовали ковры из-за, как считал Георг, скапливавшейся в них пыли.

Отлучки в Лондон, когда погода позволяла наслаждаться сельским покоем и воздухом, являлись неприятной обязанностью, и ее Георг с присущей добросовестностью соблюдал.

На одном из приемов в Сент-Джеймском дворце, состоявшемся 24 октября 1787 года, приглашенные увидели короля, сидевшего в кресле с ногами, укутанными теплой фланелью. Было сказано, что королю нездоровится, но прием решили не отменять.

Неделей раньше, вернувшись с верховой прогулки, Георг не сменил чулок, что обычно делал. В час ночи у него начались судороги, отнялась речь. Шарлотта послала за аптекарем, и лекарства подействовали.

Прием 24 октября прошел без происшествий, но на следующий день король стал бормотать что-то бессвязное. Улавливалась фраза о "потере американских колоний". В промежутках просветления он был безутешен.

— Лучше смерть, чем безумие! — обнимая Шарлотту, не говорил, а рыдал Георг. — Дорогая, я чувствую, что схожу с ума. Ты должна быть готовой к худшему. Прошу об одном — не оставляй меня на милость врачей, не верил и не верю в них.

Минуло еще несколько дней. За обедом в Виндзоре принц упомянул о каком-то убитом в драке англичанине. Король, вскочив с места, накинулся на сына, схватил его за ворот и отбросил к стене. Шарлотта забилась в истерике.

В течение двух ночей супруг врвался в спальню жены и лишь усилиями свиты водворился под надзор в своих покоях. С его уст сыпались фразы о "любовнице — леди Пемброк", о Ганновере, зримом им в телескоп, о наводнении в Лондоне и оставленной там своей рукописи.

Окружающие припомнили странное поведение Георга III неделями ранее на представлении Сарой Сиддонс перед королевским двором "Леди Макбет". Не спускавший с великой актрисы глаз монарх вместо обычной благодарности протянул ей без объяснений чистый лист бумаги со своей подписью. Видимо, это означало высшую степень признательности: актрисе оставалось изложить свою волю.

Имеется много версий о причудах Георга во время болезни. За их достоверность поручиться нельзя. Согласно одной, во время прогулки в парке Виндзора он подошел к раскидистому дубу, поклонился, взял ветку дерева, словно собираясь пожать руку, а затем обратился к дубу с приветствием:

— Дорогой Фридрих! Рад видеть тебя, короля Пруссии, на своей земле. Будь желанным гостем!

Явившегося к нему измерить пульс врача Георг ударил по голове, повалил на пол, вылив на него содержимое ночного горшка.

27 ноября принц Уэльский собрал в Виндзоре министров, предложив утвердить решение о перемещении короля в Кью-гарденс, чтобы у публики было меньше шансов узнать о состоянии больного. Сын вел дело к строгой изоляции отца, ни словом не возражая против применения к нему насильственных мер, хотя в неистовство король впадал обычно именно в таких случаях.

Действительно, упоминание о переезде в Кью-гарденс вызвало у него резкие возражения, он попросил свидания с премьером. Уговоры Питта эффекта не имели, и только когда было упомянуто о принуждении, Георг дал увести себя из Виндзора.

Дальнейшее ухудшение его состояния было спровоцировано, когда он узнал, что ему не будет разрешено видеться с женой и дочерьми. Он отказался принимать пищу, лекарства, бросался на слуг или молил их о своем умерщвлении. Ночью его привязывали к постели.

Врачи расходились во мнениях и о причинах расстройства, и в прогнозах. Ныне установлено, что симптомы, мучившие Георга III, — воспаление брюшной полости, состояние, близкое к парализованности, резко учащенный

пульс, бессонница, расстройство умственных способностей — были следствием наследственного недуга, вызываемого нарушением функционирования метаболизма, обмена веществ, то есть к безумию, как таковому, недуг имел косвенное отношение.

Приставленный к Георгу врач Франц Уиллис — сторонник жестких мер вплоть до применения смирительной рубашки, связывал заболевание с кознями дьявола и чувством греховности пациента. Под опекой такого "специалиста" король находился в течение продолжительного времени, лишенный большей частью возможности свободного передвижения из-за смирительной рубашки и "коронационного кресла", как цинично называл Уиллис то, что приковывало больного к сидению.

С возникновением сомнений в оправданности подобных средств к Францу Уиллису присоединился новый целитель, встреченный столь же враждебно Георгом.

— Скажите мне, — стал спрашивать король, — кого и где вы лечили раньше?

— Ваше Величество, — услышал Георг, — у меня профессия не медика, а священника, в таком качестве я исцеляю души и надеюсь добиться того же с вами.

— Плохо, очень плохо, что вы переменяли профессию. Какой будет прок от вас?

— Но ведь наш Спаситель Христос тоже исцелял людей, не являясь профессиональным лекарем. Доверьтесь мне, и вы убедитесь в силе Божьего слова и Божьей благодати!

— Наш Спаситель исцелял страждущих не за 700 фунтов в год, как положено вам, — так что не толкуйте мне о нем! — нашел неотразимый аргумент король.

С началом заболевания короля его популярность возросла, а старшего сына — еще больше упала. В Лондоне карета принца не раз осаждалась толпами под выкрики: "Долой принца-паписта!"

С католичкой Марией Фицгерберт люди связывали многое, позорившее младшего Георга. А он вел себя так, будто общественного мнения для него не существовало. В то время как отец мучился от смирительной рубашки, принц потешался над ним со своими друзьями.

В ожидании принятия наследным принцем регентства заранее делились министерские посты. Некоторые из врачей считали положение больного безнадежным. Оппозиция давила на правительство, торопя с актом о передаче монарших полномочий принцу.

Питт предпочитал выжидать и держал принца в неведении о самочувствии короля. Не раз вспыхивали резкие объяснения, но Питт стоял на своем, опираясь на поддержку Шарлотты. У нее имелось достаточно оснований питать дурные чувства к сыновьям. Они не постеснялись забрать под каким-то предлогом у матери драгоценности, подаренные мужем.

Принц примерял на себя корону — так желал он близкого конца отца! Шарлотта слышала от него несдержанные высказывания о порядках, заведенных при дворе. Ей пришлось подчиниться указанию о переезде на зимний сезон в Кью-гарденс, а там в ее особняке окна пришлось заделывать мешками с песком от холода.

Поздней осенью 1788 года в парламенте возобновились дебаты о полномочиях младшего Георга как регента. Не все депутаты были уверены в необходимости такого шага. Росло убеждение, что Франц Уиллис применит негодные средства.

Исходом дебатов явилось поражение сторонников принца. Их билль был отвергнут. Протесты из Карлтон-хауза не помогли. Георг был вынужден согласиться на урезанные полномочия. Но и ими он воспользоваться не смог. Из Кью-гарденса пришла весть о выздоровлении монарха. В этом убедились навестившие его министры. Находившаяся при нем супруга определяла, кого допускать, а кого держать подальше. В числе последних были наследник и Фредерик, получивший титул герцога Йоркского. Можно было подумать, что они только и грезили о свидании с отцом! Оберегая мужа от волнений, Шарлотта умалчивала о поведении этих сыновей, а поскольку он интересовался ими, они были приглашены в Виндзор.

Была разыграна сцена добросердечия и растроганности. Принц пустил слезу. А вечером в "Бруксе" — клубе Чарлза Фокса за батареей бутылок братья распространялись о своих впечатлениях от визита: король вовсе не так хорош, как они думали!

23 апреля в соборе святого Павла состоялась служба благодарения. Город был иллюминирован. Небо расцвело фейерверками. Радость подданных Его Величества была неподдельной.

Принц "пил горькую". Карикатуры в газетах рисовали его с объемистым брюшком за столом с питьем и яствами, окруженным такими же кутилами. Ему стало небезопасным появляться — даже в карете — на улицах столицы. Толпы людей скандировали: "Боже, храни короля!"

Выносить такое было невозможно. Последовал новый переезд в Брайтон. Несмотря на усилия Марии, остепенить супруга не удавалось. После попок он с друзьями горланил на улицах городка непристойные песенки. По случаю своего дня рождения распорядился выкатить на набережную Брайтона бочки с пивом и зажарить на вертелах бычьей туши. Родители своим присутствием его не почтили.

Георг III узнал о поведении наследника и выгнал из свиты всех, кто стоял на его стороне. Дальше домашнего очага чистка не пошла. Отношения между отцом и старшим сыном были холодные, но разрыва не было.

Шарлотту пережитое побудило интересоваться больше политическими делами и даже подумать о создании собственной партии. Сыновьям она адресовала послания с призывами защиты интересов монархии. Сильнее всего, как и прежде, беспокоил ее наследник. Хватало волнений и у него. В долгах он был, как в шелку. Ссудившие его займами коммерсанты требовали уплаты. На жизненной стезе младшего Георга вырисовывался новый зигзаг.

Глава XII

БРАК ВСЛЕПУЮ

Еще во время болезни короля было замечено, как принц Уэльский ронял фразы об охлаждении его чувств к Марии Фицгерберт. Этого следовало ожидать. То, что он в письмах ей называл любовью, было скорее плотскими желаниями и в глубокое чувство не перешло, а стало привязанностью, не исключавшей связей "на стороне".

Шеридан предостерегал Марию, что ее возлюбленный не такой человек, чтобы довольствоваться одной женщиной:

— Он принадлежит всему женскому роду, и тщетно надеяться, что одна женщина останется дамой его сердца.

Борис Пастернак замечал, что мы все стали людьми лишь в той мере, в какой любили и имели случай любить... Георг удовлетворял в первую очередь зов плоти. Остальное гложло. Отсутствие упорядоченности в их жизни тяготило супругу, а когда, прожив с ним несколько лет, она уличила его в неверности, дело не ограничилось шлепанцами, пущенными в мужа.

Случайные связи она с грехом пополам терпела. Положение изменилось, когда Георга забрала в руки леди

Джерси — старше его на девять лет, мать нескольких детей, имевшая внуков. Злая молва усматривала в одной из ее дочерей сходство с дипломатом Фокенером.

Рожденная в семье ирландского епископа и вышедшая замуж за английского пэра, весьма терпимо относившегося к любовным связям жены, Франсез — леди Джерси, казалось, не должна была внешне воспламенить принца. Она была небольшого роста, полнотой не отличалась. Исходившая от нее чувственность, однако, возбуждала мужчин и менее пылких младшего Георга, а на него действовала неотразимо. И, познав ее, он уверился, что она способна удовлетворить его лучше, чем какая-либо другая женщина, встречающаяся на его пути.

Будучи особой весьма неглупой, тщеславной, Франсез быстро сообразила, какой добычей завладела, и потому удержанию Георга подле себя подчинила весь арсенал своих женских средств, а опыта у нее по данной части хватало.

К тому же на ее стороне оказалась королева Шарлотта, увидевшая в этой любовнице старшего сына противоядие от Марии Фицгерберт, "безопасное" для двора, королевства хотя бы по той причине, что Франсез Джерси являлась замужней женщиной и не годилась в супруги Георга.

Светская львица, она сумела обворожить королеву, и та помимо определения леди Джерси одной из дам своей опочивальни сделала ее и своей арфисткой. Это позволяло новой даме сердца Георга услаждать не только музыкальный слух Ее Величества, но и настраивать свою госпожу на нужный лад.

Так что за спиной Марии образовался "кулак" могущественный, но решающим было охлаждение к Марии ее супруга.

В начале 1794 года Мария получила письмо от принца о его решении расстаться с ней. "Вынужден силой обстоятельств, — говорилось в послании, — сообщить тебе, что больше не смогу посещать твой дом".

Ответа не последовало. Мария молчала, и это выводило из себя Георга. Он заготовил в уме объяснения своего решения, казавшиеся неотразимыми.

Дело в том, что содействовать ликвидации образовавшихся у старшего сына больших долгов король был готов лишь при условии его женитьбы. Леди Джерси по своим мотивам убеждала любовника в том же. только она была заинтересована в том, чтобы "официальная" супруга не стала ее соперницей.

В поисках кредиторов Георг обратился к голландским банкам и довел одного из них, согласившегося ссудить его деньгами, до банкротства. Заимодавцы ловили карету принца на улицах Лондона, требуя уплаты долгов. Была заложена часть его драгоценностей, но вырученная сумма положения не поправила. Обсуждалась возможность установления банковского контроля над герцогством Корнуольским — важным источником доходов принца.

Рассказом о таких невзгодах он хотел разжалобить Марию, когда она попросит о встрече. Она молчала. Пришлось направить ей послание в покаянном духе, выразить удивление: следовало ли драматизировать то, что было совершенно импульсивно?

Понимала ли Мария, что имеет дело с человеком, у которого наблюдалось отклонение от нормы? Она сама была довольно своенравна. Однако ее поведение как супруги было безупречным. Религиозность перевешивала в ней все остальное и толкала к примирению с Георгом. Она хваталась за соломинку. Та ломалась. Выше ее сил было восстановление их прежних отношений. Об этом она напрямик написала Георгу.

В июне 1794 года он адресовал ей новое послание — об окончательном разрыве. На этот раз Мария проявила непреклонность, покинула Лондон, что привело Георга опять в замешательство. Леди Джерси утешила его.

Все сходилась на том, чтобы форсировать устройство матримониальных дел, как добивался от сына король.

В один из августовских дней принц попросил об аудиенции у родителя. Представ перед ним в Виндзоре, объявил:

— Я решил жениться, как ты, отец, хочешь. Никого на примете у меня нет. Знаю о твоём предпочтении в пользу особы из числа немецких принцесс. Возражать не буду, на ком бы ты ни остановился. Любая из этих чертовок стоит другой! Решение я принял...

Выбор, действительно, имелся широкий. Принцессы — немки на выданье, — прослышав о неженатом наследнике в Лондоне, принялись за изучение английского языка: авось кому-то повезет!

У Шарлотты имелись свои любимицы, у Георга III — свои. Последнее слово было за ним. А он склонялся в пользу принцессы Брунsvикской Каролины, приходившейся кузиной принцу Уэльскому. Сестра Георга III Августа — первый ребенок его отца Фредерика, появившаяся

ся на свет при уже описанных драматичных обстоятельствах, сочеталась браком с Фердинандом, герцогом Брунсвикским. Каролина являлась их дочерью.

Упоминание об этой немке не вызвало у принца эмоций. Ему в самом деле было безразлично, кто станет его спутницей, главное состояло в ликвидации долгов.

Сопrotивление оказала королева, ее фавориткой была принцесса Луиза Мекленбургская. О Каролине Шарлотта была невысокого мнения:

— За ней нужен глаз, она ухитряется флиртовать с первым встречным и даже во время танцев держит себя непристойно. Мне рассказывали, что у нее имелась по крайней мере одна любовная история...

Действительно, среди увлечений Каролины было одно серьезное — майором фон Тебингеном. От брака с ним она была вынуждена отказаться под давлением отца.

Все же в Брунсвикское герцогство для переговоров направился лорд Малмсбери. Родители Каролины удивились сделанному предложению. Ее отец признался в недостатках воспитания дочери. Сама она произвела на посланца скорее благоприятное впечатление, несмотря на некоторые минусы. Девушка была полновата, от ее тела и белья пахло, и когда лорд осторожно заговорил об этом, услышал, что в Версальском дворце тоже имеется одна ванна.

— Может, у вас в Лондоне лучше с горячей водой? Я буду этому рада и постараюсь, чтобы и супруг был мной доволен, — не смущаясь деликатностью темы, рассуждала Каролина.

Ее простодушие изумляло англичанина. Все, по его мнению, проистекало от непритязательности девушки.

Англичанин предупредил Каролину, что она не должна быть ревнивой. Ничего больше на сей счет сказано не было. Каролина приняла совет спокойно.

На медальоне принца, присланном ей в обмен на ее миниатюру, оба выглядели привлекательно. Брак вслепую — иначе предстоявшее супружество не назовешь!

В конце марта 1795 года Каролина отплыла вместе с лордом Малмсбери в Англию. Судно бросило якорь у Гринвича на Темзе. На берегу было пустынно. Первый сюрприз! Вскоре в сопровождении эскорта появилась... леди Джерси, отрекомендовавшаяся дамой в свите Каролины.

Немка болтала со своей спутницей по дороге в Лондон о себе, своей несчастной любви к юноше у себя дома

и о том, что ей не разрешили выйти за него замуж. Святая простота! Все рассказанное было передано принцу.

И вот первая встреча с ним в присутствии Малмсбери. Георг шагнул к ней — и отшатнулся, попросив у лорда бокал с бренди. Развитое обоняние принца не выдержало исходившего от плоти невесты аромата.

— Я не думала, что принц такой толстый и совсем некрасивый, не так, как выглядит на медальоне! — откровенничала с Малмсбери Каролина после встречи.

Еще до венчания в часовне Сент-Джеймского дворца придворные, приставленные к немке, просветили ее относительно амплуа леди Джерси. Другой холодный душ на голову!

За первым обедом собравшиеся, не веря ушам, слышали от Каролины прозрачные намеки на связь принца с леди Джерси. Выражение лица немки говорило о ее сильных чувствах. Сама дама, сидя тут же, вела себя невозмутимо. И даже более того: взяла бокал принца и выпила из него. Каролина в долгу не осталась, схватила трубку у сидевшего рядом гостя и пустила принцу дым в лицо, рассмеявшись эффекту.

Венчание было назначено на 8 апреля. В городе цвели нарциссы, крокусы. Воздух был напоен свежестью. Чудесная пора — но не для принца. Он провел бессонную ночь в думах о ненавистном браке. Может, пока не поздно, объявить о расторжении помолвки? Нет, это невозможно. Надо подчиниться року. С такими мыслями он предстал перед слугами, наряжавшими его в расшитый голубой бархатный костюм, бриджи до колен. Без дозы коньяка он обойтись не мог. Лорд Мойра, которому предстояло сопровождать Георга в церковь, осторожно спросил, следует ли столько пить перед церемонией.

— Мой дорогой друг, — молвил принц, — вы видите перед собой самого подневольного новобрачного в мире!

— Преувеличиваете, Ваше Высочество.

— Иначе как с помощью бренди не смогу завершить это отвратительное дело!

Георг шатался, входя под своды дворцовой часовни. Два холостых герцога предусмотрительно шествовали по бокам, готовые подхватить виновника торжества.

— Какая странная свадьба! — раздался возглас пораженной Каролины. Белое платье, рекомендованное ей леди Джерси, подчеркивало ее полноту и даже неуклю-

жесть. Бриллиантовая корона на голове не компенсировала эффекта от такого туалета, и принц, невольно сравнивая полногрудую толстушку с изящной Марией, вызвал в памяти брачную церемонию в ее доме, когда у него трепетало сердце при виде Марии.

Коньяк оказывал действие. Он устоял на ногах, но в голове зрело решение уйти из часовни, и выражение лица говорило присутствовавшим, что должно произойти что-то драматичное. Король подошел к сыну.

— Заклинаю небесами, крепитесь и не позорьте меня и себя, — прошептал отец. Принц встал на колени рядом с Каролиной.

Хор начал петь: "Блаженны убоившиеся Господа. Мир им! Мир им, и счастливы будут они..."

И вот погасли свечи за свадебным столом. Каролина оказалась наедине с супругом в спальне. Мертвецки пьяный, он свалился на пол у камина и, лишь проснувшись утром, исполнил супружеский долг.

Первые месяцы совместной жизни были относительно — весьма относительно! — терпимыми. По крайней мере Георг женой не пренебрегал, и она писала домой даже о своем счастье — или храбрилась. Многие ей не требовалось, хотя в душе этой с виду простушки таились ей самой неведомые качества, заставившие ее сделаться воительницей за свои права.

В конце того года она писала матери об "отвратительных и постыдных условиях", в каких очутилась: "Что бы я ни делала, все представляется в превратном свете. Графиня (Джерси) все еще остается приставленной ко мне. Я ее ненавижу и уверена, что она отвечает тем же. Мой супруг весьма ей симпатизирует, а об остальном можно догадываться..."

Пожаловавшись королеве на пьянки мужа с друзьями в Карлтон-хаузе, Каролина услышала в ответ:

— Принц вправе выбирать по собственной воле друзей и образ жизни.

Обстановка в Карлтон-хауз улучшилась с известием о беременности Каролины. Заботливым вниманием окружил невестку король. В январе 1796 года она решилась девочкой, нареченной Шарлоттой. Крошка должна была скрепить ткань брака. Но в таких случаях логика не всегда применима. Добившись покрытия долгов, принц не считал нужным соблюдать даже внешние приличия брака. Между ним и Каролиной углублялся конфликт.

Это выглядело бурей в чайном стакане на фоне событий, потрясавших Европу в связи с падением монархии во Франции и возвышением Наполеона Бонапарта. Англию эти события затронули гораздо сильнее, чем выходы младшего Георга.

Глава XIII

ВИХРЬ РЕВОЛЮЦИИ

Весть о штурме Бастилии 14 июля 1789 года не взволновала Англию, а была воспринята и в среде знати при дворе Сент-Джеймс даже с известным удовлетворением, как сигнал неблагополучия дел в стране, которая давно являлась враждебной державой. Демократически настроенные круги увидели в падении средневековой тюрьмы-крепости зарю "Нового дня". Начали плодиться клубы сторонников французской революции.

Не скрывал чувств Георг III:

— Французы побеждают самих себя, нам остается наблюдать за агонией и быть довольными лояльностью своих подданных!

Между тем события по ту сторону Ла-Манша принимали оборот все более антимонархический. После неудачного бегства из Парижа Людовика XVI и его семейства в июне 1791 года оно было помещено под строгий надзор. Супруга короля Мария-Антуанетта подталкивала Людовика искать тайные каналы связи с монархами Австрии, Пруссии, Англии, с Екатериной II для удушения "гидры революции".

В Лондоне уже находились некоторые бежавшие из Франции роялисты. С их помощью Георг III получал сведения об отчаянном положении Людовика XVI и его семьи, о призывах из Парижа о поддержке. Надо было как-то реагировать, и в своем конфиденциальном послании Людовику Георг писал, что позиция Сент-Джеймского двора основывается на принципе нейтральности и что он не мыслит себе извлечение какой-либо выгоды из кризиса во Франции, а посему не намерен принимать участие в действиях, которые другие державы могут предпринять в связи с происходящим во Франции.

Итак, о спасении "брата и кузена", как обращался в послании к Людовику Георг, речь идти не могла. Это было совершенно ясно.

Другие заботы волновали правительство Питта, с чем не мог не считаться король. Первоочередной задачей в то время представлялось противодействие России в ее движении на юг, против Турции. По наущению Лондона Турция в августе 1787 года объявила войну России после отклонения Екатериной II султанского ультиматума о возврате Крыма под власть Турции.

А затем Питт предъявил России фактически ультиматум, угрожая применением силы, если она не заключит мира с Турцией на основе статус-кво, существовавшего до русско-турецкой войны, то есть возврата земель, захваченных армиями Суворова в ходе его победоносной кампании.

России повезло, что в Лондоне, начиная с 1784 года, находился в качестве посла инициативный дипломат, установивший широкие связи в политических и деловых кругах, — граф Семен Романович Воронцов. Он не сидел сложа руки. В Лондоне появились подготовленные в канцелярии Воронцова брошюры, агитировавшие против втягивания Англии в ненужную войну. Посол не поколебался предупредить министра иностранных дел герцога Лидса, что окажется вынужденным апеллировать к общественному мнению Англии, если военные приготовления не прекратятся.

В Петербург из Лондона шли депеши с убедительными доводами — не поддаваться на шантаж Питта. Эта тактика себя оправдала. Ясский мирный договор с Турцией был заключен в самом конце 1791 года на приемлемых для России условиях.

Питт был вынужден дать задний ход, что явилось серьезным фиаско. Виги, и в первую очередь Чарлз Фокс, расценили такой исход действий Питта как свою победу. Выступления Фокса против развязывания войны с Россией настолько расположили к нему Екатерину II, что она попросила прислать его бюст, упомянув, что намерена поставить его у себя во дворце между бюстами Цицерона и Демосфена. Искомый дар был с трудом найден и отослан в Петербург.

После срыва антироссийских замыслов Питта дипломатическая деятельность Воронцова была подчинена задаче формирования союза России и Англии для борьбы с революционной Францией. В ходе переговоров с англичанами посол уделял значительное внимание обеспечению торгово-экономических интересов своей страны, памятуя о негативном для Франции опыте открытия ее

рынков для английской продукции под девизом "свободы торговли".

Семен Романович не раз слышал от своего старшего брата Александра крепкие словечки об ущербе, какой причиняли хозяйству России иностранные коммерсанты, наводнявшие отечественный рынок не всегда доброкачественной продукцией.

Переломным явился 1792 год, ознаменовавшийся развязыванием в чреве первой — 1789 года — революции второй, всколыхнувшей снизу доверху Францию и имевшей эффект грозового заряда для монархической Европы, включая теперь и Англию, хотя она еще колебалась в решении о присоединении к Пруссии и Австрии в открытии военных действий против Франции.

20 апреля того же 1792 года Учредительное собрание во Франции объявило войну Австрии как зачинщице интервенционистской политики. Лучше вооруженные и более дисциплинированные соединения пруссаков и австрийцев били французов. Для интервентов открывался путь на Париж.

20 сентября у селения Вальми разыгрывается ожесточенное сражение. Французская артиллерия на этот раз оправдывает репутацию "лучшей в Европе". Интервенты бегут с французской земли.

Победы одерживаются французами на других фронтах, протянувшихся от Северного моря до Средиземного.

Народное восстание в Париже 10 августа 1792 года сдвинуло Георга III и Питта с позиций бездействия по поводу происходящего во Франции.

— Уничтожить инфекцию за Ла-Маншем, пока она не расползлась по Англии! — такие речи, навеянные вестями из Франции, слышались теперь от Георга III.

После казни в начале 1793 года Людовика XVI Питт отозвал из Парижа английского посла. Дело шло к войне с Англией, и конвент в Париже решил первым объявить войну, сопроводив этот акт декретом, клеймившим Питта "врагом рода человеческого".

Войска интервентов вторглись в пределы страны с севера, востока и юга. Контрреволюционные мятежи охватили северо-запад и юг Франции. Около двух третей ее территории оказалось под контролем врагов революции.

Выступление масс парижан в начале сентября 1793 года в ответ на террористические акты — убийство Ж.-П. Марата и лидера лионских якобинцев Ж. Шалье — поставило на очередь дня революционный террор против всех

и каждого, уличенных или подозревавшихся в измене и предательстве.

К концу 1793 года Франция располагала самой крупной в Европе армией, насчитывавшей в своих рядах 800 тысяч человек. Применение новой, маневренной тактики позволило республике добиться желанного поворота в ходе войны.

Английский экспедиционный корпус под командованием одного из сыновей Георга III, герцога Йорка, был вынужден в начале 1795 года отступить из Голландии на север Германии, а оттуда эвакуироваться домой.

Приказ об отозвании этих сил с континента в Англию дал Питт, несмотря на возражения Георга III.

— Мой сын не виновен в военных неудачах, — бушевал король, — виноваты Пруссия и Голландия. Одна потеряла веру в победу, другая выказывает все, что угодно, но только не смелость и отвагу!

Питт тоже был раздосадован союзниками и распорядился о прекращении им выплат денежных субсидий. Пруссия ответила подписанием мира с Францией в 1795 году. Развал первой коалиции был довершен в 1797 году Кампоформийским мирным договором Австрии с Францией. Его условия диктовал Наполеон.

Как аукнулось в Англии фиаско первого объединенного похода монархий против непокорной Франции?

Ответ предстояло держать Питту. В парламенте раздалась голоса с требованиями его импичмента — смещения.

Георг III настаивал на продолжении войны, несмотря на дезертирство Пруссии. У короля были влиятельные единомышленники, указывавшие на то, что основа британской мощи — флот полностью сохранял свою действенность.

Сложилась необычная ситуация объединения против главы правительства двух соперничавших сил — сторонников монарха и вигов.

Возобладала свойственная английским политикам линия "золотой середины", исходившая из понимания того, что приход к власти администрации, неудобной королю, повлек бы проведение досрочных парламентских выборов, а они были бы чреваты для верхушки общества неожиданностями ввиду усиления социальной напряженности.

Питт остался у руля правления, заверив, что будет держать порох сухим и станет добиваться формирования

второй, более эффективной коалиции с участием России для продолжения борьбы против Франции, а пока свернет операции против нее.

После совершенного поздней осенью 1795 года покушения на Георга III Питт провел в парламенте билль, запрещающий митинги с участием более 50 человек. В апреле — мае 1797 года в английском флоте вспыхнули массовые волнения. Король потребовал сурового наказания виновных, и 29 человек было казнено.

Перед лицом нации, демонстрировавшей резкое недовольство лишениями, Георг III решил показать свое семейство как пример выполнения патриотического долга. Прессе было дано знать, что Сент-Джеймский двор будет приветствовать публикацию материалов о мужественном поведении четырех сыновей короля, отправившихся для участия в военных действиях.

”Проблемным” оставался наследный принц. Он оправдывал ожидания отца в одном отношении — с началом революционной бури во Франции проявил себя непримиримым ее противником.

В письме брату герцогу Йорку младший Георг наставлял того быть беспощадным на поле боя, поскольку, как писал принц, само существование каждого из членов монарших семейств в Европе зависит от устранения источника смуты.

Между тем беспорядочный образ жизни наследного принца в условиях экономических тягот подогревал антимонархические настроения, внушая тревогу верхушке общества. Обезглавленные тела Людовика XVI и Марии-Антуанетты вместе с тысячами погибших представителей знати, духовенства — это было невозможно игнорировать.

Но все, кто в Англии и других частях монархической Европы метили стрелы во французскую революцию, били мимо цели: не с ее стороны исходила для континента опасность. Французские армии выплеснулись за границы страны под командованием Наполеона с его завоевательными планами и амбициями. В 1795 году они вторглись в Голландию, в 1796 — на север Германии и юг Италии.

В конце 1797 года Наполеон заявил:

— Необходимо овладеть Египтом, чтобы действительно побить Англию... Мы разрушим Англию — и Европа у наших ног.

Экспедиция туда, однако, не удалась. Ее зачинщик еле унес ноги обратно домой.

Ко времени государственного переворота во Франции в ноябре 1799 года, установившего диктатуру Наполеона, она находилась в состоянии войны со сколоченной второй коалицией в составе России, Англии, Австрии, Турции, Неаполитанского королевства. И если бы не самодур Павел I, приказавший остановить победоносную кампанию А. В. Суворова в Италии, дело вполне могло дойти до движения русских армий на Гренобль — Лион — Париж и Европа была бы избавлена от бедствий наполеоновских войн.

Дипломатия Наполеона методично обрабатывала Павла I в целях отрыва России от Англии. И немало преуспела в таких попытках. Русские войска были отозваны из состава сил, действовавших против Франции, и — более того — Павел I дал увлечь себя схемами ударов по колониальным владениям Англии в Азии.

Таким был замысел организации вооруженной русской экспедиции в Индию. Атаману Донского казачьего войска Василию Орлову в начале 1801 года было приказано двинуть силы из Оренбурга на Хиву и Бухару, а далее к важной артерии — Инду.

Изолированный на острове Святой Елены Наполеон высказал одному англичанину такую мысль:

— Если бы жил Павел I, вы бы уже лишились Индии. Мы с ним вместе составили проект завладения ею.

Питт поставил перед английской дипломатией и разведкой задачу нейтрализации франко-русского сближения.

До февраля 1800 года, когда он был выслан оттуда, посланником Георга III в Петербурге являлся Чарлз Уитворт со своей любовницей из семейства Зубовых красавицей Ольгой Жеребцовой. По некоторым версиям, зная о том, как Уитворт озабочен поступавшими из Лондона депешами, в которых говорилось о беспокойстве правительства поворотом России в сторону Франции, Ольга Жеребцова подала мысль о заговоре против Павла I. Помощь англичанам-заговорщикам сулила ей не одну сотню фунтов стерлингов.

Ходили слухи и о том, что во время своего визита в Лондон она ухитрилась забеременеть от принца Уэльского и вернулась домой с ребенком, который под именем Норда сделался родоначальником известной в XIX веке фамилии.

Так или иначе — факт, что незадолго до убийства Павла I в Михайловском замке в Петербурге в Балтий-

ском море появилась эскадра под командованием адмирала Нельсона, отплывшая обратно с занятием трона Александром I.

Александр I постепенно менял ориентацию с Франции на Англию. Европа вступала в длительный период наполеоновских войн, в то время как в Англии ухудшение здоровья Георга III и дразги внутри его семейства осложняли внутривнутриполитическое положение.

Глава XIV

СЫНОВЬЯ

В 1783 году королева Шарлотта разрешилась последним ребенком — Амелией, потеряв в том же году четырехлетнего Октавиуса, а годом ранее — двухлетнего Альфреда. Для женщины, родившей за 21 год пятнадцать детей, такая плодовитость была поистине феноменальной.

Как всегда, дети — и радость и огорчения. Важно, что перевешивает. В данном случае верх брали не просто огорчения, а нечто более серьезное — мучительные переживания супругов. Каждый из семи королевских отпрысков, возмужав, мог бы служить отрадной опорой трона, тем более что король начинал смотреть философски на жизнь. Что значили в конечном счете волнения во имя державной власти? Принесла ли эта власть ему внутренний мир?

В вопросах звучала горечь, а ответы были еще неутешительнее.

Георг хорошо усвоил прочтенное в Моисеевой книге Ветхого завета: "И сказал Господь Аврааму: всю землю, которую ты видишь, тебе отдам Я и потомству твоему навеки, и сделаю потомство твое, как песок земный; если кто может сосчитать песок земный, то и потомство твое сочтено будет..."

Во дворе судачили насчет "работоспособности" короля на брачном ложе, чему, как видно, Шарлотта не противилась ради приращения потомства. Если бы только оно, потомство, приносило родителям радости, а не огорчения! Взрослея, разгульным образом жизни отличились не только наследник, но и его братья.

Второй сын, Фредерик, герцог Йоркский, поначалу обрадовал своей женитьбой, когда ему исполнилось 24

года, на дочери Фридриха Вильгельма II Прусского принцессе Фредерике, но выбор сына оказался неудачным. Его дом превратился в собачник, супруга заполонила жилище четвероногими всех пород — от болонок до волкодавов, в результате чего от блох не было спасения. Пруссачка проявляла больше высокомерия, чем рассудительности, на публичном поприще. Фредерик искал отдохновения в объятиях других женщин и получил благословение родителей на развод с женой.

Этот сын был изворотливее, хитрее старшего брата, пряча за пазухой камни, заготовленные против отца, который относился к его мотовству, бражничеству, распущенности терпимее, чем поступал в отношении наследника.

С детства, несмотря на слабое здоровье, этого сына готовили к военной карьере. Во время учебы в Германии, где он должен был овладеть высотами военного искусства, ему были присвоены чины полковника, а затем генерал-майора.

О неудачах герцога на посту командующего экспедиционными войсками на континенте в середине 90-х годов упоминалось. Это не помешало королю возвести сына в звание фельдмаршала.

Затем он был назначен главнокомандующим английской армией и направлен в Голландию, где ему предстояло действовать совместно с прибывшим туда контингентом русских войск против французов.

Миссия обернулась катастрофой. Поражение следовало за поражением. Силы русских значительно уступали англичанам, и их вряд ли можно было винить в неудачах. В октябре 1799 года Йорк был вынужден капитулировать, сдав французам всех захваченных пленных и снова ретировавшись на Британские острова.

И это не заставило короля сместить Йорка, хотя позднее — в 1809 году — правительство настояло на таком решении ввиду разразившегося скандала, связанного с постыдным поведением Мэри Энн-Кларк — любовницы Йорка. Бросив своего муженька — простого каменщика, приглянувшаяся Йорку красotka пристрастилась к роскоши и стала устраивать плативших ей хорошие деньги ловкачей на выгодные должности, в том числе в армии.

Так продолжалось, пока один из депутатов парламента не предъявил акт из восьми пунктов, обвинявших Йорка в преступном попустительстве любовнице. Секре-

том Полишинеля было то, что и Йорк нагревал руки на таких операциях. Посмотрим теперь на третьего сына короля — Вильгельма.

Еще 14-летним юношей он изведаль суровую службу в военном флоте, не пользуясь никакими привилегиями, о чем позаботился батюшка, наказавший капитану судна "Принц Георг" относиться к нему, как к другим членам команды.

"Важно, — указывал Георг III в сопроводительном письме, — чтобы моему сыну привилась уважительность к стоящим выше его, вежливость к равным и человечность — к стоящим ниже".

Каюта, отведенная новичку в трюмном отделении, предназначалась для двух человек, и Вильгельм со своим компаньоном по очереди готовили себе пищу, не всегда удовлетворявшую их аппетиты. О жалобах думать было невозможно. От отца поступали нравоучительные послания, и их жесткий тон не смягчали донесения капитана "Принца Георга" с похвалами юноше.

В первое же плавание Вильгельма судно столкнулось с французскими и испанскими кораблями в связи с военными действиями Англии против ее колоний в Америке. Схватки на море произошли во время последующих воюжей. Завершились они успешно для англичан. Вернувшегося в отечественные воды юношу ожидал на берегу теплый прием. В письме родителям он докладывал, что год 1780-й можно считать во всех отношениях удачным: "Провидению было угодно покарать наших врагов за то, что они столь безрассудно начали свою войну".

Ничто так не впечатляло короля, как ссылки на Господа. Сам Вильгельм праведностью не отличался. Не Господь, а старший брат являлся для младшего образцом, достойным подражания, и такое преклонение перед кутилой-повесой Вильгельм сохранил на годы.

Наставления отца выглядели все более надоедливыми. Юноша рвался приложиться к той же чаше, которой упивался наследник.

Приходило ли на ум Георгу III, что, отправляя подростка на флотскую службу, он толкал его к знакомству со значными заведениями портовых городков?

Юноша не отставал от старших дружков в ночных отлучках с судна. Его легко увлекала любая смазливая девица. Он был влюбчив до неразборчивости.

В Сент-Джеймском дворце об этом становилось известно. Негласное наблюдение за Вильгельмом было ус-

тановлено с первых дней службы на флоте. Одним из офицеров, приставленных к нему, был будущий адмирал Нельсон, не скупившийся на положительные отзывы о своем подопечном.

Поведение сына принимало, однако, скандальный характер, и отец вернул его домой, пораженный его грубыми манерами, слетавшими с уст ругательствами, развязностью — плодами четырехлетней службы. Восстановить нетронутость юноши было невозможно, но перевоспитать его король еще надеялся и посчитал Ганновер наиболее подходящим местом. Другое заблуждение!

Провинциальную немецкую знать шокировало вольное поведение Вильгельма, его привычка говорить, что он думает. А он не пытался подлаживаться под местное общество, захаживал в публичные дома, где заразился венерической болезнью, и лечился ртутью.

Такой образ жизни не затянул его, он начал забрасывать родителя просьбами о возврате на флот.

Вильгельму, возведенному в чин лейтенанта, было доверено командование небольшим судном. С обязанностями он справлялся и мог бы радоваться жизни, если бы не образовавшиеся в Ганновере долги. Зная, как непримирим отец к таким просьбам, Вильгельм пытался найти помощь у брата Георга. С таким же успехом можно было искать опору у того, кто сам не держался на ногах!

В мае 1789 года Вильгельму был пожалован титул герцога Кларенского. Это означало конец его флотской карьеры. Честолюбие на первых порах было удовлетворено, но будущее рисовалось в туманной дымке.

Герцог был раздосадован отказом короля предоставить ему пост, соответствующий титулу. Репутация человека, не держащего языка за зубами, утвердилась за ним прочно, как и грубияна.

Будь король прозорливее, он мог бы содействовать остепенению Вильгельма, если бы не был непримирим, когда сын просил согласия на брак с особами некоролевских кровей, хотя и не принадлежавших к "низам".

Осенью 1789 года в его особняке под Лондоном появилась некая Полли Финч, встреченная в салонах дам полусвета на Беркли-сквере в Лондоне. Девушка сбежала от него, не выдержав вечерних чтений Вильгельмом многотомного труда "Жизнь адмиралов".

Свою суженую, хотя и внебрачную супругу он нашел весной 1790 года на той же сцене, где в свое время играла Мэри Робинсон, ставшая любовницей юного Георга. До-

ротти Джордан в отличие от Мэри обладала рядом несомненных достоинств. Вильгельм был без ума от нее, она отвечала взаимностью. Проблемой являлся ее супруг — некто Ричард Форд. Была достигнута договоренность о том, что тот расстается с миссис Джордан при условии финансовой компенсации.

Весть о страсти сына дошла до короля, и ему было приказано прибыть в Плимут в связи с подготовкой экспедиции против испанских пиратов. Шли недели, выход судна в море откладывался, и так тянулось в продолжение четырех месяцев, мучительных для человека, чье сердце осталось в Лондоне — у Доротти.

Плоть, однако, находилась в Плимуте. В письме принцу Георгу Вильгельм приводил подробности своего времяпровождения в городке: "Прошлой ночью я последовал увлечениям своих предков, коих они не стыдились, и нашел забвение в объятиях чистойшей ирландской блудницы, чье дыхание отдавало джином и табаком..."

Наконец Вильгельму было разрешено вернуться в Лондон. С начала 1791 года он и миссис Джордан — без оформления брака — стали супругами, жили под одной крышей, вместе появлялись в обществе. Письма Вильгельму свидетельствовали о ее неподдельной любви к нему. Она продолжала выступать на сцене и получала неплохие деньги, делясь с Вильгельмом. Ему постоянно не хватало средств.

Георг III вникал в образ жизни сына.

— Так-так, что-что, — рассуждал король в присущей ему манере, принимая сына, — ты, говорят, держишь актрису?

— Не отрицаю, сэр, — отвечивал Вильгельм.

— Ладно-ладно, ну а сколько ты ей даешь?

— Тысячу в год, сэр.

— Тысячу, тысячу... Не много ли? Хватило бы и пяти сотен. Вполне хватило!

Публика дивилась: король симпатизировал миссис Джордан! А она вошла в роль хозяйки резиденции Вильгельма в столице, принимала сиятельных особ, и мало кто бойкотировал приемы. А затем молва разнесла совсем невероятное: король удостоил миссис Джордан беседы и изволил даже шутить с ней!

В 1797 году Вильгельм благодаря королю вступил в права хозяина поместья в Буши-парк неподалеку от Хемптон-корта и занялся с энтузиазмом фермерством.

К тому времени Доротти родила двух детей, а к 1807 году их число дошло до десятка — поровну мальчиков и девочек.

Одно не давало покоя Вильгельму: отец по-прежнему отказывался доверить ему достойный пост! Раньше это объяснялось поведением сына, но теперь?! Миссис Джордан оказывала на супруга благотворное влияние, он прислушивался к ее тактичным советам, выказывал себя любящим родителем.

В натуре Вильгельма переплетались разнородные взгляды, черты. В парламенте он зарекомендовал себя и похвалами работорговле, и призывами к отмене дискриминационных законов в отношении католиков, диссидентов, евреев. К нему стали прислушиваться из-за хронического недуга Георга III. Об этом будет сказано дальше.

Остается обрисовать портреты трех остальных сыновей Георга III. Эдуард, впоследствии герцог Кентский, появился на свет в 1767 году, то есть спустя два года после рождения Вильгельма, и, видя, как увлекается игрой в солдатики их чадо, родители решили определить его на армейскую стезю. В армии, во флоте господствовали тогда жесткие порядки, нарушителей дисциплины вздергивали нередко на виселицах. В свете таких порядков этот сын короля подходил для избранной карьеры. Он был солдафоном до мозга костей.

Изощрялся в преследовании тех, в ком усматривал недостаточное послушание. Однажды вынес солдату смертный приговор за не очень серьезное нарушение, приказав тому облачиться в одежды, в которых будет похоронен. Бедняге предлагалось нести свой гроб к могиле в сопровождении музыкантов, исполнявших траурную мелодию. В последний момент, когда солдат был на грани сердечного удара, приговор был заменен на тюремное заключение.

Жениться Эдуард не спешил, заведя во время стоянки своего полка в Квебеке любовницу — мадам де Сен-Лоран, числившуюся "певицей" в его свите.

Экстравагантный образ жизни повлек за собой долги. Это не очень беспокоило Эдуарда, получившего герцогский титул.

— Как-нибудь все утрясется! — рассуждали сыновья Георга III.

Спасаясь от кредиторов, Эдуард поселился с любовницей в Брюсселе — и надолго. Выход из строя его

родителя-монарха в 1810 году повлиял на судьбу и этого сына, о чем будет сказано ниже.

Пятый сын, Эрнст, герцог Камберленд, родился в 1771 году и прожил дольше остальных братьев: умер в 1851 году. Это был самый распутный, морально нечистоплотный человек. На его совести, очевидно, гибель его слуги. Толковали, что, застав своего хозяина за актом мужеложества, слуга поплатился жизнью. Его нашли с перерезанным горлом.

Герцог и по внешнему виду походил на головореза, лицо пересекал багровый шрам. Он был дважды женат, пережив своих спутниц. Видимо, склонность к лицам своего пола сказалась в его бездетности.

В 1773 году Шарлотта родила шестого сына — Августа, графа Сассекса. Он стоял особняком от остальных братьев, да и вообще от высшего английского общества.

Словно предчувствуя, какая "некоролевская" душа таится во плоти ребенка, родители отправили его подростком на континент для получения образования. Рим приглянулся юноше более всего, и там в двадцатилетнем возрасте он вступил в брак с дочерью Джона Марри, графа Данмора. Без разрешения родителей!

Странное дело: связи сомнительного свойства своих сыновей Георг III и Шарлотта хоть и осуждали, но не воспринимали в качестве трагедии, а весть о женитьбе Августа вызвала у них негодование, поскольку леди Августа (таково было ее имя) происходила не из очень знатного семейства. Судебные инстанции объявили брак недействительным. Чета была на длительное время отлучена от королевского двора. Август реагировал на вести из Лондона хладнокровно. Он витал в сферах, далеких от придворной суеты. Ряды клеток с певчими снегирями, полсотни тысяч книг библиотеки, 15 пар очков для чтения — и паж негр по прозвищу "мистер Блекмен". Все это занимало его.

Одно время Август подумывал о затворничестве в монастыре, но, оставшись в миру, был по мировоззрению ближе к Томасу Пейну, нежели к Их Величествам. Выступал за отмену работорговли, упразднение дискриминации людей по религиозному признаку, за парламентские реформы.

Последним появившимся на свет у Шарлотты в 1774 году мальчиком был Адольф. Ему повезло получить образование в Геттингенском университете. Пошли ли на пользу приобретенные знания — другой вопрос. Ничем

примечательным он себя не зарекомендовал, что на фоне беспорядочного образа жизни принца-наследника выглядело не так плохо. Служил в рядах ганноверской, а затем английской армии, был введен в 1801 году в состав Тайного совета одновременно с пожалованием ему титула герцога Кембриджского. А после окончания наполеоновских войн, когда Ганноверское княжество получило статус королевства, был назначен там вице-королем. Сохранял этот пост до 1837 года. Уния Англии с Ганновером тогда прекратилась. Женился 44 лет на дочери правителя Гессена-Касселя Августе.

Вернемся к перипетиям внутри семейства Георга III, связанным с двоеженством наследного принца, что нередко затмевало для него самого и для монарха драматические страницы истории того периода — наполеоновские войны.

Глава XV

ХЛОПОТЫ СЕМЕЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

Ко времени брака младшего Георга на Каролине его родителю было уже под семьдесят — возраст почтенный по тогдашним меркам, тем более для человека, перенесшего психическое расстройство. Пришлось по рекомендациям врачей умерить физическую активность, гонять на охоте уже не лосей, а лисиц и зайцев, ограничить верховую езду, меньше копаться в саду, а главное — не так старательно, как прежде, сидеть за государственными бумагами.

Питт считался с прерогативами монарха, а тот, видя в нем человека рационального, давал ему возможность частично распоряжаться раздачей высоких титулов. За 17 лет, таким образом, в звание пэров было возведено 140 человек и в верхней палате сколочено крепкое торийское большинство, создавшее впоследствии немалые трудности, когда на трон сел Вильгельм.

Был взят курс на развитие коммерческих и политических связей с североамериканскими штатами. Вопреки пессимистическим прогнозам, торговля с ними не упала, а расширилась.

В парламенте Георг III уже не рисовал картины распада империи.

— Согласившись на отделение колоний от короны, я, джентльмены, — уверял он, — пожертвовал многими убеждениями ради мира и спокойствия своего народа, и я смиренно молюсь о том, чтобы Великобритания не испытала бедствий, которые могут последовать от расчленения империи. Молю и о том, чтобы Америка была избавлена от испытанных нашей страной потрясений, вызванных расшатыванием устоев монархии, столь важных для осуществления наших конституционных свобод. Религия, язык, взаимность интересов и симпатий могут, я надеюсь, быть звеньями постоянного союза между нашими двумя странами!

Рождение внучки Шарлотты подействовало благотворно на короля и на супругу, довольную тем, что девочку назвали в честь бабушки. Все же старшая Шарлотта не желала расставаться с предубеждениями к Каролине, и это являлось источником размолвок между супругами. Георг III с горечью видел, как портится характер жены, как все больше тешат ее деньги. Самые мучительные переживания доставлял ему по-прежнему старший сын.

Вскоре после рождения у Каролины девочки родитель, выразивший вроде бы искреннюю радость по этому поводу, предпринял странный шаг — составил завещание размером в три тысячи слов. В нем все свое состояние, описанное в деталях, — вплоть до содержимого винных погребов — передавалось после его кончины "супруге сердца и души, любимой, обожаемой Марии Фицгерберт" с просьбой о возложении медальона с ее изображением в свою усыпальницу. Каролине завещался один шиллинг! Документ был написан во время тяжелого физического недомогания принца, опасавшегося худшего.

Каролина тем временем выплескивала свои горести наружу, не думая об эффекте. Среди них было немало унижавшего ее мужа, например откровение, что брачное ложе он делил с ней после свадьбы в течение всего нескольких недель.

Леди Джерси продолжала оставаться наперсницей королевы и любовницей Георга. Однажды немка узнала, что посланное матери письмо, в котором она нелестно отзывалась о королеве, пропало. Оно было обнаружено в покоях королевы.

В апреле 1796 года Каролина отправила мужу возмущенное послание. В нем говорилось, что она не намерена больше терпеть в своей свите "леди Дженнер" (имя

любовницы сознательно перевиралось), поскольку это роняет честь ее собственную и супруга.

Ответное письмо было не менее категоричным. Принц утверждал, что леди Джерси не является его любовницей и он не может отказаться от дружбы с ней без риска быть скомпрометированным в глазах публики.

”Нам следует признать неспособность обретения счастья в нашем союзе. Черты характеров и полученное образование делают такое просто невозможным”, — писал принц.

Утаивать конфликт от публики стало невозможно. 24 мая ”Таймс” поместила заметку о ”назревающем скандальном разводе в высшем обществе”. За ”смелость” редактор газеты поплатился тюремным заключением.

Переписка, накалявшая страсти с обеих сторон, продолжалась несколько недель. Муж прочел об угрозе Каролины предать огласке часть его писем.

Не находившая выхода ненависть производила такое же действие, как и неутоленная страсть. Принц взывал к родителям об удалении от него ”дьяволицы в образе женщины”. Любой шаг жены выводил его из себя.

— Отец не желает соглашаться на развод и советует ради маленькой Шарлотты помириться с этой женщиной, сесть с ней за общий стол, разделить ложе. А по мне, лучше пусть гады ползают по столу и в постели, чем терпеть ее присутствие! — разглагольствовал Георг перед дружками.

Но даже в своем кругу он замечал симпатии к Каролине. Заткнуть рот газетам было невозможно.

Стало известно о водворении леди Джерси в Карлтон-хаузе.

— Разве я не имею права приглашать в свой дом любого удобного мне человека и находиться в желанном обществе, требуя от той, кто еще является моей женой, вежливости в отношении такой особы? — рассуждал принц.

Терпение короля иссякало. Леди Джерси была удалена из двора и настрочила письмо Каролине, заявляя, что ”до последнего дня жизни будет рада служить принцу”.

”Таймс” снова первой предала письмо огласке. Публика осудила поведение принца и леди Джерси. Никогда еще его непопулярность не была столь велика! — заметил лорд Холланд. Озлобленный супруг вымещал в свойственной ему манере дурные чувства на Каролине.

Ей было запрещено покидать Лондон. Принц приказал спрашивать разрешения супруга, прежде чем принимать у себя гостей-мужчин.

Затворницей быть она не намеревалась. Любила видеть вокруг себя общество. Несмотря на запреты, ее посещал молодой Джордж Каннинг — восходящая звезда на политическом небосклоне. У них было кое-что общее. Каннинг знал, что в лондонских салонах не забывали, что его мать была актрисой. Это понижало его социальный статус, как бы размашисто он ни шагал по ступенькам карьеры. В тех же салонах Каролина тоже чувствовала себя чужой.

Изолированная женщина была рада опереться — и, может, более чем опереться — на тех, кто протягивал ей руку сочувствия.

В течение примерно трех лет после "странной свадьбы" тянулся "бунт на коленях" супруги Георга, пока в 1798 году она не решилась полностью отделиться от него, переселившись в особняк Монтегю-хауз среди роц и лугов Блекхита — местности поблизости от Гринвичской обсерватории на Темзе.

Без развода она получила относительную свободу, какой пользовался ее супруг.

А у того чувства к любовнице, леди Джерси, заметно остывали. У нее появился молодой поклонник. Потухшая страсть к Марии снова вспыхнула. Посыпались излияния его чувств. Принца била лихорадка, он потерял много крови, до неузнаваемости осунулся, говорил опять о самоубийстве. И грозился открытием публике тайны их брака. Странное запугивание. Оно причинило бы больше неприятностей ему самому. Однако именно возможность такой огласки подействовала, и Мария пошла на восстановление супружеских уз.

Сыграло роль благословение Римом их брака, что произошло после запроса Марии в Ватикане, является ли ее союз с принцем действительным в глазах католической церкви. Ответ был утвердительным.

Георг III мог помочь внутреннему миру в своем семействе, избавь он наследника от безделья. В 1797 году такая возможность представилась с вакансией поста генерал-губернатора в Ирландии. Сын рассчитывал на такую должность, но снова обманулся.

С ухудшением положения на континенте возросла угроза высадки в Англии французских войск. Георг снова стал добиваться отправки на арену военных действий с присвоением генеральского чина. Герцог Йорк ходил в форме фельдмаршала. Ни чина, ни участия в войне сын не получил.

Все это было сопряжено с отрицательными эмоциями. Тем желаннее рисовалось примирение с Марией. Летом 1800 года они воссоединились. По данному случаю в Брайтоне для четырех сотен гостей был устроен "завтрак", начавшийся в 11 дня и закончившийся в 5 утра следующего дня. Среди приглашенных находилась леди Джерси. Мария дурных чувств к ней уже не питала, а та все более симпатизировала Каролине.

Данный — финальный — период супружества Мария считала наиболее благополучным.

— Мы живем, как брат и сестра, и я вполне довольна такими отношениями, как и мой муж, оставивший позади все мальчишеское, беспокойное, что делало его невыносимым, — делилась Мария с подругой.

Она держала принца на супружеской диете. А он не только не восставал, а осыпал ее подарками: мехами, драгоценностями, французскими духами.

В узкую скорлупу королевского семейства врывались извне ветры, колебавшие устои заведенного веками порядка. Премьер Питт мог предавать анафеме наполеоновскую Францию, но, будучи прагматичным политиком, понимал, что купленными за британские фунты стерлингов батальонами немцев, испанцев, австрийцев, голландцев "гидру революции" не сокрушить без обеспечения тыла, каким являлась Ирландия. Там с надеждами следили за маршем наполеоновских армий, ждали их высадки на "зеленом острове".

В мае 1798 года в Ирландии вспыхнуло восстание, к чему приложили руку французские эмиссары. Оно аукнулось в Англии обострением розни на той же почве. В семействе Георга III заговорили о протестантской вере как нуждающейся в защите.

Питт, напротив, склонялся к шагам, которые бы умили законное недовольство ирландцев-католиков.

Премьер все чаще действовал на свой страх и риск без консультаций с монархом. Так он поступил, решив пойти на частичную отмену дискриминационного законодательства в отношении католиков. И сразу натолкнулся на категорические возражения Георга III.

Премьер был поставлен перед выбором: капитулировать или уйти в отставку. 3 февраля 1801 года он вручил королю прошение об отставке. Она была принята. В премьеры прочили Генри Аддингтона — бесцветную личность, не чета Питту. Формирование нового кабинета, а значит, и отставка Питта затормозилась из-за нового

психического расстройства короля. Оно на сей раз было кратковременным.

Поправившись, Георг III обвинил Питта в том, что тот биллем об эмансипации вызвал у него, монарха, приступ болезни. Питту пришлось связать себя обещанием не настаивать на билле.

В любом случае парламент отклонил законопроект. Хотя инцидент вроде был исчерпан, Питт, верный слову, ушел в отставку. Его место занял Генри Аддингтон.

Насколько серьезно состояние короля? Следует или нет вести дело к передаче функций регента младшему Георгу? И каковы должны быть в этом случае его полномочия?

Все это требовало ответов от новой администрации. Но прийти к определенным выводам о состоянии монарха было нелегко. Он чувствовал себя то лучше, то хуже. К нему были снова приставлены врачи из семейства Уиллисов, и они по-прежнему выступали за принудительные методы лечения. Пока Шарлотта колебалась, соглашаться или нет с рекомендациями, король прогнал Уиллисов.

А те сбивались с ног, стремясь восстановить свои позиции королевских врачей. В этой возне проявлялась рука принца.

Двулично вела себя Шарлотта, уступив настояниям Уиллисов, чтобы мужа насильно увезли из Виндзора в Кью-гарденс и там изолировали.

Королю донесли о готовящемся похищении. Не теряя ни минуты, он помчался на лошади в Кью-гарденс. Почему именно туда, где ему было уготовано заточение? Другого убежища для себя он просто не видел. В Кью-гарденс у него была резиденция с верными, как он полагал, людьми. Там находился младший Георг. Доведенный до отчаяния родитель цеплялся за этого сына, как утопающий за соломинку.

Уиллисы при пассивности королевы распорядились снарядить погоню. Преследуемый оказался проворнее. Достигнув Кью-гарденса раньше преследователей, укрылся в своем особняке. Вломиться туда "гончие" не решились, а явились на следующее утро Уиллисы со своими помощниками.

Король бежал из жилища через черный ход и направился в дом принца. Там его усадили за завтрак, словно не произошло ничего экстраординарного. Во время трапезы появились преследователи и, не решаясь схватить свою жертву, стали короля уговаривать:

— Ваше Величество, мы уполномочены вашей супругой взять вас под свой уход. Умоляем, не противьтесь. Это в ваших же интересах, пока вы не поправитесь...

— Как смеете являться сюда! — гремел голос Его Величества, — я в здравом уме и в уходе не нуждаюсь, тем более — в вашем, поэтому уходите! И знайте, что, пока жив, не прощу дерзостного поступка!

Он был схвачен и увезен в особняк, находившийся в двухстах метрах от дома, где останавливалась Шарлотта. В течение месяца она соблюдала запрет Уиллисов на свидание с мужем, хотя ее появление было бы лучшим средством успокоения страдальца.

Георг подвергся знакомой процедуре: смиренная рубашка, "коронационное кресло", лекарства и самое неприятное среди них — рвотное.

Пленник ухитрялся знакомиться с доставлявшимися ему государственными бумагами. Правительство получало от него разумные замечания, и это наглядно свидетельствовало в пользу "мягкого лечения". На насильственных мерах настаивал младший Георг. Один из английских биографов Георга III замечал: "Такое отношение к законно сохранявшему трон монарху, заточенному без санкции парламента, по всем нормам права следовало квалифицировать в качестве акта государственной измены".

Он нашел собственные ресурсы самозащиты, объявив то, что можно было вполне считать монаршьей забастовкой. Правительству было заявлено, что, пребывая в полном рассудке и сознании, он, как самодержец, не подпишет ни одной бумаги, пока не окажется на свободе.

Уиллисы без риска быть обвиненными в государственном преступлении не решились подтвердить психическую недееспособность короля. Они рекомендовали правительству не поднимать проблему эмансипации католиков, дабы не вызывать рецидива у Георга III.

Он быстро поправлялся без насилия. Лето провел на побережье в курортном городке Веймуте на юго-западе страны, купался, загорал и вернулся в столицу во время серьезной тревоги о готовящейся высадке французских войск. Нация услышала о взятии им на себя функций командующего силами обороны английского побережья.

Снова тот же "допинг" взбудрил слабую психику, но только на время. Предстояла другая битва — за психическое и физическое выживание.

В начале 1801 года ударил старый недуг. Премьер Аддингтон призвал на помощь Уиллисов и встретил на

этот раз отпор королевского семейства такому выбору — согласен был только наследный принц.

Новый врач был не лучше старых. Смирительная рубашка и для него являлась излюбленным средством.

В стане оппозиции развернулась дележка министерских портфелей. Отошедший было от политической активности Питт выступил с критикой младшего Георга и премьера Аддингтона, занятых мышью возней, в то время как все больше независимых государств в Европе попадали под власть Наполеона. В мае 1804 года, после ряда убедительных выступлений в парламенте, Питт снова занял кресло главы кабинета.

Жить ему оставалось недолго. Злоупотребление портвейном, вошедшее в привычку в молодости, когда врач прописал ему во время болезни этот напиток, не прошло бесследно. В последние два года — 1805—1806 — он перенес немало душевных переживаний в связи с разоблачением финансовых махинаций своего близкого соратника, первого лорда адмиралтейства Генри Мелвилла.

Этот же период был отмечен некоторыми успехами, но еще больше — поражениями держав, объединившихся в коалиции против Наполеона, что несло не только Англии, но и всей Европе угрозу оказаться под дланью необузданного честолюбца.

Глава XVI

КАРОЛИНА И МАРИЯ

Пока Георг и Мария находились вместе, Каролина, переселившаяся в Монтегю-хауз, в течение нескольких лет пользовалась почти полной свободой. При особняке имелись сад, значительный участок, и предоставленная самой себе женщина с удовольствием занималась выращиванием фруктов, овощей, сбывая их местным жителям.

По вечерам у ее резиденции выстраивались экипажи. Хозяйка любила общество. В доме царила непринужденная атмосфера. Этикет не соблюдался. Каролина позволяла себе оставлять гостей, уединяясь с мужчинами-фаворитами. Общество это не шокировало. Таковы были нравы.

До принца доходила молва о таких вечеринках. Отпущать по адресу ненавистной женщины несдержанные

эпитеты он мог, действовать круче — остерегался. Публика была на ее стороне. К тому же с возвращением к нему Марии все остальные заботы отодвинулись.

А когда чувства к Марии стали снова остывать, эпизодические любовные связи останавливали принца от крайних мер против Каролины. В пору, казалось бы, и безоблачного супружества в Брайтоне Георг позволял себе развлечения "на стороне". У него завязывались связи с балериной Луизой Хиллисберг, с пользовавшейся репутацией распущенной дамы Гарриет Вильсон, рассказавшей в мемуарах, как она предложила себя Георгу, с женой французского посланника Мэри-Энн и еще одной француженкой — мадам де Мейер, которую принц посещал вечерами в Лондоне, облаченный ради неузнаваемости в капюшон.

Все это Мария терпела. Иначе повела она себя с появлением леди Хертфорд с ее соблазнительными формами. В свои годы — а эта любовница Георга приближалась к пятидесяти годам — она сохранила молодость, несмотря на то что обзавелась внуками. Принц, как известно, увлекался женщинами, сопротивлявшимся его домогательствам. Леди показала себя вначале такой особой. С большим состоянием, с мужем, занимавшим видное положение, она не рвалась в любовницы. Тем настойчивее домогался ее Георг. А когда дама уступила, терять любовника не желала.

Католицизм Марии Фицгерберт стал излюбленной мишенью леди Хертфорд. Она любила совать носик в политику. Возможностей для того, чтобы настраивать принца в нужном духе, имелось немало. Почти ежедневно ярко-желтый экипаж Георга с пурпурными занавесками останавливался у особняка леди на Манчестер-сквер в Лондоне.

Особа портила кровь Марии так же, как в свое время леди Джерси. От разрыва с мужем Марию удерживала боязнь лишиться удочеренной после больших хлопот девочки — Мэри Сеймур, потерявшей отца — лорда Хью Сеймура и мать. Не имея собственных детей, Мария с помощью мужа добилась передачи девочки ей на воспитание. Положение осложнялось тем, что леди Хертфорд являлась опекуницей Мэри и не хотела, чтобы девочка воспитывалась в католическом духе.

Пока та к ней не привязалась, Мария с Георгом не порывала. А внимания — и немалого — требовала от родителя подраставшая Шарлотта. Она впоследствии

признавалась, что в доме матери видела такое, о чем не решалась рассказывать. У отца имелись основания добиваться отделения дочери от матери, хотя в таких попытках главным для него было стремление досадить Каролине.

Благотворным являлось для девочки внимание короля-деда, распорядившегося, чтобы больше времени она проводила с ним, когда он находился в Виндзоре.

Сына это раздражало. Отношения между ними еще больше ухудшились. Георг III был взбешен передачей принцем письма в прессу, в котором король выдвигал неуклюжие доводы против посылки сына на театр военных действий.

Неприятнейшее чувство осажденного со всех сторон человека... Такое ощущение возникало у короля, и если ранее супруга Шарлотта многое смягчала, устраняла в тревоживших его делах, теперь и с ней возникали проблемы. У нее развивались скопидомство, жадность, придирчивость. Она стала играть на бирже, и ничто ее так не радовало, как выигрыш. Сидя на золоте и серебре, она "забывала" платить учителям своих дочерей. Одному из них задолжала за 15 лет!

— У меня в жизни осталось одно утешение: внука и мои дочери. Только ради них и хотел бы жить подольше...

Таких речей от Георга раньше не слышали. Смерть Питта 23 января 1806 года, несмотря на их споры, потрясла короля. В том же году умер Чарлз Фокс. Георг был доволен, что не возражал против его участия в коалиционном правительстве "всех талантов", образованном после смерти Питта сыном Джорджа Гренвилля — Уильямом. Фоксу тогда было сказано по этому поводу: кто старое помянет, тому глаз вон! У злопамятности есть свои пределы.

В марте 1807 года из-за правительственного кризиса виги снова перешли в оппозицию, длившуюся четверть столетия.

Пока его друзья находились на министерских постах, наследный принц рассчитывал, что они помогут добиться решения затянувшегося бракоразводного процесса.

В 1806 году была создана официальная комиссия расследования в связи с пущенными принцем слухами о якобы перенесенной Каролиной в 1801 году беременности и появлении у нее внебрачного мальчика.

Если бы версия подтвердилась, наказание могло быть суровым — вплоть до казни.

Перед членами комиссии прошла черед свидетелей и свидетельниц, в том числе — из свиты Каролины. Одни давали показания, обвинявшие ее, другие — отрицавшие обвинения.

В качестве "вещественного доказательства" фигурировал мальчик, появившийся на свет в том, 1801 году. Привлеченные вигами правоведа указывали, что его в числе других детей-сирот она взяла на воспитание. Нашлась мать, представившая свидетельства, что речь идет о ее сыне.

Доклад комиссии рассматривался правительством. Большинство министров склонилось к выводу об отсутствии доказательств обмана со стороны Каролины.

— Почему министры допустили такую уступчивость? Не осудили Каролину? — негодовал Георг.

Было решено провести еще одно разбирательство. В конце января 1807 года при находившемся еще у власти коалиционном правительстве появился новый доклад, отличавшийся от прежнего некоторым ужесточением формулировок, касавшихся поведения Каролины. Говорилось, что она заслуживает определенных упреков — и только.

Саму ее комиссия не заслушивала, несмотря на ее настояния. Ей было что сказать. Георг III получил от нее послание в 35 тысяч слов с объяснениями произошедшего в 1801 году и просьбой о срочной аудиенции.

Никакого отклика. Каролина призывает в качестве советчика поддерживающего ее генерального стряпчего сэра Персиваля и излагает причину вызова. И вот что слышит:

— Напишите еще раз королю, он должен в конце концов откликнуться, у вас на руках теперь выигранные карты, да и вам должно быть ведомо, что Георгу III ваша участь отнюдь не безразлична...

Так она и сделала — и возрадовалась, получив положительный ответ, а за ним — новое послание: аудиенция откладывалась из-за намерения ее супруга провести консультации с адвокатом. Нервы Каролины и без того были натянуты и чувств еще в одном письме королю она не сдерживала. Они не виделись в течение семи месяцев! Теперь ее доброе имя восстановлено. Почему же король не желает выслушать ее? И подпись: "Ваша преданная и любящая, но обиженная подданная и невестка". Персиваль был даже за еще более решительные шаги, за угрозу публикации всех бумаг, касающихся того, как бессовестно ее пытались оклеветать.

И вот он, желанный отклик! Послание из Букингемского дворца: версия о "незаконнорожденном сыне" несостоятельна, но она впредь не должна давать поводов для обвинений в нарушении ею норм морали...

Это явилось по сути реабилитацией гонимой женщины, что подтверждалось согласием короля дать ей личную аудиенцию. Вскоре она получила еще более радостную весть. Созданная новым правительством — без участия вигов — комиссия в энергичных выражениях заявила о невинности принцессы и высказалась за предоставление соответствующей ее статусу резиденции.

Георг III распорядился о переселении Каролины в Кенсингтонский дворец в Лондоне.

Тщательно скроенное обвинение рассыпалось, как карточный домик. Принц был вынужден покрыть долги ненавистной женщины. Иначе поступить он не мог, зная, как публика относится к ней.

Пока леди Хертфорд не забрала его в свои ручки, он жил на два дома. Душой отдыхал в Брайтоне. За 6300 фунтов там был сооружен изысканный особняк для Марии, соединенный подземным ходом с "Приморским павильоном".

Этот период их совместной жизни можно было уподобить "бабьему лету". С деревьев слетала листва, но солнце еще тепло светило, под его лучами можно было понежиться. Зима была уже не за горами.

Георг не тянулся, как раньше, к крепким напиткам, вокруг него не шумела разбитная компания, он предпочитал общество Шеридана с его остроумиями. В "Приморском павильоне" устраивались званые обеды с участием Марии, слегка располневшей, но, как всегда, обаятельной. Гости наслаждались музыкой. Оркестр играл до полуночи.

И тем не менее близость Георга с леди Хертфорд была кровоточащей раной. Мария решила на время оставить мужа, надеясь, что он одумается. Мольбы о прощении уже не трогали ее: слишком многое перегорело в ней. Она пригласила его для объяснения — финального.

Они сидят друг против друга в гостиной, освещенной пламенем свечей.

— Георг, — заговорила Мария, — мне не надо объяснять причину приглашения, мы с тобой объяснялись не раз, и ты не можешь винить меня в отсутствии выдержки, терпения. Знаешь, как трудно было мне примириться с твоим браком с Каролиной. Я чувствую глубокую вину

перед Господом за допущенный грех. Но любовь взяла верх над всем остальным.

Не ради повторения всего этого пошла я навстречу. Настало время сделать выбор. Или мы будем вместе, или разойдемся, и ты можешь пользоваться свободой, как пожелаешь. Меня в таком случае ничто в твоей судьбе, в твоих увлечениях волновать не будет.

Терпеть дальше двусмысленное положение я не намерена. Нужна я тебе, как нужен ты мне, значит, ты поступишь, как подсказывают тебе совесть и сердце. Мы уже склеивали обломки нашего супружества. Делать это бесконечно невозможно. Я готова предпринять еще одну попытку. Дальнейшее будет зависеть от тебя. На меня ты можешь положиться, тебя я не подведу, но не подводи и ты меня. Больше сил для примирения у меня не осталось...

Воцарилось молчание. Слышалось тяжелое дыхание Георга. Наконец он заговорил:

— Дорогая, я виноват перед тобой — сотню раз! Знаю, что причинил тебе массу страданий, но не из-за жестокосердия, а по легкомыслию, в чем каюсь и каюсь. Дай мне шанс! Мы принадлежим друг другу — это самое главное, все остальное — второстепенное. Да, плотью я не всегда был с тобой, но сердце мое тебе не изменяло и не изменяет! Говорю об этом не потому, что хочу заранее вымолить себе оправдание. Я уважаю и принимаю твою решимость. Разве я не желаю уберечь наше супружество? Тогда я лишился бы самого светлого. Увлечения проходят, как болезнь, а ты — сама жизнь, остаешься для меня самой близкой здесь и там, где будут пребывать наши души! Ты знаешь, это не слова! Мое завещание известно тебе. И переписывать его я не собираюсь. Будь великодушной к моим слабостям — больше ни о чем не хочу просить...

На глазах Марии блестели слезинки. Сохранявшаяся надежда представлялась хрупкой тростинкой. Принц заранее просил индульгенции.

18 декабря 1809 года Мария покинула принца, и он знал, что на сей раз расставание окончательное. В его прощальном письме звучала скорбь. Он заверял, что по первому зову придет ей на помощь. Еще раньше Георг III положил Марии 600 фунтов ежегодного содержания: король поступил с ней благороднее, чем впоследствии ее возлюбленный.

Публика не ведала, что для младшего Георга закрылась заветная глава.

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Использование Георгом III своих прерогатив, приведшее к смещению в марте 1807 года правительства Гренвилля-младшего, куда были допущены политики-виги, явилось финальным актом монарха. Для 68-летнего человека со слабеющим зрением это было немалым достижением. Гренвилль рассчитывал как раз на немощь короля в проведении через парламент одной из мер, связанных с правами католиков. Предложение было передано Георгу в папке под грифом "Второстепенные документы". Премьер просчитался, полагая, что эти бумаги не привлекут внимания монарха, и получил нахлобучку.

Характер Георга портился. Он видел вокруг себя все больше врагов, выгонял верных придворных, заговаривался, мог часами болтать о пустяках.

Между отцом и сыном не прекращались споры о Шарлотте. Король не желал выпускать ее из-под своей опеки. На характер девочки дразги, ссоры влияли плохо. Она могла в ярости наброситься за малейшую провинность на свою служанку, а когда однажды духовник посоветовал ей произнести молитву, прежде чем выходить из себя, девушка заявила:

— А если бы я не сотворила молитву, наверное, убила бы негодяйку!

Видя, как отец пытается воспрепятствовать ее общению с дедом, к которому она была привязана, Шарлотта сердилась, а принц приписывал ее отчужденность влиянию матери.

Он решил предоставить дочери отдельную резиденцию — Уорик-хауз, позаботившись приставить служанок-осведомительниц.

Вожаки вигов не оправдывали его ожиданий. Принц поворачивался к торийской партии, становясь объектом критики оппозиции. Это ослабляло его положение как раз в то время, когда шансы принятия им регентских обязанностей возрастали.

Последние годы Георга III омрачились утратами и скандалами. Скончался епископ Херд, у которого он находил утешение в тяжелую пору. Ударом в сердце явилась смерть любимой дочери Амелии. Мать не разрешила брака с дорогим ей, но незнатным человеком. Волнения отразились на здоровье девушки. Король каж-

дое утро в шесть часов приносил молитву Господу о выздоровлении дочери. Она умерла 2 ноября 1810 года. Георгу сообщили об этом спустя девять дней. Еще через шесть дней его поразил приступ безумия.

Месяцем ранее он отметил в Виндзоре полвека восшествия на трон. В начале следующего года он — после приступа психического расстройства — пожаловался новому премьеру Персивалю на усталость.

— Видимо, — заметил он, — надо подумать о назначении регентом наследника, престол мне становится не по силам, а сын давно стремится к этому. Мне дел хватит, надо перестраивать Кенсингтонский дворец, позаботиться о внучке, учредить награду для женщин, отличившихся во славу нации. Лишь бы Господь дал здоровья!

21 мая 1811 года — последнее появление короля на публике в Виндзоре. Еще год он тянул с переменным успехом. В июне 1812 года королева нанесла прощальный визит супругу, не будучи уверена, что он узнал ее. Такое же впечатление об отце сложилось у видевшихся с ним дочерей. Сыновья не рвались к нему.

В периоды его буйства помимо смирительной рубашки в ход шли плетка и розги. Иногда рассудок у него восстанавливался. Уж лучше таких просветлений вообще бы не было! Тогда бедняга с ужасом осознавал свое положение. Блаженство изображалось на его лице, когда он воображал себя перенесшимся в рай. В надетой на голову шапочке, с орденом Подвязки бродил он по коридорам той части Виндзора, где содержался, обнажая иногда интимные части, бредя о любовницах, садясь за стол для вынесения смертных приговоров сыновьям.

5 февраля 1811 года парламент проголосовал за регентские обязанности принца Георга с ограниченными полномочиями в течение следующих 12 месяцев. Еще верный вигам, он поручил лорду Гренвиллю формирование правительства, но из-за непримиримых разногласий между ними по процедурным вопросам Персивалю было предложено оставаться на посту премьеря.

Сыграли роль опасения Георга, как бы в случае выздоровления короля приход вигов к власти не навлек на принца обвинения отца.

Выявившееся безнадежное состояние монарха снова положило начало консультациям с вигами — таким же безрезультатным, как прежние. У власти сохранялась торийская администрация. 11 мая 1812 года психически

больной англичанин застрелил Персиваля. Пост премьер-министра занял также тори — лорд Ливерпуль.

А Европу ожидали эпохальные перемены. Тильзит и Эрфурт не внесли гармонии в отношения Франции и России. 16 марта 1810 г. Ж.-Б. Шампиньи, сменивший Талейрана на посту министра иностранных дел, представил Наполеону доклад "Взгляд на дела континента и сближение России с Великобританией". В нем предлагалось не медлить со сколачиванием антирусской коалиции, в которой главную роль должны были играть Швеция (захватом Петербурга) и Турция (наступлением на юге России). Вспомогательное место отводилось Австрии и Пруссии, а форпостом на подступах к России — герцогству Варшавскому и Саксонскому королевству.

Шампаньи был покорным исполнителем воли императора. "Логика безудержной агрессии, стремление к неограниченному господству толкали его к войне с державой, которую он всегда мечтал иметь своим союзником", — писал о Наполеоне А. З. Манфред.

Уже во время свидания в Эрфурте почти по всем вопросам между Наполеоном и Александром I возникали разногласия. Дело доходило до бурных сцен. Наполеон шел на уступки, только поэтому удалось подписать обращение к Георгу III с призывом о мире.

Смещенный с поста министра иностранных дел Талейран, став тайным осведомителем и советчиком русского императора, подталкивал того к сопротивлению Наполеону.

Еще важнее было недовольство дворянства, торгово-промышленных кругов в России пагубными последствиями ее присоединения к Франции в блокаде Англии. Свое неприятие Тильзита и Эрфурта демонстративно показывала императрица Мария Федоровна. По сведениям шведского посла, осенью 1807 года в кругах придворной знати Петербурга зашептались о возможности восшествия на престол Екатерины III — сестры Александра I великой княгини Екатерины Павловны. В 1809 году она вышла замуж за принца Георга Ольденбургского. И пока Александр I не укрепился в своей оппозиции Наполеону, царь сталкивался в лице этой сестры с непримиримой противницей.

Копию сверхсекретного доклада Шампиньи о коалиции против России удалось добыть русской разведке, и Александр I сделал из прочитанного должный вывод. Русская дипломатия поработала, чтобы в значительной

степени нейтрализовать самый крупный после Франции и России военный потенциал Австрии как союзницы Наполеона. Против России был выставлен всего один корпус К. Шварценберга — 30 тысяч солдат из полумиллионной армии.

Пруссия предоставила в распоряжение Наполеона 20-тысячный корпус генерала Г. Йорка, но, как и Австрия, активных операций не вела.

Большое значение имел отрыв от Франции Швеции. В Париже пытались привлечь ее на свою сторону через шурина Наполеона маршала Бернадота. Его прочили в наследники больному королю Густаву-Адольфу IV. В апреле 1812 года Бернадот заключил союзный договор с Россией, получив заверения Петербурга, что там не будут возражать против передачи Норвегии Швеции в случае победы над Наполеоном.

Наконец, в мае 1812 года М. И. Кутузов подписал с Турцией мирный договор. "Южный фронт" рухнул на глазах Наполеона за несколько дней до перехода "Великой армии" через Неман.

К лету 1812 года общая численность наполеоновской армии вместе с союзными силами достигла 1 миллиона 200 тысяч человек. Из них половина выделялась для похода на Россию.

Стремясь избежать обвинений в вероломстве, Наполеон хотел побудить Россию первой начать войну. Зимой 1811 года он демонстративно занял герцогство Ольденбургское. Александр I воспринял этот акт как личное оскорбление, но горячиться не стал.

10(22) июня войскам "Великой армии" был зачитан приказ Наполеона: "Солдаты! Россия увлечена роком. Судьбы ее должны свершиться. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы... Мир, который мы заключим, принесет с собой и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы".

Россия давно не видела на своих исконных землях захватчика. Наполеон рассчитывал на трехлетнюю военную кампанию. Русские полководцы вынудили его действовать поспешнее и опрометчивее, увлекая в глубь территории, пока деморализованные, измотанные войска, вошедшие после громадных потерь в сражении у Бородино в Москву, были вынуждены оставить полыхавшую "первопрестольную" и откатываться назад, преследуемые регулярными войсками и партизанами. Отступле-

ние превратилось в бегство. В декабре 1812 года русская армия перешла через Неман и начала поход, завершившийся в марте 1814 года в Париже.

Более подробное изложение хода Отечественной войны не позволяют рамки книги. В данном случае нас интересует, как складывались в тот период дела в Англии.

Получивший полные полномочия регента в феврале 1812 года наследный принц — даже если бы желал — не был в состоянии взять эффективно в руки бразды правления. Отсутствие опыта государственных дел, разгульный образ жизни, поглощенность враждой с Каролиной — все свидетельствовало против него.

С тем большей помпезностью принц решил отметить вступление в регентские права празднествами в Карлтон-хаузе, блистая в алом мундире с золотым шитьем и лентой с алмазной звездой. Столы с яствами были накрыты в зале для приемов, задрапированном голубым бархатом с белыми лилиями в честь приглашенных членов французского королевского семейства, нашедших убежище в Англии. Дамы кружились в вальсе, новинке из Вены, и перешептывались:

— А где Каролина? Где мадам Фицгерберт? Неужели для леди Хертфорд эти женщины нежелательны даже за буфетными столами?

Дело в том, что самые почетные гости сидели за королевским столом. Среди них находилась леди Хертфорд. Остальные две тысячи приглашенных должны были довольствоваться самообслуживанием за буфетными столами.

Каролина вообще не получила приглашения. Марии оно было послано, но без указания места. Она заблаговременно посетила Карлтон-хауз и поставила Георгу вопрос: где ее место на банкете?

Смущенный супруг не стал вдаваться в объяснения. Тогда ему пришлось бы признаться в том, что его любовница отказалась сидеть вместе с Марией, если та будет находиться за королевским столом.

— Вам, мадам, следовало бы сознавать, что вы не можете рассчитывать на место за главным столом! — услышала Мария.

— В нашей совместной жизни, Ваше Высочество, у меня было иное место, но раз вы так рассудили, считаю себя свободной от каких-либо обязательств!

Вскоре Георг получил от нее письмо, что через каналы в Ватикане она предприняла все необходимое для аннулирования брачного контракта.

Мария поселилась в особняке на берегу Темзы напротив парламента вместе с Мэри — своей воспитанницей. Ни на какие приглашения Георга не откликнулась, посылая на званые приемы девушку. Занялась садоводством и весьма преуспела в этом.

Новые попытки принца-регента расправиться с Каролиной не заставили себя ждать. Но против державного притеснителя стояла уже не простушка, а женщина-боец, в защиту которой выступили влиятельные деятели. Надежным ее советчиком стал лорд-канцлер Генри Бругам. Помимо политического влияния он и его сторонники располагали финансовыми средствами для нейтрализации компрометирующих Каролину материалов. Владелец газеты "Стар" весной 1813 года получил два письма с предложением о выплате ему 300 фунтов за публикацию таких материалов. После отказа газетчик не был допущен на галерею публики в парламенте, куда имел пропуск.

13 февраля того же года "Морнинг кроникл" напечатала письмо, посланное месяцем ранее Каролиной принцу с указаниями на неправомочность ее исключения из королевского двора. В письме выражалось возмущение ограничениями, наложенными на общение матери с дочерью, отчего страдало образование Шарлотты.

Принц воспринял публикацию как вонзенный ему в спину нож. Каролина прибегла к шоковой тактике в отчаянии. Ее гнали в загон без выхода. Затравленная, как зверек, она была готова на что угодно ради спасения.

С ее ведома, для того чтобы опорочить мужа, в ход пошли также фальшивки. За "работу" взялась леди Персиваль — родственница убитого премьера.

Разбирательство действий леди Персиваль тянулось до лета 1814 года. 23 июня в парламенте от имени правительства было объявлено о заговоре против принца-регента с целью бесстыдно оклеветать его в глазах публики...

Проступок тем более серьезный, что как раз в то время Лондон явился центром торжеств в связи с победой союзников над Наполеоном. Принц-регент предвкушал, как будет принимать глав европейских монархий. На поле боя он не бывал, но живописал, как дрался с французами у Саламанки!

Среди английских деятелей центральную роль во внешней политике страны на завершающем этапе войны с Наполеоном играл министр иностранных дел Роберт Стюарт Каслри, лорд Лондондерри. Хотя на этом посту он находился лишь с марта 1812 года (до августа 1822

года, когда в припадке безумия перерезал себе ножом горло), у него имелся немалый опыт ведения дел с Россией, весьма пригодившийся в связи с тем, что происходило на просторах России, поднявшейся на борьбу против нашествия Наполеона.

В 1805 году он принимал участие в переговорах с уполномоченным Александра I Новосильцевым о совместных действиях с Россией против Франции. В качестве шефа внешнеполитического ведомства заключил в июле 1812 года мирный договор с Россией, хотя являлся противником оказания ей реальной помощи, пока русские войска не оказались за пределами своей территории.

Стремлением повернуть страны Северной Европы и Турцию против Наполеона руководствовался Кестльри в 1813 году, осведомив их о предложениях, сделанных тем Александру I в Тильзите и Эрфурте, о разделе сфер влияния в Европе на основе расчленения Турции и перedelке границ на севере континента.

Кестльри помог укрепить антинаполеоновскую коалицию, чьих участников разделяли серьезные расхождения. В 1814 году он подписал союзный договор с Россией, Пруссией и Австрией. И он же был главным сторонником возвращения Бурбонов на французский престол.

Как и большинство других политиков в Лондоне, Каслри был обеспокоен усилением позиций России и, участвуя в торжествах в Лондоне в июне 1812 года, обдумывал ходы для сколачивания контрkoалиции. Тайный договор был подписан по его инициативе Англией, Австрией и Францией накануне бегства Наполеона с Эльбы и был сразу доведен им до сведения Александра I. Каслри заверил царя, что не будет предпринимать антирусских шагов.

В июньские дни 1814 года в Лондоне ничто, казалось, не говорило о размолвках союзников. Героем дня, естественно, был Александр I. 7 июня его с атаманом Платовым восторженно встретили жители столицы. Регент Георг кусал губы от досады: его собственное появление вызывало враждебные манифестации, вызванные главным образом отстранением Каролины от участия в празднествах.

Интерес к ней проявил августейший гость из России. Он заявил, что собирается нанести ей визит. Она тщетно прождала царя. Такой визит выглядел бы пощечиной Георгу. Они и без того питали неприязнь друг к другу.

Разместиться в Сент-Джеймском дворце царь не пожелал, а остановился в отеле на Пиккадилли. Утром

с балкона обозревал окрестности. В парке по другую сторону улицы коровы мирно щипали траву. На подступах к отелю выстраивались толпы лондонцев. Александр I пораньше ускользал из резиденции и инкогнито в карете посланника осматривал город.

Георг сопровождал его в протокольных мероприятиях. Царь английского не знал. В Оксфорде ему и Платову были вручены дипломы докторов гражданского права.

18 июня в Сити был устроен банкет в честь Александра I. Гостей шокировал его вид; он боролся с зевотой. С ним находилась великая княгиня Екатерина Ольденбургская. Она жаловалась на головную боль от шумного оркестра, учила Георга, как лучше ввести дочку Шарлотту в светское общество и примириться с Каролиной.

В парламенте в те дни делались запросы правительству, почему принцессе выделено мизерное содержание. Субсидия была увеличена до 50 тысяч фунтов в год, но Каролина заявила, что ей будет хватать и 35 тысяч.

Александр I осведомлялся о таких подробностях. Принц-регент падал в его глазах все ниже. К мелочным поводам, ухудшавшим отношения регента и царя, прибавлялись причины более весомые.

Принцу Георгу в дни празднеств была пожалована высшая австрийская награда, и он выказывал признаки особого расположения к монаршим гостям из Вены. Поддержка курса Габсбургов Георгом создала для русской дипломатии немало проблем.

Александр I увозил домой из Лондона орден Подвязки и противоречивые впечатления от английского королевского семейства. Поразил его герцог Кларенский, утиравший нос рукавом сюртука. Царя не просветили, что такую привычку Вильгельм приобрел во время службы на флоте.

Тогда еще никто не подозревал, что борьба с Наполеоном не закончилась и что, высадившись с Эльбы во Франции, он вступит с верными частями в Париж и союзникам придется снова сражаться.

Разбитый в битве при Ватерлоо, Наполеон решил доверить свою судьбу Англии. "Как Фемистокл, я ищу приюта у очага британского народа", — писал он в письме принцу-регенту, датированном 13 июля 1815 года. Тот отправил его на остров Святой Елены, поставив пленника в унижительные условия придирчивого наблюдения.

Александр I переписывался с принцем-регентом, пытаясь воздействовать на позицию Лондона в устройстве

европейского порядка. У царя имелись основания еще в ноябре 1813 года писать принцу-регенту о важности тесного союза между державами антинаполеоновской коалиции.

Корусский посол в Лондоне X. А. Ливен доложил в Санкт-Петербург о том, как Каслри оборвал с ним беседу на эту тему, заявив, что, если прежний порядок во Франции восстановится, надобность в англо-русском союзе отпадет.

Георг в своем отношении к Священному союзу европейских монархий следовал за Каслри, рядясь в одеяния правителя, болевшего о нормах гуманности. На практике, несмотря на возникавшие с министром разногласия, король разыгрывал традиционные карты английской дипломатии. В депеше Ливена от 16 мая 1816 года сообщалось о том, что посол после бесед с Георгом и Каслри вынес впечатление о "довольно успешных" усилиях Австрии настроить Англию против России.

В Петербурге интересовались вендеттой принца-регента против Каролины. Вендетта — точное определение таких действий, и решение Каролины поселиться за пределами Англии поэтому не было неожиданным.

— Может быть, — поясняла она, — я встречу того, кто составит мне счастье, и тогда не буду противиться разводу с принцем. Но до тех пор свободной от брачных обязательств себя не считаю. Более того, готова распродать свое имущество, если устрою личную жизнь. Шарлотта взрослеет и показывает отцу, что у нее имеются собственные взгляды на будущее, с чем принцу придется считаться, если он дорожит благополучием дочери. Конечно, оставлять Шарлотту нелегко, но, думаю, так все же будет лучше...

Положение Шарлотты и до отъезда матери было незавидным, а оставшись без нее, она оказывалась еще более уязвимой перед лицом родителя. Он задумал выдать ее замуж за голландского принца, известного своим беспутством. Шарлотта восстала против такого выбора. Георг попытался надавить, но запугать ее не смог.

Ее внимание привлек немецкий принц Леопольд, будущий король Бельгии. Георг этот брак с неохотой благословил и обрадовался, когда дочь одобрила его решение запретить Каролине возвращение в Англию.

Предостережение лорда Бругама, что вдали Каролина рискует попасть в расставленные сети, оправдывалось.

В самом начале ее вояжа на континент герцог Кларенский дал понять капитану судна, что принц не будет

возражать против ухаживаний за сиятельной пассажиркой. Агенты Георга следовали за ней по пятам.

— Учтите, мадам, что есть немало людей, ждущих шанса, чтобы вам максимально напакостить...

Эти слова Бругама Каролина восприняла неоправданно спокойно. В течение шестилетнего изгнания она давала немало поводов для обвинений. Учредила "Орден святой Каролины" и сделала одного из итальянцев членом своей свиты, Великим мастером ордена, а затем взяла его с собой в турне по Ближнему Востоку. Обращала на себя внимание экстравагантностью туалетов. Одевалась швейцарской пастушкой, носила укороченные юбочки, обнажала бюст.

Факты такого рода побудили Тайный совет поддержать принца-регента в решении не допускать ее в Англию. Она не возражала, дав знать о готовности снять с себя титул королевы, однако ни о каком компромиссе в вопросе о разводе слышать не хотела, указывая, что это затрагивает ее честь.

Каролина стала для публики олицетворением женщины, бросившей вызов произволу. Усиливать против нее кампанию было бы опрометчиво. Для добычи компромата в Италию из Лондона направились комиссия. Каролина заявила о готовности дать необходимые показания.

Тем временем принца-регента постигло несколько потрясений. 6 ноября 1817 года во время родов умерла дочка Шарлотта. Младенец оказался мертворожденным. Весть застигла Георга в покоях леди Хертфорд. Вопли огласили особняк. Самочувствие его настолько ухудшилось, что он не смог присутствовать на похоронах.

Разбитый духовно и физически, опустившийся внешне, Георг на три месяца уединился во дворце в Брайтоне, где в начале года закатил пышный прием будущему императору Николаю I. Чествование гостя обошлось в круглую сумму, в то время как правительство призывало к экономии. Меню обеда в честь цесаревича состояло из ста названий.

На содержание одного оркестра во дворце Георг тратил в год шесть тысяч фунтов. Интерьеры были переделаны, их украсили изображения драконов, резьба, бамбук, лак, позолота.

Наслаждаться жизнью принцу становилось, однако, все труднее. Он потучнел, не мог самостоятельно влезать на лошадь, раздражался внезапно рыданиями, скопидомничал, приказывая хранить одежду пятидесятилетней давности.

Направленная в Италию комиссия заполучить "вещественных доказательств" вины Каролины не смогла. Принц рвал и метал. Он еще не ведал, какой сюрприз готовит супруга.

Глава XVIII

ЖАЛКИЙ, ПРЕЗРЕННЫЙ

Георг III прожил после смерти супруги в конце 1818 года немногим более 13 месяцев. В начале января 1820 года он — живые мощи — перестал принимать пищу. Ему шел 82-й год. Физическая конституция оказалась крепче психической, но и у первой имелись свои пределы. 29 января Георг III испустил дух. Из близких около него находился только Фредерик. Старший сын, даже если бы хотел, проститься с отцом не мог: он лежал с воспалением легких. Опасались за его жизнь. Ко дню похорон он поправился, но был слишком слаб. Похороны состоялись вечером без больших почестей и при минимальном числе присутствующих.

Покойный оставлял позади целую эпоху. Великобритания 20-х годов XIX столетия имела мало общего со страной, к правлению в которой монарх приступил в 1760 году.

Джон Буль господствовал на морях, мировых рынках, биржах, в обширных заморских владениях, задавал тон в промышленном производстве, являлся арбитром на континенте, лидировал в области гражданских прав и свобод.

Георг IV вступал на трон на исходе сил и без видения, какое двигало его предшественником, если иметь в виду монаршьи prerogatives.

Владевшая им власть страсти испепелила данный ему от природы творческий потенциал. Георг III, напротив, оберегал в себе то, что являлось страстью к власти.

Дух мщения обуревал Георга и на троне. Как добить Каролину? Это отодвигало все остальное. Для него было немислимо, чтобы эта женщина облачилась в мантию королевы.

Ливерпуль и его министры согласно кивали головами, но решимости к действию не выказывали. Правительство отдавало отчет, что билль о разводе королевской четы вызовет в парламенте горячие споры и наверняка раздадутся требования о расследовании поведения самого

Георга IV, в том числе — в бытность принцем. Это представляло бы собой "вскрытие банки, заполненной червями". Такая реплика одного из коллег Ливерпуля произвела впечатление. Премьер заявил королю о нецелесообразности лобовой атаки против Каролины.

Но к этому как раз рвался Георг. О степени его "закомплексованности" свидетельствовало намерение сменить состав правительства за счет увольнения тех, кто был настроен примирительно к Каролине. Кого подыскать на место смещенных деятелей? С подобной проблемой не раз сталкивался Георг III. Кандидатур, приемлемых для парламента, не оказывалось. От мысли о перетасовке правительства пришлось отказаться.

Компромиссом явилось решение о недопущении Каролины на коронацию, то есть о ее дезавуировании как королевы с выделением ей приличного материального содержания и ее согласием на постоянное пребывание за пределами Англии. И конечно, предстояло оформить ее развод с Георгом IV.

Пока депеша с такими условиями пересылалась в Италию, стало известно о намерении Каролины вернуться в Англию. Одно из ключевых условий сделки рассыпалось.

Помешать возвращению своей еще законной супруги ни Георг, ни его министры не могли без риска навлечь на себя гнев нации.

"Эмигрантка" демонстрировала самоуверенность, попросила предоставить ей королевскую яхту в Кале для вояжа в Англию.

— Неслыханная наглость! Неужели эта женщина воображает себя и впрямь королевой! — бушевал Георг IV.

Почетного эскорта в Кале не было. Это не помешало Каролине 5 июня 1820 года прибыть в Дувр. Здесь ее ждала приятная неожиданность: на берегу собралась масса приветствовавших ее людей.

Среди них был олдермен Сити Вуд. Он предоставил свой особняк в Лондоне в распоряжение Каролины. Купцы, банкиры Сити и раньше демонстрировали ей свои симпатии. Теперь эти чувства проявлялись еще сильнее.

Мост через Темзу у парламента был запружен народом, когда героиня дня проезжала под возгласы: "Да здравствует королева!" У Карлтон-хауза она сама выкрикнула что-то вроде приветствия Георгу IV. Возглас не дошел до хозяина особняка. Он покинул город, опасаясь враждебных манифестаций.

Под его нажимом правительство внесло в парламент в конце июня билль о лишении Каролины титула королевы и расторжении брака. Документ оформили юристы на основании хитроумных пунктов, предусматривавших судебное разбирательство поведения супруги короля на континенте.

При предварительном обсуждении от депутатов посыпались запросы. Правда ли, что Каролине предлагалась взятка в размере 50 тысяч фунтов в год за отказ от титула королевы? Вправе ли правительство делать такое предложение без санкции парламента? За что вообще преследуются королева?

Один из депутатов негодовал, что со времен Генриха VIII не наблюдалось столь недостойного обращения с королевой.

Каролина потребовала открытых слушаний: ей нечего скрывать!

С официальной стороны прилагались усилия для добычи инкриминирующих свидетельств. Палате общин стало известно, как за показания против Каролины сулились большие деньги и "пожизненные должности".

В течение одиннадцати недель в парламенте полоскалось грязное белье — рассматривались детали быта Каролины в Италии, ее личной гигиены, знакомств и т. п. Ей разрешили находиться в помещении, примыкавшем к залу суда, и целые дни она просиживала там, развлекаясь игрой в фишки с Вудом. Ее популярность поднялась еще выше. Даже на фасаде российского посольства появилась надпись: "Долгие годы королеве!" Карикатуристы изощрялись на счет короля на страницах газет и журналов. Один из рисунков изображал его в постели, завернутым в одеяла, из-под которых торчала его пятка. Ее лобызал премьер Ливерпуль...

Георг IV, действительно, страдал недомоганиями, принимал нередко министров в спальне небритым, в грязной сорочке.

Чем больше затягивалось судебное разбирательство, тем сильнее нервничал король. В октябре герцог Йоркский услышал от него возмущенный отзыв о ходе дела:

— Черное там выдают за белое, а белое — за черное. Вместо того чтобы поставить точку, депутаты копаются или, что еще хуже, переиначивают факты ради оправдания этой мадам, смеющейся над нашей беспомощностью.

У Каролины и ее сторонников имелись внушительные козыри. Лорд Бругам располагал копией завещания принца с его признаниями о вечной верности Марии

Фицгерберт. Оглашать взрывной документ он не решался, но у Георга IV были все основания опасаться разоблачений.

Правительство не было уверено даже в лояльности армии. Лишь под давлением короля было решено вынести на рассмотрение верхней палаты вопрос о виновности Каролины.

В начале ноября в этой палате состоялось голосование по резолюции, осуждавшей ее поведение в Италии. Она набрала незначительное большинство. Было ясно, что в палате общин, настроенной благожелательнее к королеве, резолюция будет отвергнута, а поскольку ее инициатором являлось правительство, это означало бы вынесение вотума недоверия кабинету Ливерпуля. Рисковать правительством не стало и отозвало резолюцию.

Это означало снова реабилитацию Каролины. Георгу не имело смысла упорствовать ввиду предстоявшей коронации. На эту церемонию правительство отпустило крупную сумму — 250 тысяч фунтов. Король засел за разработку протокола церемониала, советовался с Вальтером Скоттом, заимствовал кое-что из вычитанного в романах "Айвенго" и "Кенилворт".

Занялась подготовкой к торжествам и Каролина, не подозревавшая о намерении супруга не допустить ее на церемонию. Она справилась у премьера, в каком наряде ей явиться. Простодушие и безалаберность — эти черты Каролины сохранила до гробовой доски!

19 июля 1821 года. С утра подходы к Вестминстерскому аббатству заполнились толпами. Экипажи с приглашенными на церемонию с трудом протискивались сквозь массу людей. В этом потоке следовала в карете Каролина — но без приглашения. Ей было бы лучше остаться дома, замкнуться в гордом одиночестве. Георг распорядился строжайшим образом о ее недопущении на церемонию. Наилучшим выходом для него была бы ее смерть. Незадолго до коронации дворецкий сообщил ему о драматичной вести:

— Ваш злейший враг скончался, сэр!

— Неужели умерла эта фурия? — воскликнул Георг.

— Нет, Ваше Величество. На острове Святой Елены умер Наполеон.

Лицо Георга омрачилось. Каролина была для него ненавистнее Наполеона.

Стража у аббатства попросила предъявить приглашение, когда туда явились Каролина и сопровождавший ее лорд Вуд.

— Перед вами находится королева, в этом нет нужды!
— отпарировал Вуд.

— Извините, милорд, нам приказано не впускать никого без приглашения, — упорствовал служитель.

— Королева имеет полное право войти в аббатство, — стоял на своем Вуд.

— Джентльмены, я ваша королева, неужели вы откажетесь допустить меня в аббатство на коронацию моего супруга? — вмешалась Каролина.

— Простите, Ваше Величество, приказ четкий, и я обязан повиноваться.

— Послушайте, любезный, если уж вам так нужна эта бумага, вот она, смотрите, — и Вуд протянул приглашение с зачеркнутой фамилией. Очевидно, кто-то из гостей пожертвовал приглашение Вуду.

Служитель долго изучал то, что ему было вручено, и наконец заявил:

— По этому приглашению может пройти только одна персона.

— Ваше Величество, — обратился Вуд к Каролине, — вы согласитесь войти в аббатство без меня? Я буду ожидать вас здесь.

Каролина растерянно взглянула на дворецкого. Тот истолковал этот взгляд по-своему и снова обратился к служителю:

— Значит, вы отказываетесь пропустить королеву с эскортом?

— Сэр, таковы, повторяю, данные указания, мы ничего не можем поделать.

Пришлось возвращаться к экипажу. Причем под издевки наблюдавших эту сцену людей. Ничто не должно было мешать предстоящему спектаклю!

И вот само это зрелище. Георг IV, шествующий в парике, свисавшем до плеч, в бархатно-пурпурной мантии, со шлейфом, тянувшимся за ним на десять метров, в шляпе, украшенной страусовыми перьями. Над ним колыхался несомый оруженосцами позолоченный балдахин. Церемония длилась пять часов, после чего в Вестминстер-холле для 312 мужчин был дан банкет. Дамам, допущенным на галерею, оставалось наблюдать, как их супруги угощались.

Георг был рад сделать исключение из правила для одной дамы — леди Конингхем, своей новой — и последней — возлюбленной. Но ее присутствие в мужской компании было бы скандальным.

Она обладала большим потомством, не раз гостила со своим супругом у короля в Брайтоне. Лорд Конингхем относился к этому адюльтеру терпимо, резонно полагая, что король не в том возрасте, чтобы ревновать к нему жену.

Вскоре после коронации эпопея с Каролиной завершилась. 30 июля на представлении "Ричарда III" в "Друри-лейн" ей стало плохо. Врачи предписали постельный режим. Самочувствие не улучшалось. Навестивший больную лорд Бругам услышал слова смирения:

— Я устала от жизни, конец будет желанным исходом...

Весть о смерти Каролины 7 августа застала Георга в Ирландии. Он словно предугадал, что ему не следует находиться в Лондоне, когда кортеж с гробом Каролины будет следовать в порт Гарвич на пути в Германию в соответствии с волей покойной. Тысячи людей выстроились по дороге, оплакивая эту кончину. Вспыхивали столкновения с силами порядка. Один человек был убит.

Ветер с моря трепал английский национальный штандарт над задрапированным малиновой материей гробом, когда тот опускался на судно. На венке было начертано: "Каролине Брунсвикской, страдальце-королеве Англии".

Оставшиеся у Георга IV годы были отмечены относительным спокойствием по сравнению с беспорядочным образом жизни в предыдущие десятилетия, хотя политическую обстановку в стране нельзя было назвать умиротворенной. Усиливалось брожение на почве массовых требований в пользу реформ.

В написанном Джорджем Байроном 16 сентября 1821 года стихотворении о поездке Георга IV в Ирландию имеются такие строки:

Любят хищники кровь, короли же без изъятья
Любят царскую власть, раболепный восторг.
Оттого все они заслужили проклятья —
Грозный Цезарь и жалкий, презренный Георг!

Поэт подвел итог правлению этого монарха за девять лет до того, как оно завершилось. И может быть, такие строки были навеяны также сочувствием поэта к участи Каролины. Байрон навещал ее в Блекхите, и там они не раз уединялись, что дало пищу толкам об их интимной близости. Как в действительности обстояло дело — это Каролина и Байрон унесли с собой в могилу.

После безвременной кончины своей дочери Шарлотты Георг созвал братьев на совет и обратился к ним с тем,

что можно характеризовать в качестве наставления о пользе семейной жизни вообще и особой ее важности для королевских персон:

— Кончина Шарлотты нанесла мне страшный удар, это и потеря для всего нашего семейства, для шансов сохранения нашего королевского дома. Кто унаследует трон после меня и моего преемника? У Фредерика, как вы знаете, здоровье оставляет желать лучшего. Наступит очередь Вильгельма. А потом?

Король сделал паузу. Никто не заговаривал. Он продолжал:

— Обращаюсь к вам, Вильгельм, Адольф, Эдуард, оставляю в стороне Августа, знаю о его своенравии: не медлите с браком! Время не ждет. У вас должен появиться наследник или наследница. Иначе род прервется. Я в свое время тоже пошел на жертву, но Бог рассудил по-иному и лишил наследницы. Извлеките из этого уроки. Знаю, у вас есть женщины и потомство от них, но внебрачное. Не радуют меня и сестры. Они тоже без потомства. Вся надежда на вас, братья!

Сказанное в первую очередь относилось к Вильгельму, как наиболее вероятному преемнику Георга на троне. Герцог Кларенский приближался к пятидесяти годам, обзавелся брюшком, облысел, слегка прихрамывал.

К чести миссис Джордан следовало сказать, что она была готова разойтись с Вильгельмом по-хорошему и даже наставляла его, как устроить желанный брак. На обоюдной основе была достигнута договоренность о финансовых условиях разлуки.

Внимание Вильгельма привлекла 24-летняя принцесса Амелия Аделаида из крошечного княжества Саксен-Мейнингенского к северу от Баварии. Денег за ней было немного, зато знатность рода обеспечена. Предложение о браке с герцогом было принято с энтузиазмом.

Парламент проголосовал за увеличение содержания Вильгельму, но не столь крупное, как ему хотелось бы. Он попытался взбунтоваться, пригрозив расторжением контракта, угроза не подействовала, и он смирился.

Вступив в права супруга, с радостью убедился, каким сокровищем завладел. Жена наладила теплые отношения с потомством мужа и миссис Джордан, заявив:

— Будь у меня сотня детей, я относилась бы к ним с той же любовью, и вы, мой супруг, можете быть уверены, что таким чувствам я не изменю до конца дней!

У этой хрупкой с виду женщины имелись энергия, упорство и понимание роли, какую ей надлежало играть. Она привела в порядок расстроенные финансовые дела мужа, заставила его не злоупотреблять алкоголем и вообще способствовала облагораживанию его натуры, что подтверждает возможность совершенствования человека независимо от возраста.

Ради экономии супруги решили временно переселиться в Ганновер. К тому времени Эдуард Кентский женился на вдовой принцессе-немке Августе Гессен-Кассельской.

Как ни старалась Аделаида, все ее роды были неудачными. Потомство появилось только у Эдуарда Кентского — девочка Виктория, будущая королева. Сам он умер в 1820 году. В 1827-м за ним последовал Фредерик Йоркский.

Между тем правление Георга IV, как и следовало было ожидать, популярным не являлось.

В Лондоне было подавлено выступление масс в поддержку требований о всеобщем избирательном праве и ежегодно выбираемом парламенте.

Там же был раскрыт так называемый "заговор Като-стрит" в целях убийства членов кабинета, собравшихся на банкет на Гровенор-сквере.

В Дэрби гусары были брошены против мирной демонстрации, а в Глазго сила была использована против бастовавших рабочих. В графстве Стирлингшир гвардейцы обрушились на поднявших оружие в защиту своих прав местных жителей.

Незадачливыми были попытки короля вмешаться в сферу дипломатии. Во время пребывания Георга IV в Ганновере посетивший тогда же герцогство Меттерних уговорил короля нанести визит в Австрию и условиться об англо-австрийском альянсе. Каслри ужаснулся. Его курс, основанный на сохранении за Англией свободы рук на континенте, мог рухнуть.

Ливерпуль обратился к Вальтеру Скотту, и тот вместо Австрии уговорил короля посетить Шотландию, где английские монархи не были с 1650 года.

В Эдинбурге гостю был устроен торжественный прием и он получил необычные дары — столовый нож, вилку и ложку Якова Стюарта, высадившегося в Шотландии в 1745 году с попыткой захвата английского трона.

По возвращении монарха ожидал политический кризис из-за самоубийства Каслри.

Кого поставить на его место? Вопрос приобретал тем большую важность, что Россия продолжала натиск про-

тив Турции. В 1813 году к ней отошли значительные территории восточного Закавказья, включая Баку. В Лондоне опасались ее экспансии в сторону Индии. Быстрыми темпами шла колонизация степей, прилегающих к Черному морю.

Обстановка накалилась с началом восстания греков в 1821 году против турецкого гнета. Россия поддержала восстание. В среде английских политиков не было единогласия о курсе действий. В июле 1821 года Георг IV направил послание Александру I с призывом воздержаться от начала военных действий против Турции.

В преемники Каслри Георг прочил герцога Веллингтона, входившего в состав "кухонного кабинета". Ливерпуль настаивал на Джордже Каннинге, против чего возражал король, помнивший о его близости к Каролине.

Верх взял премьер. Каннинг стал министром иностранных дел и лидером палаты общин. Борцы за свободу в Греции были признаны в качестве воюющей стороны. И хотя у Александра I имелись оговорки по поводу курса Каннинга, диктовавшегося соображениями доступа Англии на новые рынки, царь счел за лучшее не доводить "восточный вопрос" до взрывной точки.

Греки приветствовали Англию в лице Каннинга как союзницу в борьбе за независимость. То же самое можно было сказать об отношении к курсу Каннинга в других частях Европы и за ее пределами, где возникали очаги национально-освободительных движений.

Твердолобым противником такой политики выступал Георг IV. Он использовал доверительную переписку с другими монархами для сколачивания фронта против Каннинга. Пользовавшийся авторитетом министр стал фактически главой администрации и мог успешно противостоять нажиму монарха в пользу "принципа легитимности" — недопущения самоопределения наций. В результате Англия признала независимость Греции, южноамериканских республик, воспротивилась интервенции в Испании, когда там поднялось восстание против сидевших на троне Бурбонов.

Инициативными, энергичными проявили себя в Лондоне за 22 года пребывания там, начиная с 1812 года, русский посол Х. А. Ливен и его супруга Дарья (Доротея), урожденная графиня Бенкендорф. Она создала в столице салон, посещавшийся сливоками общества, чему помогли установившиеся между ней и Георгом IV близкие отношения, хотя об интимности говорить не прихо-

дилось — и не по причине ее добродетельности. Ради "дела" она шла на амурные связи.

Не годясь в любовники, дряхлевший король ценил в женщинах острый ум, язык, а графиня такими качествами обладала.

Княгиня Шаховская-Стрешнева в биографическом очерке о графине Ливен, вышедшем в Москве в 1904 году, писала, что в Англии она усвоила независимость суждений и ценность общественного признания, но была неизменна в своей расчетливости, распространявшейся на ее отношения как женщины к "сильным мира сего".

В течение некоторого времени она являлась любовницей Меттерниха, пока не отошла от него из-за антирусского курса Австрии.

Флирт поддерживался ею с лордом Греем. Благоклонно принимала она ухаживания графа Гордона Эбердина — еще одного светила вигов.

По мнению Шаховской-Стрешневой, будучи прибалтийской немкой, графиня Ливен симпатизировала больше порядкам на Западе, чем в России, и часто действовала наперекор мужу и даже указаниям Николая I. Ее кумиром был Александр I, но ей приходилось считаться с тем, что принц-регент с русским самодержцем не сошелся во время пребывания того в Англии.

Примечательно, что находившийся в Лондоне русский дипломат Г. А. Штакельбергер в донесении в Петербург в июне 1821 года сообщал, что на обеде в Карлтон-хаузе Георг позволил себе оскорбительные высказывания по адресу Александра I.

Николай I пользовался симпатиями Георга IV, и в депеше в Петербург тот одобрил репрессивные меры царя после подавления восстания декабристов. Абсолютизм Романовых был больше по душе этому Георгу, нежели конституционная монархия.

Николай I держал Ливенов в Лондоне до 1834 года, когда они были отозваны. Муж разошелся с графиней после 37 лет совместной жизни. Сделано это было в немалой степени в угоду царю, после того как Ливен стал воспитателем цесаревича, будущего Александра II.

Графиня переселилась в Париж и в течение двух десятилетий являлась любовницей ученого-историка и политического деятеля Франсуа Гизо. Тогда она оказала плохую услугу России, убедив русское посольство в Париже в невозможности англо-французского союза. Крымская война показала ошибочность такого прогноза.

Винить ее в преднамеренности вряд ли можно. Ее письма, относящиеся к лондонскому периоду, свидетельствуют, как близко к сердцу она принимала все, касавшееся России в "восточном вопросе", какие усилия употребляла в попытках воздействия на близких ей английских деятелей в интересах России.

Лорд Челмсфорд замечал, что "мадам Ливен сотворила Пальмерстона" на посту министра. В 1827 году она способствовала подрыву влияния Веллингтона на Георга IV, что также отвечало интересам России. Веллингтон выступал за помощь Турции, и 16 марта 1828 года в письме брату в Петербург графиня Ливен писала, с каким удовольствием свернула бы ему шею.

В разгар кризисной ситуации на Балканах в августе 1828 года в Петербург было направлено такое письмо о высказывании Георга IV в ее присутствии: "Я исполнен решимости во всем доверять Николаю I и не намерен прислушиваться к иным суждениям... Поэтому либо "король Артур" (то есть — Веллингтон) отправится к черту, либо королю Георгу придется перебираться в Ганновер!"

Весной 1829 года в Зимнем дворце ознакомились с депешей графини Ливен о Веллингтоне — "этом неисправимом враге России". И тогда же она высказалась следующим образом о Георге IV: "Лучшего короля для нас трудно представить!"

Иным было ее мнение о герцоге Кларенском. Между ними пробежала черная кошка. Сохранились подробности того, что произошло после обеда у принца-регента в Брайтоне в один из зимних дней 1814 года:

Герцог, держась, как всегда, нетвердо на ногах после возлияния, повел графиню к карете и, внезапно оттеснив лакея, сам вспрыгнул в экипаж и приказал кучеру трогать с места.

— Вы не озябли, мадам? — начал он беседу тет-а-тет.

— Нет, милорд.

— Может, вам жарко?

— Нет, милорд.

— Тогда разрешите взять вас за руку?

— В этом нет нужды, милорд.

Вильгельм все же схватил ее за руку. "Меня, — вспомнила графиня, — охватил страх, герцог был пьян, и я мучительно соображала, чем отвлечь его внимание, заметив, что он ведет себя по-глупому в своих политических шагах. Это его не тронуло. Я знала, — продолжает

воспоминания графиня, — что более всего волновало принца все связанное с Ганновером, и потому без долгих объяснений сообщила ему о полученных сведениях насчет намерений участников Венского конгресса передать Ганновер Пруссии, компенсировав Англию частью земель Вестфалии. Вильгельм был ошеломлен: "Черт возьми! А мой брат осведомлен?" Я ответила, что прошу ничего принцу не говорить, поскольку делюсь секретом с ним. Герцог забыл обо мне и разразился потоком ругани..."

Графиня рассказала принцу о случившемся. Тот не мог успокоиться от смеха и сказал, что разыграет брата, подтвердив слова графини.

Следует добавить, что, проявляя склонность к тому, чтобы прислушиваться к советам графини Ливен, Георг IV не раз сажал себя в лужу.

В феврале 1827 года Ливерпуля поразил инсульт. Каннинг выдвинулся в качестве его преемника, но вскоре на похоронах герцога Йоркского простудился и умер.

У власти непродолжительное время находилась администрация лорда Годерича. Затем бразды правления принял герцог Веллингтон. При нем король вступил в последнюю схватку с правительством из-за застрявшего в парламенте билля об эмансипации католиков.

29 марта 1829 года министры были приглашены в Виндзор и в течение пяти часов слушали нравоучения монарха о важности отстаивания протестантской веры.

Речь прерывалась распитием оратором коньяка и слезливыми фразами, что он скорее отречется от трона, нежели даст восторжествовать еретикам.

Эта душевная нестабильность бросалась в глаза. Отпустив министров, король попросил Веллингтона остаться и неожиданно заявил, что готов согласиться с утверждением билля парламентом.

Осенью Георг сообщил в Ковент-гарден, чтобы там не беспокоились о резервировании королевской ложи.

Он чувствовал приближение конца. На аудиенцию к нему просилось все меньше визитеров. Взоры устремлялись на герцога Кларенского.

— Хуже короля не может быть!

Таково было распространенное мнение о Георге IV. С Вильгельмом связывались большие надежды, ожидания. Однако еще до занятия трона у того прибавилось дел и забот.

Вид на дворцы Уайтхолл и Сент-Джеймс в Лондоне в XVII в.
Художник неизвестен.

Герб британской монархии.

Георг III на параде.
Художник Уильям Бичи.

Супруга Георга III
Шарлотта.
Художник Аллан Рамзей.

Карл I и его супруга Генриетта Мария.
Художник Даниел Майтенс.

Медальон
с портретом Оливера Кромвеля.
Художник Сэмюэл Купер.

Георг IV.
Художник Джордж Стаббс.

Пердита, миссис Робинсон.
Художник Томас Гейнсборо.

Вступление русских
и других союзных войск
в Париж 31 марта 1814 г.
Гравюра неизвестного художника.

Вильгельм IV
в парадной форме.
Художник Мартин Ши.

Супруга Вильгельма IV Аделаида.
Из коллекции Елизаветы II.

Герцог Веллингтонский
после победы
в битве при Ватерлоо.
Художник Томас Лоуренс.

Герцог и герцогиня
Виндзорские
во время свадьбы.

Коронация Георга V в Лондоне
22 июня 1911 г.
С ним рядом — королева
Виктория-Мария.

Принцесса Елизавета
и ее супруг герцог Эдинбургский
с первым их ребенком —
Чарлзом.

Венчание Чарлза и Дианы
в Соборе Св. Павла.

Чарлз и Диана на балконе
Букингемского дворца
после венчания.

Елизавета II в парламенте.

Принцесса Диана.

Принц Чарлз
у королевского замка
Балморал в Шотландии.

ПОСЛЕДНИЙ ГАННОВЕРЕЦ

Своего рода генеральной релетицией перед принятием Вильгельмом обязанностей монарха стало его назначение в 1827 году на пост, существовавший в начале предыдущего столетия, но затем упраздненный, — Лорда Верховного адмирала. Власть ударила ему в голову. Парады, приемы, банкеты — все влетало в копеечку казне. Энергично инспектировались им суда, портовые сооружения. Высшие чины адмиралтейства наблюдали за такой активностью с неприязнью.

Трения возникли с премьером Веллингтоном: как реагировать на вспыхнувшее в Греции национально-освободительное движение? К берегам Греции направились русская, французская и английская флотилии. Симпатизируя Турции как противнице России, премьер был против применения силы. Вильгельм, однако, приказал командующему английской эскадрой Э. Кодрингтону действовать решительно. В четырехчасовом сражении в Наваринской бухте, где стояли турецкие корабли, большинство их было потоплено.

Вильгельма это преисполнило радостью, а Веллингтон ополчился против него, утверждая, что он превысил данные ему полномочия и нанес Англии политический урон. В этом премьер убедил короля, и тот в тронной речи в начале 1828 года упомянул о Наваринской битве как о "достойном сожаления событии".

А вскоре правительство всполошили не согласованные с ним маневры части флота, базировавшегося в Плимуте под командой Вильгельма. Это было расценено как вопиющее нарушение субординации. Георг IV поддержал Веллингтона в суровом выговоре Верховному адмиралу. Ему пришлось уйти в отставку.

Это не повлияло на отношение к нему элиты общества. Ожидавшая его корона отбрасывала на герцога свое сияние. Перед Вильгельмом заискивали те, кто еще недавно третировали его. Георг IV дряхлел.

...В шесть утра 26 июня 1830 года Вильгельм был разбужен в своем загородном поместье: умер Георг IV. Несколько часов спустя новый монарх в шляпе, драпированной траурной лентой, проследовал в столицу. Народ приветствовал его.

Привыкнув довольствоваться подчиненной ролью, Вильгельм IV не рвался, как его родитель, утверждать свою единоличную волю, а полагал долгом поддерживать находящееся у власти правительство — неважно, нравилось оно ему или нет.

Это избавило его от многих неприятностей, оплошностей. Свою миссию он видел в роли примирителя, арбитра разнородных — и нередко противоречивых — интересов в обществе. Допущенные им огрехи — мнимые или настоящие — в должности Верховного адмирала кое-чему его научили.

Ощущение власти доставляло ему несказанное удовольствие, но не изменило его натуры. В глаза бросалась его обыденность, непринужденность. На приемах он прикладывался устами к щечкам красивых дам. Прогуливаясь по набережной в Брайтоне, останавливался поболтать с прохожими. Сидя в карете, высовывался, чтобы сплюнуть на землю.

Летом 1830 года Вильгельм устроил в Виндзоре банкет для бедняков. Столы с горами жареной говядины, окороков, сливовых пудингов были накрыты на три тысячи человек.

Он принимал на приемах каждую неделю по две тысячи приглашенных. Церемониал на таких встречах не соблюдался. Царила "флотская непринужденность". Было подсчитано, что за один год в Сент-Джеймском дворце было распито 36 тысяч бутылок вина.

Щедрое гостеприимство трудно было назвать излишеством. В остальном этот монарх стремился к бережливости. Число королевских яхт уменьшилось с пяти до двух, снесен помпезный особняк Георга IV в Виндзоре, вдвое сокращен штат конюшни. Полтораэта экзотичных птичек Георга IV подарены Зоологическому обществу.

Король не чаял души в своих внуках и внучках. Его апартаменты в Виндзоре были увешаны их портретами. В этом отношении он резко выделялся среди остальных своих братьев, чуждых культу семьи. А на фоне герцога Камберленда Вильгельм вообще выглядел ангелом. За этим братом тянулся шлейф отталкивающих поступков и даже преступлений. Король не поколебался сместить герцога с лакомой синекуры — поста командующего дворцовой гвардии, и тот затаил смертельную обиду.

С подачи герцога стали распространяться слухи, будто у Вильгельма не все в порядке с психикой. Указывали на странное поведение короля в связи с назначенной на 8 сентября 1831 года коронацией. Он не делал никаких приготовлений и как-то высказался на сей счет "крамольно" для слуха сановников:

— Есть ли смысл устраивать дорогостоящие празднества? Обстановка в стране напряженная. Идти на такие расходы ради помпы — это давать аргументы агитаторам. Разве мало произошедшего во время коронации Георга IV, когда бедной Каролине пришлось тщетно стучаться в ворота Вестминстерского аббатства? Да, у этого ритуала тысячелетняя история. Но то, что выглядело благопристойно в средние века, сегодня является формой, не способствующей узам между сувереном и его подданными. И самое обильное помазание на трон избранника Божьего не сделает его популярнее в глазах соотечественников, если своими деяниями он не оправдает высшее предназначение...

Категорическое несогласие выражал премьер Веллингтон:

— Не может и не должно быть отступлений от установленного порядка. Необходимо соблюсти все, что освящено столетиями. Любое нарушение такого порядка будет воспринято людьми как нарушение их исконных прав!

Ревнителю традиций были шокированы случившимся в один из апрельских дней 1831 года, когда королю предстояло объявить о роспуске парламента и проведении внеочередных выборов. По традиции он должен был предстать перед членами двух палат облаченным во все регалии. Но как быть с короной? Ее возложение на Вильгельма еще не состоялось.

Для него самого проблемы не существовало. Прибыв в Вестминстер, он распорядился доставить туда священный атрибут. А что дальше? Лорд Гастингс вызвался надеть корону на голову монарха. Реакция Вильгельма была мгновенной:

— Никто не имеет права возлагать на меня эту святыню, кроме меня самого!

Совершив, по сути, акт коронации, Вильгельм обратился к присутствующим:

— Теперь, милорды, вы имели честь присутствовать при действии, какое обычно бывает при коронации, о чем вас и извещаю...

Вильгельм не шутил, но дворцовая свита, министры, пэры были ошеломлены. На их глазах свершилось свято-татство.

Все же 8 сентября того же, 1831 года "коронация по правилам" состоялась. Правда, значительно скромнее всех предыдущих церемоний такого рода. По великолепию парадного экипажа австрийский посол Эстергази затмил короля. Не было банкета в Вестминстер-холле. Зато на все про все было истрачено 30 тысяч фунтов, тогда как коронация Георга IV обошлась в 240 тысяч.

Вопреки карканьям Веллингтона, скромность таких торжеств способствовала популярности короля в народе. Лишь стилем правления он завоевывал уважение подданных.

Как иногда мало надо, чтобы добиться доверия людей — и как трудно это доверие удержать!

Вильгельм познал эту истину на нелегком опыте. Решающие испытания для него были впереди.

Глава XX

ПОБЕДА НАД САМИМ СОБОЙ

Первое, за что взялся Вильгельм после смерти Георга IV, была гора официальных бумаг, требовавших монаршей подписи, — около 50 тысяч таких документов! Просиживая ночи, он привел все в порядок, заслужив восхищение премьера Веллингтона.

Его кабинет вполне устраивал короля и особенно Аделаиду, считавшую тори идеальными правителями, а вигов — возмутителями спокойствия.

Выборы 1830 года уменьшили число депутатов-тори в парламенте на полсотни мест. В стране росла напряженность. Массовое недовольство распространялось и на "королеву-немку". Вильгельм нервничал. Способна ли администрация Веллингтона восстановить спокойствие?

— Пока я нахожусь в правительстве, буду считать своим долгом сопротивляться таким шагам, как реформы...

Эти бескомпромиссные слова Веллингтона в ноябре 1830 года еще больше обострили напряженность. На улицы Лондона хлынули негодующие толпы. Депутаты

забрасывались петициями с требованиями реформы избирательной системы и других перемен.

Вильгельм был в Сент-Джеймсе, когда получил срочно посланный пакет из Вестминстера. Вскрыв его, прочел, что виги провалили предложенные правительством расходы на содержание королевского семейства.

Сие было равносильно политическому землетрясению. Полувековой монополии тори как правящей партии пришел конец. Прежде у вигов не набиралось голосов для отклонения торийских биллей.

Вильгельм не разделял панических настроений супруги, полагая, что такие деятели-виги, как Грей, Мельбурн, Пальмерстон, представляющие семейства аристократов и крупных земельных собственников, не решатся на опасные эксперименты.

Лорд Грей был наиболее авторитетным, и ему было предложено взять на себя формирование правительства. Тот выдвинул единственное, но существенное условие — свободу рук в области реформ, добавив, что речь пойдет о шагах ограниченных, частичных. Возражений не последовало.

Министром иностранных дел в новой администрации стал Джон Пальмерстон, являвшийся в недавнем прошлом депутатом-тори. Уильям Мельбурн возглавил внутренние дела. И самый придирчивый критик не усмотрел бы в подобной компании ничего рискованного для устоев порядка. Но этот порядок еще нужно было установить. Нация бурлила. В Дерби и Бристоле дело дошло до захвата тюрем.

Король стоял за "твердость и решительность", но когда министры предложили рекрутировать отставных военных в специальные части "защиты гражданского мира", Вильгельм воспротивился, заявив, что это лишь разожжет страсти. И был прав.

В 1831 году началась разработка реформенного законодательства, достаточно, по мнению короля, широкого, чтобы удовлетворить публику.

Еще до появления письменных рекомендаций атмосфера в верхах общества стала портиться. В прессу проникла информация о давлении на Вильгельма со стороны крайне правых кругов. Король отрицал, что такой нажим оказывается, но Грея эти уверения не успокаивали.

Достоянием гласности становилась активность королевы. Однажды Вильгельм был вынужден в присутствии

посторонних одернуть супругу, чтобы она не вмешивалась в политику, но, как писал один английский автор, кто мог поручиться, что в постели Аделаида будет хранить молчание.

У нее имелись влиятельные союзники. Герцог Глостер напрямик заявил королю:

— Виги доведут дело до того, что вы, Ваше Величество, лишитесь короны.

— Не беспокойтесь, милорд, — отпарировал король, — меня это не очень страшит!

— Но с короной может полететь и ваша голова! — не отставал герцог.

К осаде монарха подключились его сыновья. Они, а также дочери причиняли родителю массу хлопот и переживаний. Внебрачное потомство, полагавшее, что в их жилах течет королевская кровь, претендовало на "место под солнцем". Отпрыски не отставали от отца, требуя все больше денег, и он при всем усердии не мог удовлетворить такие аппетиты. В ноябре 1830 года Джордж, Фредерик, Адольф и Август обвинили родителя в жестокосердии, утверждая, что в глазах закона лишены имени и прав.

На Вильгельма такие доводы не действовали. Как-никак он прошел суровую флотскую школу. Джордж начал пугать отца самоубийством, Фредерик — баллотированием в парламент для развертывания оппозиционной деятельности.

Конфликт продолжался полгода, прежде чем был, как казалось, урегулирован. Джордж получил титул графа Мюнстера, остальным братьям были пожалованы титулы виконтов. Джорджу тогда захотелось нацепить на себя орден Подвязки. Сын и отец крупно повздорили.

Решающее испытание, что касалось государственных дел, ожидало короля в конце января 1831 года, с окончанием разработки проекта избирательной реформы. Даже умеренные тори реагировали на документ отрицательно. Герцог Веллингтон страдал последствиями намеченных мер:

— Радоваться может только чернь, поскольку замысленное вигами идет на потребу разрушительным инстинктам, и если король согласится с такими рекомендациями, то окажется в малопочтенной компании, а это будет означать конец политической стабильности в стране...

Объяснение между Греем и Вильгельмом состоялось в конце января в Брайтоне, куда премьер пожаловал

с проектом реформы. Документ подвергся тут же изучению. У короля возникло много вопросов к премьеру, и в конце концов он изрек:

— Согласие на представление этих предложений в парламент даю, хотя не уверен, что за них проголосует большинство депутатов...

Весть об исходе встречи вызвала в стране ликование. Голоса несогласия тонули в хоре одобрения. Виги поздравляли друг друга.

Между тем короля стали одолевать сомнения, правильно ли он поступил. Плодом размышлений явился меморандум премьеру с изложением пунктов, нуждавшихся в корректировке. Так, по мнению автора меморандума, положение о тайном голосовании шло вразрез с атмосферой свободного выражения мнений, присущей Англии. Всеобщее избирательное право квалифицировалось в качестве "бредовой идеи".

О каких же "реформах" тогда могла идти речь? Окружение короля постаралось воздействовать на монарха, и он поддался давлению.

Грей досадовал, но не настолько, чтобы считать конфликт неизбежным. Об отказе в поддержке билля в его совокупности Вильгельм умалчивал. Значит, не все еще было потеряно.

22 марта 1831 года палата общин провела голосование по биллю вигов об избирательной реформе. Они получили перевес в один голос.

Соотношение сил менялось в пользу сторонников реформ. О досрочном роспуске парламента, если бы билль провалился, можно было не думать. Выигранное время следовало использовать для корректировки билля, чтобы он стал удобоваримым если не для всех тори, то по крайней мере для умеренных деятелей. Об этом король говорил с премьером.

В течение следующих недель стороны готовились к баталиям в рамках комитетской процедуры. В результате противники билля добились численного перевеса. Правительству ничего не оставалось, как поставить перед королем вопрос о роспуске парламента. Такое согласие было дано, но крайне неохотно, ибо означало крах расчетов на примирительный исход.

Виги ликовали. "Король вел себя, подобно Ангелу, — писал Грей виконту Англесси, — трудно выразить всю меру нашей признательности к нему за доверие и доброту"...

В стане оппозиции царил траур. Веллингтон не сдерживал эмоций по адресу монарха.

— Трудно поверить, — негодовал герцог, — что король решился на столь фатальный для монархии шаг со времен Карла I, согласившегося с лишением его полномочий...

С трудом сдерживала свои чувства на публике Аделаида. Она отпускала реплики в том духе, что королю свойственно иногда принимать в высшей степени странные решения. В дневнике выражалась откровеннее: "Дай Бог, чтобы шаг Вильгельма не оказался роковым для благополучия нации".

Так же как в горах камень, полетевший вниз, может привести в движение лавину, результаты голосования в комитете палаты общин дали стремительный ход событиям. В верхнюю палату была внесена резолюция против роспуска парламента. Во дворце Сент-Джеймс на нее реагировали как на попытку ниспровержения устоев порядка. Вильгельм направился в Вестминстер для объявления о проведении выборов. В палате лордов, где он должен был выступить, шла кутерьма. Лорды-соперники готовы были пустить в ход кулаки. Стоял такой шум, что Вильгельм, войдя в здание, спросил, что происходит внутри.

— Ваше Величество, — ответил барон Бругам, — это лорды обсуждают резолюцию!

Пресса приветствовала короля как "спасителя нации". Выборы подтвердили очевидное: почти в каждом округе, где баллотировался сторонник реформ, кандидат одерживал победу.

Однако пополнение нижней палаты за счет таких деятелей еще не гарантировало конечный успех билля. В октябре 1831 года в палате лордов противники реформ набрали большинство в 41 голос. Среди них было более двадцати епископов.

Вильгельм упрекал Грея:

— Я предупреждал вас о необходимости уступок другой стороне. Вы не послушались. Билль не был скорректирован как следует...

Разрубить гордиев узел можно было отставкой правительства с вручением власти торийской партии. Как ни странно, Грей стоял за такой вариант, но умолк, услышав категорические возражения короля:

— Только не это! Смена правительства для меня — потрясение. Подумайте, как это отзовется на стране.

Выборы показали, насколько непопулярны тори, а вы ставите меня перед решением об обращении к ним. Нет и еще раз нет!

И снова Вильгельм действовал более расчетливо, чем виги. Своим голосованием против билля лорды-тори вызвали шумное недовольство в стране. Лондон еще не видел такой крупной демонстрации, какая прошла по его центру с петицией правительству — обуздать противников реформ.

Королевство могло полететь кувырком, если бы ставка делалась на силовое решение. В среде вигов росло убеждение, что только пополнение верхней палаты их сторонниками ликвидирует тупик.

— Сколько нужно ввести в палату вигов? Даст ли эта мера эффект?

На эти вопросы короля Грей ответа дать не мог, заявив, что обсудит их с министрами, и тут же услышал, что Вильгельм готов ввести в палату лордов двадцать одного вига. Цифра не мизерная.

Министры были воодушевлены. Они не ожидали согласия короля на такую меру. Вильгельму в какой раз пришлось проглотить собственные слова и клятвы. И в какой раз виги поторопились с радужными прогнозами. Торийская партия продемонстрировала ужесточение своих позиций, возражая даже против символического пополнения численности верхней палаты вигами.

Карты Вильгельма оказались еще более спутанными по вине супруги. Это произошло после того, как она дала аудиенцию епископам и в ходе церемонии, в частности, сказала:

— Верю, что вы будете и впредь прилагать усилия, как это делали раньше, во имя сохранения нашей церкви и государства. Можете быть уверены, что всей душой, всем сердцем останусь преданной вашим интересам...

Протягивая высшему духовенству руку поддержки, королева публично расписывалась в нетерпимости к политическим преобразованиям.

Пресса откликнулась негодующими комментариями. Недовольство выражал и премьер Грей. Король пытался взять жену под защиту, но поправить сказанное не мог. Дело шло к новой схватке в стенах Вестминстера.

26 марта билль о реформе с внесенными поправками был одобрен в нижней палате и направлен в верхнюю.

Позиция епископов была ключевой, и Вильгельм принялся за обработку тех, кто мог склониться к поддержке билля, включая главу англиканской церкви — архиепископа Кентерберийского. Слуги Господни поддавались на уговоры туго. Пришлось расширить круг деятелей, на кого оказывался нажим.

Кое-кто из лордов стал выторговывать для себя уступки у короля. Лорд Феррер соглашался голосовать за законопроект при условии, что его любовница, сочетавшаяся с ним законным браком, будет принята при Сент-Джеймском дворе.

Премьер Грей давил на колеблющихся и сомневающихся, но у него рычагов было меньше, чем у Вильгельма.

В середине апреля лорды провели решающее голосование. Обработка принесла результаты: число высказавшихся против билля уменьшилось на 39 голосов. Существенный сдвиг!

И опять камнем преткновения стала процедура обсуждения в комитете — на этот раз палаты лордов. Поправки, внесенные от торийской партии, снова выхолостили содержание важных положений.

На заседании правительства было решено объявить о его уходе в отставку, если король не согласится пополнить палату лордов достаточным числом вигов.

Никому не по душе ультиматум, а монархам — от их подданных, пусть и занимающих министерские должности, — тем паче. К тому же вокруг короля увивались, подобно назойливым осам, члены его семейства и свиты, грозившие укусами, если он пойдет на уступки.

Вильгельм принял труднейшее решение, отказавшись от данных ранее обещаний вигам о пополнении палаты лордов за счет членов их партии.

— Я принес во время коронации клятву верности высочайшему званию и долгу. Могу ли я пойти на нарушение этой клятвы, если санкционирую разрушение одной ветви парламента ради ублажения другой? Подобное для меня невысказано — такое заявление, рассчитанное на огласку, сделал Вильгельм.

По вигам был нанесен сильный удар. Барон Бругам заметил:

— Лучше бы король прогнал нас, министров, со своих мест, чем перерезал нам глотки!

Сработала тактика "кухонного кабинета" в Сент-Джеймском дворце с мастерицей интриг в лице Адела-

иды. Она внушила мужу мысль, что смена правительства пойдет на пользу нации.

Из-за непоследовательности, зигзагов короля в тяжелой ситуации он терял рычаги контроля над событиями. Виги обвиняли его в предательстве. От былой популярности монарха ничего не оставалось. В его карету на улицах Лондона бросались комья грязи. Еще серьезнее обстояло дело с поведением деловых кругов. Они начали скупать золото, отказывались платить налоги. Гвардейские части в Бирмингеме не повиновались приказам выступить против участников марша протеста.

Английские историки десятилетия спустя не преувеличивали, оценивая сложившуюся тогда ситуацию как "революционную". Но именно предельная ее обостренность предотвратила худшее, показав Веллингтону тщетность формирования желанной ему администрации и неизбежность проведения реформ. Сработал генетический механизм самосохранения верхушки общества.

Существеннейшее обстоятельство, показывавшее, как при пропасти между "низами" и "верхами" можно поддерживать внутренний мир в интересах всей нации.

Как ни суетились приближенные короля, пытаясь отговорить его от уступок, как ни торговался он сам с вигами о поправках к биллю — все было тщетным. Козырные карты были в руках Грея, и он их разыгрывал, заставив Вильгельма признать, что "нация навязала ему возврат правления вигов".

Любопытно, что дело до пополнения верхней палаты вигами не дошло потому, что окопавшиеся в этой палате антиреформисты, убедившись в готовности монарха пойти на такой шаг, не стали голосовать против билля.

Финальный подсчет голосов состоялся 4 июня. Лишь 22 твердолобых парламентария высказались против реформы. Победа ее сторонников была полной и безоговорочной!

Король отделался синяками, а мог бы потерять очень многое. Добившись желанного, виги не заняли позицию мстителей, а как бы закрыли глаза на то, что в самом деле являлось предательским поведением монарха.

В результате реформы 56 "гнилых местечек" лишились права посылать депутатов в парламент. Всего освободилось 143 места, то есть примерно одна пятая состава палаты общин. Эти места были распределены между городами и сельскими округами. Избирательное право предоставлялось только имущим слоям на-

селения. Более всего выиграла промышленная буржуазия, получившая признание в качестве политической силы.

И можно было лишь удивляться тому, что такие скромные шаги вызвали ожесточенное сопротивление консервативной верхушки общества.

Глава XXI

ПОДОБНО ЛЬВУ...

Подобно своим предшественникам на троне, Вильгельм считал внешние дела сферой своей исключительной компетенции, и внимание к ней у него не убавлялось, несмотря на занятость внутренней политикой. Он сформулировал четыре принципа в этой области: не доверять никому из иностранцев, особую бдительность проявлять в отношении коварных французов, отдавать предпочтение законным и консервативным правительствам и, в-четвертых, не поощрять экспорт Англией ее либеральных идей в другие, менее развитые страны.

Эти постулаты король отстаивал в спорах с Пальмерстоном, когда тот стал министром иностранных дел. Они расходились почти по всем вопросам. Первая коллизия произошла в связи с событиями в Бельгии, которая тогда входила в состав Нидерландов и управлялась королем-голландцем, и к тому же протестантом. Бельгийцы в своем большинстве — католики. В 1830 году они поднялись на борьбу за независимость и были поддержаны Францией. Это сделало их в глазах Вильгельма "возмутителями мира и спокойствия" — взгляд, не разделявшийся Пальмерстоном. Он взял верх над монархом.

Еще более серьезные разногласия между ними возникли из-за отношения к волнениям в Польше. Жестокое подавление Николаем I восстания поляков всколыхнуло английскую публику, но Вильгельм, верный принципу легитимности существующих порядков, убедил Пальмерстона не выступать с осуждением действий российского самодержца. Хранить молчание министру, в то время как в парламенте раздавались возмущенные речи по поводу событий в Польше, становилось все труднее, и министр присоединился к протестам.

Вильгельм считал такой курс ошибочным, хотя тоже начинал симпатизировать полякам. Перевешивали соображения "высшей политики", связанные опять-таки

с Францией. Она энергично поддерживала поляков. Из-за позиции короля Англия, как считал Пальмерстон, упустила шанс эффективных мер против России.

Антифранцузская закомплексованность Вильгельма не раз приводила к дипломатическим казусам. Однажды он отозвался о французском короле как о "заведомом пройдохе". На банкете в честь чинов армии он выразил надежду, что если его гостям случится обнажать шпаги, то произойдет сие против французов — "извечных врагов Англии".

Опозиционная пресса использовала малейший промах короля, поднимая шум. Так что и с данной точки зрения горячего политического материала в стране хватало.

В апартаментах Сент-Джеймского дворца с опаской относились к объявленным на конец 1834 года выборам в парламент: не приведет ли введенная в действие реформа к заполнению палаты общин "сбродом"? Страхи не оправдались.

Стихия внесла коррективы в планы политиков. Парламенту пришлось разойтись на вынужденные каникулы из-за пожара здания Вестминстер-паласа. Оно почти целиком выгорело. "Божественная кара", — со злорадством констатировала королева. Она и супруг явились на место пожарища как на выставку. Вильгельм, наконец, смог приступить к реализации заветной идеи: перенести место заседаний депутатов в Букингемский дворец, а своему семейству подыскать в Лондоне другую резиденцию. Он не переносил этот дворец, считая здание подходящим для казармы.

Всеобщий отрицательный отклик разгневал Вильгельма.

— Разве не мне, самодержцу, решать, где будет заседать парламент? — вопрошал он.

Ему было указано на существенный минус перемещения парламента в Букингемский дворец: туда пришлось бы впускать значительно больше публики.

Идея была оставлена, а обновленный Букингемский дворец до сих пор является главной резиденцией королевского семейства.

Поздняя осень 1834 года стала для короля еще одним достопамятным, но малоприятным рубежом. У него накопилось немало претензий к кабинету Мельбурна, а положение внутри партии вигов давало основание для более чем смелого шага: произвольного смещения правительства вигов. Они все более конфликтовали между собой.

Ничего необычного в этом не было. Однако в данном случае король уверил себя в их политической недееспособности. Повод для разрыва найти было нетрудно.

Посетивший 13 ноября короля в Виндзоре Мельбурн услышал, как гром с ясного неба, заявление о негодности разработанного правительством законодательства о церкви.

— Меня, — сказал король, — такие предложения не удовлетворяют, поэтому считаю, что правительство дальше действовать неспособно!

Делая хорошую мину при плохой игре, Мельбурн предложил свои услуги по части переговоров с герцогом Веллингтоном на предмет формирования новой администрации.

”Таймс” сообщила, что смещение кабинета Мельбурна — дело рук королевы. Номер газеты королю доставили, когда у него находился Веллингтон.

— Смотрите, герцог! — Вильгельм протянул ему экземпляр ”Таймс”. — Смотрите, как меня окорбляют и предают. Никто в Лондоне, кроме Мельбурна, не знал о нашей беседе вчера вечером. Это он устроил утечку информации, а газета не нашла ничего лучшего, как оклеветать королеву! Как иметь дело с подобными людьми!

Опыт подсказывал Веллингтону тщетность управления страной из стен палаты лордов, членом которой он являлся. Королю было сказано о целесообразности подыскания политика-тори, популярного в нижней палате. Таким представлялся Роберт Пиль. Вскоре Веллингтон принес присягу в качестве лорда казначейства, министра иностранных дел, внутренних дел и военного. Необычная концентрация функций.

”Тихий переворот” — так расценивала публика произошедшее. Никогда акции Вильгельма не падали так низко. Сместить правительство, пользующееся популярностью, — ошибочно, но безрассудно давать отставку администрации, располагающей значительным большинством в парламенте!

Понимая, насколько партия тори дискредитирована, Пиль в ходе предвыборной кампании в конце 1834 — начале 1835 года обещал приступить к ее реформированию. Слово ”реформа” уже не звучало бранным. В итоге они получили небольшой перевес в палате общин. Шансов на удержание власти, однако, у них было мало.

— Если тори потерпят поражение в палате, — заявил король, — это будет равносильно вынесению недоверия Его Величеству со стороны вигов, одержимых стремлением навязать себя в качестве главенствующей партии. В таком случае, возможно, мне придется склониться перед зловещей силой. Она может навязать нации своих министров, но те никогда не будут пользоваться моим доверием.

В самом деле, правительство Пия походило на клячу, готовую упасть и не подняться. В парламенте тори то и дело оказывались в меньшинстве. Было вопросом времени, какой момент виги изберут для решающего удара. Из дворца Сент-Джеймс лорд Грей получил послание с предложением возглавить кабинет вигов, но отклонил его.

Оставался Мельбурн. К нему с протянутой рукой обратился Вильгельм. Тот на переговоры согласился, но на своих условиях. Во-первых, никто из окружения короля, включая его свиту, не должен был голосовать в парламенте против правительства вигов. Во-вторых, предлагалось пополнить верхнюю палату вигами.

Только по второму пункту король высказал оговорки, заявив, что среди них есть деятели, которых он ни при каких обстоятельствах пэрами сделать не может. Были названы их имена. Мельбурн на таких кандидатах не настаивал, и договоренность была достигнута. Унизительная для монарха! И по его же собственной вине. Английская парламентарная демократия преподала новый — и последний для Вильгельма — поучительный урок.

Неважными были семейные дела короля. В начале 1835 года распространились слухи о беременности Аделаиды, причем не от мужа. Они не подтвердились, но королева действительно не соблюдала приличий, на что супруг закрывал глаза.

Нежные чувства король питал к юной племяннице — наследнице Виктории. Тем больше выводило его из себя поведение Камберленда, не скрывавшего антипатии к девушке. Однажды изрядно нагрузившийся спиртным братец поднял тост "за наследника". Неизвестно, кого он имел в виду. Возможно, самого себя. Услышав такую бестактность, Вильгельм схватил бокал и швырнул на пол.

— Намотай себе на ус, — воскликнул король, — что у меня есть одна наследница — Виктория, которой тебе придется целовать ручки, когда меня не будет!

Побагровев, Камберленд бросился вон из залы — и больше о наследнике не заикался. С ухудшением

состояния короля Мельбурн и Веллингтон обсуждали меры предосторожности против попыток Камберленда совершить государственный переворот, возведя себя на трон после кончины Вильгельма.

Виктория вела себя скромно, чего нельзя было сказать о ее матушке — вдовствующей герцогине Кентской. Ей не терпелось вступить в права регентши, пока ее дочь не достигла совершеннолетия. Разумеется, это могло произойти только после кончины Вильгельма IV. А пока она изобретала поводы покрасоваться перед публикой и не стеснялась требовать для управляющего ее свитой сэра Конроя наград, почестей, злась, когда получала отказ.

Открытый конфликт с королем вспыхнул в 1833 году, когда она решила устроить турне по стране для Виктории. Герцогиня распорядилась об оказании ей почестей, какие полагались монарху. Вильгельм вмешался и осадил такую ретивость.

Затем до него дошел слух об активности герцогини в устройстве брачной партии для Виктории с одним из немецких принцев. Чаша терпения переполнилась, и король направил правительству меморандум, предлагая "не спускать глаз с герцогини в ее шагах, преследующих исключительно личные выгоды в ущерб интересам государства".

В августе 1836 года приглашенные в Виндзор гости стали свидетелями рассерженного вида короля. Причина выяснилась, когда он поднялся с места.

— Вверив свою судьбу Всевышнему, — начал король, — надеюсь, что мне суждено прожить еще, по крайней мере, девять месяцев, по истечении коих отпадет необходимость в установлении регентства над Викторией, поскольку тогда в случае моего конца молодая леди станет королевой. Заявляю об этом во всеуслышание потому, что считаю близких к ней особ недостойными, некомпетентными и нанесшими мне немало оскорблений, с чем мириться не желаю и говорю об этом прямо...

Король сел на место, а принцесса Виктория залилась слезами. Ее матушка не проронила ни слова.

Между Виндзором и Кенсингтоном, где размещалась герцогиня с дочерью, установилось что-то вроде шаткого перемирия. Обе стороны сознавали, что нарушили правила приличия на публике.

К концу 1835 года недовольство Вильгельма Мельбурном и министрами улеглось. Он пригласил их на обед

в Сент-Джеймский дворец. С неудовольствием отозвался он о нападках торийской партии на вигов.

— Не понимаю, — говорил он, — чего хочет оппозиция. Страна приходит в себя после бурь и волнений, начинает экономически процветать. Чего еще желать?

Семидесятилетнего человека, к тому же хворого, в горнило битв — пусть и политических — не тянуло. Отдохнув после обеда, король с трудом удерживался на ногах, ему из-за артрита сводило суставы.

Все же некоторые события заставляли его забывать о недомогании и отстаивать то, что он считал важными принципами.

Летом 1836 года осложнилось положение в Испании. Королева Изабелла была вынуждена согласиться на либеральную конституцию. Виги с их лидером в области внешней политики Пальмерстоном приветствовали эти перемены, а король видел в них "революционную инфекцию". Кризис закончился, как повелось, отступлением короля.

Монарх настолько устал от политических и других конфликтов, что с удовольствием укрылся бы в лоне семейства, если бы там царил благодать. Увы, об этом можно было только мечтать. Сыновья по-прежнему враждовали с ним из-за денег. Старший сын довел себя до самоубийства. Во время родов скончалась любимая дочь Вильгельма — София, леди Лилль. Ему требовалось внимание супруги, но она заболела, и врачи опасались за ее жизнь. Худшего не произошло, но пережитые волнения еще больше подточили здоровье Вильгельма.

В апреле 1837 года его поразил приступ астмы. В течение нескольких недель он страдал бессонницей. Вернувшись 17 мая с приема в Виндзоре, еле-еле вскарабкался по лестнице, упав без сил на диван. Несколько дней обходился без пищи, замкнулся в своих апартаментах. Пересилив себя, прикатил в кресле на заседание Тайного совета.

Была у него радость. 4 мая Виктория отметила совершеннолетие. Теперь можно было не беспокоиться о том, что герцогиня станет регентшей. Он не смог присутствовать на балу, устроенном в честь племянницы, послав ей подарок — пианино. Тогда же ей было предложено отдельное содержание, на что девушка согласилась, испортив отношения с матерью.

Публика, разумеется, ничего не знала о происходившем в королевском семействе, но 6 июня Аделаида поя-

вилась на скачках в Аскоте без супруга. Он неохотно дал согласие на публикацию бюллетеней об ухудшении своего здоровья.

18 июня в Англии отмечали годовщину битвы при Ватерлоо. Король ознаменовал этот день последними усилиями на жизненном поприще. Немного раньше он заявил врачам:

— Знаю, мне осталось жить недолго, но я хотел бы протянуть до дня Ватерлоо. Постарайтесь сделать так, чтобы я встретил хотя бы зарю этой даты — захода солнца я не увижу...

Врачи уверили, что у него будет еще много таких дней. Что можно было сказать! Было удивительно, что Вильгельм еще дышит. Его поразил отек легких, одеревенели сердечные клапаны, разбухла печень.

— Король умирает, подобно льву, — заметил Дизраэли.

19 июня утром врачи сообщили близким, что Вильгельму осталось жить несколько часов. Во второй половине дня он потерял сознание. В половине третьего утра 20 июня жизнь короля угасла. 8 июля он был похоронен в Виндзоре.

В истории Англии открывалась новая глава. Трон в ореоле юности занимала королева Виктория. Реформы 30-х годов XIX века подготовили почву для дальнейших внутренних преобразований, выдвинувших страну на лидирующее место в мире в экономической и других областях. В отличие от ряда других стран, где монархия не сумела приспособиться к потрясениям эпохи, вызванным коренными переменами в обществе, королевское семейство в Англии проявило большее искусство политического выживания. Институту монархии на Британских островах принадлежит не последняя роль в том, что в ряду других держав Запада Англия остается наиболее стабильной страной.

Разумеется, дело не обходилось без возникновения острых, а то и кризисных ситуаций при дворе Их Величеств. За фасадом Букингемского дворца случаются свои скандалы, свои потрясения, не всегда видимые публикой. Но "тайны" Букингемского дворца рано или поздно становятся достоянием гласности. Особенно показательно это для двора Ее Величества Елизаветы II. Нынешняя британская самодержица столкнулась с целой серией скандалов в своем семействе, подвергших ее трон немалым испытаниям, потрясениям. Об этом имеет смысл рассказать подробнее.

Часть третья
ВИНДЗОРЫ:
НРАВЫ И РЕПУТАЦИЯ

Глава I

ЦАРСТВО — ЗА ЛЮБИМУЮ

Страсть и власть переплетались друг с другом и сталкивались в рамках британской монархии дважды на протяжении текущего, XX столетия.

В центре таких коллизий на политической арене, в парламенте, прессе и в самом королевском дворе стояли фигуры двух женщин: Уоллис Симпсон — из небогатого американского семейства в Балтиморе, прожившей два года с первым мужем-пилотом в США, а затем вышедшей замуж за дельца Эрнеста Симпсона, и Дианы Спенсер — из аристократического английского семейства.

Любовная связь Уоллис с Дэвидом, как звали принца Уэльского близкие до занятия им трона в качестве Эдуарда VIII, а у Дианы ее непрочный брак с наследником Елизаветы II принцем Чарлзом привлекли к себе пристальное внимание и в Англии, и за ее пределами.

Подробности частной жизни королевских особ интересуют публику в странах и с давними республиканскими традициями. В наш век возможности удовлетворения такого интереса значительно возросли с появлением радио и телевидения. И чем упорнее пытаются в Букингемском дворце отгородить королевское семейство от нескромных взоров, тем настойчивее вездесущие средства информации — прежде всего во имя коммерции — стремятся добыть что-то "жареное".

Такого чтива хватало в связи со скандальными историями, в которые оказались вовлеченными Уоллис и Диана, а также и в целом институт британской монархии.

Георг, старший сын наследника королевы Виктории, будущего Эдуарда VII не ведал в конце июня 1894 года, что ему доведется испытать со своим первенцем, когда записывал в дневник: "У меня родился хорошенький

младенец-мальчик, весящий 8 фунтов". Виновник этого события спустя более чем полстолетия саркастически прокомментировал дневниковую запись отца: "Мне представляется, что по данному случаю мой отец в последний раз вдохновился на похвальный отзыв обо мне".

Английские биографы Дэвида единодушны в нелестных оценках того, как занявший трон в 1910 году родитель Дэвида Георг V и особенно его супруга Мэри обращались со своими детьми. За ними смотрели их воспитатели, и родительского внимания, тем более ласки, они почти не ощущали.

Георг V любил изрекать такую заповедь:

— Мой отец боялся своей матери, я боялся отца, и не стоять мне на своем месте, если мои дети перестанут бояться меня!

В раннем возрасте между Дэвидом и отцом выросла стена отчуждения. Мальчик если не восставал открыто, то в душе ополчался против многого, что слышал от родителя. Мать не пыталась переделать его на свой лад, была холодна к нему.

Взрослым человеком Дэвид тянулся к женщинам старше себя как бы в поисках теплоты, отзывчивости, которых ему не хватало в детстве.

Отличаясь упрямством, питая неприязнь к нудной церемониальности, строгому протоколу королевского двора, Дэвид и в юности и позднее, когда занял престол, тяготился обязанностями, связанными со своим статусом.

Делом чести для него было присоединение к действующей во Франции британской армии в годы 1-й мировой войны. На фронте он показал бесстрашие, чувства товарищества, заслужившие уважение офицеров и рядовых солдат.

В конце войны отпущенный в отпуск на короткое время в Лондон, он во время налета на город немецкой авиации случайно познакомился с молодой замужней англичанкой, имевшей детей, — Фридой Дадли Уорд. Их связь, продолжавшаяся в течение 17 лет, стала ослабевать с появлением у Дэвида новой возлюбленной — Тельмы, леди Фернесс.

В ее доме состоялось в начале 1931 года знакомство принца с Уоллис, не стеснявшейся пускать в ход острый язычок, как убедился Дэвид, когда высказал предположение, что ей как американке не хватает в Лондоне привычного центрального отопления (тогда жилища там обогревались, как правило, камнями, топившимися на угле).

— Извините, сэр, — отпаривала Уоллис, — но вы меня разочаровываете.

— Каким образом?

— Видите ли, каждую американку, приезжающую к вам, спрашивают о том же самом. А я ожидала услышать от принца Уэльского нечто более оригинальное.

Сказанное не задело принца, а лишь подогрело его интерес к этой женщине. Они снова увиделись месяца через три, встречались еще несколько раз в светских салонах, пока Дэвид не стал проявлять к американке больше чем обычный интерес. В начале 1934 года Уоллис писала своей тетке Бэсси в США: "О принце ходит много сплетен. Однако не в моих правилах отбивать у подруг их поклонников. Да, мы часто бываем вместе. Думаю, что я занимаю принца. Нам нравится танцевать вместе, но на моей шее висит Эрнст, поэтому мне ничто не угрожает".

Весной того же года Тельма на несколько месяцев отлучилась из Англии в США. А когда вернулась, то принц Уэльский оказался плененным Уоллис.

А как же Эрнст? Его супруга в письме Бэсси в ноябре 1934 года рассуждала просто: "Полагаю, мне удастся удержать рядом с собой обоих".

Но Дэвид все менее довольствовался физической дистанцией с ней. В июле 1935 года, участвуя в военно-морских празднествах в одном из английских портов, он адресовал Уоллис такие строки: "Вам следует знать, что ничто — и даже звезды — не способно нас разлучить. Мы вечно принадлежим друг другу, любим друг друга сильнее самой жизни, и пусть нас благословит Господь. Ваш (подчеркнуто дважды) Дэвид".

После такого послания могли ли оставаться сомнения у Уоллис насчет серьезности намерений Дэвида? Ему исполнилось сорок лет, королю Георгу V стукнуло семьдесят, и его здоровье оставляло желать много лучшего. Престол светил возлюбленному американки не в далекой перспективе. И такая перспектива могла вскружить голову женщине и менее честолюбивой, нежели Уоллис.

Летом того же года Дэвид и Уоллис отправились без Эрнста — он отказался от приглашения принца присоединиться к ним — на юг Франции, и там во время совместного плавания по Средиземному морю, по утверждению биографов принца, между ним и Уоллис пала последняя, отделявшая их физически, черта.

Вместе со своей племянницей на юге Франции находилась Бэсси, осознавшая, что произошло во время круиза. Будучи натурой практичной, ее занимал вопрос, что будет дальше. Она знала, как внезапно порвал Дэвид с Фри-

дой Дадли, а потом с Тельмой и как вообще легко он мог сходиться с женщинами — и так же бросать их. Поэтому перед своим возвращением в США она решила вызвать племянницу на объяснение.

— Уоллис, — начала разговор Бэсси за обедом, — принц, видимо, весьма тобой увлечен?

— Что заставляет тебя, тетя, так думать?

— Мои старые глаза не настолько слабы, чтобы не заметить, что видно в каждом его взоре!

Воцарилось молчание. Уоллис затрудила, что сказать, она сама не знала, что ее ожидает. Наконец она заметила:

— Думаю, он действительно любит меня.

Тетка взглянула в глаза племянницы:

— А тебе не кажется все это рискованным? Если ты позволишь увлечь себя, это только возбудит тебя и заставит чувствовать неудовлетворенность всем, к чему ты привыкла.

— Ты не знаешь, тетя, о чем говоришь, моя жизнь прекрасна, и ты не должна волноваться за меня: я знаю, что делаю.

— Хорошо, — вздохнула собеседница, — поступай как хочешь. Но знай, люди умнее тебя расплачивались страданиями за содеянное, и я не вижу, чтобы в данном случае все кончилось благополучно.

Говорить больше на данную тему было не о чем. Предостерегающие слова Бэсси были слишком слабы по сравнению с обуревавшими Уоллис чувствами — не любовной лихорадки: для этого она была в свои сорок с лишним лет достаточно пожившей и испытавшей сердечные увлечения женщиной. Ею владело чувство окрыленности по поводу **такой** близости к **такому** человеку!

Эрнст Симпсон встречал жену в Саутгемптоне, где сделал остановку плывший из Гавра в США лайнер, на котором находилась Бэсси.

— Как прошел королевский отдых? — спросил Эрнст.

— Описать невозможно, все, что могу сказать, — можно сравнить свои переживания с описанным в "Граустарке", — не скрывала восторга Уоллис.

— Вот как! Думаю, тут скорее подойдет сравнение с Алисой, очутившейся в Зазеркалье, или еще лучше — приключившееся с Питером Пэном, попавшим в царство никогда не сбывающегося!

Холодная ирония слов мужа заставила Уоллис содрогнуться. Упомянув о "Граустарке", она имела в виду вышедший в США в 1901 году роман Джорджа Маккарт-

чена, в котором герой — американец — влюбляется в принцессу Етиву в сказочном королевстве Граустарк. Это первое свое произведение автор продал за 500 долларов, а разошлось оно в миллионах экземпляров, принеся издателю целое состояние.

Королевские сюжеты не только в монархистской Англии, но и в республиканской Америке могут быть весьма популярными — и прибыльными. Пройдет пара десятилетий, и Уоллис, а затем Дэвид расскажут в своих мемуарах историю их сердечных дел и последовавших политических потрясений в Англии. Такова книга Уоллис "У сердца свои мотивы" и Дэвида "Повествование короля".

Эти свидетельства, а также вышедшая на Западе обширная литература на ту же тему позволяет проследить развитие не сказочного, а реального сюжета. Автор остановится на самом существенном, причем в воспроизведении многого, что относится к сугубо личным моментам взаимоотношений Дэвида и Уоллис, нет необходимости домысливать: в упомянутых мемуарах и в других свидетельствах содержится богатый материал.

Середина 30-х годов — высшая точка жизненного пути Уоллис. Молва о ее близости с наследным принцем заставила львиц и львов светских салонов Лондона добиваться ее внимания. Все это выглядело как исполнение самых радужных желаний, если бы не одно обстоятельство, внушавшее ей беспокойство. Она еще не была вхожа в Букингемский дворец. Ни Дэвид об этом не заговаривал, ни оттуда не поступало также сигналов, что ее хотели бы там видеть.

Поэтому ее обрадовало полученное приглашение от королевской четы прибыть 27 ноября 1934 года на прием во дворец по случаю бракосочетания брата Дэвида герцога Кентского с принцессой греческой Мариной.

Дэвид представил Георгу V и его супруге Уоллис, они перебросились несколькими малозначащими словами и дали понять, что аудиенция окончена.

Все было ясно без слов. Она являлась нежелательной персоной.

Второй — и последний раз — Уоллис довелось присутствовать в Букингемском дворце в мае 1935 года в связи с 25-летием восшествия Георга V на трон. На этот раз не было даже беглого разговора с королем, но враждебный взгляд, который он бросал на Уоллис, был красноречив.

Лишь впоследствии стало известно, как переживал Георг V увлечение сына. Королева Мэри до конца своих

дней не желала простить Уоллис этой любовной истории, считая ее виновницей безвременной, как она полагала, кончины мужа. Незадолго до смерти в январе 1936 года Георг в кругу близких людей высказался жестко:

— Молю Бога, чтобы мой старший сын никогда не женился и не завел детей и чтобы ничто не помешало Берти и Лилибет (второму сыну, Альберту, и его жене Елизавете) вступить на трон.

Ухудшение состояния отца помешало Дэвиду объясниться с ним о своих чувствах. Как выяснилось, принц был готов заранее отказаться от престола в пользу Альберта. Лишь бы ему дали соединиться с любимой женщиной!

Если бы объяснение состоялось, скорее всего дело до конституционного кризиса поздней осенью 1936 года не дошло бы. Была бы изыскана юридическая формула для передачи престола Альберту.

Брак герцога Кентского с Мариной отдалил от Дэвида близкого ему человека. В королевском дворе считали аморальной атмосферу в Форт Бельведере — поместье принца Уэльского неподалеку от Виндзора. Там, к неудовольствию мажордома и прислуги, на правах хозяйки воцарилась Уоллис и заводила свои порядки, настаивая, в частности, на том, чтобы сэндвичи готовились на американский манер — трехслойными чизбургерами.

Суэта званых раутов, коктейлей, благотворительных шоу и тому подобного, чем наслаждалась Уоллис, не могла заменить Дэвиду общения с узким кругом по-настоящему близких людей, в центре которого находился герцог Кентский.

Заполнить образовавшееся пустое пространство предстояло Уоллис, и она это сознавала. Результатом стало еще более сильное, чем прежде, тяготение к ней ее возлюбленного.

Не только наедине, но и на публике они вели себя наподобие супружеской пары. А Эрнст Симпсон? Он исчезал из поля зрения общества и не скрывал от жены появления у него любовницы. В мемуарах "У сердца свои мотивы" Уоллис писала об этом с обидой. Но удивляться следовало не тому, что супруг стал чуждаться ее, а тому, что это не произошло значительно раньше.

Своей "сдержанностью" Симпсон оказал плохую услугу себе, поставив себя в двусмысленное положение, и — что еще хуже — способствовал затягиванию кризисной ситуации вокруг принца, унаследовавшего трон в разгар любовной лихорадки.

Это привело к осложнению внутреннего положения в стране в условиях нарастающей фашистской угрозы, что требовало концентрации усилий для отпора гитлеровской Германии.

Некоторыми своими высказываниями Дэвид создавал впечатление человека, симпатизирующего фюреру. Как стало известно в середине 50-х годов из опубликованной книги внешнеполитического советника Гитлера Фрица Хессе "Гитлер и англичане", в марте 1936 года Эдуард VIII вмешался на стороне Германии в кризисную ситуацию, вызванную оккупацией вермахтом демилитаризованной по Версальскому договору Рейнской зоны.

Влиятельные деятели в Англии требовали решительных мер против Германии, и, если бы такие меры были приняты, с очагом агрессии в Европе можно было покончить на начальной стадии.

Поддерживавший близкий контакт с Эдуардом VIII германский посол в Лондоне фон Хёш посетил короля и призвал его воспрепятствовать шагам правительства, направленным против Германии. Эдуард выслушал Хёша и вскоре заявил ему по телефону:

— Я вызвал к себе премьера и сказал ему, что отрекись от престола, если он решится на войну. Последовала неприятная сцена. Но вам не надо беспокоиться. Войны не будет...

По такой версии, английский король выглядит диктующим волю правительству, что вряд ли соответствовало истине. Болдуин и его коллеги в бой против нацистов не рвались. Приведенный эпизод показателен с точки зрения умонастроений Эдуарда VIII. Вполне возможно, что упоминание об "отречении от престола" было навеяно частично стремлением Эдуарда VIII развязать узел, затянутый вокруг его отношений с Уоллис.

Вступив на трон, но еще не короновавшись (церемония была назначена на май 1937 года), Эдуард не только не стал осмотрительнее на публике, но афишировал свои чувства к замужней женщине.

Скандальную огласку в мировой прессе — но не английской, где сохранялось табу на подобные материалы, — получил круиз короля с Уоллис и их попутчиками из аристократических семейств летом 1936 года по Средиземному морю на яхте "Налин". Где бы ни бросала якорь яхта, везде, в том числе и в небольших портовых городках, жители приветствовали ступивших на берег титулованных туристов.

— Ты полагаешь, что чествуют меня? — после одной из таких встреч спросил король Уоллис.

— Конечно, кого еще эти люди могли бы приветствовать?

— Ошибаешься, ты являешься виновницей таких манифестаций. Простые люди знают, что король обожает тебя!

— Но это безумие! Если ты не будешь соблюдать осторожность, все, перед кем мы будем показываться, станут думать подобным же образом, а в этом я не вижу ничего хорошего, — встревожилась спутница короля.

— Осторожность, дорогая, не в моей крови, этим качеством я никогда не отличался и не гордился...

Немного позднее, после еще одного восторженного приема на берегу под возгласы местного населения "Живила любовь!", Уоллис забеспокоилась еще сильнее.

— Дэвид, ты говорил со мной о желательности демократического подхода к монархии, но то, что я слышала, заставляет сомневаться, благоразумно ли ты поступаешь. Мы слышали, что приветствуют не короля, а любовь. Заходить столь далеко в том, что является нашим личным делом, опрометчиво.

— Может, ты и права, но отчасти. Мой отец говорил, что, хотя монархия должна прогрессировать, такое движение не должно быть слишком быстрым. Но надо ли нам таиться от других, словно мы делаем что-то постыдное? Любовь украшает любого человека — даже короля...

Разговор на ту же тему возник во время стоянки яхты в порту Пирея под Афинами. Король и Уоллис были приглашены провести вечер в местном кафе. Теперь со спутниками на яхте заспорила Уоллис, услышав, что те хотели бы, чтобы она повлияла на короля и отговорила его принять приглашение.

— Не вижу ничего плохого, чтобы король провел вечер в кафе, — убеждала американка, — греки воспримут появление короля в таком месте в качестве нормальной демократической практики.

— Но это уронит достоинство короля! Неужели вы не сознаете такого факта? Вы должны отговорить короля! — наступали на Уоллис собеседники.

Это был разговор глухих. То, что для аристократии являлось недопустимым, выглядело вполне нормальным для женщины, воспитанной в совершенно иной среде.

Вечеринка в Пирее прошла без происшествий. То, что газеты в Афинах на следующий день сообщили о времяпровождении короля, никакого вреда ему не нанесло.

Находясь под жаркими солнечными лучами во время этого плавания, Эдуард, естественно, носил шорты, май-

ку, появлялся на капитанском мостике с обнаженным торсом. В таком виде его запечатлевали фоторепортеры, и это тиражировалось в миллионах экземпляров в прессе разных стран, за исключением, как упоминалось, Англии. Не являясь королевой, спутница Эдуарда VIII тем не менее представляла рядом с ним перед фотокамерами, когда после круиза он нанес визиты президенту Ататюрку в Турции и болгарскому царю Борису.

Словно не утолив "жажды" во время средиземноморского круиза, они завершили турне в ресторанах Будапешта под мелодии цыганских ансамблей и брызги шампанского, забыв мудрые слова: умеренность — вот лучший пир...

Затем Уоллис направилась в Париж — делать покупки для своего гардероба, а Эдуард вылетел в Лондон.

В Париже американку ожидала объемистая почта, среди корреспонденции было больше всего газетных вырезок из США. Просмотрев их, она ужаснулась: пресса была заполнена материалами о круизе по Средиземному морю, причем они выглядели молодоженами, наслаждающимися медовым месяцем!

"Я осознала, что круиз на "Налине" был ошибкой", — писала Уоллис в мемуарах.

Признаваться следовало в серии промахов. Среди них осенью 1936 года самым серьезным было решение об ускорении развода с Эрнстом Симпсоном. Против такого шага предостерегали влиятельные деятели в кругу доброжелателей Эдуарда VIII: Уинстон Черчилль, газетные магнаты Бивербрук, Ротермир, член правительства Дафф Купер.

Пока Уоллис формально являлась женой Эрнста, она могла оставаться на положении любовницы короля. Такой ее, с позволения сказать, статус ни к чему Эдуарда VIII не обязывал. До него большинство английских монархов — холостяков или женатых — заводили любовниц без особого ущерба для своей репутации. И если Уоллис осталась бы любовницей Эдуарда, это не помешало бы его коронации.

Но он питал к своей возлюбленной слишком сильные чувства, чтобы смириться с унижающим ее положением любовницы, хотя у нее равноценных чувств к нему не было, а честолюбия хватало.

Оба сошлись на том, что Уоллис следует форсировать развод, против чего Эрнст не только не возражал, но соглашался взять на себя роль виновной стороны.

В конце октября 1936 года в городке Ипсвич подалше от столичных журналистов суд удовлетворил иск Уоллис. "Наконец я получила свободу" — так в мемуарах она писала о приподнятом настроении на пути в Лондон из Ипсвича.

Радость была преждевременной. Дэвид, когда по возвращении в Лондон Уоллис с ним увиделась, поразил ее мрачным видом.

— Ты не можешь себе представить, на что пошел Болдуин, — рассказал король. — Он посетил меня, чтобы выразить озабоченность по поводу твоего иска к Эрнсту, и осмелился дать мне совет заставить тебя взять иск обратно. Между нами произошло резкое объяснение. Я указал ему на неуместность того, что он назвал советом. Речь идет о деле, касающемся лично тебя. Для нас, дорогая, теперь должно быть ясным, с чем мы сталкиваемся...

Развеивались последние иллюзии. Не делясь мыслями с возлюбленным, Уоллис отдала отчет в том, что глава правительства намерен во что бы то ни стало воспрепятствовать ее браку с Эдуардом. Иной причины вмешательства премьера в ее бракоразводные дела быть не могло. Тревога отразилась на лице Уоллис, и Дэвид пытался ее успокоить:

— Не волнуйся, я не сомневаюсь, что сумею все уладить...

Слабое утешение. Несмотря на то что английская пресса не сделала из сообщения о решении суда в Ипсвиче сенсации, все больше людей оказывались осведомленными о любовной истории короля. Об этом Уоллис могла судить по пристальным взглядам, которые бросали на нее прохожие на улицах. Даже ее внешность переставала быть незнакомой.

13 ноября стало для нее днем, сравнимым с разразившейся грозой. Во второй половине дня с приехавшей из США Бэсси она направилась в автомашине в Форт Бельведер. Там к ней присоединился Дэвид, но долго не оставался, а исчез, сказав о срочных делах в Виндзоре. Вернулся он неузнаваемым — бледным и смятенным. От объяснений уклонился.

На следующий день, в воскресенье, король с Уоллис были приглашены на "файв-о-клок ти" — полуденный чай к чете Кентов в их поместье неподалеку от Виндзора. И только на обратном пути Уоллис удалось вытянуть из Дэвида, что же стряслось.

— Видишь ли, — сообщил он, — я отправился в замок для встречи с давним другом Уолтером Монктоном,

которого ты видела. Ты, наверное, знаешь, что в течение многих лет он является моим главным юридическим советником. А встретиться с ним было необходимо, так как он привез письмо от моего секретаря в Букингемском дворце Александра Хардинга. Ты ознакомишься с письмом в Форт Бельведере и поймешь, что мне не остается ничего иного, как вызвать для решающего объяснения Болдуина.

Послание было датировано тем же днем — 13 ноября. Ссылаясь на то, что долг повелевает ему привлечь внимание Его Величества к сложившемуся положению, Хардинг писал, что впредь для английской прессы будет невозможным хранить молчание по поводу "дружбы Его Величества с миссис Симпсон" и эффект разглашения этого факта будет "катастрофичным".

Далее указывалось на созыв Болдуином в тот же день членов правительства для обсуждения кризисной ситуации. Упоминалось, что правительству, возможно, придется подать в отставку, что создаст невыносимое с конституционной точки зрения положение, так как ни одна партия не намерена принимать на себя бразды правления, и в таких условиях внеочередные парламентские выборы также вряд ли явятся выходом из тупика.

В связи с этим в письме говорилось об "ущербе, который неизбежно будет причинен короне как краеугольному камню, на котором зиждется здание империи".

Автор послания брал смелость рекомендовать королю единственно возможный шаг для предотвращения опасной ситуации — предложить миссис Симпсон без промедления покинуть пределы Англии.

Уоллис была ошеломлена, но не растерялась, заявив, что готова исполнить совет Хардинга, подсказанный, несомненно, Болдуином.

— Ты не сделаешь ничего подобного, — возразил король, — я на это не соглашусь. Это письмо — дерзость!

— Может, и так, но все равно оно, на мой взгляд, написано с честными намерениями и выражает позицию правительства — не допустить брака со мной.

— Меня не остановят! На троне или нет, я женюсь на тебе, — и с этими словами рука Уоллис очутилась в руке Дэвида, и она услышала сказанное непреклонным тоном:

— Завтра вызову Болдуина в Букингемский дворец и скажу ему, что, если страна не одобрит наш брак, буду готов оставить трон.

Слезы брызнули из глаз Уоллис:

— Дэвид, безумие думать об этом и тем более — говорить!

— В любом случае я должен обсудить все эти вопросы с правительством. Об этом я условился с Уолтером. А что касается Хардинга, то он не может более служить каналом коммуникаций с правительством, в таком качестве будет действовать Уолтер. Не думай, что я покоряюсь. Вовсе нет. Имеются возможности, которые я могу использовать.

В том, что Уоллис позволила убедить себя и пока остаться в Англии, сыграла роль переоценка ею популярности Эдуарда VIII. По ее собственному свидетельству, наблюдение, как все вокруг ее возлюбленного бросались исполнять малейшее его желание, с каким восторгом воспринимались знаки его внимания, убеждало ее в истинности изречения: король не может ошибаться!

Лишь позднее пришло осознание того, насколько уязвим был король, какой на деле небольшой властью обладал. Такой вывод сделан в мемуарах "У сердца свои мотивы".

Книга лорда Биркенхеда, основанная на дневниковых записях Уолтера Монктона, которые он разрешил опубликовать после своей смерти, дополняет упомянутое выше красноречивым свидетельством: "...гнетущее чувство овладело им (Эдуардом VIII), что все ресурсы могущественной верхушки — истеблишмента оказались мобилизованными против него. Он указывал на враждебность к себе так называемой "качественной прессы", жаловался, что ни один авторитетный голос не был поднят в его защиту как короля".

Правительство запретило ему выступить по радио с объяснениями своей позиции на том основании, что он не вправе делать публичные заявления, за которые министры Его Величества не могут нести ответственности. Ему отказывалось в праве, принадлежащем рядовому подданному, — праве голоса!

Он мог бы воспользоваться таким правом и откровенно высказаться во время своего турне по угледобывающим районам страны в середине ноября.

Но, несмотря на импульсивность, он был слишком дисциплинированным членом королевского семейства, чтобы осмелиться на такое.

Пока Дэвид отсутствовал, Уоллис встретила с некоторыми из знакомых влиятельных деятелей и выслушала их советы. Она услышала об идее оформления с Эдуардом VIII морганатического брака, при котором она не

пользовалась бы привилегиями, принадлежащими ее мужу как монарху, то есть не являлась бы королевой.

Дэвид поморщился, когда она сказала об этой идее, и неохотно согласился выяснить шансы ее реализации. Они условились, что король поговорит об этом с Болдуином.

После некоторых раздумий премьер высказался "за". Обсуждение на заседании правительства показало, что большинство министров идею отклоняют. Любое приближение госпожи Симпсон — пусть даже в качестве морганатической супруги короля — к трону являлось для министров неприемлемым.

Поднимали голову ультрамонархисты. Дэвид дал знать Уоллис о слухах относительно готовящегося террористического акта: взрывного устройства под ее домом в Лондоне. Искушать судьбу не следовало, и за Уоллис и Бэсси был прислан лимузин, они в спешке перебрались в Форт Бельведер.

Уоллис и в голову не приходило, что Лондон она увидит снова уже в военное время.

2 декабря король отправился из Форт Бельведера в Лондон, где должен был принять Болдуина. Поздно вечером он вернулся — и с плохими вестями, о чем не стал распространяться в присутствии Бэсси, предложив Уоллис пройтись с ним по парку. Там он рассказал о разговоре с премьером:

— Дело обстоит таким образом, что либо я должен оставить тебя, либо отречься от трона. Иного не дано. Мое решение твердо: я не собираюсь расставаться с тобой!

— Дэвид, — обратилась к нему любимая, — ты должен знать, что в Англии я далее не останусь. Я и так задержалась. Мне надо было уехать сразу после письма Хардинга. Теперь, что бы ты ни сказал, меня ничто здесь не задержит!

Решимость Уоллис сняла с короля давившую тяжесть:

— Мне будет нелегко без тебя, но другого выхода нет. К тому же завтра вся пресса заговорит о нас, и это будет испытанием посерьезнее всего пережитого. Думаю, сумею справиться. А тебе действительно лучше быть подальше от того, что разразится.

Увиденное утром на следующий день в газетах пре-взошло худшие опасения. Давно сдерживавшиеся шлюзы разверзлись и в образовавшуюся брешь хлынула лавина! Аршинные заголовки кричали: "Конституционный кризис", "Король женится, бросая вызов правительству",

”Премьер и архиепископ в Букингемском дворце накануне политического землетрясения”...

Иерархи англиканской церкви публично высказались в том же духе, в каком Болдуин делал королю предостережения за кулисами. Положение монарха как главы англиканской церкви создавало для него нетерпимое положение.

Мешкать с бегством из Англии было нельзя, и Уоллис, просмотрев газеты, направилась в кабинет Дэвида. Увидев ее, он пытался незаметно сбросить на пол лежащую на столе прессу. Она остановила его:

— Не беспокойся, я знаю, что в них!

Король обнял Уоллис:

— Извини, я надеялся, ты еще ничего не видела...

— Прости, дорогой, что по моей вине тебе приходится все это переносить.

— Что сделано, то сделано. Теперь надо позаботиться о том, что в наших силах.

— Ты прав. Я должна покинуть Англию как можно скорее, во всяком случае, не позднее сегодняшнего вечера.

— Я все продумал. Тебя будет сопровождать надежный человек. Вопрос в том, куда тебе отправиться?

Остановились на вилле общих знакомых в Каннах, во Франции. Связались с ними по телефону, не говоря прямо, кто прибудет, но на другом конце телефонной линии поняли, о ком идет речь.

Уоллис должен был сопровождать в ее автомашине лорд Браунлоу, отставной офицер королевской стражи. Он и его жена были частыми гостями в Форт Бельведере. Был разработан план, призванный обмануть бдительность появившихся у стен Виндзора репортеров.

Операция удалась. Тем же вечером Уоллис и Браунлоу сели на паром в Дьеппе во Франции, погрузив автомашину Уоллис.

Расставаясь с Дэвидом, Уоллис не знала, увидит ли его снова. Ближайшее будущее, не говоря о более отдаленном, скрывалось в туманной дымке. Прощальными словами короля были:

— Не знаю, как все закончится. Пройдет, по-видимому, некоторое время, прежде чем мы увидимся. Ты должна ждать меня, сколько бы ни длилась разлука. Я никогда с тобой не расстанусь!

Неделя отделяла эту прощальную сцену от объявления Эдуардом об отречении от престола. Все в этот промежуток решалось за его спиной и вопреки ему. В мобилизации истеблишмента во имя незыблемости устоев

порядка участь одного человека — пусть и королевского звания — мало что значила.

4 декабря, когда Уоллис находилась на пути в Канны, Эдуард VIII принял Болдуина в Форт Бельведере и снова услышал от него призыв пересмотреть решение о браке с миссис Симпсон. Ей в соответствии с юридическими нормами предстояло еще полгода носить фамилию второго супруга и не связывать себя новыми брачными обязательствами.

Король во время аудиенции стоял на своем и был поддержан гостившим в Форт Бельведере У. Черчиллем:

— Вам, Ваше Величество, следует, на мой взгляд, добиваться выигрыша времени и посмотреть, куда клонится стрелка барометра общественного мнения. Думаю, время будет работать на вас и все больше людей выступят в вашу защиту. Мы можем одержать победу, хотя можем и проиграть. Но сдаваться рано, надо действовать!

Многоопытный политический деятель рассуждал теоретически правильно, но недооценивал стремления правительства форсировать развязку кризиса. Черчилль мыслил категориями месяцев, Болдуин заявил своим коллегам в правительстве, что все в конституционной сфере должно быть урегулировано не позднее рождественских праздников в конце декабря, а большинство министров и такой срок считали затянутым и настаивали, чтобы король сделал окончательный выбор — остается или нет с миссис Симпсон? — в самые ближайшие дни.

Очутившись вдалеке от политических баталий, Уоллис повела себя не лучшим образом. В телефонных разговорах с Эдуардом стала призывать его продолжать борьбу за королевские права, ссылаясь на его популярность, крепость его позиций и т. п. Имея возлюбленную рядом, Дэвид поддавался ее чарам. Услышанное издали производило меньшее впечатление. Согласиться с тем, что говорила Уоллис, значило вызвать конфликт между монархом и правительством, поддерживаемым парламентом.

Король высказал Уоллис сомнения относительно ее доводов, но она упорствовала, пока не убедилась, что король к ней не прислушивается.

Было решено, что самым разумным явится ее заявление для прессы, призванное развеять у публики взгляд на нее как стремящуюся любой ценой взойти на трон.

8 декабря в газетах появилось заявление миссис Симпсон с указанием на готовность отказаться от того, что

становится неприемлемым и вызывает чувства сожаления. Дальше подобных обтекаемых формулировок она не пошла, и у публики могло сложиться впечатление, что Уоллис приносит себя в жертву ради интересов нации.

Болдуин тоже подумал, что в позиции Эдуарда что-то сдвинулось в лучшую для правительства сторону. Во второй половине того же дня он предложил У. Монктону отправиться с ним в Форт Бельведер — попытаться опять убедить Эдуарда отказаться от брака с миссис Симпсон.

Визитеры нашли монарха в состоянии крайней депрессии. Произошел "диалог глухих". Премьер в моменты нервозности плохо слышал и повторял вопросы, на которые король уже дал ответы: о неизменности решения насчет брака с любимой женщиной.

Позднее вечером король дал обед в честь премьера с участием двух братьев — Альберта, герцога Йорка, которому предстояло занять трон в качестве Георга VI, и герцога Кента. Вопрос об отречении от трона был предрешен, и атмосферу обеда вообразить было нетрудно. Альберт смотрел на перспективу своего правления как на нежелательный для себя исход. Он был человеком, лишенным честолюбия, страдал от заикания, стеснялся показываться на публике. И, кроме того, всегда относился к Эдуарду как непререкаемому авторитету.

По иронии судьбы, именно ему предстояло после отречения Эдуарда принять решения, глубоко ранившие брата.

Вечером следующего дня Монктон передал правительству составленное Эдуардом заявление об отречении. Ранее в тот день было условлено, что он получит титул герцога Виндзорского.

Монктон и министр внутренних дел Джон Саймон откорректировали это заявление.

Последним актом перед выступлением по радио 11 декабря явилось подписание Эдуардом 15 документов, оформлявших уход с престола. Присутствовавший на церемонии виконт Темплвуд отметил в мемуарах полнейшее спокойствие, почти индифферентность Эдуарда ко всему происходившему.

И он же указывал на существенное обстоятельство в драматической истории Эдуарда: "его роковую уязвимость — более серьезную, нежели то, что он переживал в сфере чувств". Речь идет о его врожденной неприязни к королевскому статусу. Ритуал и традиции этого исторического института не впечатляли его. Он не менял

своих взглядов, когда еще подростком писал в дневнике: "Что за гниль и что за растрата времени, средств все эти церемонии! Таково мое единственное замечание по поводу всей этой суетни, связанной с функциями королевского двора!"

В истории британской монархии, пожалуй, лишь богобоязненный Генрих VI во второй половине XV века в такой степени чувствовал обременительность короны.

Эдуарда VIII трон тяготил по другой причине, не менее весомой. Обращаясь к своим подданным 11 декабря, он заявил: "Вы должны поверить моим словам о невозможности несения мной бремени ответственности и исполнения своих обязанностей в качестве короля, как это хотелось бы делать, без помощи и поддержки женщины, которую я полюбил".

3 июня 1937 года герцог Виндзорский обвенчался во Франции с Уоллис, принявшей герцогский титул без права обращения "Ваша королевская светлость". Последнее весьма раздосадовало ее супруга. До конца дней он не мог простить брату Георгу VI такого решения, как и отказа предоставить ему пост, соответствовавший его статусу.

Ни один из членов королевского семейства не почтил присутствием свадебную церемонию.

Остается упомянуть о том, как сложилась дальнейшая судьба этой пары. Для Букингемского двора герцог и герцогиня стали "персонами нон-грата". Лишь в 1967 году Елизавета II перестала бойкотировать чету Виндзоров, пригласив их на церемонию в Лондон в память о королеве Мэри. В 1972 году Елизавета посетила супружескую чету в Париже незадолго до смерти Эдуарда. Прибывшая в Лондон на похороны мужа герцогиня получила приглашение остановиться в Букингемском дворце. Она скончалась в 1986 году в 90-летнем возрасте. Ее состояние, включая наследство мужа, было оценено в 10 миллионов долларов. Не столь много. Большие средства пошли на туалеты герцогини — законодательницы мод на Западе. Из года в год она возглавляла список наиболее изысканно одетых женщин. Почти каждое утро волосы ей укладывал личный парикмахер.

Эдуард тоже славился своими одеждами. Общая страсть такого рода роднила их, но в остальном схожего между ними было мало. Счастливым данный брак считать вряд ли было можно. До последних дней совместной жизни их не покидало горькое чувство по поводу ост-

ракизма, какому они подверглись со стороны семейства сперва Георга VI, а потом Елизаветы II.

И все же герцог Виндзорский не предпринял ничего, ронявшего его достоинство в глазах публики и королевского двора в Англии. Он отклонял предложения о выгодных синекурах в фирмах и банках, воздерживался от публичных заявлений.

Из архивных документов стало известно о намерениях нацистских лидеров использовать в планах вторжения на Британские острова отчуждение Виндзоров от двора Георга VI. В случае оккупации Англии предполагалось посадить на трон герцога Виндзора. В кругу приближенных Гитлер высказывался о герцогине как "образцовой королеве". Нет никаких доказательств того, что Виндзоры согласились бы с такой перспективой.

Фактом является отклонение ими предложений Берлина, сделанных в начале войны, — поселиться в Испании, то есть создать подобие контрдвора под эгидой "третьего рейха".

Виндзоры дали повод рассматривать себя в качестве сторонников фашистского режима, когда в октябре 1937 года во время пребывания в Германии встретились с Гитлером, Герингом, Леем. Однако за данной поездкой не последовали акции герцога в пользу нацистов, а протесты общественности против заигрывания с нацистской верхушкой отрезвили супругов.

На протяжении почти всей мировой войны герцог был генерал-губернатором Багамских островов, служивших базой операций военно-морских сил Англии и США на Атлантике. Он относился к правящим политикам в Лондоне терпимее своей супруги. Имея в виду Англию, она после бегства отсюда в декабре 1936 года заявила:

— Ненавижу эту землю и буду ненавидеть до могилы...

Вечный покой Уоллис нашла на английской земле. Она была погребена поблизости от Виндзорского замка рядом с могилой своего Дэвида.

Глава II

МАРГАРЕТ И ПИТЕР ТАУНСЕНД

2 июня 1953 года было для юной Елизаветы II днем ее коронации и одновременно началом хлопот, переживаний. Связаны они были с любимой младшей сестрой

— Маргарет. Та на виду публики не смогла сдержать своих чувств к обаятельному капитану Питеру Таунсенду, члену свиты матушки Елизаветы и Маргарет. Знакомство с ним произошло, когда Маргарет было 16 лет, в 1947 году, во время африканского турне ее родителей, и с тех пор он завладел ее сердцем.

Грезы о нем были, подобно воздушным замкам, заманчивыми, чем больше думалось о нем и чем чаще доводилось им видеться. Питер был женат. О жене не распространялся, но было ясно, что брак был неудачным.

В самом конце 1952 года он был расторгнут и Маргарет сразу же заговорила с Елизаветой о замужестве. Они привыкли делиться друг с другом всем, включая сердечные дела. Старшая сестра не могла забыть, какое участие проявила Маргарет, когда узнала, что Елизавета собирается выйти замуж за греческого принца Филипа Маунтбэттена, несмотря на сомнения родителей по поводу этой партии. И, заняв трон, Елизавета была склонна поддержать сестру в ее брачных планах.

Неудивительно, что в день коронации выдержка изменила Маргарет. Она считала свою помолвку с Питером решенной.

Сперва американская, а затем английская пресса заговорили о романе Маргарет с Таунсендом. Возникла ситуация, похожая на кризис 1936 года с Эдуардом VIII и Уоллис.

Малоопытная в таких делах королева обратилась за советом к премьеру Черчиллю, надеясь, что он одобрит намерения Маргарет. Реакция сэра Уинстона была категоричной. Он напомнил, что активно занимался в 1936 году делами Эдуарда VIII и недооценил тогда значение того факта, что дама сердца короля дважды разводилась. Столпы англиканской церкви не желали и слышать, чтобы монарх браком с Уоллис нарушил канон этой религии, осуждавший в принципе расторжение брачного контракта — наследие средневековых норм, укоренившееся в католицизме и отнюдь не отвергнутое англиканской церковью.

Узнав о мнении премьера, Маргарет разрыдалась, но не сдалась, заявив, что никогда не откажется от Питера, где бы он ни находился. Их сердца принадлежат друг другу!

Дело в том, что по рекомендации Черчилля Таунсенд был отправлен в британское посольство в Брюсселе военным атташе. Расчет состоял в том, что, не видя друг друга, они остынут. Не желая принуждать сестру к фор-

мальному отказу от любимого человека, королева согласилась с мнением, что время — это лучший врач.

Не было принято во внимание существенное обстоятельство: репортеры следовали по пятам Маргарет и Таунсенда, ибо все, касавшееся их отношений, жадно читалось публикой. Ее аппетит к роману сестры королевы и погоня хозяев газет за "жареной информацией" во имя коммерции поддерживали огонь в топке сенсационной истории.

В октябре 1955 года, после двух лет разлуки, Маргарет и Питер решили увидеться в Лондоне. За ними началась форменная охота свор репортеров. Была мобилизована полиция из-за опасений стычек между журналистами конкурирующих газет.

Объектом давления стала сама королева. Старейший член кабинета аристократ маркиз Солсбери довел до ее сведения о намерении покинуть свой пост, если Маргарет свяжет судьбу с Таунсендом. Его поддержали некоторые другие министры.

Снова напрашивалась аналогия с 1936 годом. Но тогда на карту была поставлена репутация короля. В данном случае речь шла даже не о прямой наследнице престола. Нетерпимости, однако, в высших эшелонах власти к тому, что рассматривалось в качестве покушения на устои заведенного "порядка", было не меньше, а больше. Вмешался преемник Черчилля на посту главы правительства — Антони Иден.

18 октября он посетил Елизавету II и сообщил, что большинство его коллег высказалось против брака Маргарет с Таунсендом. И — более того — пригрозило, что, если она не послушается, ей придется покинуть пределы Англии, как поступил Эдуард VIII, и оказаться лишенной бюджетных ассигнований.

24 октября "Таймс" разразилась большой редакционной статьей, выдержанной в духе того, что довел до сведения королевы Иден.

Фронтальное наступление верхушки общества на 25-летнюю девушку-принцессу!

26 октября Маргарет и Таунсенд встретились в резиденции королевы-матери — Кларенс-хаузе и в течение полутора часов обсудили создавшееся положение. Поскольку королева воздерживалась от каких-либо советов как поступить, подвергаясь в то же время нажиму правительства, они решили, что не вправе более испытывать ее терпение, и пришли к выводу о невозможности брака.

На следующий день Маргарет нанесла визит архиепископу Кентерберийскому, чтобы сообщить о принятом

решении. Застала его обложенным фолиантами с закладками в тех местах, которые он собирался прочитать, убеждая ее в невозможности брака с Таунсендом.

— Архиепископ, — молвила принцесса, — можете убрать все эти книги, я уже приняла решение...

31 октября Би-би-си прервала передачу, чтобы объявить о решении принцессы со ссылкой на заповеди церкви о нерасторжимости уз христианского брака и своем долге перед нацией и странами Британского содружества.

В 1960 году Маргарет вышла замуж за фоторепортера, возвращавшегося в светском обществе, Энтони Армстронг-Джонса. Это был мезальянс, но на этот раз верхушка общества не волновалась. Опасались, что принцесса могла выкинуть что-то похуже. Известно было, как она отчитала королеву, когда та пыталась указать ей на какие-то дефекты ее туалета.

— Занимайтесь своей империей, — сказала она Елизавете, — а я буду следить за своими перчатками!

Мужу был пожалован титул графа Сноудона, но своих привычек, в том числе и в отношении женщин, он после брака не изменил. Небезупречным было и поведение супруги.

Весной 1978 года дело дошло до их формального разрыва — мирного, но королеве история стоила многих волнений.

Глава III

ТРУДНОЕ СЕМЕЙСТВО

Ирония судьбы: ни один брак своих детей, который благословили Елизавета и Филип, не оказался прочным.

Пятнадцать лет длилось супружество принцессы Анны и капитана Марка Филиппса. С ним дочь королевы познакомилась, когда он служил рядовым в отряде придворных драгунов. Незнатное происхождение компенсировалось выигрышной наружностью, и Анна им увлеклась.

Отчуждение между ними началось с рождения второго ребенка. Их стали видеть все реже вместе. Пресса заговорила о "связях на стороне".

В 1985 году газета "Ньюс оф уорлд" поместила более чем откровенное интервью с неким Питером Кроссом, ранее служившим в личной охране Анны. Его в 1981 году с этой службы уволили за "чересчур фамильярное отношение к принцессе". Слухи о том, что он — отец второго ребенка Анны, получили подтверждение, когда

сразу после родов Питер явился в ее покои повидать младенца. Затем скрылся с горизонта.

Вездесущие журналисты раздобыли письма нового дружка Анны — Тимоти Лоуренса — к ней. Их содержание не оставляло сомнений, что у нее появилось еще одно увлечение. Насколько серьезное? Конец гаданиям пришел, когда Лоуренс был допущен в королевский дворец Балморал по случаю 39-летия Анны, ему был пожалован орден, и он был зачислен в свиту дочери Елизаветы II. Парочку стали видеть в светском обществе.

Между тем Марк формально продолжал числиться супругом Анны. На таком фоне эпизод с Маргарет и Таунсендом выглядел величиной не больше булавочной головки, и, хотя речь шла о не очень давнем прошлом, досужие комментаторы задавали вопрос: с каких пор в Букингемском дворце стали меняться нравы и там стали закрывать глаза на то, что представляло собой явное нарушение норм морали?

Из окружения королевы начали поступать сигналы о доказанной неверности Марка, его связи с кинозвездой. То есть готовилась почва для развода Анны с ним. Это могло и должно было бы произойти раньше ввиду очевидного краха их брака. Видимо, не хотелось выносить сор из избы...

Анна активно занимается благотворительной деятельностью, возглавляет в Англии "Фонд помощи детям". Как и ее мать, страстная любительница верховой езды. В декабре 1992 года в одном из редких выступлений по Би-би-си она с большой убежденностью говорила о нуждах миллионов детей в "третьем мире".

И тогда же было объявлено о втором браке Анны — с Лоуренсом — после оформления в апреле развода с первым мужем. Поскольку англиканская церковь запрещает вторичные браки, церемония венчания Анны и Лоуренса состоялась 12 декабря 1992 года в церквушке близ дворца Балморал в Шотландии, где законы на этот счет не столь строги. Все было обставлено скромно. Репортеров на церемонию не допустили.

Не прибавила лавров Букингемскому дворцу версия в прессе о том, что один из киноактеров, Тим Силли, будто бы является внебрачным сыном Эдуарда VIII. Их внешнее сходство поразительно.

Несколько лет тянулись размолвки сына Елизаветы принца Эндрю с герцогиней Йоркской, урожденной Сарой Фергюсон. Чувства Эндрю к ней вспыхнули ярким пламенем и так же быстро погасли, оставив пепел.

Отец Сары, майор Рональд Фергюсон, служил у принца Филипа тренером по игре в поло, мать Сюзан убежала с любовником в Аргентину и там осталась. У Сары, едва она достигла совершеннолетия, появился любовник, ирландец Педди Мак-Налли, значительно старше ее.

Встретив на каком-то приеме Сару, Эндрю пал к ее стопам, и вскоре, в 1986 году, была сыграна свадьба. Королева не одобряла выбора сына. Многие в Саре восстанавливали не только сиятельных особ при дворе, но и не очень щепетильную прессу. Неряшливые туалеты, неумение следить за собой. Не отказывая себе в еде и питье — что также ставилось ей в вину, — она, и без того не склонная к худобе, полнела. Главное же — несдержанный язык, она выпаливала то, что думала. Это роднило ее с далекой Каролиной Брунсвикской. Но та была душевной, доброй натурой, тянувшейся к детям. Сара бросала двух крошек девочек ради бронзового загара на пляжах Марокко или во время горнолыжного сезона в Альпах, причем все чаще наслаждалась мужской компанией без Эндрю. Тот также не отличался вниманием к детям, часто появлялся с женщинами сомнительной репутации.

В начале 1992 года "Дейли мейл" поместила на своих страницах снимки Сары и нефтяного магната из США Стива Уайатта во время их отдыха на Средиземном море. Затем в газеты попали еще более разоблачительные фотоматериалы, найденные служанкой в апартаментах этого американца в Лондоне.

Даже и в таких обстоятельствах в окружении королевы считали возможным заглушить скандал, не доводя дело до формального разрыва. Снова нежелание вынесения сора, хотя подобная "терпимость" лишь бросала тень на нравы Букингемского двора. Считалось, что фасад монархии можно еще сохранить благовидным.

Так, очевидно, рассуждала Елизавета II, вызывая для объяснений Сару. Вслед за нахлобучкой ей были сделаны деловые предложения: она обязуется не демонстрировать на публике свои связи и не допускать никаких утечек в средства информации фактов о частной жизни королевского семейства. Три миллиона фунтов стерлингов было обещано в качестве "компенсации".

Можно представить реакцию широкой публики, когда о такой аудиенции у королевы пронюхали журналисты! Как раз тогда в парламенте множились голоса тех, кто указывал на необходимость распространения налогового бремени на королевскую семью. Одна из самых богатых

женщин в мире не платила налогов и в то же время могла выделить три миллиона фунтов на сокрытие правды от публики по поводу поведения одной из ее невесток!

Что касается налогов, то, учитывая настроения публики, королева объявила, что с апреля 1993 года будет подлежать налогообложению. Иное дело — история с Сарой. Заставить ее прикусить язык оказалось невозможным. Она не отрицала своей причастности к разглашению информации об аудиенции у королевы, вызвав бурное негодование в Букингемском дворце. Пресс-секретарь Елизаветы выступил с такими нападками на Сару, что ему пришлось брать слова обратно.

В начале 1995 года между Эндрю и Сарой брак был расторгнут. Она поведала, что должна работать, чтобы обеспечить себя...

Но чем Сара хуже Дианы, если одна обделяется средствами из королевской казны, а другая — довольно щедро ими наделяется? Такие вопросы возникали на страницах английской прессы в связи с сообщениями о намерении принца Чарлза выложить круглую сумму за согласие Дианы на расторжение брака с ним.

Развал их супружества на протяжении ряда лет был новостью "номер один" в прессе, на телевидении, и это объяснимо: речь шла о неладах в семейной жизни наследника престола. И к тому же Диана всегда занимала журналистов своей внешностью, туалетами, поведением. Имеет смысл подробнее рассказать о том, что произошло между Чарлзом и Дианой.

Глава IV

РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ И СЫНОВНЕЕ НЕПОВИНОВЕНИЕ

Начнем с конца. На пороге 1996 года Елизавета II выступила с рекомендацией Чарлзу и Диане начать бракоразводный процесс. И так поступила монархиня, в течение продолжительного времени неукоснительно следившая за тем, чтобы при ее дворе никто не дискредитировал себя разводом — пока, как мы видели, эпидемия разводов не распространилась на ее собственную семью.

Елизавета должна была отдавать отчет в отрицательном влиянии развода Чарлза и Дианы на их двух детей

— мальчиков. К тому же не Чарлз фактически выбирал себе подругу жизни, а родители. Нрав, черты характера супруги наследного принца в таких случаях тщательно изучаются, взвешиваются.

Не помешало бы "примерить" и Чарлза к его суженой, учесть, насколько он будет сочетаться с ней и не будет ли чего-либо осложняющего их совместную жизнь.

Всего предугадать, конечно, нельзя, однако в данном случае, как будет показано дальше, родители Чарлза закрывали глаза на то, что в поведении их сына неизбежно должно было отравить Диане существование.

Посмотрим, в каких условиях росли, воспитывались Диана и Чарлз до брака. Начнем с семейных корней Дианы.

В XVI столетии Джону Спенсеру, фермеру в графстве Уорикшир, было Генрихом VIII пожаловано рыцарское звание за службу на ратном поприще, что открывало дорогу к более высоким отличиям. В 1603 году Роберт, первый лорд Спенсер, стал баронетом, прирастив к тому времени существенно свое состояние, сделавшее его одним из богатейших людей в королевстве. Его внука Генриха Карл I возвел в графский титул в знак признательности за суженную ему, королю, сумму в десять тысяч фунтов стерлингов в начале вспыхнувшей в стране гражданской войны.

С тех пор две ветви этой фамилии — Мальборо и Спенсеры — не теряли тесных связей с царствовавшими правителями. У Спенсеров от Карла II даже появился незаконнорожденный ребенок.

Отец Дианы граф Спенсер занимал при Георге VI одну из влиятельнейших должностей, являясь конюшенным в его свите, и после смерти этого монарха продолжал исполнять те же функции при Елизавете II.

Мать Дианы — до замужества Франсез Рут Роше — приходилась внучкой одной из фрейлин в свите супруги Георга VI Елизаветы — нынешней королевы-матери.

Дотошный профессор Северо-западного университета в Иллинойсе, США, Левон Топозян докопался до того, что у Дианы имеется $1/64$ часть армянской крови, поскольку один из ее предков женился на дочери некой Элизы Форбезьян, армянки из Индии, чей муж являлся шотландским купцом. По мнению профессора, армяно-шотландские гены образуют "взрывчатую смесь".

У графа Спенсера имелось несколько поместий в Англии, самым престижным было арендованное им у Елизаветы II в Сэндрингеме, поскольку находилось в несколь-

ких сотнях метров от королевской резиденции. Там Елизавета с семьей обычно встречала Рождество. Спенсеры часто бывали в числе приглашенных в этот круг.

— Никогда я не чувствовала себя скованной в присутствии королевы, — говорила Диана.

К этой худощавой, голубоглазой девочке с хорошеньким личиком и светлыми волосами Елизавета и Филип присматривались. В девятилетнем возрасте Диана была отправлена в местную частную школу-пансионат. Там девочек учили и светским манерам, в том числе умению поддерживать в обществе легкую беседу о погоде, туалетах, убранстве помещения и тому подобном, что не требует напряжения ума, а главное — не касается "политики".

После двух лет учебы в школе Диана сдала экзамены для поступления в более привилегированное заведение — Вест-хит в городке Севеноукс к югу от Лондона. Вместе с ней за партами там сидели две ее сестры. В Вест-хит училась и мать девочек, а еще раньше — прабабушка Чарлза — Мэри, супруга Георга V.

Дирекция заведения стремилась привить учащимся самостоятельность мышления, волю, самодисциплину. Большое внимание уделялось спорту. Значительное влияние на Диану оказала директриса австралийка Рут Радж — сторонница развития индивидуальности характера у учениц. Она следила за тем, чтобы девочки не замыкались в себе, общались с местными жителями, помогали больным, престарелым. У Дианы была пожилая женщина в Севеноуксе, которую она навещала раз в неделю и которой помогала по дому. Благодаря мисс Радж Диана увлеклась теннисом и в дальнейшем не бросала этот вид спорта.

Ни гуманитарными, ни тем более техническими дисциплинами Диана не интересовалась, зато тянулась к музыке, танцам. По окончании заведения получила награду за старание на поприще милосердия и благотворительности.

В тех же стенах она завела подруг. Некоторые из них, образовав круг приближенных, вошли впоследствии в ее свиту.

Менее успешными были два года, проведенные ею после Вест-хит в колледже на континенте. Ей не давался французский язык.

Вернувшись в Англию, она по случаю совершеннолетия получила от отца 50 тысяч фунтов и приобрела в престижном районе Лондона — Эрлз-корт — четырех-

комнатную квартиру, сдав в аренду три комнаты подругам по 18 фунтов в неделю — деньги тогда немалые. Молодость не мешала ей быть практичной. К тому же отец дал знать, что теперь она должна сама зарабатывать на жизнь.

Она нанялась "приходящей домработницей" в несколько семей, выполняла разнообразные работы — вплоть до уборки туалетов. Естественно, это ее не очень удовлетворяло, и она с радостью согласилась на предложение сестры Джейн взяться за работу воспитательницы в детском саду. Занятия доставляли ей удовольствие — особенно с самыми маленькими детишками.

— Считаю время, проведенное в детском саду, счастливейшей порой жизни! — признавалась Диана.

Любящие не только собственных, но и вообще детей вряд ли могут быть плохими людьми.

Диана навещала отца в поместье в Сэндрингеме. Там не все шло, как ей хотелось бы. Мать покинула лорда Спенсера с другим мужчиной. Соломенный вдовец сошелся с другой женщиной, не симпатичной Диане и невзлюбившей ее. Мачеха — дочь английской писательницы Барбары Картланд, чей первый супруг уличил ее в связи со Спенсером, — третировала Диану как недалекую и ограниченную. Однажды она отозвалась о Диане так:

— Если ей упомянуть об Афганистане, она подумает, что речь идет о сорте сыра!

Спенсер развелся с первой женой в 1969 году и женился второй раз в 1976-м. Диане тогда еще не было десяти лет, и хотя родители в раннем детстве не баловали ее вниманием, переживала тяжело их развод.

Тем временем некоторые обстоятельства образа жизни Чарлза заставили королеву и Филипа обратить более пристальное, чем прежде, внимание на Диану. Подробнее об этом будет сказано дальше, а пока имеет смысл коснуться детства и юности Чарлза.

14 ноября 1948 года перед Букингемским дворцом наблюдалось стечение народа. Стало известно о вызове туда специалиста-гинеколога. Еще раньше было объявлено о беременности принцессы Елизаветы, вступившей в брак в ноябре 1947 года с Филипом Маунтбэттенским — отпрыском немецко-греческой династии.

К вечеру того дня находившиеся у дворца полицейские узнали о рождении у принцессы мальчика и поделились вестью с собравшимися людьми. В воздух взлетели фейерверки. Принцесса была популярна. Дюжину дополнительных машинисток пришлось нанять во двор-

це, чтобы справиться с наплывом поздравительных телеграмм и писем.

Младенец был крещен Чарлзом Филипом Артуром Георгом, став наследником, когда на трон взошла Елизавета. Это произошло утром 6 февраля 1952 года. Войдя в спальню покои Георга VI, дворецкий нашел короля мертвым. Точное время кончины осталось неизвестным. Спустя годы был предан огласке тот факт, что страдания монарха, больного раком легких, были облегчены препаратами, ускорившими его конец.

Елизавета и Филип немедленно вернулись в Лондон из Африки, где совершали турне. Благодаря кино и телевидению королева была первым сувереном, чье коронавание состоялось на виду миллионов ее подданных.

Это не означало открытости ее двора взорам публики. Все, что касалось членов королевского семейства, строго профильтровывалось. Это, разумеется, касалось и наследного принца. Ничто не омрачало его первые годы жизни, и тем не менее публика получала скудные крохи информации о его быте. Достоянием гласности стало то, что родители строго следили за режимом детей.

Сэндвичи им полагалось съедать до чайного печенья. Их карманные деньги не превышали двух с половиной шиллингов в неделю на ребенка. Слугам предлагалось обращаться к детям по имени, а не величать их "Королевскими Высочествами". На завтрак нельзя было опаздывать. Постель — стелить самим. Когда Чарлз потерял в парке дворца ремешок от ошейника собаки, мать послала его на следующий день отыскать пропажу.

Елизавета и Филип продолжали не очень хорошие для детей традиции предыдущих монархов, уделяя Чарлзу, Анне, Эндрю и Эдуарду, как правило, не более часа в день. Недостатком такой заботы некоторые английские психологи объясняли у Чарлза стремление иметь рядом с собой во взрослом возрасте женщину, на которую он мог бы опираться и которая его опекала бы. Пусть и в меньшей степени у него замечалась та же черта, что и у его дядюшки Эдуарда, герцога Виндзорского.

Родителям Чарлза, как видно, не приходило в голову, что, отдавая львиную долю времени королевским обязанностям, они, не желая того, способствовали развитию известной душевной черствости если не у всех четырех детей, то у Чарлза и Анны — в первую очередь. Английская пресса не раз указывала на такие черты у старшего сына и дочери Елизаветы.

На первом месте в воспитании Чарлза стояло культивирование у него характера как "высшего существа". "Чарлз, по-видимому, является наиболее подготовленным к занятию трона наследником, который когда-либо имелся в английской истории. Его готовили к такому высочайшему призванию методично и разносторонне", — писал один из его биографов, английский автор Брайан Хой. И он же отмечал, что Чарлз — "роялист до кончиков ногтей. Для него характерна глубочайшая вера в монархию, и, подобно тому как его мать принимает свое положение в качестве священной для себя обязанности, он всем сердцем верит в то, что его предназначение — царствовать в качестве ее преемника".

Филип направил сына по своим стопам в Гордонстаун — закрытую школу в Шотландии, где педагог-директор Курт Хан главным в воспитании детей сделал привитие им бойцовских качеств. Перед ними ставились задачи, заставлявшие их напрягать умственные и физические ресурсы.

Такие порядки ошеломили Чарлза. Он попал в обстановку, резко отличавшуюся от той, к которой привык. И хотя ему пришлось тянуться за большинством сверстников, нетерпимость и даже ненависть к этому заведению он не изжил в себе никогда.

Учеба в Кембридже явилась еще одним испытанием. Знаний, полученных в Гордонстауне, было недостаточно для вступительных экзаменов в университет. Провалить принца там не решились. Пошли толки о проявленном к нему "фаворитизме". Чарлзу пришлось сидеть над учебными материалами. Его интересовала история, и он закончил университет с первым у члена английской королевской семьи дипломом бакалавра по этому предмету.

После университета — служба во флоте. Менее тягостная. Он быстро дослужился до капитана минного тральщика "Бронингтон", а затем испытал силы в британских ВВС, пилотировал истребители, совершил несколько прыжков с парашютом.

В 1976 году военная карьера закончилась, и он посвятил себя функциям, связанным с его титулом принца Уэльского, для чего постарался овладеть азами валлийского языка, поскольку в Уэльсе состоялась церемония возведения его в такой титул и там ему приходится исполнять различные церемониальные обязанности.

Красавцем Чарлза назвать нельзя, но с возмужанием около него начали увиваться девицы. Некоторым везло. Одно увлечение сменялось другим, но ничего основательного с точки зрения матримониальных дел не намечалось.

Это не очень огорчало родителей, пока в начале 70-х годов им не завладела замужняя Камилла Паркер Боулз. Она почти его однолетка, но натура, судя по ее описаниям, житейски более искушенная.

Поместье Камиллы, соседствующее с загородной резиденцией Чарлза Хайгроув, было дополнительной причиной беспокойства королевы.

Увлечение оказывалось более серьезным, нежели предполагали. Возникали контуры кошмарного сценария. Десятилетней девочкой Елизавете довелось стать очевидицей переполоха в ее семействе по поводу любовной истории Эдуарда VIII и миссис Симпсон. С тех пор имя американки, посягавшей на место рядом с тронном Эдуарда, вызывало у Елизаветы дурные чувства.

Из того, о чем поведал Чарлз уже в середине 90-х годов, к неудовольствию Филипа и Елизаветы, явствовало, что отец заставил его жениться на Диане, хотя он, по собственному признанию, сильных чувств к ней не питал.

Стойкость интимной связи сына с Камиллой давала основание опасаться худшего. Для королевской четы этим худшим была бы женитьба Чарлза на Камилле. Ее брак с мужем и так висел в воздухе.

В вышедшей в 1992 году в Англии книге "Диана: ее подлинная история" автор Эндрю Мортон рисует Камиллу в красках, воскрешающих в памяти образ леди Джерси — любовницы принца-наследника Георга III. Обе женщины отличались хитростью и коварством. Зная о том, что родители Чарлза стремятся заставить его обзавестись непорочной и из родовитого семейства супругой, возлюбленная Чарлза, подобно своей далекой предшественнице, зорко следила за тем, чтобы спутница ее любовника не явилась ей, Камилле, конкуренткой.

И когда Диана, разговорившись с Камиллой еще до брака на светской вечеринке, упомянула, что питает отвращение к охоте и верховой езде, Камилла обрадовалась: такая женщина ей не будет опасна!

Камилла разделяла с Чарлзом пристрастие к охоте, верховой езде. Юность Дианы не была для любовницы принца помехой — наоборот. Неопытной с женской точки зрения супруге было трудно тягаться с Камиллой. Диана ошибалась, полагая, что, принося на алтарь брака девичество, привяжет к себе Чарлза.

Принц уже около пяти лет состоял в интимной связи с Камиллой, когда в 1977 году по настоятельному совету отца стал оказывать знаки внимания Диане во время

охоты на лосей в поместье лорда Спенсера в графстве Нортгемптоншир. Старшая сестра Дианы Сара, с которой Чарлз был хорошо знаком, представила их друг другу на взрытом копытами лошадей поле.

Спустя несколько месяцев они увиделись в Сэндрингеме. Там Диана выступила в роли наставницы принца, показав, как надо исполнять модный "теп-танец". В августе 1980 года в Балморале они условились о бракосочетании в следующем году. Тогда у них обнаружилось общее хобби — рыбалка. Единственное!

Пресса пронюхала об их романе, и за ними началась форменная охота, заставившая выбирать для встреч королевские поместья — благо их немало. Они ни разу не появлялись на публике до марта 1981 года, когда предстали перед фотокамерами в Букингемском дворце.

Репортеры набросились на парочку, как изголодавшиеся гончие. В газетах воспроизводился дар принца невесте: обручальное кольцо с крупным овальным сапфиром в обрамлении 14 бриллиантов.

— Прыжок от воспитательницы детского сада к принцессе Уэльской кружит голову, но, имея принца рядом с собой, я знаю, что все будет в порядке, — заявила Диана репортерам.

Из прессы читатели узнали, что еще школьницей Диана восхищалась братом Чарлза — Эндрю, часами обсуждала с подругами, кто предпочтительнее как супруг из молодых королевских особ. О Чарлзе девушки отзывались не очень похвально из-за его больших ушей. "Кувшинноухий", — называли они его.

Женитьба являлась для Чарлза исполнением долга перед родителями, перед нацией. Будь его воля, он с этим браком не спешил бы.

— Мне надо было, — говорил он, — принять правильное решение — найти человека, с которым мы были бы прежде всего хорошими друзьями. А уж из дружбы постепенно выросла бы и любовь...

Тут между строк можно вывести одну вещь — принц не был очарован Дианой, он надеялся на то, что время будет работать в пользу их брака.

Для советников королевы, к которым она прислушивалась, главным было убеждение в покладистости характера Дианы:

— Она принадлежит к типу женщин, уступающих своим мужьям и не склонных поднимать бунт в семье, — высказался один из членов свиты.

Газеты раскопали факты о некоторых женщинах, с которыми был близок Чарлз: о Фионе Уотсон, отвергнутой в Букингемском дворце, так как она, запечатленная на фото без одежды, появилась в журнале "Пентхауз"; о леди Джейн Уэллесли, дочери восьмого герцога Веллингтонского, у которой все было в порядке с моралью, но которую сочли "мыслящей чересчур независимо" из-за работы в Би-би-си. Упоминалось также о привлекательной Мари-Астриде, принцессе Люксембургской. Она не подошла из-за католической веры.

Диана явилась одной из немногих, сохранившихся в списке перспективных невест, и отец заявил сыну:

— Поспеши, иначе у тебя вообще никого не останется!

Камилла Паркер Боулз была той персоной, из-за которой родители торопили Чарлза с женитьбой на Диане. Они не ведали, что Камилла была прозорливее их и одобрила такой брак.

За полгода до свадебной церемонии лорд Чемберлен провозгласил:

— Королева и герцог Эдинбургский с величайшим удовлетворением объявляют об обручении их дорогого сына принца Уэльского с леди Дианой Спенсер.

На следующий день аршинный заголовок "Дейли мейл" гласил: "Они любят друг друга!" Серьезные газеты были не менее восторженными. Диана на вопрос журналиста, действительно ли она и Чарлз питают друг к другу сильные чувства, ответила:

— Разумеется!

Реакция Чарлза была скорее философской.

— Все зависит, — сказал он, — что́ понимать под любовью...

Правительство М. Тэтчер, Букингемский дворец, пресса, телевидение — весь истеблишмент объединился в стремлении придать свадебной церемонии блистательный характер во имя высших государственных интересов.

Британия считалась "больной нацией" в Западной Европе. Ее одолевали экономические и социальные беды. Безработица достигала высшего уровня со времен депрессии начала 30-х годов, равняясь 12 процентам трудоспособного населения. По Лондону и другим крупным городам прокатилась волна разрушительных беспорядков. Обездоленные слои "цветного населения" громили магазины, деловые конторы, жгли автомашины, сталкивались с полицией. В Северной Ирландии продолжалась кровавая междоусобица.

Людей надо было отвлечь от неурядиц, трудностей пышным зрелищем. Знаток таких постановок актер Ричард Бертон, понаблюдав, что происходит в Лондоне 29 июля 1981 года, заметил:

— Ничего подобного этой свадьбе Голливуду инсценировать не удавалось!

Массивные двери собора святого Павла распахнулись в тот день в девять утра перед двумя с половиной тысячами приглашенных. Среди них были короли Норвегии, Швеции, Бельгии, Тонго, королевы Дании, Нидерландов, принцесса Грейс из Монако, президенты Франции и ФРГ, премьер Австралии, супруга Рейгана — Нэнси.

Необычное заключалось не в присутствии монарших особ. В вышедшей в 1982 году книге Пенни Джунон "Принцесса Диана Уэльская" указывалось, что "еще десять лет тому назад для королевы как главы англиканской церкви было бы немыслимым пойти на то, чему явились свидетелями собравшиеся 29 июля в соборе святого Павла: разведенный мужчина и его бывшая жена — граф Спенсер и миссис Шанд Кидд — сидели рядом и затем направились за архиепископом Кентерберийским поставить подписи под брачным свидетельством. Лорд Сноудон, разведенный муж принцессы Маргарет, находился в переднем ряду со второй женой. Но когда, согласно статистике, каждый брак из трех в Англии заканчивается разводом, даже королевской семье приходится менять взгляды".

Церемония в соборе длилась 70 минут под аккомпанемент фанфар и духовных гимнов. 750 миллионов человек в 74 странах смотрели ее.

На пути из Букингемского дворца в собор и обратно около миллиона людей с флажками Британии приветствовали кортеж. Некоторые энтузиасты со спальными мешками занимали места по маршруту кортежа за трое суток.

Новобрачные появились на балконе Букингемского дворца вместе с королевой и другими членами ее семейства. Толпа начала скандировать:

— Поцелуйтесь!

Требуемое было исполнено. Во дворце был дан свадебный завтрак для 120 званных гостей: омары, мясо ягнят, рыба, цыплята по-галльски, клубника со сливками, выдержанные в шампанском фрукты, коллекционные вина.

Во второй половине дня молодожены отправились снова в открытой карете к вокзалу Ватерлоо на пути в загородную резиденцию, где провели три дня. Осталь-

ная часть "медового месяца" прошла в кризисе по Средиземному морю.

Увы! С самого начала совместной жизни у Чарльза и особенно у Дианы горечи было больше, чем меда.

Вот как они высказывались об этом периоде.

Чарльз:

— Те, кто вступают в королевскую семью, неожиданно обнаруживают неподготовленность к этой особой ситуации. Вызванные этим стрессы становятся иногда нестерпимыми...

Диана:

— Только что я была никем, просто Диана Спенсер, и вдруг стала принцессой Уэльской, матерью, игрушкой средств массовой информации, членом королевской семьи, и этого оказалось слишком много для одного человека...

В виду таких свидетельств Диана выглядела существом, нуждающимся в поддержке, ободрении. Получила ли она хотя бы некоторую необходимую опору? Разница между супругами составляла 12 лет. Уже по этой причине Чарльзу следовало протянуть жене руку. Он продемонстрировал бездушие, черствость.

Невозможно равнодушно читать свидетельства Э. Мортон в книге о Диане о том, как прошло для нее начало января 1982 года. Она находилась на третьем месяце беременности и чувствовала себя отвратительно, страдала от тошноты, заговаривала даже о самоубийстве. Принц выказывал безразличие, его больше занимали верховые прогулки на лошади.

И вот в один из таких дней Диана с верхней площадки деревянной лестницы бросилась вниз и распласталась на полу. Прибывшую первую королеву-мать затрясло от ужаса. Вызвали врачей. А Чарльз как ни в чем не бывало направился на прогулку. К счастью, плод у Дианы не пострадал.

В эти первые годы замужества Диана несколько раз пыталась причинить себе ранения. Однажды бросилась на стеклянную горку в Кенсингтонском дворце. В другой раз перерезала себе запястье бритвой. В разгар ссоры с мужем схватила перочинный ножик и изрезала себе грудь и бедра.

Иногда Чарльз демонстрировал заботливость, внушал жене, что значит быть членом королевской семьи, но настоящей теплоты у него не ощущалось. Диана плакала, говорила, что не терпит толпы, что ей тяжело переносить правила протокола. Она сильно похудела.

— Ты должна, чего бы это ни стоило, выносить королевские шоу! — настаивал супруг.

Врачи установили у нее состояние хронической депрессии, но она отказывалась от препаратов, ссылаясь на то, что они могут повредить ребенку, которого носила.

Роды были трудными. Врачи подумывали о кесаревом сечении. Все обошлось. 21 июня 1982 года на свет появился сын Уильям.

Долгожданное событие! Особенно в свете того, что не давало покоя и Диане, и королевской чете. Камилла не исчезла с горизонта принца после 29 июля 1981 года. Она лишь отдалилась, выжидая, когда пробьет снова ее час. А что это произойдет — сомнений у нее не было.

— Я всегда знала о том, что у Чарлза до брака была другая женщина, — заявила Диана в телеинтервью 20 ноября 1995 года.

Возможно, в таком утверждении есть преувеличение. О Камилле Диана могла слышать в ряду других увлечений принца, имевших преходящий характер, и это позволяло рассчитывать на верность супруга. Иначе зачем было связывать судьбу с вероломным человеком?

Факт, что в течение первых четырех-пяти лет совместной жизни Чарлз не возобновлял регулярных отношений с Камиллой. Появление Уильяма должно было сцементировать брачные узы. На это надеялась Диана, надеялась королевская чета. И поначалу как будто надежды оправдывались.

15 сентября 1984 года родился второй мальчик — Гарри. Реакция отца было необъяснимой:

— Значит, еще один бой, да еще рыжий! (Фамильная черта Спенсеров.)

С этими словами отец удалился играть в поло, а у Дианы, как она признавалась, что-то внутри оборвалось.

Сколько британских монархов готово было отдать полцарства за продолжение рода по мужской линии! Но как мог просвещенный принц Чарлз обвинять жену в том, что она разрешилась снова мальчиком, а не девочкой?

Пытаясь объяснить отчуждение от Дианы, Чарлз указывал на ее психическую неуравновешенность, выражавшуюся и в приступах булемии — постоянного острейшего голода, сопровождавшегося сильной раздражительностью.

Стечение беспокоящих факторов способно поколебать и здоровую психику. До брака у Дианы ничего подобного не наблюдалось. "Булемия плюс утренняя тошнота, разруша-

ющийся брак, ревность по отношению к Камилле — все это вместе делало ее жизнь невыносимой”, — писал Э. Мортон.

К этому свидетельству следует добавить откровения прослужившего у Чарлза в течение 15 лет дворецкого Кена Стронака в интервью газетам после ухода со своей службы. Они рисуют нелестный портрет. Принц предстает человеком, способным запустить сапогом в жену со словами:

— Как смеешь так говорить со мной! Или не знаешь, кто я такой!

Находясь в США на борту президентского вертолета, Чарлза как-то пришлось силой удерживать от пощечины своему секретарю, чем-то его разозлившего.

В лице Чарлза психолог сталкивается со сложной натурой. Он — один из богатейших людей в Англии, и любое благо мира в его распоряжении. По характеру это — “перфекционист”, как называют англичане человека, стремящегося во всем видеть самое совершенное, безукоризненное. Находя на письменном столе малейший беспорядок, он способен взорваться. В его правилах — пунктуальность чуть ли не до секунд, когда речь идет о публичных мероприятиях.

Вместе с тем его волнуют социальные проблемы, в том числе — нищета “низов” населения, массовая безработица. Он шокировал истеблишмент критикой господствующей в Англии архитектуры, осуждал сооружение в Лондоне высотных коробок. Резко отзывался об ущербе для природы промышленного строительства, утверждал, что с растениями можно налаживать “безмолвный диалог”. Он поклонник всего, связанного с сельской местностью, садоводством.

Его ближайшим “гуру” — наставником является престарелый сэръ Лоренс ван дер Пост — философ, чья эрудиция позволяет вести с принцем содержательные беседы на любую тему. Некоторые ортодоксы в Англии обвиняли принца в “слабости к коммунизму”. В интервью журналистам в конце 1990 года он заявил, что не думает, будто упадок коммунистической идеологии означает трюмф капитализма:

— Сегодня, — по словам Чарлза, — мы должны подумать о том, чтобы культивировать взгляд на жизнь как на баланс между двумя идеологиями. Нам следует стремиться к тому, чтобы у капитализма был более чело- вечный лик...

Сказанное свидетельствует о более сложном облике Чарлза, нежели это рисовал его дворецкий, ушедший от своего хозяина из-за недостаточного жалованья. То, что

в высказываниях дворецкого указывало на импульсивность принца, можно сопоставить с пылким норовом Дианы. Размолвки в любых семьях — не редкость, и не это объясняет распад данного брака.

Обстановка в этой семье обострилась, когда Диана убедилась, что супруг стал встречаться с Камиллой. Ее потрясло, когда однажды она подслушала радиотелефонный разговор мужа с этой женщиной:

— Что бы ни случилось, — сказал Чарлз, — я всегда буду тебя любить!

Чарлз все чаще приходил домой позднее обычного, иногда вообще не являлся. Жену мучила бессонница.

В интервью, данном летом 1994 года, он так объяснял свое отчуждение:

— Когда браки распадаются, именно друзья становятся для вас самыми важными, помогающими, понимающими, ободряющими. Иначе сойдешь с ума. Камилла была моим другом и надолго им останется...

Чарлз выдавал причину за следствие. Не из-за распада брака с Дианой он вернулся к Камилле, а его адюльтер привел к разрыву супружеских уз.

Несмотря на стресс, вызванный неверностью супруга, Диана нашла в себе силы, позволившие оправиться от депрессии, от булемии и успешно выступать на арене паблик-рилейшнз, то есть выполнения функций, связанных с титулом принцессы Уэльской. Переломным было первое заморское турне с Чарлзом по Австралии и Новой Зеландии вскоре после рождения второго сына. Внимание публики сосредоточивалось на ней, мужу оставалась роль статиста, и это ранило его самолюбие.

А Диана привыкала к восторженным толпам, они встряхивали ее, внушали уверенность в себе. Публика увидела новую женщину. "Она отправилась в турне девочкой, а возвратилась зрелой женщиной", — писал Э. Мортон.

Прошло немного времени, и она стала самой популярной представительницей королевского семейства не только благодаря своему умению одеваться, внешности, но и вследствие добросовестнейшего выполнения функций общения с публикой.

Английская пресса указывала на бросающуюся в глаза сухость дочери Елизаветы Анны во время посещения больниц, детских учреждений, домов престарелых — и живейшее участие в аналогичных случаях Дианы.

В таком общении с публикой Диана находила компенсацию за многое, что мучило ее в отношениях с Чарлзом.

Но она оставалась женщиной — и типичной для своего поколения, свободного от "предрассудков старших". В 1987 году она познакомилась с майором Джеймсом Хьюиттом, он стал давать ей уроки верховой езды, чего не делал Чарлз. Они увлеклись друг другом. Дата такой связи показательна: 1987 год. Тогда Чарлз очутился снова в пленительных объятиях Камиллы! Насколько известно, родители не пытались воздействовать на сына, заставив его прекратить эту связь. В этом также сказалась сила традиций. Если бы Чарлз и Диана поддерживали фасад нормального брака, все было бы в порядке...

Так, например, обстояло дело со старшим сыном королевы Виктории — принцем Уэльским Эдуардом. У него имелось немало любовниц, в том числе замужняя Алиса Кеппель. С ней он сблизился в 1898 году и поддерживал отношения до своей смерти в 1910 году, когда в течение 9 лет занимал трон в качестве Эдуарда VII.

Это никак не отразилось на брачных узах Эдуарда с принцессой Александрой Датской, с которой он обвенчался в 1863 году. Супруг Алисы тоже был человеком покладистым.

Самое пикантное в адультере Чарлза с Камиллой состоит в том, что она является праправнучкой Алисы Кеппель!

Вероятно, Елизавета и Филип не возражали бы, если Диана вела себя наподобие Александры Датской. Но Диана и живет в иное время, и является натурой, не похожей на Александру. Ответом на Камиллу стал для Дианы Джеймс Хьюитт!

Близость длилась три года. После того как они разошлись, Хьюитт продал за солидную сумму записи об отношениях с Дианой английскому издателю, выпустившему в свет подобные откровения в 1994 году.

Диана была потрясена, но не настолько, чтобы замкнуться в своей скорлупе. В прессе появились сообщения о ее новых увлечениях.

Во второй половине 1992 года в ходе встреч в замке Балморал Чарлз и Диана договорились о жизни порознь без формального развода: он поселяется в поместье Хайгроув в 160 километрах от Лондона, она с детьми — в апартаментах Кенсингтонского дворца в центре Лондона. За воспитанием Уильяма и Гарри они обязались следить совместно.

Такой порядок удовлетворил Диану. Она относится к детям заботливее отца, уделяет им больше времени.

В конце декабря 1992 года Букингемский дворец объявил о том, что впредь Чарлз и Диана будут жить отдельно.

Реакция публики была противоречивой. Вот два показательных высказывания рядовых людей. Джон Мастерс из Литтлхэмптона: "Наша любимая монархия пережила в прошлом немало проблем, и ей удастся решить их и в будущем. Без монархии мы не будем Британией". Кен Макларен из Бата: "В монархии не только нет нужды, она аморальна. В то время как весь мир делает неуверенные шаги к демократии, что может быть более недемократичного, нежели наша королевская фамилия? Ей пора удалиться со сцены".

Среди элиты общества тоже слышались критические голоса по поводу скандала в королевском семействе. Гарольд Брукс-Бейкер, издатель ежегодника об английских аристократических семьях, мрачно констатировал: "Это — начало конца британской монархии". Депутат парламента тори Джон Боуис по тому же поводу заметил: "Наследником трона теперь должен быть Уильям — сын Чарлза и Дианы".

Бульварная пресса перемывала косточки разошедшейся чете. Газета "Сан" отвела 26 полос таким материалам.

Выступая в конце 1992 года, Елизавета II отозвалась по-латыни о минувших 12 месяцах как об "аннус хоррибилис" — "ужасающем годе".

Худшее лежало впереди. Газетный и книжный рынки в Англии наводнялись публикациями с разоблачениями, бросавшими тень не только на частную жизнь Чарлза и Дианы, но и на кулисы двора королевы.

В 1936 году нарыв, образованный любовной историей Эдуарда VIII и миссис Симпсон, был удален "хирургической операцией". К 1996 году скандал вокруг Чарлза и Дианы тянулся пять лет.

С тяжелым сердцем Елизавета II приняла решение рекомендовать Чарлзу и Диане развод. Иного выхода после их публичных признаний о супружеской неверности не было. Последней каплей, переполнившей горькую чашу, которую предстояло испить королеве, явилось телевизионное интервью Дианы 20 ноября 1995 года. Принцесса отозвалась отрицательно о качествах характера Чарлза и сделала прозвучавший сенсационным вывод о его непригодности к занятию престола. Она упомянула о своем старшем сыне Уильяме как достойном наследнике.

В том же интервью были высказаны критические оценки отношения к ней придворного круга Елизаветы II.

По меркам Букингемского дворца был совершен недопустимый поступок. Все относящееся к престолонаследованию является исключительной прерогативой главы монархии.

Диана была сразу вычеркнута из состава королевского семейства. В показанной британским телевидением предрождественской программе об этом семействе она не присутствовала, как было раньше.

Диана знала, на что идет. В последние годы она показала себя натурой волевой, не пасующей перед трудностями, не раз заявляла о решимости продолжать играть "общественную роль". И она, несомненно, знакома с многолетней эпопеей принцессы-немки Каролины.

Правда, в данном случае наследному принцу Чарлзу не пришлось вести ожесточенной борьбы за расторжение связывающих его брачных уз. Диана удовлетворилась предложенными условиями развода: выплатой ей 17 миллионов фунтов стерлингов с оставлением за ней и детьми апартаментов в Кенсингтонском дворце одновременно с лишением ее титула "Ваше королевское Высочество" и взаимного обязательства разведенной пары воздерживаться от оглашения фактов, относящихся к периоду их совместной жизни.

Последнее вряд ли имеет большое значение. Все, что каждый из супругов пожелал выплеснуть на публику в стремлении компрометации другой стороны, — было уже предпринято.

Церемония вынесения решения Верховным судом Англии о разводе Дианы и Чарлза заняла 28 августа 1996 года несколько минут. Диана появилась перед судьями в бриллиантах, преподнесенных Чарлзом как ее "страстным обожателем" — так, по крайней мере, утверждали журналисты в "медовую пору" брака.

Чарлз — в отличие от Дианы — намерен устранить все вещественное, напоминающее об этом браке. Хозяйкой дома принца стала Камилла Паркер Боулз, и ничто там не должно напоминать о Диане.

Сувениры, конечно, можно запрятать подальше, но растут, взрослеют двое сыновей Дианы и Чарлза. Они — живой укор разошедшимся родителям, отдавшим предпочтение зову страсти, нежели материнскому и отцовскому долгу.

Именно поэтому подавляющее большинство подданных Елизаветы II относится крайне отрицательно к связи Чарлза с Камиллой. А иерархи англиканской церкви

единодушно вынесли такое суждение: или Камилла или корона!

На что Чарлз заявил столь же непреклонно: и Камилла и корона!

Пока на троне находится Елизавета II, такая разногласица практического значения не имеет. Но кто знает, что будет в дальнейшем?

Принц Георг в свое время довел свое королевство противоборством с Каролиной до черты, за которой маячила перспектива дискредитации, если не краха, самого института монархии в Англии. В случае брака Чарлза с Камиллой последствия могут быть не менее серьезными.

В лейбористской партии раздаются голоса о лишении Чарлза прав престолонаследования. В Англии продолжает действовать "Общество сторонников Республики", выступающее за то, чтобы главой государства был спикер палаты общин. Влиятельный еженедельник "Экономист", откликаясь в конце 1995 года на рекомендацию Елизаветы II Чарлзу и Диане приступить к бракоразводному процессу, писал, что "институт монархии важнее персоналий" и это следует иметь в виду Чарлзу, поскольку его вступление на трон отнюдь не гарантировано, если он не внесет ясности в свои намерения в отношении Камиллы. По мнению "Экономиста", имеет смысл провести национальный референдум, следует или нет Чарлзу вообще претендовать на занятие трона.

В конце лета 1996 года Елизавета II созвала в замке Балморал совет для обсуждения "плана спасения монархии". В нем пять пунктов. Королева предлагает отказаться от 8 миллионов фунтов стерлингов, предоставляемых из общественных фондов на содержание двора, в обмен на восстановление права членов королевской семьи на собственность короны, доход от которой составляет 94 миллиона. Женщины должны иметь равные права занятия престола с мужчинами. Рамки королевского семейства должны ограничиваться монархом, консортом — мужем царствующей особы, их детьми и теми внуками, которые являются претендентами на трон. Королева готова отменить закон, запрещающий престолонаследникам заключать браки с католиками. И, наконец, предусматривается, что монарх в будущем сложит с себя обязанности главы Англиканской церкви.

Словом, уступать место республиканской форме правления британская монархия не собирается.

ЭПИЛОГ

Перед читателем прошла пестрая галерея монаршских типов, характеров, действовавших в разных, в том числе критических, ситуациях. В отличие от ряда других европейских стран, где столетиями господствовала монархическая форма правления, не выдержавшая в конце концов испытания на прочность, в Великобритании монархия показала искусство выживания.

Таково на первый взгляд парадоксальное явление. Страна, занявшая лидирующее положение в мире еще к концу XVII столетия в выработке норм правопорядка, а затем и свобод буржуазного общества, ужилась с существованием института, относящегося к заре человечества, — монархии.

Бурбоны, Габсбурги, Гогенцоллерны и другие династии оказались не столь "везучими", сошли с арены.

Между тем английские венценосцы, как это видно на большом историческом материале, были не менее, а то и более непредсказуемыми в своих характерах, нежели монаршьи особы других стран.

И все же по большому историческому счету именно английские самодержцы избежали политического банкротства. Британская монархия, очевидно, вступит в XXI столетие в целости.

В чем секрет подобной выживаемости? Прежде всего в том, что, несмотря на те или иные пристрастия, преду-

беждения королевских персоналий, они вовремя останавливались у критической грани, за которой институту монархии грозили катастрофические последствия.

Урок Карла I, осмелившегося в 1642 году нарушить конституционную неприкосновенность парламента и попытавшегося арестовать нескольких депутатов в его стенах с роковыми для себя последствиями, был усвоен монаршей властью в Англии на столетия вперед.

Институт монархии, иначе говоря, крепко осознал, что с институтом парламентаризма следует считаться, а не рушить эту опору правопорядка.

В 30-х годах XIX столетия, как показано в книге, Вильгельм IV, несмотря на антипатии к реформам, проглотил собственное "я" и не встал поперек назревших преобразований в обществе.

Аналогичных коллизий в летописи английской монархии хватает. Об этом говорит обширный исторический материал.

В каждом таком случае над личными страстями, предпочтениями, антипатиями в натурах венценосцев брали верх веления реальной обстановки, и это обеспечивало институту монархии, носителям верховной власти, сохранность.

Думается, что в данном случае можно вполне говорить об универсальности такого подхода с точки зрения предотвращения опустошительных потрясений любой нации, любой страны, независимо от ее формы правления, так как любому правителю, любой правительственной администрации приходится неизбежно сталкиваться с выбором между тем, что является привлекательным и что диктуется насущными государственными нуждами, интересами.

Вот почему немалая мудрость заключена в словах Джеймса Расселла Лоуэлла: "Удовлетворение наших желаний — одна из печальнейших шуток, разыгрываемых с нами провидением".

Содержание

Часть первая

ТЮДОРЫ: ГРЕХОВНОСТЬ ПЛОТИ, БЕССИЛИЕ ВЕРЫ

Глава I. Заложница Его Величества	4
Глава II. Желанный брак и Господнее проклятие	13
Глава III. Соперница-разлучница	20
Глава IV. Разрыв двойных уз	28
Глава V. Корона с секирой	36
Глава VI. Четвертая и пятая жены Генриха VIII	41
Глава VII. Новая вера Екатерины Парр	46
Глава VIII. Достойно умереть...	55
Глава IX. Мария Кровавая	68
Глава X. Уроки выживания	77
Глава XI. "Творение Господа"	90
Глава XII. Девичество Елизаветы I — государственная про- блема	98
Глава XIII. Не на жизнь, а на смерть...	111
Глава XIV. Последнее сватовство	118
Глава XV. Конец Марии Стюарт	122
Глава XVI. Звездный час	135
Глава XVII. Трагедия Эссекса	140
Глава XVIII. Финал великого безбрачия	156
Глава XIX. Абсолютизм отступает, наступает и снова отступает	160

Часть вторая

ГАННОВЕРЦЫ: СТРАСТЬ ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ СТРАСТИ

Глава I. Драматичные роды	166
Глава II. Волнения детства и отрочества	177
Глава III. Вступление в державные права	185
Глава IV. Политическое крещение	190
Глава V. Дела домашние	197
Глава VI. Распутник, бунтарь, лорд-мэр Сити	201
Глава VII. Унижение и реванш	207
Глава VIII. Мятежные колонии	213
Глава IX. Домашняя клетка и женские чары	228
Глава X. Тайное супружество	238

Глава XI. Монаршьё помещательство	245
Глава XII. Брак вслепую	251
Глава XIII. Вихрь революции	257
Глава XIV. Сыновья	263
Глава XV.хлопоты семейно-государственные	270
Глава XVI. Каролина и Мария	277
Глава XVII. Большие перемены	283
Глава XVIII. Жалкий, презренный	293
Глава XIX. Последний ганноверец	305
Глава XX. Победа над самим собой	308
Глава XXI. Подобно льву...	316

Часть третья

ВИНДЗОРЫ: НРАВЫ И РЕПУТАЦИЯ

Глава I. Царство — за любимую	324
Глава II. Маргарет и Питер Таунсенд	341
Глава III. Трудное семейство	344
Глава IV. Родительское благословение и сыновнее неповиновение	347
Эпилог	365

Викентий Александрович Матвеев

СТРАСТЬ ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ СТРАСТИ

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
 Редакторы *Г. И. Жарикова, М. А. Кичатова*
 Оформление художника *Б. П. Судьенкова*
 Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
 Технический редактор *Е. Ю. Куликова*
 OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

ЛР № 010273 от 10.12.92.

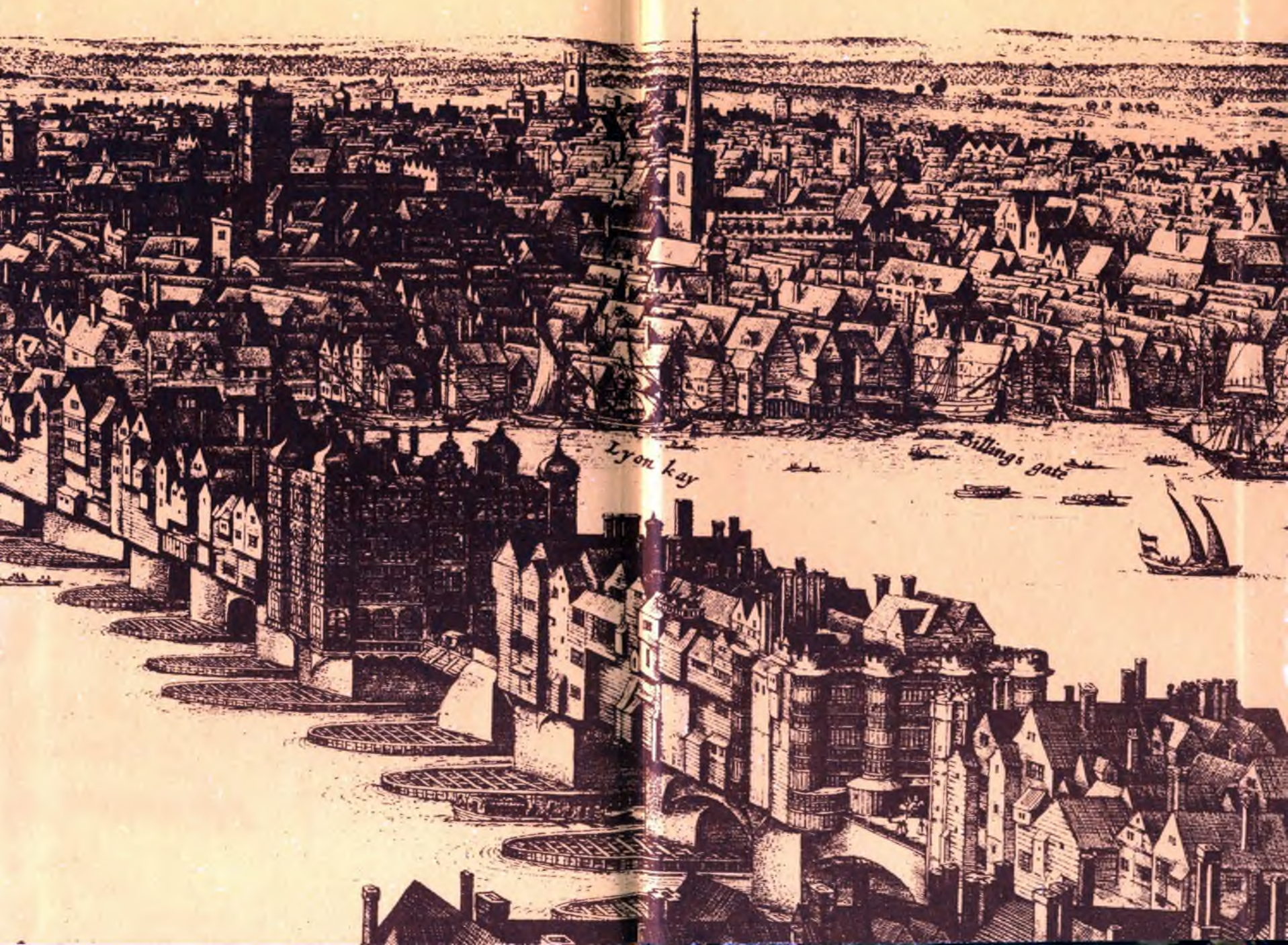
Сдано в набор 14.03.97. Подписано в печать 23.06.97. Формат 84x108¹/₃₂.
 Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 21,88. Тираж 5000 экз. Заказ № 2708.

Российский государственный информационно-издательский Центр "Республика"
 Государственного комитета Российской Федерации по печати.

Издательство "Республика". 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма "Красный пролетарий".
 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

3150

65